

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

RUSSIAN JEWS IN AMERICA

Book 9

Compiled and edited by
Ernst Zaltsberg

**Toronto – Saint-Petersburg
2014**

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ

Книга 9

Редактор-составитель:
Эрнст Зальцберг

**Торонто – Санкт-Петербург
2014**

Научно-исследовательский центр
РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ
Науч. руководители *Эрнст Зальцберг*
и *Ирина Обухова-Зелиньска*

РУССКИЕ ЕВРЕИ В АМЕРИКЕ. Кн. 9

Редактор-составитель:

Эрнст Зальцберг

Редакционный совет:

Готтфрид Кратц (Германия), Анатолий Либерман (США)

Торонто—Санкт-Петербург, 2014

Research Center for RUSSIAN JEWRY IN AMERICA
Directors for Scholarly Works *Ernst Zaltsberg*
and *Irina Obuchova-Zelin'ska*

RUSSIAN JEWS IN AMERICA. Book 9

Compiled and edited by *Ernst Zaltsberg*

Editorial Board:

Gottfrid Kratz (Germany), Anatoly Liberman (USA)

Toronto—Saint-Petersburg, 2014

© Э. А. Зальцберг, редактор-составитель тома, 2014

© Авторы статей, 2014

ISBN 978-5-89332-234-7 © Оформление. Издательский Дом «Гиперион», 2014

Предисловие

Первая книга серии «Русские евреи в Америке» вышла в свет в 2005 г., затем с интервалом в один-два года появились книги со второй по восьмую*.

По установившейся традиции, в 9 книгу включены статьи, эссе и документы об отдельных персоналиях, событиях, организациях и движениях.

Публикации сгруппированы по тому же принципу, что и в предыдущих книгах, и попадают в одну из следующих рубрик: «История», «Литература», «Искусство» и «Наука».

Наиболее полно представлен раздел «История». Читатель найдет здесь обобщающую статью Э. Путятевой о русских евреях в Бразилии, публикацию А. Серкова о деятельности русских евреев-масонов в США. В этом же разделе несколько интересных персоналий, включая журналиста и общественного деятеля И. М. Троцкого, связанного дружескими узами с И. Буниным, М. Алдановым, Дон Аминадо и другими яркими представителями российской эмиграции. Публикация обширного блока материалов о И. М. Троцком (автор М. Уральский) возвращает это имя из небытия и вводит его в научный оборот.

Хотя имя Г. Розенталя часто появлялось на страницах наших сборников, его подробная биография на русском языке публикуется впервые (автор Б. Горовиц). Большой интерес представляет статья В. Журавлевой о Г. Прайсе и А. Рубинове, многочисленные ссылки на их работы о ранней эмиграции евреев из России в США встречаются во всех предыдущих выпусках РЕВА.

---

* Русские евреи в Америке. Кн. 1 / Ред.-сост. Э. Зальцберг, М. Пархомовский. Иерусалим; Торонто; М., 2005.

РЕВА. Кн. 2 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007.

РЕВА. Кн. 3 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009.

РЕВА. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010.

РЕВА. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011.

РЕВА. Кн. 6 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2012.

РЕВА. Кн. 7 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013.

РЕВА. Кн. 8 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013.

В разделе «Литература» публикуется неизвестный рассказ С. Прегель (публикатор Х. Кунелт), письма И. Ефимова писателю, философу и культурологу Н. Джинджихашвили, биография Ф. Слонимской (автор К. Триббл) и очерк Е. Цейтлина о публицисте С. Ицковиче.

Разнообразный материал представлен в разделе «Искусство». Читатель найдет здесь интересное исследование Е. Котляра о влиянии архитектуры и внутреннего убранства синагог Восточной Европы на архитектурный и живописный стиль синагог в нью-йоркском районе Нижний Ист-Сайд, где селились еврей-эмигранты из России и других восточно-европейских стран. В этом же разделе помещена заметка Э. Зальцберга о недавно скончавшемся в Канаде виолончелисте и дирижере Ю. Туровском, оказавшем заметное влияние на музыкальную жизнь этой страны, и публикация В. Хазана и М. Лемстера об И. Гордоне, проливающая свет на историю идишистского театра в США.

В разделе «Наука» представлена статья доктора Л. Хейфеца о проблемах борьбы с туберкулезом и биографический очерк В. Телицына о статистике Н. Ясном.

В 9 томе приняли участие специалисты из США, России, Израиля, Германии и Австрии, всем им приношу глубокую признательность за их самоотверженный и бескорыстный труд. Считаю также приятной обязанностью выразить благодарность профессорам Г. Кратцу и А. Либерману за помощь и поддержку в работе над этой книгой.

Э. Зальцберг, Торонто

РУССКИЕ ЕВРЕИ
В АМЕРИКЕ

ИСТОРИЯ

Русские евреи в Бразилии¹

Э. Пулятова (Санкт-Петербург)

На рубеже XIX–XX веков немаловажным явлением внутренней жизни России стала трудовая эмиграция. Миграции населения выполняют функции формирования состава населения в районах интенсивного экономического освоения, стимулирования более активной миграционной подвижности населения в одних регионах и его стабилизации в других. Трудовая эмиграция приводит к массовым перемещениям трудовых ресурсов с целью заработка из менее развитых в промышленном отношении регионов в развитые или развивающиеся индустриальные страны. Она играет заметную роль в решении задач, обусловленных экономической необходимостью: снижение уровня трудоизбыточности в одних регионах и компенсация его недостатка в других.

В Бразилии вопрос о европейской иммиграции встал остро после упразднения работорговли (около 1840 г.). Сторонники колонизации ставили задачу активного заселения страны. Создание переселенческих колоний могло решить проблему рабочих рук, увеличить приток иммигрантов в Бразилию, дать им возможность сразу же стать собственниками, создать слой колонистов, закрепленных на земле². Привлекать иммигрантов предпочитали землевладельцы, нуждавшиеся в рабочей силе. Условия для въезда в страну иммигрантов вырабатывались каждым штатом отдельно, а федеральное правительство следило за недопущением злоупотреблений и за тем, чтобы льготами могли воспользоваться в первую очередь земледельцы, главным образом, семейные³.

В Бразилию беспрепятственно допускались иммигранты моложе 60 лет, а также лица старше этого возраста, если они приезжали с семьями. Въезд в страну запрещался уголовным преступникам, бродягам, нищим, душевнобольным, калекам, людям, страдающим заразными болезнями и занимающимся запрещенными профессиями.

В «Сборнике консульских донесений» за 1905 г. был опубликован отчет российского посланника в Южной Америке М. Э. Прозора

«Русские эмигранты в Бразилии»⁴. Прозор подробно охарактеризовал национальный и численный состав иммигрантов из России, их занятия, районы расселения. Общая численность выходцев из России составляла 60 тыс. человек, среди которых преобладали поляки и украинцы; русские евреи составляли около десяти тысяч человек (часть из них перебравшись сюда из колоний в Аргентине).

По социальному составу иммигранты были сельскохозяйственными рабочими, малоземельными крестьянами, ремесленниками и неквалифицированными рабочими, выехавшими из западных губерний России. Отдельную группу составляли лица «из образованного класса»: учителя, врачи, священнослужители⁵.

Группа русских евреев обосновалась в Рио-де-Жанейро, иммигранты занимались мебельной торговлей. Часть рассеялась по разным городам и провинциям Бразилии. Так, в г. Сан-Паулу община русских евреев насчитывала 1 тыс. человек.

В 1910 г. в городе Порту-Алегри, столице штата Риу-Гранди-ду-Сул, была открыта еврейская школа, а с 1915 г. стала выходить газета на идиш *Di Menshhayt* (Гуманность). К 1912 г. здесь насчитывалось более 20 предприятий, принадлежавших еврейским иммигрантам из России. Город испытывал потребность в ремесленниках — портных, сапожниках, белошвейках, каменщиках, печниках и столярах, и русские евреи заполняли эти вакансии.

Отправляя эмигрантов в Бразилию, Еврейское колонизационное общество (ЕКО) издало ряд брошюр, информирующих будущих колонистов о стране пребывания⁶.

В 1904 г. ЕКО основало колонию «Филиппсон» на северо-западе штата Риу-Гранди-ду-Сул, в округе Санта-Мария; к 1912 г. в колонии насчитывалось 56 семей. Основные продукты, производимые колонистами, были кукуруза, фасоль, черные бобы, картофель и другие овощи, развивалось табаководство. В колонии были три синагоги и школа, в которой училось 50 детей. В 1909 г. ЕКО приобрело в этом же штате еще один земельный участок в 60 километрах от города Пассо-Фундо, на котором была создана колония «Катро-Ирманьос». По соседству с ней находились немецкая и итальянская земледельческие колонии. Первые годы положение колонистов было очень тяжелым, но уже через 4–5 лет они начали выплачивать ЕКО свой долг за землю и инвентарь⁷.

Недалеко от Рио-де-Жанейро, на острове, называемом «Остров цветов», площадь которого была не более двух квадратных километров, находился центр для приема иммигрантов. Начиная с 1889 г., сюда направлялись все иммигранты, прибывавшие из Европы; каждый из них обязательно проходил здесь медицинский осмотр. Поскольку их наплыв

увеличивался, не попавших в дом для иммигрантов селили прямо под открытым небом.

В 1909 г. бразильское правительство построило дополнительные бараки еще для 2 тыс. человек. «В настоящее время, — докладывал в 1912 г. в „Доброфлот“ В. Н. Китаев, — иммигрантские помещения представляют картину невообразимой, изумительной роскоши, на которую затрачены миллионы»⁸. После завершения всех формальностей и медицинского осмотра иммигрантов направляли в один из двухэтажных барачков, посредине которого располагалась столовая. Полы во всех помещениях были отделаны кафелем, в них была завезена новая мебель, в столовых — хорошая посуда. Таких барачков на острове было три, каждый был рассчитан на 660 человек. В центре острова находились две больницы: одна для мужчин, другая для женщин и детей. Для стирки была построена прачечная, предусматривалось четырехразовое питание.

Иммигранты могли жить на острове шесть дней бесплатно, а затем их распределяли в колонии, на плантации, на строительство железных дорог.

В городе Сан-Паулу существовал эмигрантский дом «Гостиница для иммигрантов». Иммигрант мог жить в гостинице восемь дней, бесплатно питаясь. Гостиница стала центром, в котором происходил наем рабочих на кофейные плантации, здесь же располагались представители Агентства колонизации и труда, в функции которого входил контроль за переговорами между владельцами плантаций и нанимаемыми рабочими. Договор заключался только на один год, визировался официальными агентами и хранился в Агентстве. Агентство выполняло также функции арбитра между «фазендейро» (землевладельцем) и рабочими. В случае нарушения договора со стороны землевладельца Агентство было вправе запретить ему доступ в переселенческую гостиницу, что крайне затрудняло поиск и наем рабочих на плантацию. Оплата труда была сдельной, расчет с рабочими производился каждые два месяца. Семья из пяти человек могла заработать в хороший урожайный год до 600–700 руб. за сезон.

Иммигрант практически не имел возможности стать самостоятельным хозяином из-за чрезвычайной дороговизны земли. Многие специально приезжали летом в Бразилию на уборку кофе, а ранней осенью уезжали в Аргентину на уборку пшеницы.

Нуждаясь в рабочей силе, правительство штата Сан-Паулу рассылало по всей Европе своих агентов, часто они были из среды сельскохозяйственных рабочих. Агенты рисовали жизнь в Бразилии в ярких красках, обещая различные льготы. Но на деле участки, которые правительство

предлагало иммигрантам, выделялись в районах с тяжелым для европейцев климатом, плохой почвой и были расположены далеко от железных дорог и портов.

Из-за незнания законов и языка страны иммигранты зачастую оказывались жертвами ловких дельцов. Посетившие в 1912 г. Сан-Паулу В. Н. Китаев и Дж. Д. Росс встретили группу крестьян из Сибири, которые попали в Бразилию, воспользовавшись услугами агентства И. Гутмана. Весь путь занял у них два месяца. Из Томска в Бразилию они ехали через Лондон, где, пробыв 15 дней, попали в руки другого посредника, представителя «Маклер Банка», который взял с них 150 руб. с тем, чтобы «охранить от надувательства» при обмене денег в Бразилии. *«Расписка не имела и намека на законность. Деньги эти должны были быть возвращены конторой Гутмана, но когда они представили ему расписку, последний сказал, что никакого уведомления не получал»*⁹. По бразильским законам все договоры, заключенные вне страны, в самой Бразилии силы не имели, за исключением случаев, когда они были удостоверены бразильским консулом. Все эти злключения, случившиеся с сибирскими крестьянами, вполне могли произойти и, скорее всего, происходили и с русскими евреями, которые направлялись в Бразилию на свой страх и риск, минуя каналы ЕКО.

Первой из созданных в штате Сан-Паулу колоний была «Новая Одесса», основанная в 1904 г. в имении «Помбаль» прибывшими из Лондона иммигрантами-евреями (около 100 семей). Колонисты поселились на земле, купленной бароном де Гиршем. В колонии культивировались кофе, хлебные злаки, овощи, выращивались фрукты. В ней было несколько школ, расположенных на расстоянии не более 4 км друг от друга, чтобы детям не приходилось далеко ходить.

При основании колонии «Новая Одесса» правительство Сан-Паулу издало закон № 1286 от 24 мая 1905 г., регулировавший права и обязанности колонистов. Земля продавалась в рассрочку, и после уплаты последнего взноса становилась собственностью земледельцев. При уплате первых трех взносов колонист мог продать свой участок другому лицу или заложить в ипотеку, но только с согласия правительства. До постройки жилого дома (но на срок не больше одного года) колонист получал право пользоваться бесплатной квартирой в специально построенных для этого зданиях. Особое внимание обращалось на то, что семья, которая «своим непристойным поведением будет нарушать порядок или нравственность колонии»¹⁰, будет лишена права бесплатного проживания в ней. Закон от 24 мая 1905 г. разрешал семье, состоящей из пяти и более трудоспособных человек, взять дополнительный надел земли¹¹.

В законе содержались следующие основные положения:

«Каждому колонисту, заявившему о том заранее, правительство не только выстроит жилой дом на земельном участке, но и даст также рабочий скот и нужные земледельческие орудия труда;

Колонист может выбрать себе вид и стоимость постройки, которая будет возведена на его участке и за его счет, если только она будет соответствовать крестьянским потребностям;

В колонии будут организованы и оплачены правительством пока-зательные поля, на которых будут высеваться культурные растения, разводимые в штате;

До полной оплаты земельного участка колонист не имеет права продавать со своего участка дрова или строительный лес. В противном случае он будет лишен своих прав на участок и всех уплаченных до того времени взносов;

За счет правительства в колониях содержится породистый скот, наиболее соответствующий той или иной местности, для того, чтобы облегчить колонистам улучшение своего поголовья и обеспечить его содержание в наилучших условиях;

Правительство построит в центре колонии небольшой завод для обработки сельскохозяйственной продукции по невысокой стоимости, достаточной лишь на покрытие расходов по его содержанию;

Правительство обязуется построить в колонии помещения для сельскохозяйственных машин и орудий и рабочего скота;

До тех пор, пока колония не будет независимой, правительство будет содержать в ней директора, врача, который периодически будет посещать колонию, и переводчика-письмоводителя для облегчения сношений колонистов с внешним миром;

В течение первого года колонисты, если они в этом будут нуждаться, получают поденную работу. Директор колонии обязан подыскивать для них такую работу на кофейных плантациях во время уборки кофейных ягод;

Как только всеми колонистами будут получены права собственности и колония будет признана независимой, правительство упраздняет должность директора. Центральный завод, земледельческие орудия и машины, а также рабочий скот будут переданы земледельческому товариществу, которое будет сформировано из самих колонистов;

Из проживающих в штате земледельцев, местных и иностранных, обладающих нужными качествами, правительство назначит одного особого делегата с титулом „Директор русской колонизации“, но без зарплаты. Он будет посредником между администрацией колонии и правительством, с одной стороны, и колонистами, с другой, а также попечителем и советником последних для облегчения их вживания в новую среду»¹².

Колония просуществовала год, затем, не справившись с трудностями, колонисты разбежались. На их место прибыли новые иммигранты из Прибалтики.

На тех же условиях, что и «Новая Одесса», в штате были основаны колонии «Жоржи Тиберис» (закон № 1320 от 30 сентября 1905 г.), «Новая Европа», «Новая Паулисия» и «Конзельейро Гавионг Пейшото» (закон № 1432 от 12 января 1907 г.). Отдельные участки в колонии «Жоржи Тиберис» были распределены между правительством штата и товариществом «Мелкая землесобственность». В колонии «Новая Европа» почти все участки были распроданы, возник поселок, в котором имелась гостиница, аптека, телеграф, телефон, несколько магазинов. Цены на землю в новых колониях оказались значительно выше предполагаемых, поэтому условия выплат за нее были облегчены. Преимущества этих колоний заключались в том, что через каждую из них должна была пройти железная дорога¹³.

Эмиграция евреев из России носила полудобровольный, полувынужденный характер. Уезжали целыми группами, семьями, уезжали «навсегда», что, как представляется, ускоряло процесс адаптации к новой среде. Жизнь еврейского населения в черте оседлости проходила в тесноте и нищете. Важным мотивом принятия решения эмигрировать, на наш взгляд, являлась невозможность реализовать себя.

Тяготы первоначальной адаптации, которые испытывали многие российские иммигранты в Южной Америке, объяснялись непривычным климатом и неправильными представлениями, создаваемыми рекламной литературы, где рассказывалось о красотах природы и ее неисчерпаемых ресурсах, — все это оказывалось плохим помощником на нелегком пути колониста.

Для более успешной адаптации к новой культуре, иммигранты должны были усвоить социальные нормы и обычаи, получить соответствующие вербальные и невербальные навыки. Изменение самоидентификации означает инкорпорацию или усвоение новых социальных ролей и ценностей, которое рождает чувство принадлежности к новой культуре¹⁴. По мнению исследователей, такой процесс должен идти параллельно с сохранением этнической и культурной принадлежности, более того, сохранение этнической принадлежности может играть позитивную роль в уменьшении «культурного шока». Совершенно очевидно, что трудности первоначальной адаптации были, в числе прочего, связаны и со слабой предварительной информированностью иммигрантов.

Острой проблемой, связанной с иммиграцией, является изменение социокультурного окружения, разрыв родственных и дружественных связей. Иммигрант испытывает чувство тоски и одиночества. Это обстоятельство порождало целый ряд морально-нравственных проблем.

М. Э. Прозор отмечал, что среди иммигрантов-мужчин процветало пьянство, а среди женщин — проституция¹⁵. ЕКО неоднократно предупреждало, что женщины должны быть крайне осторожными, молодые девушки рисковали оказаться в домах терпимости.

Колонистов в первую очередь интересовали материальные проблемы, а деятельность, направленная на нравственное оздоровление, воспринималась иммигрантами с равнодушием¹⁶.

Психологи находят, что под влиянием эмоционального напряжения, которое возникает в ответ на длительную социальную, бытовую, материальную неустроенность, у человека формируется склонность к самоубийству¹⁷. М. Басанин отмечал, что настоящим бедствием для колонистов была саранча, которая на протяжении многих лет пожирала урожай. Несмотря на поддержку ЕКО, трудности приводили некоторых поселенцев к роковым решениям. *«Бывали такие случаи, — писал он, — выйдет колонист на поле, взглянет на черную землю, на обглоданные деревья, постоит, подумает, тихонько вернется за ружьем и застрелится»*¹⁸.

Психические травмы, которые испытывают иммигранты в новой стране, особенно люди пожилого возраста, определяются специалистами как «эмоциональные лишения». В результате таких «лишений» могут возникнуть болезненные симптомы, которые приводят к различным психосоматическим нарушениям, проявлением которых являются чувства тоски, одиночества и «безысходность состояния»¹⁹. Ностальгию старшего поколения вызывало изменение привычных природных условий и привычного быта и характера труда.

Значительную роль в адаптации колонистов играла численность семьи. В брошюре «Жизнь колонистов в штате Сан-Паулу в Бразилии» подчеркивалось, что успеха добивается тот колонист, у которого большая семья²⁰. Закон от 24 мая 1905 г. об основании колонии «Новая Одесса» разрешал семье, состоящей из пяти и более трудоспособных человек, взять дополнительный участок земли²¹. У большой семьи, имеющей взрослых и здоровых детей, особенно сыновей, было больше шансов стать успешными хозяевами, чем у людей малосемейных, одиноких, а также семей с малолетними детьми. М. Басанин в результате своего путешествия по колониям приходит к выводу, что молодежь, дети берут на себя значительную часть работы. *«Дети... настоящие труженики. Они несут постоянный и тяжелый труд. Не только восьмилетний ребенок в еврейской семье считается работником, но они уже в четыре работают, а после работы дети идут в школу»*²².

В. Н. Китаев и Дж. Д. Росс, описывая одно из успешных хозяйств колонии «Новая Европа», подчеркивали: у хозяина было четверо взрослых сыновей и три дочери, все трудоспособные.

Вырванные волей судьбы из системы привычных и устоявшихся ценностей, российские эмигранты воспринимали все чужеродное с особой остротой. Отсюда их желание отгородиться от непривычного мира забором, возведенным вокруг колонии.

Часть российских иммигрантов, ехавших в сельскохозяйственный штат Сан-Паулу, были мелкими ремесленниками или рабочими. Горожане привыкли получать пусть небольшую, но стабильную оплату за свой труд, а благополучие колониста зависело от капризов природы и рыночных колебаний цен на продукты их труда. Это обстоятельство делало существование иммигрантов, изменивших положение городского жителя на статус крестьянина, крайне затруднительным уже с первых месяцев жизни.

Для еврейских колонистов перемена сферы деятельности сопрядалась острым душевным кризисом не только из-за непривычной работы, но и потому, что новые условия были связаны с необходимостью трудиться в субботу. Поэтому часть из них предпочла осесть в городах и занялась «педдлерством» (мелкой розничной торговлей).

Несмотря на все трудности, которые испытывали иммигранты в Бразилии, популярность колоний была столь велика, что уже к 1914 г. ЕКО сообщило через *Вестник еврейской эмиграции и колонизации* о приостановке на три года приема желающих поселиться в колониях из-за отсутствия земли²³.

И все же большей части переселенцев, включая колонистов, удалось преодолеть тяготы первых лет жизни. Наряду с другими иммигрантами из Европы, еврейские переселенцы активно участвовали в строительстве железных дорог, работали на фабриках, заводах, в сельском хозяйстве, занимались торговлей и предпринимательством и внесли свой вклад в экономическое развитие Бразилии.

¹ Об эмиграции евреев из России в Южную Америку см.: *Путятова Э. Эмиграция евреев из России в Южную Америку // Русские евреи в Америке (Далее – РЕВА). Кн. 3 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009. С. 9–23; Путятова Э. Г. Российские эмигранты в Бразилии // Научные проблемы гуманитарных исследований. Вып. 7. Пятигорск, 2010. С. 51–58; Базаров В. Воспоминания старого колониста. Описание жизни и деятельности Йозефа Эйдмана за годы 1904–1951, прожитые им в Аргентине // РЕВА. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 17–25; Гершунов А. Еврейские гаучо из пампасов // Там же. С. 26–32; Зальцберг Э. Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Аргентине // РЕВА. Кн. 8 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 23–33.*

- ² *Кайо Прадо Жуниор*. Экономическая история Бразилии. М., 1949. С. 207.
- ³ Южная Бразилия. Общие сведения. Указания для переселенцев ЕКО. СПб., 1912. С. 27.
- ⁴ *Прозор М. Э.* Русские эмигранты в Бразилии // Сборник консульских донесений. Вып. II. СПб., 1905. С. 86.
- ⁵ Там же. С. 90.
- ⁶ *Либава*. Указания для эмигрантов, направляющихся через этот порт. СПб., 1910; *Гутман И.* Жизнь колонистов в штате Сан-Пауло в Бразилии. Рига, 1908.
- ⁷ Южная Бразилия. Общие сведения. С. 23.
- ⁸ Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 95. Оп. 7. Д. 78. Л. 35.
- ⁹ РГИА. Ф. 95. Оп. 7. Д. 77. Л. 33.
- ¹⁰ *Гутман И.* Жизнь колонистов в штате Сан-Пауло в Бразилии. С. 24.
- ¹¹ Там же. С. 27.
- ¹² Там же. С. 25–28.
- ¹³ Там же. С. 37.
- ¹⁴ *Солдатова Г. У.* Социокультурный подход к практической психологии вынужденной миграции // Психология беженцев и вынужденных переселенцев: опыт исследований и практической работы. М., 2001. С. 15.
- ¹⁵ *Прозор М. Э.* Русские эмигранты в Бразилии. С. 90.
- ¹⁶ Там же.
- ¹⁷ *Фрейкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Эмиграция и эмигранты. История и психология. СПб., 1995. С. 136.
- ¹⁸ *Басанин М.* Еврейские колонии в Аргентине // Исторический вестник. СПб., 1898. Т. 72, № 4. С. 218.
- ¹⁹ *Фрейкман-Хрусталева Н., Новиков А.* Эмиграция и эмигранты. С. 137.
- ²⁰ *Гутман И.* Жизнь колонистов в штате Сан-Пауло в Бразилии. С. 31.
- ²¹ Там же. С. 27.
- ²² *Басанин М.* Еврейские колонии в Аргентине. С. 207.
- ²³ Вестник еврейской эмиграции и колонизации. Елец, 1914. № 1.

Русский еврей в Америке: Прайс и Рубинов о себе и судьбах эмиграции

Виктория Журавлева (Москва)

Не знаю, можно ли это доказать статистическими данными, но я положительно утверждаю, что число пострадавших от эмиграции, обнищавших, обездоленных, разграбленных, на всю жизнь разбитых и убитых евреев — гораздо больше, чем пострадавших от первых погромов.

Г. М. Прайс, 1890 г.

К чести русско-еврейской иммиграции нужно сказать, что огромное большинство ее совсем не рассчитывало на легкое беззаботное существование и не боялось труда, если только труд этот обещал возможность жизни. Эта масса <...> довольна тем, что здесь не бьют по шее, что здесь принимают детей в школы и что здесь тяжелым, правда, трудом, но все же можно заработать достаточно, чтобы заплатить за квартиру, за достаточную пищу, за приличную одежду, а иногда и больше. Эта масса далеко не удовлетворена. Она умеет и мечтать, и стремиться, и бороться за лучшее будущее. Она умеет также и жаловаться и роптать. Но если им предложить вернуться к прежним условиям жизни <...>, то они ответят вам: «Нет, дудки». И это несмотря на сентиментальную привязанность к Родине.

И. М. Рубинов, 1904 г.

В многоязычной «новой иммиграции», хлынувшей к берегам Соединенных Штатов на рубеже XIX–XX вв. из стран Восточной и Южной Европы¹, был явственно слышен голос русского еврея. Евреи, наряду с итальянцами и славянами, принадлежали к одной из самых крупных этнических групп в составе «новой иммиграционной волны», причем среди двух миллионов еврейских переселенцев, прибывших в Америку с 1881 по 1914 г., выходцы из России занимали первое место (71,6%)², дав название всему этапу формирования еврейской общности в США³.

История этого массового исхода российского еврейства за океан, сотканная из тысячи судеб, изобилует рассказами о разочарованиях и победах, о крушении надежд и обретении нового смысла жизни, о несбывшихся мечтах и осуществившихся сокровенных планах. В многочисленных воспоминаниях и дневниках, в письмах к родным и близким, в корреспонденциях, появлявшихся в еврейской периодике, запечатлены «персональные истории эмиграции», которые, подобно мозаике, складывались в единое историческое полотно эмиграционного движения. Причем представители еврейской интеллигенции, переселявшиеся за океан, считали своим долгом не просто поведать о собственных испытаниях в заокеанской «земле обетованной», но и поделиться размышлениями о судьбах эмиграции, просветить единоверцев, оставшихся по другую сторону Атлантики и вдохновленных «американскими мечтами», о предстоящих трудностях, о сложностях жизни в Соединенных Штатах и об отношении американцев к прибывавшим из Европы переселенцам.

«Письма из Америки», печатавшиеся на страницах еврейских журналов в России, «эмигрантские истории», заполнившие периодические издания Соединенных Штатов, а также публицистические произведения легли в основу будущих исследовательских работ по проблеме русско-еврейской эмиграции в Америку. Однако ее история, осмысленная сквозь призму собственного опыта, начинала писаться по горячим следам.

Немалый вклад в этот процесс внесли два человека, о которых пойдет речь. Одного из них звали Георг Мозес Прайс (1864–1942), другого — Исаак Макс Рубинов (1875–1936).

Оба покинули Россию в конце XIX в. в составе первой массовой волны русско-еврейской эмиграции, будучи молодыми людьми 17–18 лет, прибыли в Нью-Йорк и наблюдали жизнь еврейского гетто; оба получили образование в США и позже сделали карьеру (Прайс — врача и санитарного инспектора⁴, Рубинов — статистика, экономиста, работника социальной сферы, журналиста и писателя⁵); оба болели душой за дело еврейской эмиграции, что нашло отражение в их общественной и публицистической деятельности.

Прайс эмигрировал в США из Полтавы под влиянием погромов в Елисаветграде и Киеве в 1881 г., и опубликованные им на страницах журнала *Восход* воспоминания можно рассматривать в качестве персонифицированной истории русско-еврейской эмиграции 1880-х гг., в которой как в фокусе отразился весь комплекс проблем, связанных с первой волной массового исхода русских евреев за океан⁶.

Прежде всего обращает на себя внимание смена настроений, происходившая в умах образованной еврейской молодежи под влиянием

погромов, когда надежды на уравнивание прав русских евреев и ассимиляцию сменялись убеждением, что «еврейский вопрос» не химера и о слиянии с русским народом пока думать нечего. Именно тогда, как пишет Прайс, *«начали носиться слухи об эмиграции, о переселении русских евреев не то в Палестину, не то в Северные Соединенные Штаты Америки, о каких-то комитетах, стали циркулировать какие-то письма Монтефиоре, и многие евреи начали собираться в путь, сами еще не зная, как, что и куда»*⁷.

Прайс бросил учебу в реальном училище и влился в поток еврейских беженцев из России, захлестнувший австрийский городок Броды, который превратился в перевалочный пункт на пути следования русских евреев в США. Так начинались мытарства тысяч эмигрантов на пути в страну, «текущую млеком и медом»: сидение в переполненных русскими евреями Бродах, где каждый дом и улица, каждый кусочек земли был занят бедными, оборванными, голодными беглецами; штурм здания фабрики с целью получить шифскарты на проезд в Америку в рядах 10-тысячной толпы, вопившей, проклинавшей все на свете и жаждавшей лишь одного — как можно скорее убежать от этого полного ужаса города; триумфальный путь из Брода в Гамбург; и, наконец, кошмар двадцатидневного морского путешествия в Новый Свет на тихоходном товарном пароходе, предназначенном для перевозки скота, а не людей.

История переселения была осмыслена Прайсом в библейских образах: Броды и пароход играли для русских евреев роль Аравийской пустыни, а обетованный Ханаан — Америка — был недостижим без трудной борьбы и невзгод. Иерехоном, который устоит против всяких труб и возгласов, и даже против визга детей и проклятий женщин, в представлении Прайса, стал Кастрл-Гарден⁸, куда в то время прибывали эмигранты из Старого Света. Пройдя через эту «гиену огненную» и получив право дышать «свободным воздухом страны всемогущего доллара», эмигрант начинал борьбу за свое существование⁹.

Основная масса предпочитала обращаться за содействием к «Обществу помощи еврейским эмигрантам» («Hebrew Emigrant Aid Society» — ХЕАС), созданному в Нью-Йорке для встречи русско-еврейских беженцев и просуществовавшему с декабря 1881 г. по март 1883 г. Это был т. н. «комитетский период» жизни еврейских эмигрантов в Нью-Йорке, описанию которого посвящена большая часть воспоминаний Георга Прайса. Попытки самостоятельно справиться с возникшими трудностями привели его сначала в ряды штрейкбрехеров, а затем на земляные работы, причем доллары Нью-Йорка не спешили «дождить» на голову страдальца.

В конце концов, Прайс оказался на Уордс-Айленде, где на 10 000 долларов, пожертвованных Дж. Шиффом, были выстроены казармы для временного размещения тех еврейских эмигрантов, которые оставались под опекой ХЕАС, в то время как вновь прибывавшие с ноября 1882 г. переходили в ведение «United Hebrew Charities». Здесь к материальным и физическим невзгодам от гнилой пищи, холода и отсутствия удобств добавились нравственные страдания от жестоких и унижительных действий со стороны начальства. *«Невыразимо больно и горько было подумать, — восклицал Прайс, — что после своего исхода из России, после триумфальных встреч в Европе и розовых надежд, питаемых всеми эмигрантами на блага, ожидавшие в Америке, — их вдруг ссылают на какой-то остров (всего в 1,5 мили длины и 0,5 мили ширины), где запирают почти в тюрьме и третируют как преступников»*¹⁰.

Негодование «островитян» вылилось в сентябре 1882 г. в печально известную «эмигрантскую революцию», попавшую на страницы американской прессы, после чего ХЕАС постаралось устроить большую часть евреев, включая женщин и детей, на работу к членам и друзьям комитета за половинную заработную плату. На страницах воспоминаний Прайса возникает собирательный образ филантропа-комитетчика, который, совершая богоугодное дело, был не прочь при этом подзаработать денег на нуждах своих единоверцев. Лишь сопротивление эмигрантов, воспринимавших методы забастовочной борьбы американских рабочих, улучшило положение вещей. Впрочем, Прайс осознает всю сложность задачи, стоявшей перед комитетом, вменяя ему в вину лишь то, что силы были брошены на меры временные, не создающие основы для решения проблемы в целом, а доверие оказывалось не людям, избранным из эмигрантской среды и знавшим нужды переселенцев, а негодьям, ловившим рыбу в мутной воде. В конце концов, *«комитет понял, что он имеет дело с народом жестоковыйным, решил ликвидировать свои дела и освободить евреев с острова»*, — резюмирует свои воспоминания о «комитетском периоде» Прайс.

Рассказанная им история перекликается с содержанием воспоминаний и дневников других эмигрантов¹¹ и в том, что касается трудностей переезда, и в том, что касается критики деятельности ХЕАС¹², оставаясь при этом одним из самых ярких и колоритно написанных источников начального этапа массового переселенческого движения русских евреев в Америку.

«Персональные эмигрантские истории», подобные этой, вносили существенный вклад в процесс просвещения, отрезвления «еврейских умов» в России, разрушая стереотипы в восприятии Соединенных Штатов, где якобы *«золото валяется на улицах, „халэс“ растут на*

фонарях, а „кидэш“ проведена посредством труб в каждую квартиру», психологически подготавливали эмигрантов к предстоящим трудностям и настраивали на принятие более взвешенного решения об отъезде в Новый Свет.

Именно эти цели преследовал Г. М. Прайс при подготовке серии очерков, опубликованных на страницах журнала *Восход* и позже изданных в виде отдельной книги по просьбе многочисленных русских корреспондентов автора, дав свою оценку итогам первого десятилетия массовой русско-еврейской эмиграции в США¹³. Написанная на основе ежегодных отчетов «United Hebrew Charities», статистических отчетов специального уполномоченного по делам труда, отчетов «Санитарной комиссии 10 (еврейского) участка» и личных впечатлений, работа Прайса «Русские евреи в Америке» была призвана ответить на весь комплекс вопросов, связанных с начавшимся переселенческим движением за океан, и обрисовать его перспективы.

Определив причины и характер эмиграции, которая, по его мнению, в начале 1880-х гг. совершалась под влиянием погромов, а затем приобрела ярко выраженный экономический характер, и дав развернутую критику деятельности ХЕАС (исключение было сделано лишь для людей подобных секретарю общества М. Гейльприну или Дж. Шиффу, жертвовавшему десятки тысяч долларов на нужды эмигрантов), Прайс сосредоточил основное внимание на положении русско-еврейских эмигрантов в Соединенных Штатах, на отношении к ним американцев и американско-еврейской общины, а также на сущности «еврейского эмиграционного вопроса» и способах его разрешения.

Основная проблема, по мнению Прайса, заключалась в том, что в связи с изменением характера эмиграции и ее состава (едут в основном бедняки, которые *«едва имеют средства добраться до первого американского порта»*), вследствие постоянного численного роста эмигрантов и их сосредоточения в крупных городах Восточного побережья, и прежде всего в Нью-Йорке, где они ведут нищенское существование, переселенческое движение вызывает тревогу американского общества. Американцы смотрят на «новую еврейскую иммиграцию» как на причину понижения заработной платы, вздорожания предметов первой необходимости, ухудшения положения рабочего класса, распространения инфекционных заболеваний, нищеты и преступности в крупнейших урбанистических центрах¹⁴. В свою очередь, представители еврейской общины США опасаются того, что *«прилив этой массы на долгое время затормозит ассимиляцию, обамериканизирование евреев Соединенных Штатов»* и будет способствовать росту антисемитизма¹⁵. Представив емкое и колоритное описание еврейского гетто Нью-Йорка

(этого «американского Бердичева»), Прайс резюмирует результаты массовой неорганизованной эмиграции следующим образом: *«Изолированный, обособленный еврейский квартал со всеми атрибутами такового; вздорожание квартир и всех предметов необходимости; постоянное понижение заработной платы во всех отраслях производства и занятий; страшная бедность, нищета и беспомощность; совершенное изолирование от остального американского населения, незнание языка и обычаев страны, ношение особенной одежды, особенный язык, особенная жизнь, особенная пресса — все особое и отличное от общей окружающей жизни. Такое аномальное положение вызывает, с одной стороны, недоумение и неудовольствие американцев, с другой стороны — вопрос, как помочь этому»*¹⁶.

Первым шагом к разрешению еврейского эмиграционного вопроса в США, как считает Прайс, должно было стать распространение верных сведений и знаний об Америке, т. к. *«между евреями и до сих пор господствует крайнее невежество о судьбе эмигрантов»* по другую сторону Атлантики, в результате чего *«едут старики, больные, хилые; едут бедняки, не ремесленники, не рабочие; едут привыкшие к комфорту и безбедной жизни; едут гордые обладатели аттестатов зрелости, не способные ни к чему, разве только давать уроки и зубрить латынь; бегут кандидаты прав и действительные студенты; несутся целые семьи, еле собирающие достаточно средств, чтобы заплатить за свой проезд; отправляются люди, оставившие обеспеченное положение ради <...> идеалистического стремления в страну равенства — одним словом, едут тысячи, десятки тысяч, которые не должны были бы ехать, которым нечего ожидать в новой стране, которые сделали бы лучше, если бы остались там, где они были»*. И вот эти «гринхорны» спешат отправить оставшимся в России сообщения, приукрашивая свои «американские успехи» и умалчивая, что заработок в 70 центов в день не значит то же самое, что 1,5 руб. в Ушишках, о том, как трудно получить в Нью-Йорке и эту работу, что этаж, на котором они живут — 8 или 10, а мясо и хлеб, употребляемые ими в пищу, — «с душком». *«Многим отдельным личностям, — подытоживает Прайс, — может быть и живется более или менее сносно и хорошо в Соединенных Штатах, массе же — худо, трудно, тяжело, горько»*¹⁷. И это должны знать желающие эмигрировать за океан. Тогда им не придется влачить жалкое существование в Нью-Йорке, кончать жизнь самоубийством от безысходности, возвращаться обратно на Родину, вновь переживая кошмар переезда в 3-м (межпалубном) классе обыкновенного парохода или, того хуже, беспросветный ужас путешествия в пароходах для перевозки скота, после чего многие прибывают в Европу *«изувеченные и в страшном состоянии»*¹⁸.

Второе решение эмиграционного вопроса, как оно виделось Прайсу, заключалось в урегулировании эмиграции через создание эмиграционного бюро в Гамбурге с отделениями в других портах и с агентами в пограничных городах и местечках. Деятельность бюро должна была быть направлена на распространение сведений об Америке, проведение консульстаций для всех желающих эмигрировать за океан, дабы удержать от переселения неспособных адаптироваться к новым условиям жизни, на защиту интересов эмигрантов в пути, регулирование процесса распределения миграционных групп по территории США, и, наконец, на организацию еще в Европе партий, которые могли рассчитывать на успех в деле земледельческой колонизации¹⁹.

Последняя проблема оказалась в центре внимания Прайса не случайно, т. к. идеал земледельческой колонизации воскрес в сердцах русских евреев вскоре после погромов 1881 г., при этом *«поля и пустыни земли родной, земли и долины полной священных воспоминаний обетованной Палестины – манили и притягивали одних, другие же обратили свои взоры к свободной почве на другой стороне Атлантического океана»*. В обширном очерке Прайс рассказывает русским читателям о том, как с прекраснодушными мечтами устремились в Новый Свет идеалисты из числа еврейской молодежи, создававшие кружки в Балте, Минске, Одессе в рамках движения Ам-Олам, описывает историю недолго существовавших колоний в Луизиане, Арканзасе, Орегоне, дает оценку деятельности ХЕАС, где активным сторонником подобного подхода к решению вопроса о судьбе российско-еврейских эмигрантов выступал М. Гейльприн. В частности, при его участии в 1882 г. было создано Аграрное общество помощи колонистам («Montefiore Agricultural Aid Society») ²⁰.

Подводя итоги еврейской земледельческой колонизации в США 1880-х гг., автор приходит к выводу, что западные штаты являются более подходящим местом для еврейской земледельческой колонизации при условии достаточного финансирования. Однако в любом случае необходимо, чтобы будущие поселенцы имели опыт сельскохозяйственных работ и были готовы к тяжелому физическому труду, объединялись в группы по 50 или 100 семей еще в России и имели капитал в 2000 рублей на каждую семью к моменту приезда в колонию, причем первыми должны приезжать мужчины, а уж затем женщины и дети²¹. В целом, автор верит в перспективы еврейской земледельческой колонизации в Соединенных Штатах и связывает ее будущее с деятельностью барона Гирша²².

В чем же, по мнению Прайса, состояло значение начавшейся эмиграции?

«Если мы, на основании личного опыта и статистических данных, отнесли критически и отрицательно к успехам эмиграции в материальном отношении, если мы рисовали картину еврейско-эмигрантской жизни в Америке черными, хотя фактически верными красками, то мы не можем также отрицательно относиться к нравственному значению эмиграции, ибо, по нашему мнению, эмиграционное движение имело чрезвычайно благопоторное нравственное значение как для русско-еврейских эмигрантов, так и для русского еврейства», — обобщает свои впечатления Прайс. Первых — эмиграция освободила от многих предрассудков и вселила в них чувство собственного достоинства, превратив забитого местечкового еврея в гражданина. И тот, кто видел эту чудесную метаморфозу, не может сомневаться в великом значении эмиграционного движения для 200 000 евреев, оставшихся в Америке. Во вторых — вселила надежду на то, что если не побояться труда и страданий, при энергии и некоторых способностях, можно индивидуально устроиться в Новом Свете, если жить в Старом совсем уж станет невозможно. Десять лет эмиграции в Новый Свет, подчеркивает Прайс, доказали возможность для тысяч или десятков тысяч эмигрантов, пройдя через горнило страданий, добиться некоторой степени благосостояния в Америке, через несколько лет устроиться более или менее сносно и, в отдельных случаях, даже достичь впечатляющих экономических успехов, но 95 % всего русского еврейства останется в России, и следует думать о том, как улучшить его судьбу: «Энергия и сила еврейских деятелей должна быть направлена не к распространению несбыточной мечты об эмиграции в Палестину, Америку или Аргентину, а к приготовлению народа к будущему равноправию, которое рано или поздно, но должно придти и придет, ибо без него еврейский вопрос так и останется без ответа»²³.

В 1893 г. в то время, когда в России была опубликована книга Г. М. Прайса, в Нью-Йорк из Гродно прибыла семья Исаака Рубинова, ставшего впоследствии постоянным корреспондентом различных периодических изданий России, на страницах которых он публикует очерки, посвященные особенностям социально-экономического и политического развития США.

Особое значение имели его многочисленные статьи в русско-еврейском журнале *Восход*, печатавшиеся в начале XX века, в которых, в отличие от Прайса, Исаак Рубинов рисует жизнь русско-еврейских эмигрантов в более светлых тонах, обращает основное внимание не на трудности, а на успехи, не на мрачные стороны бытия евреев, а на перспективы выхода из этого состояния.

В целом он создает позитивный образ Америки как страны русско-еврейской иммиграции, причем в текст его очерков органично интегри-

рован личный опыт, на что неоднократно обращает внимание сам автор, считая свой пример типичным: *«Проживши более 11 лет в Америке и из них более 10-ти в Нью-Йорке, я, конечно, из первых рук, по собственным наблюдениям и собственному опыту знаю быт и положение русских евреев этого огромного города»*²⁴.

Именно этот индивидуальный опыт адаптации оказывается одним из источников «мажорного настроения» его «американских корреспонденций». Путь Исаака Рубинова к профессиональному успеху был не прост, но не так тернист, как у Прайса. Да и карьере ему удалось сделать более успешную. Рубинов прибыл вместе с родителями и практически сразу поселился в Верхнем Ист-Сайде Нью-Йорка, что свидетельствует о наличии определенных финансовых средств у его семьи, став свидетелем постепенного создания нового еврейского квартала в Гарлеме.

Характеризуя свое десятилетнее пребывание в Америке, Рубинов пишет: *«Эти десять лет были годы различных экономических условий, годы университетской науки, медицинской практики, литературной работы, общественной и политической деятельности. Были годы хорошие, были и годы критические. Было время острой тоски по старой Родине, которая притупилась под влиянием роста интереса к новой Родине и чувства солидарности с ней»*²⁵.

Однако значение имел не только личный опыт, но и те позитивные изменения, которые происходили в жизни еврейского иммигрантского сообщества на рубеже XIX–XX вв., продемонстрировавшего к этому времени высокую степень социальной мобильности, бесспорные экономические успехи, готовность и способность к интеграции в социально-экономическую и политическую жизнь Соединенных Штатов, а также приступившего к созданию идиш-культуры в крупных урбанистических центрах Атлантического побережья, и прежде всего Нью-Йорке, что облегчало процесс адаптации вновь прибывшим²⁶.

Этот важный этап в истории «новой еврейской иммиграции» в США нашел отражение в публицистической деятельности Рубинова, что придает ей особую значимость.

Красной нитью через все публикации Рубинова проходит тема «индивидуального успеха русского еврея в Соединенных Штатах» и «изменений к лучшему в его материальной и духовной жизни».

Стоит начать с описания гетто Нижнего Ист-Сайда. Этот сюжет, по вполне понятной причине, не мог обойти вниманием ни один американский корреспондент. При этом классическое (мрачно-реалистическое) описание еврейского гетто, тиражированное на страницах прессы США, принадлежит перу американского журналиста и прогрессивного деятеля Дж. Риса. В качестве репортера сначала газеты *The New York Tribune*,

а затем *The New York Evening Post* он обследовал иммигрантские кварталы Нью-Йорка, рассказывая о нищете, болезнях, антисанитарных условиях жизни, преступности, каторжном каждодневном труде их жителей. Русский еврей, представленный Рисом, оказывался среди тех, кто попадал в орбиту внимания полицейского управления, департамента здравоохранения, филантропических организаций, становился частью «другого», «неамериканского» мира, оставаясь обитателем «Jewtown»²⁷.

По сравнению с американцем Дж. Рисом, или с русско-еврейским эмигрантом Г. М. Прайсом, или с авторами тех историй, которыми изобилует жаргонная литература²⁸, описание еврейского квартала Нижнего Ист-Сайда, представленное И. Рубиновым, имеет иную тональность. Да, в нем присутствуют традиционные фразы о перенаселенных многоквартирных домах (tenements), рассуждения об «обилии людей, звуков и запахах», о трудных буднях в потогонных мастерских (sweatshops). Однако в заключительном пассаже своей зарисовки автор использует особый культурный код, который задействован и в ранних произведениях другого русско-еврейского эмигранта Абрама Кагана — писателя, политического и общественного деятеля, оказавшего заметное влияние на развитие еврейской прессы и рабочего движения в Соединенных Штатах²⁹.

Речь идет об увлечении русско-еврейских эмигрантов американскими танцами. В «ист-сайдовских историях» Кагана (прежде всего, в повести «Иекль») танцевальный класс становится символом новой жизни. Именно сюда главный герой Иекль, эмигрировавший три года назад из северо-западной России и сменивший в США имя на Джейк, приходит после тяжелой работы в швейной мастерской. Здесь же он знакомится со своей новой подружкой, которая разучивала па очередного американского танца на улице перед домом и мечтала вместе со своим возлюбленным открыть танцевальный класс. Собиравшееся в «танцевальной академии Пелтнера» шумное сообщество слегка американизировавшихся эмигрантов, изъяснявшихся на исковерканном английском языке и уже не считавших себя новичками («грингорнс»), становилось фоном для укоряющего образа отца, как образа русско-еврейского прошлого, и наводило на мысль о поспешности брака, заключенного когда-то в России³⁰. Это увлечение танцами в эмигрантской среде соседствовало с интересом к борьбе и бейсболу. И хотя Каган иронизирует по поводу времяпрепровождения своих героев, но и первое, и второе, и третье есть проявление массовой американской культуры, через приобщение к которой происходила американизация «новых еврейских иммигрантов»³¹.

А вот для сравнения упоминавшийся выше пассаж из текста Рубинова: *«И посреди всего этого хаоса мальчишки несутся во все стороны, играя в мяч или „пятнашки“, а девчонки, попарно, неопытными*

ножками проделывают замысловатые па американского вальса и кэк-уока под дребезжащие звуки разбитой шарманки с барабанными тарелками и цимбалами. Это ли не жизнь!»³²

Кагана и Рубинова роднило и их восприятие еврейского гетто как пограничного пространства, где начиналась адаптация основной массы еврейских эмигрантов к новым условиям жизни, без чего была невозможна их последующая американизация. В то время, когда в американском обществе возникла тревога по поводу создания итальянцами и евреями этнических кварталов в городах Атлантического побережья, в своих повестях и рассказах Каган наглядно показывал, что еврейское гетто не мешало работе национального «плавильного котла»³³. Более того, именно там она и начиналась³⁴.

Ту же мысль проводил и Рубинов, называя мир Нижнего Ист-Сайда «русско-еврейско-американским», возникшим в результате сложного синтеза и вобравшим в себя русскую задушевность, еврейскую сдержанность и американскую непринужденность³⁵.

Опираясь на свой опыт работы медицинским инспектором в бедных кварталах Бруклина, Рубинов приходил к выводу о том, что по сравнению с условиями жизни ирландцев, итальянцев и афроамериканцев положение еврейского населения нью-йоркского гетто можно признать «сравнительно сносным», причиной чему является сдержанность и трудолюбие, мешающие еврею опуститься на дно жизни, если он сохраняет способность к труду. Кроме того, Рубинов обращает внимание на процесс расселения иммигрантов из еврейского квартала Нижнего Ист-Сайда. Русские евреи переезжали в Гарлем, где на его глазах возникал новый еврейский квартал, а также в Бруклин, чему способствовало сооружение мостов. Параллельно формировалось свое еврейское сообщество в Браунсвиле с его трехэтажными комфортабельными домами и зелеными улицами³⁶. Что же касается гетто в нижней части города, то оно, по свидетельству Рубинова, стало превращаться в центр коммерческой, общественной и культурной жизни³⁷.

Исаак Рубинов сумел нарисовать красочную и многослойную картину успехов русско-еврейских эмигрантов. Прежде всего, они не отстали от общего экономического прогресса Соединенных Штатов. «*Посмотрите на вывески Когенов, Гольштейнов, Зильберманов, — призывает Рубинов, — не есть ли это сплошное доказательство достижений в области розничной торговли галантерейными товарами, готовым платьем и мебелью, не говоря уже о производстве готовой мужской и женской одежды, где роль еврейских иммигрантов трудно переоценить*». Так что своим «чистым франтоватым видом американская публика обязана обтрепанному, часто грязному еврею-рабочему».

При этом автор, как человек радикальных экономических взглядов, далек от идеализации положения еврея-рабочего. Разрыв между условиями жизни банкира и фабриканта, с одной стороны, и массы трудового населения еврейского Нью-Йорка — с другой, не ускользает от его внимания. Однако все познается в сравнении с реалиями российско-еврейской действительности. И если приезд в Америку вызывает на первых порах разочарование, замечает Рубинов, затем рано или поздно наступает период восторженных писем, где сообщается, что «у меня на полу лежит бархатная скатерть, лучше, чем у вашего ногида на столе», а с вложенной в конверт карточки на вас взирает «бритый счастливец в модном куцем сюртуке, в котелке и с золотой цепочкой по жилету». Не менее впечатляющи успехи иммигрантов в юридической и медицинской профессиях. Еврейская интеллигенция занимает достойное место в профессорско-преподавательском корпусе. При этом большинство ее представителей предпочитает совместно с немцами и американцами заниматься радикальной политической деятельностью, влившись в ряды рабочей партии.

И, наконец, восхищение автора вызывает культурная жизнь еврейского сообщества Нью-Йорка, стремление еврейской молодежи к получению образования, возникновение в еврейском квартале сети библиотек, которые лидировали в городе по объему востребованной читателями научной литературы. *«Пройдитесь по Bowery и посмотрите на огромные театральные афиши на жаргоне, зазывающие в театры или „музыкальные залы“ — еврейский Ист-Сайд имеет уже четыре театра и полудюжину этих музыкальных залов! А феноменальное развитие жаргонной прессы и литературы, масса брошюр и книг по беллетристике, поэзии, истории, естественным наукам и обществоведению!»*³⁸

Подводя итог своим наблюдениям и подчеркивая вклад русских евреев в развитие Нью-Йорка, Рубинов выходит на уровень более широкого обобщения: *«Я не думаю намеренно замалчивать значение других элементов иностранного населения Нью-Йорка. Но русско-еврейская иммиграция, или, может быть, вернее было бы сказать, вообще иммиграция из России имеет свою особенную характеристику. По большей части эта иммиграция не добровольная, а вынужденная, иммиграция, вызванная не только экономическими, но и политическими и социальными условиями»*³⁹. *Мы не думаем отрицать, что евреев в Америку гонит нужда. Но нужда эта в значительной степени создана искусственно. Страна, откуда прибыло сюда огромное большинство этих евреев, не страдает от излишка населения. И когда на каждом шагу видишь, что сделали эти энергичные трудолюбивые люди для Нью-Йорка, поневоле задумываешься над тем, что потеряла их Родина от этой 20-летней эмиграции»*⁴⁰.

Русские евреи, по мнению Рубинова, преуспели не только в городе, но и в сельской местности. Рассуждая о перспективах создания еврейских ферм в Соединенных Штатах, автор отмечает успехи еврейских фермеров на Востоке, связывая развитие фермерского хозяйства с созданием сети летних еврейских пансионов в сельской местности в относительной близости от крупных городов Атлантического побережья. Кстати, этот аспект жизни русских евреев в Америке вообще остался вне поля зрения не только современников, но и многих исследователей темы. Лучшим доказательством преуспевания сельских хозяев-евреев может, по мнению Рубинова, служить создание летней дачной зоны в холмистом графстве Салливан у подножья горной цепи Аллеган в 200 верстах от Нью-Йорка. Евреи-фермеры, трудясь не покладая рук на неплодородных землях штатов Нью-Йорка, Коннектикута и Массачусетса, преуспели больше, чем еврейские земледельцы Дакоты. Они не только обеспечивали овощами и фруктами, птицей, яйцами и молоком пансионеров, но и завязывали отношения с розничными торговцами в городах, поставляя им кошерные мясо-молочные продукты. Рубинов обращает внимание на две особенности «жизни на ферме». Это, во-первых, здоровый, цветущий вид евреев-иммигрантов, который начисто разбивает все аргументы сторонников ограничения «новой иммиграции» в США, утверждавших, что еврей предрасположен к туберкулезу и нервным заболеваниям, а, во-вторых, следование всем предписаниям ортодоксальной веры. *«Религия и труд — вот их жизнь»*, — приходит к выводу Рубинов⁴¹.

Что же касается вопроса о еврейской земледельческой колонизации на Западе как механизма решения еврейского эмиграционного вопроса в США, то Рубинов относится к данному подходу скептически, критикуя проект расселения евреев на западных землях и, в частности, деятельность Аграрного и индустриального общества помощи евреям (Jewish Agricultural and Industrial Aid Society), созданного фондом барона М. де Гирша. Почему? Во-первых, потому что ситуация в Соединенных Штатах изменилась. Территория страны заполнилась людьми. Пустующие земли — это район засухи, где сельское хозяйство возможно лишь при наличии капитала и опыта аграрного труда. Во-вторых, потому что это противоречит общей тенденции внутренних миграций из деревни в город, характерной для индустриального общества. *«Было время, когда сельскохозяйственный труд считался единственным разрешением еврейского вопроса, — пишет Рубинов. — Не мне рассказывать о перенесенных на этой почве разочарованиях. Но не приходит ли в голову, что главной причиной этих разочарований был полный антагонизм плана с общими тенденциями экономической эволюции цивилизованного мира?»*⁴²

В целом, несмотря на все оговорки, Исаак Рубинов до конца не сумел избежать идеализации «образа русско-еврейской Америки», который получился несколько приукрашенным. Это отразилось, прежде всего, в общем настрое его публикаций. Доказательством предложенного тезиса может служить реакция бывших русских корреспондентов Рубинова, влившихся в ряды эмигрантов и испытавших жестокое разочарование при столкновении с реалиями американской действительности по прибытии в Соединенные Штаты.

В итоге Рубинов подготовил специальное письмо под названием «Моим корреспондентам», где акцентировал внимание на сложностях адаптационного периода и размышлял над вопросом, который был ему адресован в сотнях писем, приходящих из Российской империи: «Ехать или не ехать?»⁴³

Прежде всего, он подчеркивал, что *«всякий новоприбывший в Америку иммигрант должен первые месяцы, а может быть и годы прожить много тяжелых минут, каково бы ни было его образование, его подготовка, его экономическое положение, период приспособления — период боли, и хотя мы, евреи, народ приспособляющийся — но не во всех эта способность к приспособлению равна»*. Обращаясь к своим единоверцам в России, Рубинов призывал их принимать решение об эмиграции взвешенно, собрав всю возможную информацию. Вот почему Рубинов приветствовал проект открытия в России справочного бюро и считал его главной задачей публикацию существующего в США иммиграционного законодательства⁴⁴. Подробно разъясняя те случаи, которые могут стать причиной отказа от права на въезд в Америку, он обращался к читателям журнала *Восход* с просьбой распространить эти сведения среди соотечественников, дабы удержать от переселения одних и предостеречь от неправильного поведения при прохождении иммиграционного контроля других. Кстати, последнему сюжету Рубинов посвятит позже отдельный очерк, рассказывая о своем посещении иммиграционной станции на Эллис-Айленде, который иммигранты называли «островом слез». Но и здесь Рубинов верен себе. Он не отрицает, что трагедия немногих не допущенных в страну⁴⁵, конечно, безмерна, грубость низшего персонала несколько коробит, а условия содержания «приговоренных к возвращению» не могут не казаться излишне жестокими, но при этом в противовес критикам иммиграционных чиновников он подчеркивает их деятельность по защите интересов вновь прибывших и видит главную проблему в поведении самих эмигрантов, которые выдумывают небылицы, лукавят и рассказывают фантастические истории. *«Говорите правду, — призывал Рубинов, — и в 999 случаях из 1000 вы пройдете через волшебные врата, ведущие на новую Родину, без всякой запинки, без каких бы то ни было затруднений»*⁴⁶.

Итак, главный вывод, к которому приходит Рубинов, заключается в том, что, приняв трезвое решение на основе достоверной информации об условиях жизни в США и осознав все сложности адаптационного периода, за океан могут ехать и те, кто хочет трудиться, и те, кто стремится получить образование. В последнем случае особенно важна предварительная языковая подготовка, что не помешает всем, желающим уехать в Америку.

И, наконец, особое место в его очерках и статьях занимает т. н. «еврейский вопрос» на американской почве.

Последние три десятилетия XIX века действительно стали временем роста антисемитизма в США, что было связано с общим всплеском национализма и распространением нейтивистских настроений⁴⁷ на общественном и официальном уровнях, а также с социально-экономическими изменениями, происходившими в стране. Три группы населения являлись носителями антисемитских чувств: аграрии-радикалы, интеллектуалы Востока, формировавшие идейное кредо движения нейтивизма, и беднейшие слои городских центров. Еврей в сознании выразителей как «аристократического», так и «плебейского» антисемитизма превращался в этнический символ власти денег, золота, в представителя «международного еврейского заговора». Правда, одни ненавидели его за эксплуатацию и паразитический образ жизни, другие за успех, а третьи — за то и другое вместе взятое. В последней четверти позапрошлого века в США развернулась широкомасштабная индустриализация, набирал силы «большой бизнес», менялась демографическая обстановка, происходили структурные изменения в обществе, усиливалась его гетерогенность, рушился мир привычных ценностей. Динамичная модернизация, сопровождавшаяся социальными «болезнями роста», создавала ощущение дискомфорта. Людям в такое время хотелось получить простое и быстрое объяснение возникавших трудностей и психологическую компенсацию своих разочарований. Тогда на помощь приходили и образ нуворишей из числа евреев, и давняя христианская традиция. Еврей-банкиры превращались в тех, кто препятствует свободному обращению «дешевых» денег и, выступая за утверждение золотого стандарта, плетет паутину «международного заговора».

«Новая еврейская иммиграция» внесла существенный вклад в усиление антисемитских предрассудков. Высокая степень социальной мобильности евреев-иммигрантов оживила представления о парвеню, богатом выскочке с низким уровнем культуры, вульгарными украшениями и отсутствием манер. Он активно участвовал в борьбе за положение в обществе, составляя конкуренцию, прежде всего, представителям обогащавшегося среднего класса. В то же время «новая еврейская

иммиграция» высветила черты иностранного, «чужого» в образе еврея, подпитывая (в особенности в период экономических кризисов) расхождения о пагубном влиянии извне. Евреи оказались между двух огней: с одной стороны, им приписывали пороки малообеспеченных «новых иммигрантов» и противопоставляли немецким евреям, представителям «старой иммиграционной волны», а с другой — как только они покидали гетто и начинали повышать свой статус в обществе, их обвиняли в социальной экспансии, ростовщичестве, эксплуатации, нечестности и т. д. Антисемитские и рестрикционистские настроения, таким образом, соединялись в критике представителей одной этнической группы⁴⁸.

Накал страстей по данному вопросу не стоит, конечно, преувеличивать, поскольку происходившее в Соединенных Штатах не шло ни в какое сравнение с событиями в Европе. Сказывались различные факторы национального развития: традиция религиозной терпимости, этническое многообразие американского общества, противоречивый образ еврея в массовом сознании (про- и антисемитский одновременно), существование негрофобии и антикатолических предубеждений. Кроме того, антисемитизм формировал интегрированную часть более крупного и комплексного течения антииностранных чувств.

Тем не менее, в конце XIX — начале XX в. в США осуществлялась социальная дискриминация евреев. Проводниками подобной политики стали владельцы фешенебельных отелей, престижных курортов и частных школ в северо-восточных штатах. К ним присоединились привилегированные клубы в крупных городах Атлантического побережья. Вывески со словами «Не для евреев» являлись наглядным подтверждением сегрегации. Движение евреев в пригороды — место расселения представителей среднего класса — и в благоустроенные районы городов восточного побережья вызывало недовольство владельцев домов, т. к. в результате здесь падали цены на недвижимость. В городских центрах Востока выразителями воинствующего антисемитизма стали иммигранты ирландского и немецкого происхождения.

Что же касается Исаака Рубинова, то он отрицал существование «еврейского вопроса» в США и неоднократно указывал на свой персональный опыт. Да, безусловно, есть общество, куда он не может попасть. Но не потому, что еврей, а из-за своего социального положения.

Рубинов вступает в заочный спор с И. Зангвиллом, поскольку запрет евреям вступать в аристократические клубы и проживать в гостиницах касается практических интересов подавляющего меньшинства, и речь, прежде всего, идет лишь о дачах и пансионах, а не о городских гостиницах. Причем в последнем случае автор обнаруживает одну из причин проявившегося социального остракизма в шумном, импульсивном, не

отличавшемся изысканностью поведения самих евреев, недавних эмигрантов, впрочем, не вменяя им в вину отсутствие воспитания. Кроме того, Рубинов указывает на стереотипы восприятия, когда типичными чертами наделяются все представители еврейства. По мнению автора, всякое выражение нетерпимости заслуживает протеста и борьбы, но делать на основе отдельных случаев далеко идущие выводы о существовании «еврейского вопроса» на американской почве не имеет смысла⁴⁹.

Именно в таком ключе он трактует инцидент, произошедший при похоронах известного еврейского раввина Джекоба Джозефа 30 июля 1902 г., когда немцы и ирландцы, работавшие на одной из фабрик, мимо которой проходила процессия, направляясь в Бруклин, спровоцировали столкновение с многотысячной толпой евреев. В свою очередь, подоспевшая полиция, вместо того чтобы арестовать зачинщиков, принялась работать дубинками и изувечила 200 евреев, а несколько десятков посадила под арест.

Эти события вызвали большой общественный резонанс и различную оценку на страницах американской и еврейской прессы. Каган увидел в них яркое проявление антисемитизма, что нашло отражение на страницах *Forward*, а Рубинов в своих корреспонденциях в газету *Восход* расценил случившееся как результат некультурности известной группы европейских иммигрантов и зверств полиции, обратив внимание на правильную реакцию со стороны американского общества и прессы. По его мнению, движение антисемитизма не имеет шансов на успех в стране, где евреи могли постоять за себя так, как это сделали евреи Нью-Йорка, что вызвало уважение к ним американцев⁵⁰.

В качестве доказательства Рубинов ссылаясь на неослабевающий интерес американских газет и журналов к жизни еврейского гетто, к различным событиям еврейской жизни (начиная с открытия семинарии и заканчивая балом в пользу еврейского госпиталя), спрос в американском обществе на еврейскую беллетристику и интерес к еврейскому театру.

Размышления над «еврейским вопросом» выводят Рубинова на принципиально значимую для массовой русско-еврейской эмиграции рубежа XIX–XX вв. проблему взаимоотношений между представителями «старой» американско-еврейской общины (в основном немецкого происхождения) и «новой», формирующейся за счет еврейской эмиграции из Восточной Европы и, прежде всего, из Российской империи.

Вновь прибывшего русского еврея, с горечью пишет Рубинов, одинаково не понимали и американец, и американский еврей. Причем последний стыдился своего русского кузена. И этот стыд лег железной преградой между двумя еврейскими группами, сделав взаимное понимание

невозможным. В результате все успехи еврейского сообщества Нижнего Ист-Сайда (преимущественно русско-еврейского) были достигнуты безо всякой помощи немецких и американских евреев, которые остались в стороне от этого культурного движения, а созданные ими организации не вызывали доверия эмигрантов.

Еврей-старожилы не пытались понять вновь прибывших, громко призывали к их расселению из Нью-Йорка, ради разрешения или предупреждения «еврейского вопроса», не беря при этом в расчет пожелания людей, для которых *«являются слишком большой роскошью такие платонические соображения, как освобождение Нью-Йорка от излишка евреев»*. Благодетели эмигрантов ратовали за скорейшую американизацию русских евреев посредством образования и разучивания американских песен. И все потому, приходит к выводу Рубинов, что богатый еврей, действительно страдающий от социального остракизма, стремится всеми силами сгладить свою индивидуальность, заставить публику забыть, что он еврей. И он вроде бы преуспел в этом, но его русский кузен нарушает идиллию своим непрезентабельным видом и поведением. Вот тогда и раздается крик: «Американизировать его скорее»⁵¹.

При этом Рубинов отнюдь не отрицает необходимость американизации, считая ее обязательным условием существования в новой стране. Но ведет речь не о той искусственной американизации, которая выражается в обезличении, в умении петь «Yankee Doodle» и размахивать звездно-полосатым флагом. Да, человек, поселившийся в Соединенных Штатах, должен стремиться узнать историю и традиции своей новой Родины. Безусловно, еврейский эмигрант нуждается в культуре и образовании, хотя он гораздо культурнее приезжающих поляков, чехов и итальянцев. Конечно, не вызывает сомнений осуществляющийся процесс ассимиляции, что неизбежно в космополитическом американском обществе. Но при этом каждая этническая группа должна иметь свое лицо. Разве ирландцы и немцы не сохраняют на многие поколения своих привычек, обычаев и праздников, разве они наряду с англосаксонской расой не внесли свой вклад в процесс синтеза, в результате которого рождается американская нация, вопрошает Рубинов, вновь подтверждая свою приверженность теории «плавильного котла». И вот теперь такое же влияние оказывают русские евреи, которые являются носителями и еврейских традиций, и ценностей русской духовной культуры. Препятствовать этому процессу посредством преждевременной американизации преступно и по отношению к евреям, и по отношению к американцам⁵².

Так под пером Рубинова в результате его многолетних размышлений над судьбами еврейской эмиграции в Соединенные Штаты возникает несколько идеализированный образ «Америки — страны русско-еврейской

эмиграции» и намечаются контуры поистине бездонной темы о наследии еврейской иммиграции из России в США и о той роли, которую предстоит сыграть этим переселенцам в истории своей новой Родины.

Исаак Рубинов оставил заметный след не только в истории русско-еврейской эмиграции в США. Он внес свой вклад и в развитие российско-американских отношений рубежа XIX–XX вв. Результатом его деятельности в качестве экономиста Министерства сельского хозяйства США стала подготовка трех небольших работ, посвященных исследованию положения России на мировом хлебном рынке и российско-американской конкуренции в этой области. Изданные на английском языке, они заняли достойное место среди немногочисленной англоязычной специальной литературы по данной теме, знакомя американских предпринимателей с особенностями развития зернового хозяйства Российской империи и перспективами участия российских производителей в международной торговле. Оценив заслуги Рубинова, министр финансов России В. Н. Кокцов наградил его в 1907 г. специальной медалью за вклад в развитие коммерции и сельского хозяйства⁵³.

Оставаясь последовательным сторонником эмиграционного движения евреев из России (будь то Российская империя или страна Советов), после окончания Первой мировой войны Рубинов принял участие в деятельности сионистов, которая активизировалась на фоне введения иммиграционных квот по законам 1921 и 1924 гг. Он возглавлял Сионистский союз американских врачей в Палестине, в 1928–1929 гг. занимал пост исполнительного директора Сионистской организации Америки, с 1929 г. был секретарем «Независимого ордена Бней-Брит» и во второй половине 1920-х гг. — редактором журнала *Jewish Social Service Quarterly*.

В целом, «персональные истории переселения в Новый Свет», рассказанные Георгом Прайсом и Исааком Рубиновым, их наблюдения и размышления о судьбах российско-еврейской эмиграции в США, основанные на личном опыте, позволяют проследить эволюцию массового переселенческого движения русских евреев за океан, оценить смену настроений, мироощущения эмигрантов, а также перспективу миграционного движения, происходившую внутри единого периода «новой еврейской иммиграции» (1881–1914 гг.).

И в том, и в другом случае предпринималась попытка современника событий дать достаточно взвешенную оценку итогов эмиграции, нарисовать объемную картину того, что было, и того, что будет. Причем для Прайса, характеризовавшего «исход» 1880-х гг., участником которого он являлся, было важно подчеркнуть все сложности бытия мигранта, как человека, покидающего привычное окружение и покинутого им, не упуская при этом из виду первостепенное значение решения «еврейского

вопроса» в России. Эти психологические ощущения и аналитические выкладки, ставшие первоначально достоянием читающей публики в России, а затем и историков по обе стороны Атлантики, дорого стоят. В свою очередь, Рубинов со своей верой в будущее российско-еврейской эмиграции в США сумел точно передать происходившую смену настроений, обратив внимание на позитивные сдвиги в жизни русских евреев в Соединенных Штатах, что не менее важно для понимания событий прошлого.

Публицистическая деятельность Прайса и Рубинова внесла существенный вклад в распространение представлений о «реальной Америке», о пределах американской мечты и высветила основной круг проблем, возникших в связи с массовым исходом российского еврейства за океан на рубеже XIX–XX вв. В итоге не только формировалось проблемное поле будущей историографии темы, но одновременно происходило закрепление некоторых устойчивых стереотипов, поскольку ни тому, ни другому не удалось сохранить полной объективности оценок. Впрочем, это не удивительно, ибо речь идет о современниках событий, имевших собственный опыт эмиграции и адаптации.

Однако, вне зависимости от выводов и тональности публикаций, для обоих характерно обостренное чувство ответственности за судьбу российско-еврейской эмиграции, поиск решения возникших проблем и безусловная вера в будущее еврейского народа, в его силу и творческую энергию, наиболее рельефно выраженная Г. М. Прайсом: *«Эмиграция доказала, что еврейство, утратившее территориальную, экономическую, политическую и даже во многих отношениях религиозную связь, однако же, крепко связано племенными узами и, несмотря ни на какие пограничные черты и океаны, разделяющие их, остается навсегда единым народом, связанным происхождением от одного прародителя и верою в одного Единого Бога»*⁵⁴.

¹ Это миграционное движение отличалось от предыдущего своим массовым характером, национальным составом (представители национальных меньшинств России, Австро-Венгрии, Турции, а также итальянцы и греки), сложностями языковой адаптации, социальной ориентацией и низким уровнем профессиональной квалификации. Кроме того, значительная часть иммигрантов прибывала на определенный срок с целью улучшить свое материальное положение и, надеясь вернуться на Родину, не стремилась к ассимиляции.

² *Berman M. The Attitude of American Jewry Towards East European Jewish Immigration. 1881–1914. N. Y., 1980. P. 17.*

³ Второе место принадлежало галицийским евреям, эмигрировавшим из Австро-Венгрии (17,9%), третье — румынским (4,3%).

⁴ Прайс получил медицинское образование в колледже Университета Нью-Йорка, занимал следующие должности: в 1885 г. — инспектор 10 еврейского участка Нью-Йорка, в 1894 г. — инспектор Комиссии по обследованию многоквартирных домов в городе, в 1895–1904 гг. — инспектор Департамента здравоохранения штата, в 1910–1912 гг. — руководитель отдела расследований Фабричной комиссии штата, затем — директор Общего правления санитарного контроля (Who's who in America / Ed. by A. N. Marquis. Vol. 18. Chicago, 1934. P. 1933; Dictionary of American Jewish Biography / Ed. by J. R. Marcus. Vol. 2. N. Y., 1994. P. 497).

⁵ Рубинов получил магистерскую степень в медицинском колледже Университета Нью-Йорка, а докторскую — в Колумбийском университете. С 1898 по 1903 г. занимался медицинской практикой, в 1903–1904 гг. — экзаменатор Комиссии по гражданской службе США, в 1904–1907 гг. — экономист-эксперт бюро статистики Министерства сельского хозяйства, в 1908–1911 гг. — эксперт бюро труда в Министерстве торговли и труда, в 1911–1916 гг. — главный статистик Корпорации по страхованию от несчастных случаев на море, затем директор бюро социальной статистики Департамента общественной благотворительности г. Нью-Йорка. Читал лекции по социальному страхованию в высших учебных заведениях Нью-Йорк (Who's who in America. Vol. 18. P. 2058; Dictionary of American Jewish Biography. Vol. 2. P. 543).

⁶ *Прайс Г. М.* Из воспоминаний эмигранта. 1881–1891 // Восход. 1891. № 4–9. С. 1–18.

⁷ Там же. С. 1–3.

⁸ В 1892 г. была открыта новая иммиграционная станция Эллис-Айленд, которая могла обеспечить прием переселенцев в условиях массовой иммиграции.

⁹ *Прайс Г. М.* Из воспоминаний эмигранта. С. 7.

¹⁰ Там же. С. 11–12.

¹¹ См., например: *Петриковский И. М.* В Америку. Из памятной книжки студента-эмигранта. Киев, 1884. С. 103–110.

¹² Ради справедливости следует подчеркнуть, что, несмотря на частые сменные руководства, сокращение финансовой и психологической поддержки со стороны американской еврейской общины, отсутствие прочной позиции среди международных комитетов помощи, ХЕАС приняло на себя удар первой волны массовой еврейской эмиграции из России и действовало в очень сложных условиях, расплачиваясь за ошибки представителей еврейских комитетов Европы, которые, стремясь поскорее сбуть с рук своих бедствующих собратьев, отправляли за океан всех без разбору. За время деятельности этой организацией была оказана поддержка 14 000 переселенцам и только за один 1882 г. потрачено на их нужды 250 000 долларов. Подробнее о деятельности ХЕАС см.: *Osofsky G.* The Hebrew Emigrant Aid Society of the United States (1881–1883) // Publications of the American Jewish Historical Society. 1960. Vol. 49. P. 173–187.

¹³ См.: Восход. 1890. № 10. С. 67–82; 1891. № 1. С. 111–124, № 3. С. 71–82; № 4–9. С. 1–26, № 10. С. 205–218; *Прайс Г. М.* Русские евреи в Америке. Очерки из истории жизни и быта русско-еврейских эмигрантов в Соединенных Штатах Северной Америки с 1881 по 1891 г. СПб., 1893.

¹⁴ В этом смысле евреи воспринимались как представители «новой иммиграции», которые в целом становились объектом повышенного внимания со стороны тех политиков, общественных деятелей, священников и журналистов, которые в условиях политических, социально-экономических, демографических и культурных изменений, происходивших в США на рубеже XIX–XX вв., ратовали за отказ от иммиграционной политики «открытых дверей» и в духе теории англоконформизма формировали представление об истинном американце как о WASP (White Anglo-Saxon Protestant). А раз так, то вопрос заключался не столько в том, сможет ли «плавильный котел» американской нации справиться с массовым наплывом «новых иммигрантов», сколько в том, не создаст ли их интеграция в общество Соединенных Штатов угрозу для его генофонда. Подробнее об отношении американского общества к «новым иммигрантам» вообще и «новым еврейским иммигрантам» в частности см.: *Журавлева В. И.* «Новые еврейские иммигранты» и американское общество на рубеже XIX–XX вв. // *Американский ежегодник-2000*. М., 2002. С. 147–148, 153–162.

¹⁵ Об этом подробнее см.: *Szajkowski Z.* The Attitude of American Jews to East European Jewish Immigration (1881–1893) // *Publications of the American Jewish Historical Society*. 1951. Vol. 40. P. 237–244.

¹⁶ *Прайс Г. М.* Русские евреи в Америке. С. 78–87.

¹⁷ Там же. С. 88–89.

¹⁸ Там же. С. 20–23. В 1880–1890-е гг., несмотря на ужасные условия обратного путешествия, до 15–20% российско-еврейских эмигрантов возвратились в Россию. Для начала 1880-х гг. исследователи называют цифру в 29%. См.: *Sarna J. D.* The Myth of No Return: Jewish Return Migration to Eastern Europe, 1881–1914 // *East European Jews in America, 1880–1920: Immigration and Adaptation*. In 3 Parts. N. Y.; L., 1998. Part 1. P. 172.

¹⁹ *Прайс Г. М.* Русские евреи в Америке. С. 90–94. В 1890-е гг. немецкими евреями была создана специальная организация «*Hilfsverein der deutschen Juden*» для оказания помощи восточноевропейским эмигрантам, имевшая 32 информационных бюро на территории Германии, агентов на всех железнодорожных станциях и в портах, вступающая в переговоры с железнодорожными и пароходными компаниями, обеспечивавшая переселенцев питанием во время следования через страну.

²⁰ Необходимо заметить, что из трех колоний, созданных ХЕАС, а также десяти, возникших при участии Аграрного общества помощи колонистам (*Montefiore Agricultural Aid Society*), в начале XX в. существовали и нормально развивались лишь две колонии. Еврейская земледельческая колонизация не смогла превратиться в действенный механизм решения иммиграционного вопроса. Подавляющее большинство русских, польских, румынских, галицийских евреев не стремились заниматься сельскохозяйственным трудом, предпочитая селиться вместе большими анклавами, что при ограниченных экономических возможностях помогало приспособляться к новым условиям американской жизни. Об этом см.: *Петриковский И. М.* В Америку. С. 238–249; *Pollak G.* Michael Heilprin and His Sons. A Biography. N. Y., 1912. P. 205–220; *The New York Times*. 1882, June 5; *Chautauquan*. 1908. Vol. 50. Apr. P. 248–265.

О сельскохозяйственных колониях евреев из России в Америке см. также: Менес А. Ам Олам — вечный народ // Русские евреи в Америке (Далее — РЕВА). Кн. 2. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 9–27; Путьтова Э. Эмиграция евреев из России в Южную Америку в конце XIX — начале XX в. // РЕВА. Кн. 3. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009. С. 9–23; Освальд Н. Тяжелые времена: еврейская колония в Котопакси // РЕВА. Кн. 4. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 9–16; Базаров В. Воспоминания старого колониста. Описание жизни и деятельности Йозефа Эйдмана за годы 1904–1951, прожитые им в Аргентине // Там же. С. 17–25; Гершунов А. Еврейские гаучо из пампасов // Там же. С. 26–32; Зальцберг Э. Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Канаде // РЕВА. Кн. 5. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 9–20; Зальцберг Э. К истории Ам Олам // РЕВА. Кн. 7. Торонто; СПб., 2013. С. 9–21; Путьтова Э. «Где она, эта Америка?» // РЕВА. Кн. 8. Торонто; СПб., 2013. С. 9–22; Зальцберг Э. Сельскохозяйственные колонии евреев из России в Аргентине // РЕВА. Кн. 8. Торонто; СПб., 2013. С. 23–33. — *Примеч. ред.-сост.*

²¹ Прайс Г. М. Русские евреи в Америке. С. 47–75.

²² Центральный комитет фонда барона М. де Гирша начал свою работу в США в марте 1890 г., ежемесячно получая по 10 000 долл. для облегчения ситуации в Нью-Йорке, возникшей в связи с еврейской эмиграцией из России и Румынии. Основными направлениями деятельности Комитета стали: обеспечение займами российских и румынских иммигрантов-земледельцев; транспортировка вновь прибывших в те районы страны, где они могли самостоятельно обеспечить свое существование; оказание помощи переселенцам в приобретении профессиональных навыков и необходимого инвентаря; создание технических школ для детей и подростков; обучение английскому языку и разъяснение обязанностей американского гражданина; ознакомление с методами ведения фермерского хозяйства; сотрудничество с различными организациями для оказания поддержки иммигрантам и распространения среди них образования. Фонд не был благотворительной организацией в прямом смысле этого слова. Помощь оказывалась только тем людям, которые могли быстро встать на ноги и приносить пользу обществу. Созданное фондом Аграрное и индустриальное общество помощи евреям (Jewish Agricultural and Industrial Aid Society) содействовало возникновению 160 аграрных поселений и обеспечивало получение специального технического образования в стенах Агрономического училища (Joseph S. History of the Baron de Hirsch Fund. The Americanization of the Jewish Immigrant. N. Y., 1935. P. 22–47, 245–252).

²³ Прайс Г. М. Русские евреи в Америке. С. 43–45.

²⁴ Рубинов И. Моим корреспондентам. Письмо из Америки // Книжки Восхода. 1904. № 9. С. 197.

²⁵ Рубинов И. Еврейский вопрос в Нью-Йорке // Книжки Восхода. 1903. № 5. С. 93.

²⁶ Подробнее об идиш-культуре в Нью-Йорке см.: Howe I. World of Our Fathers. The Journey of the East European Jews to America and the Life They Found and Made. N. Y.; L., 1976. P. 467–551.

²⁷ Riis J. How the Other Half Lives. N. Y., 1957 (1st edition — N. Y., 1890). P. 76–87; *Idem*. The Children of the Poor. N. Y., 1892. P. 35–43; *Idem*. The Children of

the Tenement. N. Y., 1903. P. 252–253. О деятельности Дж. Риса подробнее см.: *Lubove R. A Riis: Portrait of a Reformer // The Progressives and the Slums: Tenement House Reform in New York City, 1890–1917*. Univer. of Pittsburgh Press, 1962. P. 49; *Steffens L. The Autobiography of Lincoln Steffens*. N. Y., 1931. P. 203–204.

²⁸ *Ромбро Я. Б. Жаргонная литература в Америке // Восход*. 1899. № 10. С. 52–68; *Книжки Восхода*. 1899. № 12. С. 28–40; 1900. № 1. С. 20–40.

²⁹ Каган родился в семье меламеда в Виленской губернии и эмигрировал в Америку в 1882 г., спасаясь от политических преследований. Он прибыл в Нью-Йорк, имея 40 рублей в кармане, поселился в еврейском квартале, где зарабатывал на жизнь нелегким трудом в sweatshop'ах, изучал английский язык в вечерней школе, увлекся рабочим вопросом и принял участие в создании первых еврейских профессиональных союзов. С 1897 по 1902 г. Каган сотрудничал в *The New York Commercial Advertiser*, а с 1903 г. стал главным редактором социалистической газеты *Forward*, выходившей на идиш. О жизни и деятельности Кагана см. подробнее: *Steffens L. The Autobiography of Lincoln Steffens*. P. 311–318; *Rischin M. Abraham Cahan and the New York Commercial Advertiser: A Study in Acculturation // Publications of the American Jewish Historical Society*. 1953. Vol. 43, Sept. P. 10–36; *Epstein M. Profiles of Eleven Men who Guided the Destiny of an Immigrant Society and Stimulated Social Consciousness Among the American People*. Detroit, 1965. P. 51–82; *Howe I. World of Our Fathers*. P. 523–530.

³⁰ *Cahan A. Yekl. A Tale of the New York Ghetto*. N. Y., 1896. Также см. его рассказы: *Cahan A. The Imported Bridegroom and Other Stories of the New York Ghetto*. N. Y., 1898.

³¹ Об этом подробнее см.: *Heinze A. R. Adapting to Abundance. Jewish Immigrants, Mass Consumption, and Search for American Identity*. N. Y., 1990.

³² *Рубинов И. М. Нью-йоркские впечатления // Книжки Восхода*. 1905. № 8. С. 122.

³³ Термин «плавильный котел» вошел в американскую общественно-политическую лексику в начале XX века. Он был связан с названием пьесы английского еврея, журналиста и драматурга И. Зангвилла, написанной им после посещения еврейского Нью-Йорка (*Zangwill I. The Melting Pot*. N. Y., 1909. P. 37). Пьеса была поставлена в Вашингтоне и имела большой успех, дав название одной из ассимиляционных парадигм, сформировавшихся в США на рубеже XIX–XX вв. Гидом Зангвилла в его путешествии по еврейскому кварталу стал редактор *The New York Commercial Advertiser* Л. Стеффенс, в газете которого сотрудничал А. Каган: *Steffens L. The Autobiography of Lincoln Steffens*. P. 244. Сторонники теории «плавильного котла» в противовес последователям теории англоконформизма считали истинным американцем человека смешанного происхождения. Об этих двух ассимиляционных парадигмах см.: *Berkson I. B. Theories of Americanization. A Critical Study*. N. Y., 1969. P. 55–93.

³⁴ Каган не использует сам термин «melting pot», однако то, как он обрисовывает жизнь еврейского квартала и проводит психологический анализ, позволяет прийти к такому выводу. См.: *Cahan A. Yekl. P. 30; Idem. Circumstances // The Imported Bridegroom*. P. 224. Также см.: *Cahan A. The Russian Jew in America // Atlantic Monthly*. 1895. Vol. 82, July. P. 128–139. Анализ ранних литературных текстов Кагана о жизни русско-еврейских эмигрантов см.: *Журавлева В. И.*

Повесть из жизни нью-йоркского гетто: опыт реконтекстуализации художественного произведения // История и культура российского и восточноевропейского еврейства. Новые источники, новые Румынии. М., 2004. С. 172–194.

³⁵ Рубинов И. М. Рецензия на книгу «The Russian Jew in the United States» // Книжки Восхода. 1905. № 2. С. 303.

³⁶ В 1900 г. в гетто Нижнего Ист-Сайда проживала 81,7% русских евреев, в 1910 г. эта цифра сократилась до 58,9%. В 1916 г. здесь было сосредоточено лишь 23% еврейского населения Нью-Йорка (*Rischin M. The Promised City. New York's Jews 1870–1914. Cambridge, 1962. P. 93–94; Simon R. J. In the Golden Land. A Century of Russian and Soviet Jewish Immigration in America. Westport; L., 1997. P. 26*).

³⁷ Рубинов И. Нью-йоркские впечатления // Книжки Восхода. 1905. № 8. С. 122–123; Он же. Еврейский вопрос в Нью-Йорке // Книжки Восхода. 1903. № 5. С. 97.

³⁸ Рубинов И. Еврейский вопрос в Нью-Йорке // Книжки Восхода. 1903. № 5. С. 95–101; Он же. Нью-йоркские впечатления // Книжки Восхода. 1905. № 11–12. С. 251–266.

³⁹ С 1881 по 1910 г. из России прибыло: евреев — 765 536 чел., неевреев — 983 539 чел. Следующей этнической группой после евреев были поляки (не учитывались иммиграционной службой США до 1899 г.), затем шли финны, литовцы и русские немцы. В составе русской эмиграции «настоящих» русских было всего 4,2%. См.: U. S. Immigration Commission, 1907–1910. Abstracts of Reports of the Immigration Commission with Conclusions and Recommendations and Views of the Minority. In 2 Vols. Washington, 1910. Vol. 1. P. 86–96; *Joseph S. History of the Baron de Hirsch Fund. P. 164; Govorchin G. G. From Russia to America with Love. A Study of the Russian Immigrants in the US. Pittsburgh, 1993. P. 45.*

⁴⁰ Рубинов И. Нью-йоркские впечатления // Книжки Восхода. 1905. № 8. С. 125.

⁴¹ Рубинов И. На еврейской ферме. Из записной книжки туриста // Книжки Восхода. 1900. № 12. С. 3–20; Он же. Нью-йоркские впечатления // Книжки Восхода. 1905. № 9. С. 158–163.

⁴² Рубинов И. Еврейский вопрос в Нью-Йорке // Книжки Восхода. 1903. № 7. С. 130–132.

⁴³ Рубинов И. Моим корреспондентам. Письмо из Америки // Книжки Восхода. 1904. № 9. С. 196–211.

⁴⁴ Во второй половине 1900-х гг. Бюро информации ЦК ЕКО активизировало издательскую работу, направленную на распространение подробной информации обо всем, что касалось путешествия в Новый Свет. См., например: Путь эмигранта через европейские страны. ЕКО. Информационное бюро для эмигрантов. СПб., 1909; Что необходимо знать каждому эмигранту. ЕКО. Информационное бюро для еврейских эмигрантов. СПб., 1910; Наставление к получению заграничного паспорта. ЕКО. Информационное бюро для еврейских эмигрантов. СПб., 1910 и др.

⁴⁵ Число депортированных редко превышало 1% от числа прибывших.

⁴⁶ Рубинов И. Нью-йоркские впечатления // Книжки Восхода. 1905. № 8. С. 134–146.

⁴⁷ Термин «нэйтивизм» применяется для обозначения широкого комплекса антииностранных идей и настроений, основанных на убеждении в том, что иностранцы тем или иным образом подрывают культурные основы общества, угрожая будущему Америки. См.: *Плетнев С.* Нэйтивизм в общественно-политической жизни США на исходе XIX столетия. URL: [ref.rushkolnik.ru/v949/?page 4](http://ref.rushkolnik.ru/v949/?page4) (дата обращения: 12.01.14). — *Примеч. ред.-сост.*

⁴⁸ Об антисемитизме в США подробнее см.: *Higham J.* Send These to Me. Jews and Other Immigrants In Urban America. N. Y., 1975. P. 117–137, 144–157; *Sorin G.* A Time for Building. The Third Migration 1880–1920. Baltimore; L., 1992. P. 51–55; *Handlin O.* American Views of the Jew at the Opening of the Twentieth Century // PAJHS. 1951. Vol. 40, June. P. 325, 328; *Dobkowski M.* The Tarnished Dream: The Basis of American Anti-Semitism. Westport; L., 1979. См. также: *North American Review.* 1881. Vol. 133. P. 265–275; *Independent.* 1908. Vol. 65, Sept. P. 640–642; Nov. P. 1212–1215; Dec. P. 1451–1456; *Atlantic Monthly.* 1908. Vol. 101, Apr. P. 433–439; *Forum.* 1914. Vol. 52, July. P. 31–40.

⁴⁹ *Рубинов И.* Письмо из Америки // Книжки Восхода. 1905. № 2. С. 139–149; *Он же.* Еврейский вопрос в Нью-Йорке // Книжки Восхода. 1903. № 6. С. 102–104.

⁵⁰ *Рубинов И.* Письма из Нью-Йорка от 8, 15 августа и 12 сентября // Восход (газета). 1902. № 32, 33, 37; *Howe I.* World of Our Fathers. P. 123–124.

⁵¹ *Рубинов И.* Еврейский вопрос в Нью-Йорке // Книжки Восхода. 1903. № 6. С. 110–117; № 7. С. 133–137.

⁵² Там же. № 7. С. 127–128.

⁵³ *Rubinow I. M.* Russia's Wheat Surplus: Conditions Under Which it is Produced. Washington, 1906; *Idem.* Russia's Wheat Trade. Washington, 1908; *Idem.* Russian Wheat and Wheat Flour in European Markets. Washington, 1908. О Рубинове подробнее см.: *Allen R. V.* Russia Looks at America. The View to 1917. Washington, 1988. P. 148–149.

⁵⁴ *Прайс Г. М.* Русские евреи в Америке. С. 45.

Российские масоны-евреи в США

Андрей Серков (Москва)

После относительного расцвета масонства в России на рубеже XVIII–XIX вв. для движения вольных каменщиков в начале 1820-х годов наступили тяжелые времена гонений. Двумя их главными причинами были боязнь проникновения революционных идей в Орден вольных каменщиков и недовольство некоторых деятелей православной церкви усилением духовного влияния масонства. 1 августа 1822 г. последовал императорский указ, который гласил:

Беспорядки и соблазны, возникшие в других Государствах от существования разных тайных обществ, из коих оные под наименованием лож Массонских, первоначально цель благотворения имевших, другие занимались сокровенно предметами политическими, впоследствии обратились ко вреду спокойствия Государств и принудили в некоторых сии тайные сообщества запретить <...>.

1-е. Все тайные общества, под какими бы наименованиями они не существовали, как то: Массонских лож или другими, закрыть и учреждения их впредь не учинять.

2-е. Объявляя о том всем членам сообществ, обязать их подписками, что они впредь ни под каким видом, ни масонских, ни других тайных обществ, ни под каким бы благовидным названием они ни были предлагаемы, ни внутри Империи, ни вне ее, составлять не будут¹.

Лишь в начале XX столетия масонство возродилось в России, но революционный переворот 1917 г. вынудил большинство вольных каменщиков эмигрировать преимущественно в Европу, где российское масонство возродилось вновь². Центром российского масонского движения на долгие годы стал Париж, где существовали русские ложи, входившие в различные масонские союзы. Сразу же после восстановления масонских лож в Париже к работе в них стали активно привлекать еврейских общественных деятелей. Фактически «вторым» человеком в русском парижском масонстве стал Г. Б. Слиозберг³, которого один из его собратьев по масонству вспоминал следующим образом:

Генрих Борисович родился в 1863 году в бедной еврейской семье. Его отец был меламедом, т. е. учителем в еврейской школе. Он сам учился в такой же школе и готовился быть раввином. Но судьба решила иначе, и когда ему исполнилось 12 лет, он поступил в русскую гимназию, к которой он подготовился в несколько месяцев; для этого ему пришлось изучить, помимо других предметов, и русский язык. Он выдержал блестяще все экзамены в третий класс, но так плохо и с таким акцентом говорил тогда по-русски, что директор гимназии посоветовал его отцу отдать его во второй класс.

Впоследствии Г. Б. стал в Петербурге известным адвокатом. Способный, умный, спокойный и тихий, он отличался своей доброжелательностью и добротой. Выражение его бледного лица в очках, с белой бородой, было немного суровое, но тем не менее всегда ласковое. Но главной его чертой была редкая одухотворенность. Все свое детство Г. Б. провел в изучении Библии, в которой на каждой странице Божество участвует в жизни своего народа. Это оставило в его душе неизгладимый след. Божество было для него чем-то реальным и близким, и Генрих Борисович безусловно имел с Ним конкретное общение; это не только чувствовалось, но и передавалось окружающим.

<...> Генрих Борисович своим влиянием давал организации духовно-общественное направление, пропитанное истинно русским патриотизмом. Это не значит, что чисто материальные вопросы его не интересовали. Нужны были деньги <...>. Г. Б. получил сразу 150.000 франков от одного богатого банкира-патриота, которого он убедил в том, что масонство может сыграть очень полезную роль в России⁴.

Вероятно, речь идет о Моисее (Морице) Акимовиче Гинзбурге (1851, местечко Радзивиллов Волынской губернии — 1936, Париж), крупнейшем поставщике российского флота, члене хозяйственного правления Петербургской (Хоральной) синагоги, крупнейшем благотворителе на нужды еврейских, православных и масонских организаций.

Завершая характеристику Г. Б. Слиозберга, следует подчеркнуть, что он занимал видное место в еврейских общественных кругах и в России, и в эмиграции.

Так, он возглавлял «прогрессивную» партию в еврейском движении и еще на Раввинском съезде 1910 г. в С.-Петербурге противостоял «ортодоксальной» партии во главе с любавичским цадиком⁵. В эмиграции был одним из организаторов Союза русских евреев в Париже, основал там же с раввином Айзенштадтом русско-еврейскую общину «Огель Яков», сотрудничал с Союзом сионистов-ревизионистов, был председателем Общества помощи еврейской беженской интеллигенции, входил

в Федерацию еврейских общин, выступал в инициативной комиссии по учреждению клуба русских евреев в Париже, участвовал в открытии Еврейского студенческого дома имени Е. Перникова и т.д. Г. Б. Слиозберг принимал участие в создании книги Ю. Делевского о «Протоколах сионских мудрецов» и участвовал в суде в Берне, на котором доказывал подложность «Протоколов».

Перечень представителей русско-еврейской эмиграции, состоявших в русских ложах в Париже, можно было бы продолжать очень долго. Упомянем лишь, что в числе масонов были и крупнейшие деятели сионистского движения, такие как В. И. Якобсон и В. Е. Жаботинский.

С началом Второй мировой войны гонениям на оккупированных фашистами территориях подвергались как евреи, так и масоны. Например, в 1944–1945 гг. в лагере Бухенвальд оказалось до 200 масонов, которые всячески старались помогать друг другу в трудных условиях. В «масонском братстве Бухенвальда» в числе русских вольных каменщиков были Б. В. Жданов, В. Д. Аитов, И. А. Кривошеин, тесно общался с ними и Ш. Рианде⁶.

Одним из руководителей русско-еврейского Сопrotивления в годы войны в оккупированной зоне Франции был видный масон и общественный деятель Абрам Самойлович Альперин (1881, Старо-константиново Волынской губернии — 1968, Франция), ранее бывший членом-основателем Лиги борьбы с антисемитизмом, председателем Бюро парижского комитета и членом Общества ремесленного труда (ОРТ).

Последствия войны тяжело сказались на русском масонстве. После депортации в концентрационных лагерях погибли российско-еврейские масоны Н. А. Гольденштейн, А. М. Кулишер, С. Е. Эпштейн, И. И. Рафалович, Г. А. Воронов, И. П. Кельберин, Г. Бонштейн-Бони, А. Томазский, Б. Д. Векслер, И. Я. Эттингер, А. Н. Пригожин, В. Я. Поляков, И. М. Топер, М. Рогоянская, был расстрелян немцами Б. М. Петрусевич⁷.

События Второй мировой войны привели к массовому бегству из Европы русско-еврейской масонской интеллигенции. Одним из ее новых центров стал Нью-Йорк, где в поисках прибежища оказались многие русские вольные каменщики, решившие создать здесь в 1941 г. масонскую группу. Из-за возникших сложностей между так называемым англо-саксонским (регулярным) масонством и масонством либеральным, господствовавшим во Франции, русские каменщики были вынуждены назвать свою ложу «Клубом Россия» или «Россией», но с первых же дней масонская мастерская работала с соблюдением всех обрядов вольных каменщиков.

Более половины масонской группы были представителями русско-еврейской эмиграции, но сначала перечислим масонов-неевреев.

Одним из создателей масонской группы «Россия» и ее первым бессменным председателем был видный общественный деятель и журналист Николай Дмитриевич Авксентьев (1878, Пенза — 1943, Нью-Йорк). Его ближайшим сподвижником был Владимир Михайлович Зензинов (1880, Москва — 1943, Нью-Йорк). Председателем группы в 1943–1950 гг. был журналист, потомок декабристов Александр Васильевич Давыдов, он же был председателем в 1953–1955 гг. В 1956 г. им стал литературовед и будущий редактор журнала *Америка* Людвиг Леопольдович Домгер (1891–1984). Одним из досточтимых мастеров (руководителей) в 1944 г. был юрист Михаил Яковлевич Имханицкий (1876–1945), который жил в США с 1925 г. и состоял также и в американской масонской ложе.

В первой половине 1950-х гг. в группу входили историк, социолог, писатель и публицист Бенно Павлович Гепнер (1899 — не ранее 1960), переводчик Всеволод Алексеевич Кондратьев (1915 — не ранее 1958) и композитор Авенир Генрихович Монфред (1903–1974). Практически ничего не известно о жившем в 1953 г. в Нью-Йорке и входившем в группу А. С. Каминском. Должность заместителя оратора масонской группы занимал профессор-математик Ервант (Эрванд) Георгиевич Когбетлианц (Когбетлианц) (1888–1975).

Членом масонской группы в 1944–1954 гг. был Всеволод Адольфович Грюнберг (Гринберг, Грег, Грэг, Груг) (1895, Киев — не ранее 1965, США). После окончания киевской гимназии В. Науменко и учебы в Санкт-Петербургском политехническом институте В. А. Грюнберг ушел добровольцем в гидроавиационный отряд особого назначения в Петрограде. Затем он был командирован в Бакинскую школу морской авиации, а в декабре 1917 г. уехал в отпуск в Киев, где вступил в Добровольческую армию и участвовал в боях с петлюровцами. Через Одессу В. А. Грюнберг эмигрировал в Константинополь, с 1919 г. жил во Франции, служил на различных предприятиях и по делам службы часто ездил в Нью-Йорк. В Париже поступил в Высшую школу авионавтики и механических конструкций, окончил ее со званием инженера. Затем работал в авиационной промышленности, сотрудничал в специальных журналах. В начале Второй мировой войны уехал в США, где жил до 1965 г. и сблизился с М. С. Мендельсоном, о котором речь пойдет ниже. В различные годы пребывания в Америке В. А. Грюнберг жил в Нью-Йорке и Дейтоне, штат Огайо.

Евреем по происхождению, однако, человеком, далеким от собственно еврейского общественного движения, был известный писатель и один из основателей *Нового журнала* Марк Александрович Алданов. Он, безусловно, был одним из лидеров русского масонского движения

в Америке, стоял у его истоков, и его возвращение в 1947 г. во Францию серьезно отразилось на сплоченности и работоспособности группы.

Теперь приведем более подробные биографические данные уже собственно русско-еврейских масонов в США.

Гурвич Георгий (Жорж) Давыдович (Давидович) (1894, Новороссийск — 1965, Париж), социолог, философ, историк, юрист, теоретик права, беллетрист. Родственник одного из лидеров меньшевиков Ф. И. Дана. Учился в гимназиях в Ростове и Риге, в Гейдельбергском и Лейпцигском университетах, в 1912–1915 гг. — на юридическом факультете Юрьевского университета, откуда в августе 1915 г. перевелся в Петроградский университет. В 1917 г. окончил его, получил магистерскую степень, оставлен на кафедре государственного права. В 1918–1919 гг. — ассистент на кафедре энциклопедии и истории философии права в Екатеринославском университете. Осенью 1919 г. избран ассистентом при кабинете государственных наук Петроградского университета и преподавателем истории философии права II Государственного Педагогического института. С начала 1921 г. жил в Берлине, выступал с докладами в Академической группе в Берлине и в Союзе русских студентов в Германии. Читал курс государственного права в Русском научном институте в Берлине. В 1922 г. переехал в Прагу, где стал доцентом социологии и философии права юридического факультета Русского народного университета. Читал также лекции по теории международного права. В январе 1924 г. вернулся в Германию, где выступал с докладами в Союзе русской присяжной адвокатуры. В 1924–1925 гг. преподавал в Русском научном институте в Берлине; в декабре 1924 г. и в феврале 1927 г. выступал с докладами в Союзе русских евреев в Берлине. Весной 1925 г. вел семинар по государственному праву в Берлине. В апреле 1925 г. защитил при Русской академической группе в Германии магистерскую диссертацию «Система конкретной логики Фихте». С 1925 г. жил в Париже. В 1925–1927 гг. работал в Славянском институте, а также преподавал на юридическом факультете Сорбонны. С 1926 г. читал лекции во Франко-русском институте, где был членом Совета профессоров. В 1928 г. получил французское гражданство. В этом же году стал членом Русского академического союза во Франции, участвовал в работе парижской группы евразийцев. В 1928–1934 гг. постоянно выступал с публичными лекциями и докладами, в том числе в Институте славянских исследований, на семинаре философии и теории права. С 1929 по 1931 г. — профессор свободных наук Сорбонны (по другим сведениям, в 1925–1933 гг. — профессор юридического факультета); участвовал в работе Русского философского общества. Сотрудничал в *Современных записках*, *Днях* и других периодических изданиях. Жил

в Париже в одном доме и дружил с видным парижским масоном и писателем М. А. Осоргиным. Работал также в Школе высших практических исследований. С 1931 по 1940 г. — генеральный секретарь Международного института социологии права. Был секретарем инициативного комитета, а со времени основания в июне 1933 г. — преподавателем Международного института философии и социологии права. В 1931 г. стал основателем парижского журнала *Archives de philosophie du droit et de sociologie juridique*, затем его редактором. В мае 1932 г. был удостоен премии Жегюра французской Академии наук. В 1933 г. читал лекции в Высшей школе социальных наук, в Религиозно-философской академии, в 1934–1935 гг. преподавал социологию в университете г. Бордо. С 1935 г. — профессор социологии факультета искусств в Страсбурге, где жил до 1936 г. Во время Второй мировой войны находился в рядах французской армии, участвовал в боевых действиях. В октябре 1940 г. демобилизован и в этом же году смещен со всех академических постов администрацией Виши.

В 1940 г. уехал в Нью-Йорк, где возглавлял Французский институт социологии. В 1942 г. основал и редактировал здесь недолговечный *Journal of Legal and Political Sociology* (в 1942–1943 гг. вышло всего два выпуска). В 1944–1945 гг. читал курс социологии знания в Гарвардском университете, преподавал также в Новой школе социальных исследований в Колумбийском университете. В сентябре 1945 г. возвратился во Францию, где стал ведущим социологом. Один из основателей в марте 1946 г. в Париже Центра социологических исследований (изысканий), его первый директор. В 1945–1948 гг. вновь преподавал в университете г. Страсбурга. С 1946 г. — издатель и главный редактор журнала *Cahiers internationaux de sociologie*. В августе 1948 г. избран профессором кафедры социологии Сорбонны. Основатель и с 1953 по 1956 г. президент Института социологии (Социологического института). Руководил также Библиотекой современной социологии. С 1960 по 1963 г. — президент Национального центра координации научных исследований Франции. Активный противник алжирской войны, участвовал в деятельности общества «Франция — СССР». Автор многочисленных научных трудов. Награжден орденом Почетного легиона. Странник «плюралистического коллективизма», оказал влияние на формирование социологической теории Ж.-П. Сартра. Мемуарист.

Г. Д. Гурвич являлся членом масонской группы «Россия» в Нью-Йорке в 1943–1945 гг.

Делевский (наст. фамилия — Юделевский) Яков (Янкель) Лазаревич (Лейзерович) (1868, Пружаны Гродненской губ. — 1955 (1957?), Нью-Йорк). Первоначальное образование получил в хедере, затем в

русской прогимназии в Брест-Литовске и Виленской гимназии, которую окончил в 1886 г. с золотой медалью. С ранних лет сотрудничал в прессе, печатался в виленских и петербургских газетах. Был связан с террористическим кружком Н. Истоминой, с «Народной волей», распространял издания последней. По делам «Народной воли» ездил в Париж, где познакомился с Г. Плехановым и П. Аксельродом. Блестяще окончил С.-Петербургский университет: по юридическому факультету с золотой медалью и по математическому — с серебряной. В 1892 г. (по другим сведениям — в 1890 г.) арестован за принадлежность к народовольческим кружкам. Более двух лет провел в одиночном заключении в Трубецком бастионе Петропавловской крепости, затем более года — в «Крестах». По «высочайшему повелению», без суда, отправлен на пять лет в ссылку в Якутскую губернию. 15 месяцев шел по этапу, затем жил в ссылке в Вилюйске. Впоследствии находился в ссылке в Якутске и Гродно, по ее окончании в 1900 г. эмигрировал во Францию. Один из организаторов Группы молодых народovolьцев (с 1902 г. — Группы народovolьцев). Член партии социалистов-революционеров с 1901 г., в 1905 г. — член ЦК партии. Окончил математический факультет Сорбонны и Горный институт в Париже. С 1904 г. работал как горный инженер в Европе, Африке и Аргентине. В 1907–1909 гг. вместе с В. К. Агафоновым входил в крайне левую группу партии социалистов-революционеров. В 1907 г. в Париже стал одним из руководителей эсеровской группы «инициативного меньшинства», в 1908 г. редактировал газету этой группы *Революционная мысль*, в которой призывал к усилению террористических акций. Участвовал вместе с В. К. Агафоновым в разоблачении Е. Ф. Азефа. В 1909 г. вышел из партии (по другим сведениям — исключен за фракционную деятельность) и вступил в «Союз левых социалистов-революционеров». Писал под псевдонимами Валик, Голик, А. Липин, А. И. Комов. В качестве научного обозревателя сотрудничал в *Русском богатстве*, *Русской мысли*, *Современных записках* и ряде других изданий, написал более 4000 статей, издал ряд книг и брошюр.

После 1917 г. выступал с антибольшевистских позиций, боролся против большевистской пропаганды среди солдат русского Экспедиционного корпуса во Франции. С 1919 г. жил в Париже, где в 1920 г. участвовал в заседаниях Союза возрождения России, постоянно выступал с публичными лекциями и докладами. Один из издателей газеты *Революционная мысль*. Вместе с эсерами — членами Учредительного собрания, жившими в Париже, 16 мая 1919 г. подписал «Призыв к мировой демократии» с просьбой о помощи русской демократии. Сотрудничал во многих русских и зарубежных изданиях, в том числе в *Звене*, *Еврейской трибуне*, *Последних новостях*, *Новом русском слове*, *Иллюстрированной*

России, журнале *Le Mois* (в 1931–1940 гг. руководил его научным отделом). С 1920 г. член Общества русских литераторов и журналистов в Париже (затем — Союза русских писателей и журналистов). С 1921 г. выступал с докладами в Русском академическом союзе, с 1923 г. — член его ревизионной комиссии, с 1926 г. — член комиссии для усиления научной деятельности. В 1924–1935 гг. работал инженером-консультантом, руководил геологоразведочными экспедициями во Франции, Тунисе, Алжире, Испании и других странах. В 1927 г. кооптирован в члены правления Тургеневской общественной библиотеки, входил в него до 1937 г. Один из основателей Русского научно-философского общества, выступал с докладами на его заседаниях в Париже с 1931 по 1955 г. В 1932 г. выступал с докладами в Обществе еврейских инженеров и архитекторов. Лектор Русского народного университета. Предоставлял свою парижскую квартиру для собраний редакции газеты *Еврейская трибуна*. С 1933 г. член Кружка (затем — Объединения) русско-еврейской интеллигенции, неоднократно делал доклады на его собраниях. Почетный член Астрономического общества Франции. С 1941 г. жил в США, в 1946–1953 гг. — в Нью-Йорке. Член Литературного фонда, мемуарист.

Состоял в масонской группе «Россия» в 1943–1954 гг.

Забезинский Григорий Борисович (Беркович) (1879, Измаил Бессарабской губ. (Витебск?) –1966, Париж), доктор права, поэт, драматург, литературный критик, переводчик, писал также под псевдонимом Борский. В 1913–1917 гг. — помощник присяжного поверенного в Москве. В 1917 г. — присяжный стряпчий Московского коммерческого суда. Входил в Москве в кружок скульптура К. Ф. Крафта, где бывали Эллис, А. Белый и другие литераторы.

После 1918 г. эмигрировал, с начала 1920-х жил в Германии. В 1921–1925 гг. вместе с масоном М. П. Кадишем и другими был совладельцем Русского универсального издательства в Берлине. В 1930 г. вместе с М. П. Кадишем преобразовал его в книгоиздательство *Cos-topolis*, в котором печатал поэзию и стихотворные переводы, в том числе и свои. Владел в Берлине (вместе с М. П. Кадишем) книготорговой фирмой «Книжный салон» и книжным магазином «Универсальная библиотека». Член Союза русской присяжной адвокатуры в Германии. Затем жил в Париже. Во время Второй мировой войны принимал активное участие в деятельности Очага для русско-еврейских беженцев. В 1945 г. — заместитель казначея, с 1947 г. — член Совета Объединения русских эмигрантов в Париже. С 1945 по 1947 г. — член правления Объединения русских адвокатов во Франции. В 1951–1953 гг. жил

в Нью-Йорке, одно время — в Австралии. Сотрудничал в *Новом русском слове*, *Русской мысли*, *Новом журнале* и других изданиях русской эмиграции. Мемуарист.

Председатель масонской группы «Россия» в Нью-Йорке с 1950 г. по 25 сентября 1953 г.

Лейтес (Лейтис) Константин Соломонович (1881, Мстиславль Гогилевской губ. — 1955, Нью-Йорк), родился в купеческой семье. В 1900 г. окончил Новозыбковское реальное училище в Черниговской губернии и уехал учиться за границу. Поступил в Мюнхенский политехникум, но вскоре перешел на факультет общественных наук Мюнхенского университета. С начала 1904 г. сотрудничал в экономических изданиях и русских газетах: *Русское богатство*, *Современный мир*, *Русская мысль*, *Правда*. В 1908 г. сдал в Цюрихе экзамен на степень доктора государственных наук и защитил диссертацию на тему «Забастовки в России». Летом 1908 г. возвратился в Россию. С весны 1909 г. — постоянный сотрудник *Торгово-промышленной газеты*, *Вестника финансов*, затем — *Вестника кооперации*. Работал над пересмотром русско-германского торгового договора, в сентябре 1912 г. командирован периодическими изданиями Министерства финансов и Особой комиссией по пересмотру этого договора в Германию, где находился до 1914 г., после чего переехал в Копенгаген. После 1917 г. остался в Скандинавии, в 1922 г. вернулся в Берлин, где основал издательство экономической литературы «Verlag für Politik und Wirtschaft». Входил в Комитет помощи голодающему еврейскому населению России и Украины, сотрудничал с Союзом русской присяжной адвокатуры. В 1933 г. переехал в Париж, где входил в Кружок (затем Объединение) русско-еврейской интеллигенции, с 1938 г. — его генеральный секретарь. Деятель Общества распространения земледельческого и ремесленного труда среди евреев (ОРТ), занимался профессиональными курсами при ОРТе. Одно время исполнял обязанности председателя Исполнительного комитета ОРТа. С 1936 г. — член правления Очага для евреев-беженцев в Париже. Сотрудничал в ежегоднике *Еврейский мир*, с Русской секцией Международной федерации университетских женщин. С 1941 г. жил в Нью-Йорке, где стал одним из учредителей, затем оставался до кончины генеральным секретарем Союза русских евреев. Участвовал в литературных понедельниках Ассоциации русских писателей в Нью-Йорке. С 1947 г. — генеральный секретарь Тейтелевского комитета Союза русских евреев в Нью-Йорке. С 1949 г. член Общества друзей *Нового русского слова*, русского комитета Юнайтед Джуиш Аппил (United Jewish Appeal).

Член масонской группы «Россия» в 1943–1947 гг.

Либерман Семён Исаевич (1881, Украина — 1946, Нью-Йорк) происходил из семьи, занимавшейся на Украине на протяжении жизни нескольких поколений крестьянским трудом. Учился в хедере. Увлекался польской и русской литературой, в 16 лет бежал из дома в Житомир, где жил у двоюродного брата и сдал экстерном экзамены на аттестат зрелости. Во время еврейского погрома в Житомире участвовал в самообороне. Вступил в партию меньшевиков. Продолжил образование в Вене, где учился в местном университете. Из-за событий 1905 г. вернулся в Россию с рекомендательным письмом от Г. В. Плеханова, участвовал в социал-демократическом движении в Одессе, стал членом Одесского комитета партии меньшевиков, членом Бюро юго-западного объединения профессиональных союзов. После подавления революции бежал в Киев, где устроился на работу в контору по экспорту леса. К 1914 г. стоял во главе трех крупных обществ в лесной промышленности. Ездил за границу для изучения европейского рынка древесины, входил в экспертную комиссию лесного департамента Министерства земледелия.

После Февральской революции работал в экономическом отделе Петроградского совета, был вице-председателем Объединения по обеспечению железных дорог древесным топливом. После октября 1917 г. признал большевистский переворот, был избран служащими Главлескома в московский Совет рабочих депутатов, из которого затем исключен как меньшевик. Работал в топливном ведомстве, был членом Главного лесного комитета. Был знаком с руководителями советского государства, в том числе с Лениным, Рыковым, Красиным и другими. В марте 1920 г. направлен в длительную командировку за границу в составе делегации для изучения внешней торговли. В начале 1921 г. посетил Берлин для переговоров о продаже Россией леса, затем побывал в Париже. Один из инициаторов создания в Советской России концессий. Организатор, затем директор-распорядитель треста «Северолес». В 1925 г. был обвинен в экономической диверсии, допрашивался ГПУ, однако вскоре командирован Ф. Э. Дзержинским за границу и стал невозвращенцем. Работал в издательстве И. П. Ладыжникова в Берлине, с осени 1926 г. жил в Париже, где стал успешным банкиром. В 1940 г. уехал в США. Печатался в *Новоселье*, *Новом журнале*. Мемуарист.

Член масонской группы «Россия» в Нью-Йорке в 1943–1945 гг.

Жена — Генриетта Мироновна (Романовна) Паскар (ок. 1888 — 1974), директор Первого государственного театра для детей в Москве. Известен также его сын Александр (1912–1999), скульптор, живописец, художественный редактор, фотохудожник, один из основателей журнала *Vogue*.

Мабо Михаил Моисеевич (1879, Таганрог Екатеринославской губ. — 1961, Лейквуд, штат Нью-Джерси, США), драматург, журналист (писал также под псевдонимами Альбин, Азовский, Минский). В 5 лет отдан в хедер, затем учился в гимназии и коммерческом училище. С 16 лет содержал семью. Примыкал к социал-демократической группе *Искры*, член РСДРП, меньшевик. В 1905 г. принимал активное участие в революционном движении, секретарь и один из руководителей Союза бухгалтеров, организатор Совета рабочих депутатов в Таганроге, профессионального союза железнодорожных служащих и рабочих Владикавказской железной дороги. После поражения революции провел в тюрьме три с половиной месяца, после чего отошел от политической деятельности. В административном порядке выслан из Донской области. В 1907 г. жил в Минске, режиссер местного театрального кружка. В 1913–1920 гг. — директор Феодосийского отделения Азово-Донского коммерческого банка. Во время Первой мировой войны освобожден от военной службы как незаменимый банковский работник. Входил в Феодосийский литературно-художественный кружок, собрал хорошую библиотеку.

Был противником большевизма, однако остался в Феодосии после октября 1917 г. Несколько раз арестовывался, два с половиной месяца сидел в ЧК по обвинению в сокрытии бриллиантов. Судим показательным судом, но был оправдан. Служил бухгалтером.

В 1921 г. через Батум и Константинополь эмигрировал в Берлин, где был экспедитором, бухгалтером. Некоторое время управлял конторой журнала *Жар-птица*. Затем переехал в Литву, где возглавил коммерческий банк. После кончины дочери уехал в Париж, работал бухгалтером, делопроизводителем, советником по финансовым вопросам. Занимался литературно-театральной деятельностью, в 1936 г. одна из его комедий была поставлена Одесским землячеством, играл в ней одну из ролей. Во время Второй мировой войны переехал с семьей в США, преподавал в Нью-Йорке русский язык в школе Берлица. Автор ряда пьес и рассказов. Сотрудник *Нового русского слова*, *Нового журнала*. В 1958 г. секретарь временного правления Нового театра в Нью-Йорке. В конце жизни много болел и переехал из Нью-Йорка в Лейквуд. Автор воспоминаний (в том числе о М. Волошине), полный текст которых хранился у Г. Аронсона⁸.

Член масонской группы «Россия» в 1953 г.

Его сын, **Мабо Е. М.** (ум. не ранее 1954) был членом той же масонской группы в Нью-Йорке с 1943 г. и ее секретарем с 1953 г.

Несомненным русско-еврейским лидером масонства являлся **Марк (Мейер) Самойлович Мендельсон** (1894, Варшава — 1961, Нью-Йорк), один из лидеров «Бунда», инженер-химик, ученый, изобретатель, обще-

ственный деятель. М. С. Мендельсон получил образование в России и Германии, где окончил Гейдельбергский университет. Доктор химии. В 1924–1940 гг. жил во Франции, работал инженером-экспертом, консультировал крупные французские фирмы, был членом Общества русских химиков во Франции. С 1940 г. жил в США, с 1947 г. — в Нью-Йорке, занимал видный пост в крупной химической фирме. Мендельсон был одним из создателей масонской группы «Россия» и занимал в ней пост 1-го стража (второго по значению поста в масонской мастерской). В русских масонских кругах предполагалось, что именно он как человек, возведенный в высшие масонские степени, станет связующим звеном между американским и французским масонством. Однако в действительности этого не произошло, так как американские масоны не признали в 1950-е годы французских вольных каменщиков.

Прегель Борис Юльевич (1893, Одесса –1976, Нью-Йорк)⁹, инженер, ученый, банкир, меценат, музыкант. В детстве жил в Одессе. Учился в университете в Бельгии, затем в Петроградском университете; окончил столичную консерваторию. В 1920 г. эмигрировал во Францию. В Париже основал предприятие по изготовлению зубных протезов и зубоорудийных инструментов. С 1920-х до начала Второй мировой войны вместе с бельгийским горным инженером Э. Сеньером контролировал значительную часть мировой добычи радия и урана, которая велась в Канаде и Бельгийском Конго. В 1934 г. награжден орденом Почетного легиона, а в августе 1939 г. офицерским крестом этого ордена, в том числе за научные заслуги. В 1940 г. переехал в США, работал в области атомной энергетики. Через Французский Красный Крест помогал нуждающимся иностранцам в Париже. С 1947 г. возглавлял крупные радиевые и урановые компании в США и Канаде. Владелец (с 1947 г. — президент) Канадской радиевой и урановой корпорации со штаб-квартирой в Нью-Йорке. В 1947 г. член совета директоров и вице-президент, в 1958–1969 гг. — глава (ректор) Французского университета (Свободной школы высших наук) в Нью-Йорке. В 1948 г. член правления европейских друзей ОРТа в Нью-Йорке, в 1949 г. член русского комитета Юнайтед Джуиш Аппил (United Jewish Appeal). Оказывал помощь Русскому дому в Кормей-ан-Парижи (под Парижем). В 1964 г. председатель руководящего комитета (совета) нью-йоркской Академии наук. Вице-президент Американского географического общества. В августе 1961 г. избран почетным членом Французской (исторической) академии. Награжден Большой золотой медалью Ассоциации врачей и инженеров Франции (1949), Большой золотой медалью г. Парижа (1961), Крестом ордена Мальтийских рыцарей. В августе 1964 г. удостоен звания почетного доктор Тулузского

университета. Член Совета директоров Литературного фонда в Нью-Йорке. В 1966 г. был избран президентом Американского отдела Мировой Академии искусств и наук. Автор многочисленных трудов, посвященных использованию атомной энергии в мирных целях. Подготовил и издал воспоминания своей сестры С. Ю. Прегель¹⁰.

Автор романсов, в том числе на стихи С. Ю. Прегель («Я не знаю, зачем и кому это нужно»), С. А. Сафонова («Это было давно»), сочинений для симфонического оркестра; записал серию грампластинок. Обладатель коллекции редких книг и рукописей. В последние годы жизни активно участвовал в общественной жизни Израиля. Собрал (вместе со второй женой) коллекцию русской и европейской живописи, которая по их завещанию была передана музею в Тель-Авиве.

Жёны: первая — Софья Оскарвна, дочь адвоката и общественного деятеля О. О. Грузенберга, вторая (с 1937) — Александра Николаевна, дочь Н. Д. Авксентьева¹¹.

Прегель занимал в масонской группе «Россия» важный пост оратора.

Расин Владимир Юлиевич (Юльевич) (1888, Минск — 1954, Нью-Йорк). После революции 1917 г. эмигрировал, жил во Франции. В 1938 г. член комитета Объединения русско-еврейской интеллигенции. Один из учредителей и член правления Союза русских евреев во Франции. В 1941–1953 гг. жил в США, в 1941 г. вошел в Союз русских евреев в Нью-Йорке. С 1947 г. — член русского комитета Юнайтед Джуиш Апил (United Jewish Appeal). В 1949 г. — член организации американо-еврейских друзей ОРТа.

Казначей масонской группы «Россия» в 1953 г.

Рашба Евсей (?) С. Сведений о нем крайне мало, он не входил в русские ложи в Париже.

Член масонской группы «Россия» в начале 1950-х гг. в Нью-Йорке.

Троцкий Илья (Илиаху) Маркович (Мордухаевич) (1882, Ромны Полтавской губ. — 1969, Нью-Йорк)¹². Дародатель (лицо, ответственное за благотворительную деятельность) в масонской группе «Россия».

Теперь обратимся собственно к «внутренним» работам русской масонской организации в Нью-Йорке, так называемым «зодческим» работам¹³. 10 декабря 1943 г. в нью-йоркской русской ложе с докладом «О долге русских братьев за границей», посвященном памяти Н. Д. Авксентьева, выступил Г. Д. Гурвич, который отстаивал точку зрения, что главной задачей масонства является пропаганда идей демократии.

Возможно, что в нью-йоркской ложе с докладом «Мировой кризис и вольные каменщики» выступал А. В. Давыдов¹⁴.

Важную роль в пропаганде идей русского масонства играл ежегодный бюллетень на английском языке *Masonic Club Russia* (*Масонский клуб «Россия»*). В 1943–1945 гг. удалось издать три его выпуска, обложка которых была выполнена художницей А. Н. Прегель. В редакцию бюллетеня входили М. Я. Имханицкий, М. А. Алданов и М. С. Мендельсон, но решение о публикации той или иной статьи принималось коллегиально на заседании русской ложи. После 1945 г., возможно из-за разногласий между М. А. Алдановым и М. С. Мендельсоном, выпуск бюллетеня был прекращен.

В связи с отсутствием в государственных хранилищах данного издания, приведем его содержание, что также дает определенное представление о характере работы ложи¹⁵.

Вып. 1. Памяти Н. Д. Авксентьева. *Джонсон Ч. Х.*¹⁶ Вступительное слово; *Либерман С. И.* Наши первые шаги в Соединенных Штатах; *Лейтес К. С.* Заметки и воспоминания о М. А. Осоргине; *Алданов М. А.* Масонская трагедия в 1801 г.; *Делевский Я. Л.* Взаимодействие демократических идей Европы и Америки и историческая роль масонства; *Имханицкий М. Я.* Выдержки из проповеди Евлогия; *Мендельсон М. С.* Приветствие, произнесенное в нашем клубе; *Мабо Е. М.* Фредерик О. Бартольди — масон¹⁷.

Вып. 2. *Джонсон Ч. Х.* Вступительное слово; *Зензинов В. М.* Памяти Н. Д. Авксентьева; *Мабо Е. М.* Памяти Н. Д. Авксентьева; *Имханицкий М. Я.* Русское масонство за границей; рабби *Геффен Х.* Психологические и философские масонские идеи Толстого; *Алданов М. А.* Толстой и масонство; *Делевский Я. Л.* Масонство в критические периоды для демократии; *Либерман С. И.* Взгляд в будущее; *Мендельсон М. С.* Нравственная ценность масонского посвящения¹⁸; Наши ответы.

Вып. 3. *Лихлитер М. Х.* Вступительное слово; *Раймон Р.* Внутренняя правда; *Имханицкий М. Я.* Идеи и медитации; *Делевский Я. Л.* Исторические катастрофы и миссия масонства; *Алданов М. А.* Из истории русского масонства в 18-м веке; *Лейтес К. С. М. А.* Кроль; *Либерман С. И.* Что такое дисциплина; *Мендельсон М. С.* Свобода.

В 1951 г. М. А. Алданов предложил возобновить издание русского масонского бюллетеня в Нью-Йорке, целью которого было бы ознакомление американцев, в том числе конгрессменов-вольных каменщиков, с процессами, происходящими в России. Однако из-за отсутствия

денежных средств и единого мнения членов группы о содержании нового бюллетеня эти планы не осуществились.

5 июня 1953 г. с докладом на тему «Оценка положения в Европе» в русской ложе в Нью-Йорке выступил Я. Л. Делевский. Он подчеркнул противоречия в толковании принципов демократии в различные исторические периоды и указал, что в основе современного учения о демократии лежит стремление избежать насилия над человеческой волей, что, по его мнению, ведет демократию в тупик и создает угрозу ее существованию. В ходе обсуждения доклада Я. Л. Делевского выступило несколько членов группы.

Б. Ю. Прегель видел главную опасность для демократии в том, что технический прогресс опережает прогресс социальный, а это приводит к нарушению равновесия в обществе. При этом он подчеркивал, что масонство не является организацией чисто демократической и, в силу своей элитарности, может приобретать характер олигархический. Б. Ю. Прегель выступал за построение государственного социализма в международном масштабе. В качестве его оппонента выступил Е. С. Рашба, который отметил полную неопределенность будущего экономического развития. Э. Г. Когбетлианц критически оценивал положение в Европе, считая, что европейская культура основана на культе силы, и без духовного перерождения у этого континента нет будущего. Положения выступления Э. Г. Когбетлианца оспорил Б. П. Гепнер, который напомнил о колоссальном вкладе Европы в развитие человечества и попытался доказать, что культ силы, возникший в Риме, скорее характерен для Америки, чем для Европы. Итоги трех собраний-обсуждений подвел председательствующий А. В. Давыдов, который подчеркнул, что важно не только анализировать, но и стараться найти верные пути развития, работать более целеустремленно.

25 сентября 1953 г. прошли выборы нового офицерского состава группы. Председателем был избран А. В. Давыдов, сменивший на этом посту Г. Б. Забежинского; 1-м стражем М. С. Мендельсон, 2-м стражем Л. Л. Домгер, оратором Б. Ю. Прегель, секретарем Е. М. Мабо.

Вновь избранный руководитель А. В. Давыдов предложил более четко определить предмет работ группы и особое внимание уделять вопросам современности, пытаться противопоставить тоталитаризму не только старое, но какое-то и новое мирозерцание. Большинство выступивших в прениях по докладу А. В. Давыдова высказали сомнения в необходимости прагматичной идеологической работы и призывали сосредоточиться на принципиальных общих проблемах. Например, М. А. Алданов предлагал обсудить вопрос о войне, Е. С. Рашба — о свободе, равенстве и братстве, М. С. Мендельсон — о соотношении экономической и мета-

физической систем и т.д. Лишь Л. Л. Домгер и Я. Л. Делевский поддержали председателя группы и настаивали на широком обсуждении вопросов о современном кризисе и событиях в России. Резкой критике планы работы группы, предложенные А. В. Давыдовым, подверг Б. П. Гепнер, который считал необходимым провести четкую грань между работой масонской ложи и университетского кружка или семинара. По мнению Б. П. Гепнера, лучше было бы заняться изучением эзотеризма, чем риторически обсуждать проблемы современности. В заключение обсуждения А. В. Давыдов заметил, что ему, возглавлявшему ранее группу, уже приходилось сталкиваться с пессимизмом участников, но полностью отказываться от обсуждения насущных вопросов значило бы вызвать неудовлетворенность масонской работой и привело бы к разрушению группы. Примиряющим оказалось заключительное выступление М. А. Алданова, который предложил, в первую очередь, скоординировать работу ложи с русскими масонами в Париже.

9 октября 1953 г. в связи с отъездом из Америки М. А. Алданова¹⁹ и празднованием 85-летия Я. Л. Делевского была проведена торжественная агапа (братский, иногда ритуальный, ужин) русских масонов в Нью-Йорке. После торжественного чествования Я. Л. Делевского, на имя которого поступила поздравительная телеграмма от А. С. Альперина и В. А. Маклакова, члены группы вновь перешли к обсуждению вопроса о предмете будущих работ. Наиболее яркой была речь М. А. Алданова, остановившегося на трех положениях. Во-первых, по мнению М. А. Алданова, главная задача современного масонства состоит «в проведении мысли о мире всему человечеству», так как оно «является единственной группой людей, искренне стремящихся к осуществлению старых, но столь прекрасных лозунгов: Свобода, Равенство и Братство». Во-вторых, М. А. Алданов призвал «выбрать путь, чуждый политическим страстям». Русское масонство дорого заплатило за свою даже косвенную причастность к политической борьбе. Это привело к тому, что масонство утратило влияние на эволюцию русской мысли. В-третьих, М. А. Алданов считал, что особая роль русского масонства состоит в освобождении русской мысли от коммунистической идеологии.

Помимо текущей, русские вольные каменщики в Нью-Йорке вели большую работу с целью возобновления сотрудничества с французскими и американскими масонами. Особую активность в этом отношении проявлял М. С. Мендельсон. Отметим, что осенью 1953 г. в Америку приехал великий командор Верховного Совета для Франции и ее владений Р. Раймон, стремившийся добиться признания со стороны американских лож. К этому времени Великая Ложа Франции смогла вновь получить признание 17 Великих Лож в США. Главной целью визита Р. Раймона

было установление официальных отношений с влиятельной Великой Ложей Нью-Йорка. Русские масоны наибольшие надежды связывали с намечавшимся на май 1954 г. признанием Великой Ложы Франции Великой Ложей Нью-Йорка, что позволило бы основать регулярную русскую ложу в США²⁰. Однако переговоры о регуляризации — признании другими масонскими союзами Великой Ложы Франции — зашли в тупик, что предопределило в дальнейшем прекращение работ нью-йоркского кружка. Его деятельность сворачивалась также и по мере того, как из жизни уходили его члены: в 1953 г. умер В. М. Зензинов, в 1955 г. — К. С. Лейтес, в 1956 г. — Я. Л. Делевский. После кончины в 1961 г. М. С. Мендельсона²¹ масонская группа «Россия», вероятно, прекратила свою работу.

Таким образом, биографии членов масонской группы «Россия» и сведения о ее деятельности позволяют утверждать, что этот коллектив играл заметную роль в жизни русско-еврейской эмиграции в Америке на протяжении почти 20 лет и оказывал влияние на деятельность образовательных и общественных организаций российских эмигрантов в Нью-Йорке.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. Т. 38. № 19151. С. 579–580.

² Подробнее о развитии масонства в этот период см.: *Серков А. И.* История русского масонства XX века: В 3 т. СПб.: Изд-во им. Н. И. Новикова, 2009.

³ Подробнее о биографиях и источниках сведений об упоминаемых в тексте статьи масонов см.: *Серков А. И.* Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.

⁴ Цитата из документа личного архива автора статьи (далее — ЛАА).

⁵ *Перельман А.* Мой отец / Публ. Е. Рабинович; коммент. В. Кельнера // *Вестник еврейского университета.* М.; Иерусалим, 1999. № 1(19). С. 301.

⁶ *Жданов Б. В.* Масонское братство Бухенвальда (в печати).

⁷ *Русский вольный каменщик (Париж).* 1946. № 1. С. 19.

⁸ Их настоящее место хранения неизвестно.

⁹ О Б. Прегеле см. также: *Винокур Н.* Фотографии из семейного альбома // *Евреи в культуре Русского Зарубежья / Сост. и изд. М. Пархомовский.* Иерусалим, 1995. С. 426–436; статью Х. Кунелт «Неопубликованный рассказ С. Ю. Прегель» в наст. сборнике, с. 163–172. — *Примеч. ред.-сост.*

¹⁰ *Прегель С. Ю.* Мое детство. Париж, 1973.

¹¹ Об А. Прегель см. также: *Нежинская Р.* Александра Прегель // *Русские евреи в Америке.* Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 152–165. — *Примеч. ред.-сост.*

¹² Об И. Троцком см. публикацию М. Уральского «Илья Маркович Троцкий — публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании» в наст. сборнике, с. 82–162. — *Примеч. ред.-сост.*

¹³ О деятельности группы свидетельствуют три протокола ее заседаний второй половины 1953 г. (хранятся в ЛАА), а также документы архива русской ложи в Париже «Северная Звезда» (хранятся в Национальной библиотеке Франции, Отдел рукописей, архив ложи «Северная Звезда»).

¹⁴ Давыдов А. В. Воспоминания. 1881–1955. Париж, 1982. С. 243–250.

¹⁵ Перевод с англ. — автора статьи.

¹⁶ Джонсон Чарльз (1870–?) — филантроп, великий мастер Великой Ложи штата Нью-Йорк в 1930–1931 гг.

¹⁷ Бартольди Фредерик Огюст (1834–1904) — скульптор, автор статуи Свободы в Нью-Йорке, масон «Великого Востока Франции» с 1875 г.

¹⁸ См. публикацию этой же статьи: Русский вольный каменщик. Париж. № 1. С. 8–12.

¹⁹ М. А. Алданов уехал из Америки во Францию в 1947 г., но время от времени возвращался в Нью-Йорк. — *Примеч. ред.-сост.*

²⁰ См. письмо А. В. Давыдова к В. В. Вырубову от 16 марта 1954 г. (хранится в ЛАА).

²¹ См. некрологи А. И. Мазе и В. Грэга в *Вестнике объединения русских лож* (Париж. 1961. № 6. С. 2; № 8. С. 27–30).

Еврейский мандарин¹ с восточноевропейским прошлым в современном Нью-Йорке (1881–1917)²

Брайан Горовиц
(*The Tulane University, Нью-Орлеан, США*)

Введение

Герман Розенталь не был типичным эмигрантом из Восточной Европы, сотни тысяч которых прибыли в США в последнюю четверть XIX века. Он разрушил известные стереотипы и подтвердил, что между двумя еврейскими эмиграциями, «русской» и «немецкой», было много общего. Эта общность заключалась не только в том, что обе группы были в своей массе мало образованы, а в том, что они включали и высокообразованных индивидуумов. Розенталь был полиглотом и библиофилом, поэтом и писателем, журналистом и политическим советником. Часть жизни он посвятил еврейскому колонизационному движению Ам олам (Вечный народ). Розенталь никак не вязался с образом заскорузлого, невежественного и провинциального еврея, каким представляли себе немецкие евреи Америки своих собратьев — эмигрантов из России³. Пример Розенталя важен для характеристики еврейской эмиграции из Восточной Европы и понимания того, что и среди выходцев из России были люди высокообразованные и носители подлинной культуры, которые не противопоставляли себя эмигрантам из других стран, а находили пути сотрудничества с ними.

Розенталь родился в 1843 г. в обеспеченной еврейской семье в г. Фридрихштадте в Курляндии (ныне Латвия). В этой части Российской империи мирно сосуществовала русская и немецкая культура, евреи здесь были хорошо образованы и многие из них не были религиозны. Родным языком Розенталя был немецкий, и это сразу отличало его от местечковых евреев черты оседлости.

В противоположность многим иммигрантам, Розенталь приехал в Америку не в поисках материального благополучия, а из идейных

соображений, для создания еврейских сельскохозяйственных колоний. Для реализации этой и других своих инициатив он искал связей и знакомств с представителями еврейской элиты, такими как Дж. Шифф⁴. Благодаря этим связям Розенталь занимал высокий пост в Иммиграционном бюро на Эллис Айленд в Нью-Йорке, совершил длительную деловую поездку по Азии, работал в компании Edison и, в конце концов, в 1898 г. стал директором Славянского отдела Нью-Йоркской Публичной библиотеки, прослужив на этом посту до своей смерти в 1917 г.

Важным условием успехов Розенталя явилось его принципиальное согласие с идеологической позицией своих покровителей, в частности, Дж. Шиффа, состоящей в том, что американское правительство имеет право и даже обязанность критиковать другие страны и оказывать на них давление для соблюдения ими всеобщих прав человека⁵.

Розенталь во многом был продуктом мультикультурализма Нью-Йорка, определявшего широту его интересов. Он писал стихи на немецком, регулярно печатался в немецко-американских газетах и активно участвовал в германо-американской социальной и культурной жизни. В то же время Розенталь относился с симпатией к сионизму, высоко ценил иврит и редактировал журнал на иврите. Приехав в Нью-Йорк уже в зрелом возрасте, когда знакомства заводятся с трудом, Розенталь стал своим среди гебраистов и литераторов, пишущих на немецком и английском языках, и приложил много усилий для создания одной из лучших в мире коллекций литературы и периодики на русском языке в Нью-Йоркской Публичной библиотеке.

Герман Розенталь

Пропагандист еврейского земледелия

Будучи еще в России, Розенталь был вовлечен в движение Ам олам⁶. Его привлекала идея, что занятие сельским хозяйством благотворно скажется на евреях и улучшит их репутацию среди других народов. Розенталь полагал, что антисемитизм порождался экономической конкуренцией, и обращение евреев к сельскому хозяйству устранил причины

ненависти и насилия по отношению к ним⁷. После погромов на юге России в 1881–82 гг. он в значительной мере утратил надежды на интеграцию евреев в российское общество и обратился к идее еврейского общинного земледелия⁸ и создания в Америке сельскохозяйственных колоний из прибывающих иммигрантов. Получив на это 2800 долларов от Alliance Israelite Universelle⁹, он основал такую колонию в Сисили Айленд в штате Луизиана. Земля здесь была дешевой, но железная дорога проходила далеко в стороне от участка, а проезжие дороги, ведущие к нему, были в плохом состоянии. Детали сделки по продаже земли остались неизвестными, но было много слухов о том, что губернатор и местные политики нагрели на ней руки.

124 поселенца-эмигранта из России прибыли осенью 1881 г. в Нью-Орлеан, где дополнительно получили 3000 долларов от местной еврейской общины. Называя себя «Первой сельскохозяйственной колонией русских евреев в Америке», поселенцы стремились воплотить в жизнь утопические и коллективистские идеи Ам олам¹⁰. Целью колонии было «улучшение моральных и интеллектуальных условий жизни колонистов и членов их семей»¹¹. Большая часть ресурсов была общей, купля-продажа, а также употребление алкоголя в колонии запрещались.

В течение зимы женщины и дети оставались в Нью-Орлеане, а мужчины работали в Сисили Айленд. Болотистые земли оказались, однако, мало пригодными для земледелия. Вдобавок, у многих колонистов не было опыта и навыков работы в сельском хозяйстве, часть из них была вообще не знакома с физическим трудом. Тем не менее поселенцы мужественно корчевали лес, строили дома и готовились к весенней пахоте¹². В первые месяцы среди них царил эйфория.

«По вечерам колонисты собирались для дискуссий и дебатов в одном из трех больших домов, оставшихся еще со времен Гражданской войны. Колонист по фамилии Боровик, бывший в России оперным певцом, услаждал слух присутствующих пением. Герман Розенталь читал благодарной аудитории свои поэмы. Общинная жизнь освещалась, часто в юмористических тонах, в еженедельном бюллетене на русском языке. Для привезенных из Нью-Орлеана детей была открыта школа в доме Розенталя, и двое колонистов, знавших английский, превратились в учителей. Взрослые тоже учили новый для них язык и проводили долгие ночные часы в занятиях и чтении»¹³.

К маю 1882 г. настроение колонистов изменилось, они страдали от непривычной жары и изнурительной работы. В конце мая Розенталь писал в частном письме: «Трудно найти на всей земле место, более

отвратительное, чем это»¹⁴. Некоторые поселенцы покинули колонию и занялись привычной для них мелкой торговлей. В довершение, обильные дожди вызвали значительный подъем уровня воды в реке Миссисипи, которая прорвала защитные дамбы и затопила поселок колонистов и их поля. Они вынуждены были бежать либо в ближайшие городки, либо в Южную Дакоту, где неутомимый Розенталь, собрав необходимые средства, организовал новую колонию «Кремье»¹⁵. Несмотря на неудачу с Сисили Айленд, на собрании в Нью-Йорке 24 мая 1882 г. Розенталь назвал ее «частицей еврейской истории», хотя и признал, что вместо «обещанного рая» колонисты нашли там «только множество змей»¹⁶.

Из-за плохих урожаев колония «Кремье» оказалась тоже недолговечной, и Розенталь направил свою энергию в новое русло. В середине 1880-х годов он работал ведущим статистиком в компании Edison General Electric¹⁷, где, по его словам, внедрил новую статистическую систему учета качества продукции.

Но мечта о создании успешной еврейской сельскохозяйственной колонии не покидала Германа, и когда представился шанс снова принять участие в этой работе, он немедленно покинул Edison¹⁸. Поначалу Розенталь был приглашен на должность советника Комитета по сельскому хозяйству при Фонде барона де Гирша¹⁹ с месячной зарплатой в 30 долларов. В Комитет входили такие видные представители американского еврейства, как М. Исаакс, Д. Зелигман, Ю. Гольдман и Дж. Шифф. Вскоре Розенталь стал редактором ежемесячного журнала на идиш *Der Yidisher Farmer* (*Еврейский фермер*), первый номер которого вышел в ноябре 1891 г. Редакция располагалась по адресу 205 Henry Street в том же здании, что и Фонд барона де Гирша, пожертвовавшего значительную сумму денег на организацию новой сельскохозяйственной колонии «Вудбайн».

В редакционной статье в первом номере журнала Розенталь писал:

«Еврейский фермер! Это слово скоро будет звучать громко и находить живой отклик в каждом еврейском сердце! Еврейский фермер! В своих мечтах мы, евреи, наслаждаемся плодами свободного труда. Мы видим бодрых, здоровых и уверенных в себе людей, сцены счастливой, мирной фермерской жизни. Мы услышим песни о еврейских фермерах, не о рабах, рыдающих о своем иге и страданиях, а о свободном народе, свободных фермерах, которым доступны высшие достижения культуры»²⁰.

Журнал просуществовал полтора года, после чего все инструкции для колонистов стали издаваться Комитетом на английском языке.

В организации и деятельности колонии «Вудбайн» вместе с Розенталем принимали участие М. Хелприн (Гельперн, Гальперин), П. Каплан и Дж. Розенблитт — энтузиасты и знатоки еврейского колонизационного движения²¹. На сей раз все делалось гораздо более продуманно, чем в случаях первых двух колоний. Для «Вудбайна» был приобретен участок плодородной земли в южной части штата Нью-Джерси, расположенный недалеко от городских рынков сбыта продукции и основных транспортных артерий. Для того чтобы повысить ответственность колонистов за общее дело, каждый должен был вложить в него определенную сумму денег. Розенталь поощрял развитие в колонии мелких предприятий по пошиву одежды и производству домашних товаров, которые обеспечивали поселенцев работой в зимние месяцы.

И все же, несмотря на все усилия организаторов, колония оказалась недолговечной и просуществовала чуть менее трех лет. В «трудном» 1894 г., когда банки потребовали погашения опрочечивых и льготных займов, сделанных поселенцами в прошлые годы, колония оказалась в тяжелом финансовом положении. Более того, недоразумения, связанные с уплатой процентов по займам, подорвали доверие колонистов к их спонсорам²². В конце концов было решено, что легче распустить колонию, чем пытаться восстановить понесенные финансовые потери. С роспуском «Вудбайна» закончилась колонизационная деятельность Розенталя и началась новая страница его жизни, связанная с Нью-Йоркской Публичной библиотекой.

Любитель языков, мастер слова

В 1880-е и 1890-е годы Розенталь принадлежал двум литературным мирам в Нью-Йорке. Он участвовал в немецкой литературной жизни и в то же время активно пропагандировал иврит. Главным вкладом Розенталя в немецкую поэзию были два перевода из ивритской Библии: «Екклезиаста» («Worte des Sammlers», Нью-Йорк, 1885) и «Песни песней» («Lied der Lieder», Нью-Йорк, 1893).

В 1888–1890 гг. Розенталь (вместе с К. Нисом²³) редактировал двухтомник «Deutsch-Amerikanische Dichtung. Unter Mitwirkung der hervorragenden deutschen Dichter und Schriftsteller Amerikas» («Немецко-американская литература. С участием выдающихся немецких поэтов и писателей Америки»), опубликованный Национальным союзом немецких литераторов и художников в Америке, в числе руководителей которого были Дж. Шифф и К. Нис. В сборнике приняли участие видные поэты и писатели F. Pauly, O. Soubron, F. Edgar, H. Goldberger, J. Fuchs и другие.

Сам Розенталь никогда не переставал писать стихи на немецком, рукописи которых хранятся в его архиве в Отделе рукописей Нью-Йоркской Публичной библиотеки. Некоторые из них были переведены на английский А. Гитерманом (A. Guiterman)²⁴ и Е. Кеннеди (E. Kennedy).

Помимо этого, он регулярно помещал статьи о немецкой литературе, экономической жизни в Европе и положении в России в немецкоязычной газете *New-Yorker Staats-Zeitung*.

Работая над переводами «Екклезиаста» и «Песни песней», Розенталь заинтересовался вероятным автором этой поэзии²⁵. Находя, что он был весьма восприимчив к историческим и философским тенденциям прошлого и своего времени, Розенталь называет его «великим коллекционером». Рассматривая «идеологически нейтральные» аллюзии и формулировки автора, а также его интеллектуальный уровень и временами циничное отношение к изображаемому, Розенталь делает вывод, что тот был «эллинизированным» евреем, и идет даже дальше, полагая, что автором мог быть Антигон из Соко²⁶. Розенталь писал о своей гипотезе, что «я буду рад, если глубокие исследователи Библии пойдут по этому пути, основанному пока лишь на моих голых спекуляциях»²⁷.

В это же время усиливается интерес Розенталя к ивриту. В 1895 г. он основал общество Ohale Shem для «пропаганды изучения иврита» и «поощрения изучения еврейской истории и литературы». К моменту основания в Обществе состояло 70 членов, все они жили в Нью-Йорке²⁸. Среди них были такие известные американские гебраисты, как С. Брайнин, И. Альтшулер, Дж. Эйзенштейн и А. Фрейдус²⁹. С последним, возглавлявшим Еврейский отдел Нью-Йоркской Публичной библиотеки, Розенталя связывали дружеские отношения. А. Фрейдус, Г. Розенталь и директор Восточного отдела Р. Готтхейл часто обсуждали и всячески поддерживали новые публикации на иврите³⁰.

Общество Ohale Shem издавало журнал на иврите *ha-Modia la hodashim* (*Вестник новостей*), три номера которого вышли в 1902 г., и в 1904 г. выпустило сборник поэзии, критики и эссе, озаглавленный «Yalkiut ma'agavi» («Коллекция с Запада»). Выход сборника был связан с несколькими обстоятельствами. Как объясняли его редакторы Г. Розенталь и А. Радин, он посвящался 70-летию Горация Гинзбурга, известного русско-еврейского филантропа и главы Общества для распространения просвещения среди евреев России³¹. Деньги от продажи сборника шли в помощь евреям — жертвам погромов в России и Румынии. Редакторы указали также, что выход сборника отмечает «полуюбилей живущего в Нью-Йорке ивритского и идишистского поэта Менахема Менделя Долицкого»³² (под «полуюбилеем» подразумевалось 25-летие литературной деятельности поэта). В сборнике помещено письмо с поздравлениями

и добрыми пожеланиями юбиляру, подписанное М. Лилиенблумом, А. Гинзбургом (Ахад Ха-Амом) и Е. Равинским.

В «Yalkiut ma'aravi» были напечатаны эссе об еврейско-американской жизни, включая материалы об еврейских сельскохозяйственных колониях в США, еврейском образовании и состоянии иудаизма в Америке. В одном из эссе Ш. Абель писал:

«Американский иудаизм, бывший еще вчера в руинах, возродился сегодня и <...> удивляет нас своими достижениями. Общество (Ohale Shem. — Б. Г.) публикует книги, включая Еврейскую энциклопедию. В новых семинариях пишутся новые Торы для нашего будущего, для будущего евреев в Америке...»³³.

Если такая оценка была верной, то нужно признать несомненную заслугу в этом Розенталя³⁴. В действительности дело обстояло не совсем так, и накануне Первой мировой войны основными читателями на иврите оставались, как это было и прежде, сами ивритские журналисты и писатели.

Розенталь и Нью-Йоркская Публичная библиотека

За время своей профессиональной карьеры Розенталь часто пользовался поддержкой влиятельных и богатых соплеменников. Так, в начале 1890-х годов он пытался, заручившись рекомендацией Дж. Зелигмана, получить дипломатический пост на Дальнем Востоке³⁵. Хотя из этого ничего не вышло, ему удалось совершить по заданию компании The Great Northern Railroad длительную поездку в Японию, Корею и Китай для оценки возможностей развития железнодорожного транспорта в этом регионе³⁶.

В 1894 г., благодаря поддержке влиятельных членов еврейской общины, Розенталь получил важный пост в Иммиграционном бюро на знаменитом «острове слез» Эллис Айленд в Нью-Йорке, который он занимал в течение двух лет³⁷.

В 1898 г. Розенталь был назначен директором Славянского отдела Нью-Йоркской Публичной библиотеки. Его лучшие качества — любовь к свободе, ненависть к фанатизму, широта взглядов, стремление к правде и справедливости — нашли достойное применение на этом посту. Различные документы и мемуарная литература свидетельствуют, что Розенталь приложил немалые усилия для того, чтобы русскоговорящие иммигранты могли читать российские периодические издания, всесторонне знакомящие их с положением на бывшей родине. Историк славянской коллекции Публичной библиотеки Р. Девис писал:

«По данным на 30 июня 1898 г., Славянский отдел получал только 13 русских изданий. Через год его коллекция включала уже 1300 томов, 570 из которых были переплетенные периодические издания». К 1909 г. отдел «выписывал 89 газет и журналов на русском языке»³⁸.

Розенталь установил контакты с российскими библиотеками, книжными магазинами и даже правительством. Его усилия нашли отражение в составленной в 1916 г. библиографии «A List of Russian, Other Slavonic and Baltic Periodicals in the New York Public Library» («Список русских, других славянских и балтийских периодических изданий в Нью-Йоркской Публичной библиотеке»).

Розенталь хотел *«собрать коллекцию современных и исторических материалов. В ежегодном отчете библиотеки за 1911 г. значится приобретение описания Японии Ивана Рейкеля³⁹ (XVIII в.) и описание Москвы, оставленное З. Херберштейном⁴⁰. В следующем году отчет упоминает приобретение первого издания „Грамматики“ М. Ломоносова, в 1913 г. — церковнославянских книг и книг времен Петра I, включая „Арифметику“ Л. Магницкого. Впоследствии библиотека приобрела такие редкие документы, как описание Анжело Нонни путешествия царевича Павла в Венецию в январе 1782 г. и описание приема в Лондоне, оказанного Александру I в июне 1814 г.»⁴¹.*

Отличительной чертой Славянского отдела была господствовавшая в нем атмосфера терпимости. В читальном зале сидели вместе и передавали друг другу одни и те же газеты и журналы социалист Лев Дейч⁴², сионист Наум Соколов, дипломат и путешественник Джордж Кеннан и многие другие. Окажись в ином месте, они могли бы вступить в отчаянный спор на грани кулачного боя, но в читальном зале Славянского отдела столь разные люди соблюдали декорум. Вместе с персонами известными и знаменитыми, зал заполняли и рядовые читатели, которые приходили сюда в поисках нужной информации и для сохранения связей с бывшей родиной. Вспоминает Дж. Кеннан:

«Для многих читателей, в особенности для тех, кто недавно приехал в страну, Славянский отдел был посредником между их прошлым и настоящим. Это было место, где покинутый ими мир был понятен и уважаем, где российские книги пользовались любовью, где можно было встретить людей с общими интересами и той же ностальгией. Короче говоря, здесь легче переживался шок, вызванный коренной сменой обстановки»⁴³.

М. Раев описывает, как иммигранты из России, в большинстве евреи, использовали библиотечные коллекции для самообразования. Для многих из них читальный зал стал своего рода частным университетом⁴⁴.

В начале века все столы в зале по субботам и воскресеньям были заняты, и сотрудники сбивались с ног, пытаясь удовлетворить запросы читателей.

Время активных действий

С 1903 г. до самой смерти в 1917 г. энергия Розенталя была направлена на распространение в США информации об аморальности российского правительства в связи с его политикой по отношению к евреям, при этом он преследовал три цели. Во-первых, повлиять на американское общественное мнение и, следовательно, на американскую внешнюю политику в сторону осуждения России. Во-вторых, обосновать и подтвердить фактами причины враждебного отношения американских еврейских лидеров, таких как Дж. Шифф и Л. Маршалл, к царскому правительству. И, в-третьих, защитить политику массовой иммиграции российских евреев в США.

Розенталь состоял в многолетней дружбе с банкиром Дж. Шиффом, который использовал свои громадные финансовые ресурсы для того, чтобы изменить политику России в сторону большей терпимости к евреям. Хорошо известна резко отрицательная позиция Шиффа о предоставлении займов царской России. Менее известна широкая пропагандистская компания против антиеврейской политики России, которую он вел в США. Биограф Дж. Шиффа Ноами Коэн указывала, что

«преследования евреев в России и Румынии побудили американский еврейский истеблишмент настойчиво просить правительство США обличать виновных. Начиная с 1882 г., когда Мейер Исаак доложил Конгрессу о погромах в России, и до начала Первой мировой войны этот же истеблишмент настаивал на том, чтобы этические оценки были частью американской внешней политики. Призывая к проведению гуманитарной дипломатии, еврейские общинные лидеры использовали свои связи с официальными лицами в попытках добиться равных прав для евреев Восточной Европы. Они предупреждали, что это будет и в интересах США, ибо в противном случае волна беднейших иммигрантов захлестнет страну»⁴⁵.

Розенталь и Шифф были несогласны по вопросу о будущем евреев в России. Розенталь полагал, что Палестина могла бы принять евреев из Восточной Европы, тогда как Шифф рассматривал сионизм как вредную иллюзию, которая вызовет глубокое разочарование, коль скоро люди убедятся в невозможности достижения высоких идеалов этого

движения⁴⁶. Несмотря на эти разногласия, Розенталь и Шифф были единомышленниками в необходимости содействовать политическим изменениям в России.

Розенталь стал сотрудничать с Шиффом в деле распространения информации о положении евреев на своей бывшей родине в 1903 г. В письме банкиру, написанному сразу после кишиневского погрома, он осуждал беззубую реакцию правительства США на это событие и требовал от американских властей более решительных действий. Сам Розенталь был хорошо осведомлен о положении в России, черпая информацию из различных источников, включая российскую прессу, и прямо обвинял царское правительство в подстрекательстве к насилию⁴⁷.

Он требовал, чтобы «цивилизованные нации» исходили в своей политике из моральных обязательств, направленных на защиту евреев в России и содействие их эмиграции из страны.

Возвращаясь к событиям в Кишиневе, Розенталь писал, что сдержанная реакция на них правительства США основана на информации, представленной российским послом, который уверял американскую прессу, что ничего серьезного в Бессарабии не произошло.

«После всех усилий и борьбы за лучший мир, справедливость и правду может ли современная христианская цивилизация оставаться равнодушной и лицемерить ужасное преступление, сопоставимое с самыми мрачными днями инквизиции, без слов протеста? Не является ли обязанностью Соединенных Штатов, которые символизируют лучшие и благороднейшие идеалы, сделать все возможное в этом отношении? Хотя США не имеют права вмешиваться во внутренние дела России, полезно напомнить, что по крайней мере две проблемы касаются нас непосредственно: 1) граждане еврейского вероисповедания, обладающие американскими паспортами, не имеют права на въезд в Россию, и наша дипломатия не смогла изменить этого в течение последних 20 лет; 2) мы не можем игнорировать увеличение эмиграции в нашу страну, которая последует за массовыми убийствами в Кишиневе. Простое уважение международных норм не освобождает просвещенные нации от выполнения определенных обязательств... Во имя справедливости мы должны побудить наше правительство выразить предупреждение российскому правительству»⁴⁸.

Хотя, в конце концов, США направили российскому правительству письмо протеста, последнее отказалось его принять.

Розенталь внес значительный вклад в то, как реагировали на события в Кишиневе американские евреи и общество в целом. В стране

развернулся сбор денег в помощь жертвам погрома, проводились митинги протеста, в Вашингтон летели осуждающие петиции, в прессе появлялись все новые подробности о происшедшей трагедии⁴⁹.

Розенталь опубликовал несколько статей о кишиневском погроме в ежедневной нью-йоркской газете *American Hebrew* и перевел с немецкого на английский книгу Хуго Ганца, основанную на впечатлениях автора от посещения России в 1890-е годы⁵⁰. В книге описываются полицейское засилье, бесконтрольная бюрократия, паранойя царя и использование евреев в качестве козлов отпущения за все ошибки правительства. В предисловии к книге Розенталь сравнил Россию с Японией, которая не пользовалась популярностью в Америке во время Русско-японской войны. Негативное отношение к стране было связано со страхом перед «желтой опасностью» и растущей экономической мощью этой азиатской державы. Розенталь утверждал, что американцам следовало бы изменить свое мнение о России, политика которой не отвечает европейским стандартам.

«Кажется невероятным, что условия, описанные в книге, могут существовать в стране, претендующей на место среди цивилизованных наций. Тогда как Япония бесспорно доказала, что она освобождается от многовековой темноты, Россия, по существу, остается в полуварварском состоянии, которое восходит ко временам средневековья»⁵¹.

В 1905 г., пользуясь поддержкой Шиффа, Розенталь часто публиковал в американских газетах, включая немецкоязычную *New-Yorker Staats-Zeitung*, переводы статей из российской прессы о положении в стране. После поражения первой русской революции он перевел на английский и опубликовал в 1908 г. с помощью того же Шиффа «Воспоминания русского губернатора» князя С. Д. Урусова. В этой книге Урусов описывает свое назначение губернатором Бессарабии сразу после кишиневского погрома и стоявшие перед ним задачи, главными из которых были успокоить общественное мнение и гарантировать невозможность повторения подобных событий в будущем. Автор был умеренным критиком царского правительства, но не это определило выбор Розенталем его воспоминаний для перевода. Скорее всего, переводчика привлекло положительное и непредвзятое отношение князя к бессарабским евреям.

Книга начинается с того, что Урусов ставит под сомнение причины, вызвавшие погром.

«Неоднократно заявлялось, в том числе и правительственными кругами, что евреи сами ответственны за беспорядки. Они, будто бы,

были атакующей стороной, но, встретив сопротивление храбрых русских, потерпели поражение из-за своей трусости. Однако, ознакомившись с действительными фактами, я понял, что это было явным преувеличением»⁵².

В течение долгого времени правительственная пропаганда утверждала, что организаторами революционного движения в стране являются евреи, однако, Урусов в воспоминаниях приходит к другим выводам. В частности, он писал:

«В своем большинстве, евреи Кишинева не настроены воинственно. Я убежден, что они предпочитают мирную буржуазную жизнь и безразличны к политике больше, чем другие народы России. Еврейские революционеры Кишинева происходили из беднейших слоев населения и были юнцами. Как только молодой человек женится и зарабатывает первые 50 рублей, он становится законопослушным и направляет всю свою энергию на изыскание способов пропитания семьи. Я пришел к заключению, что кишиневская полиция была слишком напугана верой в то, что евреи играли видную роль в революционном движении, и переоценила силу и степень их самоорганизации»⁵³.

Такие качества Урусова, как отсутствие предрассудков, широта взглядов и любовь к свободе делали его, в глазах Розенталя, тем типом лидера, который мог бы привести Россию к миру, процветанию и равенству всех национальных меньшинств.

Розенталь и Шифф не прекращали пропагандистскую войну против царского правительства и после выхода в свет английского перевода «Воспоминаний губернатора». При поддержке Шиффа Розенталь продолжал публиковать разоблачительные материалы о положении в России в различных американских изданиях. Отметим среди них статью об Е. Азефе «A Phase of the Russian Spy System» («Фаза российской шпионской системы»), появившуюся в *American Review of Reviews*, и «The Martirdom of the Jew» («Мученичество еврея») в журнале *The Outlook* в 1911 г.

Розенталь в военные годы

Разразившаяся Первая мировая война явилась поводом, заставившим Розенталя высказать свое мнение об Европе и Америке. В статье в журнале *Bethlehem Outlook* он писал:

«Ужасная война, начавшаяся в Европе, не будет последней великой войной, в чем нас пытаются разубедить знающие редакторы газет.

Они утверждают, что „прочный мир может быть обеспечен, если война закончится падением династий Гогенцоллернов, Габсбургов и Романовых. Императоры, власть которых от Бога, являются чудовищным анахронизмом и угрозой миру, ибо по их желанию великие и процветающие народы могут быть, вопреки их воле, втянуты в династические войны“. В это не верят теперь даже студенты-историки... Страсть к борьбе и убийству до сих пор не умерла в сердцах людей. Дикие силы и импульсы могут быть временно подавлены образованием и культурой, но звериные инстинкты продолжают дремать в людях и могут взорваться в любой момент под влиянием политических агитаторов, сильных и brutальных лидеров... Мы верим в эволюцию, но прогресс часто развивается не по прямой, а по изломанной линии. В определенные моменты он может, сохраняя общее поступательное движение, повернуть вспять»⁵⁴.

Подобно Шиффу и многим другим американцам, евреям и неевреям, в начале войны Розенталь относился с симпатией к стремлению Германии приобрести большее политическое и экономическое влияние. Он опасался, что в случае победы России тирания распространится по всей Центральной Европе. Единственным противовесом Европе Розенталь считал США, которые могли бы быть посредником между воюющими сторонами и помочь им в достижении мирного соглашения.

По мере продолжения войны, особенно после потопления немцами «Лузитании», общественное мнение в США все более склонялось на сторону Англии, Франции и России. Розенталь не мог не чувствовать этого и задумывался о том, почему США не вступали в войну на стороне союзников. Розенталь полагал, что США стояли на более высокой ступени социального развития, чем европейские державы. Он утверждал, что его страна является единственной, в которой классовая система общества не уничтожила идею свободы.

«Возможно, что США еще далеки от утопических идей Платона и его последователей, но они являются лучшей республикой, созданной человеческой расой... Американцы любят мир и ненавидят агрессию. США должны быть готовы к той роли, которую они могли бы сыграть в прекращении враждебности и установлении мира»⁵⁵.

Розенталь высоко ценил деятельность президента Вудро Вильсона и его надежды на создание новых политических институтов в послевоенном мире. Сам Розенталь тоже пытался представить будущее развитие событий после окончания войны. Так, он писал:

«Сможем ли мы прийти к неприятию жестоких и опустошительных конфликтов? Сможем ли мы играть ведущую роль в обеспечении гарантий недопустимости бесчеловечных войн? Увидим ли мы воплощенную мечту о создании международного совета, который, в случае необходимости, применит силу для установления мира между народами? Добьемся ли мы успеха в достижении всеобщего разоружения и создания международных сил для сохранения мира и справедливости? Какова будет роль профсоюзов в распространении демократии? Какую роль будут играть женщины (с правом голоса или без него) в установлении всеобщего мира? Сможем ли мы добиться того, чтобы династии не развязывали войн без согласия своих подданных? Будем надеяться на то, что эксцессы и ужасы войны усилят наше стремление к повсеместному установлению справедливости и терпимости».

Приведенная цитата взята из книги, которую Розенталь хотел опубликовать после окончания войны. Его смерть в 1917 г. помешала выполнить это намерение⁵⁶.

Розенталь надеялся, что трагедия войны поможет человечеству в достижении высших идеалов справедливости как внутри государств, так и на международной арене, и активно поддерживал идею создания Лиги Наций.

Хотя я назвал своего героя «мандарином» в заглавии статьи, он был не бюрократом, а интеллектуалом, поэтом и мыслителем. В одном из выступлений он остановился на творчестве Л. Толстого:

«Мы должны помнить, что работы мастеров искусства и литературы сохраняются на века, тогда как даже лучшие произведения, содержащие политические или религиозные догмы, оказывают влияние на читателей только на короткое время. „Война и мир“ Толстого всегда будет выдающимся произведением, а его политические и религиозные памфлеты быстро канут в безвестность»⁵⁷.

В какой-то степени это относится и к самому Розенталю. Часть из сделанного им оказалась важной для своего времени, другая прочно вошла в историю еврейской общины Америки.

Жизнь и творчество Розенталя заставляют нас пересмотреть многие предубеждения и стереотипы, связанные с «русской» и «немецкой» еврейской эмиграцией в США.

От редактора-составителя: Приводимая ниже заметка анонимного автора содержит очень краткое изложение лекции, прочитанной Г. Розенталем в г. Бетлехеме в пользу Фонда местной библиотеки. При ее оценке следует учитывать, что аудитория Розенталя имела, скорее всего, самое смутное представление о русской литературе (если имела его вообще). Содержание заметки свидетельствует о широте литературных интересов докладчика, хотя и не со всеми его оценками можно сегодня согласиться, и содержит несколько интересных фактов его творческой биографии. К ним, в частности, относятся переводы Розенталем на немецкий язык басен И. Крылова и поэмы Н. Некрасова «Саша». Известный интерес представляет также сравнение Розенталем И. Тургенева с Л. Толстым. В силу всего этого републикация заметки столетней давности представляется нам не лишенной интереса.

Лекция г-на Розенталя⁵⁸

Насыщенная интересной информацией, лекция «Золотой век русской литературы» г-на Розенталя из Славянского отдела Нью-Йоркской Публичной библиотеки, состоявшаяся в понедельник в Таун холле в поддержку Фонда местной библиотеки, доставила слушателям большое удовольствие.

В начале лекции г-н Розенталь живо обрисовал развитие русской литературы с начала XIX века, когда ее ведущей фигурой был историк Карамзин. Его отличал литературный вкус и привлекавший читателей стиль. Карамзин путешествовал по Германии, Франции и Англии и в своих «Письмах русского путешественника» (1791) и повестях приблизил русскую литературу к современной жизни. Следуя английским писателям С. Ричардсону и Л. Стерну, Карамзин создал в России образцы сентиментальной романтической литературы. Его «Письма» обнаруживают влияние «Сентиментального путешествия» Стерна, а повесть «Бедная Лиза» вызывает аналогии с «Памелой и Грандисоном» Ричардсона.

Современник Карамзина Иван Димитриев был ведущей фигурой в русской поэзии того времени. Последователь Димитриева Иван Крылов (1768–1844) — известный баснописец, чьи басни стали классикой русской литературы. Г-н Розенталь перевел многие из них на немецкий язык.

Величайший русский поэт А. Пушкин (1799–1837), продолжал г-н Розенталь, начинал свое творчество с подражания легкомысленной французской поэзии. Позднее он испытал влияния Байрона и Шекспира, но они были недолгими. Он был первым русским поэтом, который привнес заимствования из иностранной литературы в русский контекст и внедрил их в национальное сознание.

Выдающимся представителем байронизма в России был М. Лермонтов (1814–1841).

Затем г-н Розенталь рассказал о великом русском писателе Гоголе, основателе реалистической школы в русской литературе и наиболее талантливом русском юмористе. Описанные им с добрым юмором типы русских помещиков, крестьян, купцов и чиновников напоминают персонажей Диккенса и немецкого писателя Фрица Рейтера. Крупнейший русский критик В. Белинский содействовал признанию Гоголя.

Одновременно с Белинским появилась группа ведущих писателей, которые обеспечили почетное место русскому роману в мировой литературе XIX века. Среди них были Герцен, Тургенев, Гончаров, Чернышевский, Достоевский, Толстой, Аксаков, Григорович, Писемский, Сологуб. Многие из них боролись за политические свободы в России.

Трудно назвать более сдержанного писателя, чем Тургенев, от которого, однако, русские читатели узнали так много. Его творческое воображение породило необычайное богатство форм и образов. При упоминании имени Тургенева сразу возникают бессмертные образы созданных им героев: Рудина, Базарова, Соломина, Бабурина — разрушителей старого и искателей нового.

Во времена Крымской войны наиболее видные литераторы группировались вокруг журнала *Современник*, основанного Пушкиным; с 1847 г. он издавался энергичным Панаевым и поэтом Некрасовым. В тесный круг журнала входили одно время Тургенев и Толстой, две наиболее яркие звезды на небосклоне российской литературы. Г-н Розенталь имел счастье лично знать обоих, а также Некрасова, Достоевского и многих других из круга *Современника*. Он был первым переводчиком стихов Некрасова на немецкий язык. Самая большая поэма поэта «Саша», отрывки из которой вошли в посмертное издание его сочинений в 1877 г., была через десять лет опубликована на немецком в Милуоки⁵⁹.

Г-н Розенталь детально описал литературную деятельность Толстого и Тургенева и натянутые отношения между ними. По воспоминаниям г-на Розенталя, весной 1879 г. он был свидетелем восторженной овации, устроенной Тургеневу на одном из литературных собраний в связи с обсуждением его романа «Отцы и дети». Докладчик остановился на различиях между Тургеневым и Толстым, указав, что первый верил в литературу как искусство, и в этом качестве рассматривал ее в качестве орудия прогресса. Второй отрицал ценность искусства как такового и считал литературу средством донесения до читателей своих религиозных, социальных и политических доктрин. Мы должны помнить, что работы мастеров искусства и литературы сохраняются на века, тогда как даже лучшие произведения, содержащие политические или религиозные

догмы, оказывают влияние на читателей только на короткое время. «Война и мир» Толстого всегда будет выдающимся произведением, а его политические и религиозные памфлеты быстро канут в безвестность.

¹ Мандарин — высокопоставленный чиновник в феодальном Китае. — *Примеч. ред.-сост.*

² *Horowitz Brian. Mandarin Jew: Herman Rosenthal's Peculiar Eastern-European Legacy in Progressive Era New York (1881–1917).* Сокращенный и авторизованный перевод с английского Э. Зальцберга. Полный текст статьи будет опубликован в журнале *American Jewish Archives*.

³ Термин «русские евреи» включал не только евреев, живших в России, но также в юго-восточной Европе, Румынии и Прибалтике, где было сильно немецкое культурное влияние. См.: *Berrol Selma. Germans Versus Russians. An Update // American Jewish History. 1983. № 73. P. 148.*

⁴ Имя Джейкоба (Якоба) Шиффа (1847, Франкфурт-на-Майне — 1920, Нью-Йорк) часто встречается на страницах наших книг. См.: *Менес А. Ам олам — Вечный народ // Русские евреи в Америке (Далее — РЕВА). Кн. 2. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 9–27; Финкельштейн К. Григорий Абрамович Виленкин // РЕВА. Кн. 6. Торонто; СПб., 2012. С. 6–19; Зальцберг Э. Фрейдус, человек книги // Там же. С. 53–64; Горовиц Б. Еврейский сюжет в Нью-Йорке в эпоху прогресса // РЕВА. Кн. 7. Торонто; СПб., 2013. С. 38–55. — *Примеч. ред.-сост.**

⁵ Начиная с середины XIX в., американские евреи подавали петиции правительству с протестами против притеснений евреев в других странах и требованием вступить за них. См.: *Diner H. A Time for Gathering: The Second Migration, 1820–1880. Baltimor, John Hopkins Univer. Press, 1992. P. 154.*

⁶ О движении Ам олам см. также: *Менес А. Ам олам — Вечный народ. С. 9–27; Зальцберг Э. К истории Ам олам // РЕВА. Кн. 7. Торонто; СПб., 2013. С. 9–21. — Примеч. ред.-сост.*

⁷ *Menes A. Di «Am Olam» Bavegung // Geshikhte fun der Yidisher Arbeter-Bavegung in di Fareynikhte Shtatn 1 (идиш) / Ed. E. Tcherikower. 2 vols. New York, 1945. P. 223–227.*

⁸ Евреи занимались сельским хозяйством в России с 1820-х годов, хотя правительство часто препятствовало этому. См.: *Гессен Ю. История еврейского народа в России. Пг., 1916. С. 98.*

⁹ Alliance Israelite Universelle — международная еврейская организация, основана в Париже в 1860 г. А. Кремье для защиты прав евреев в разных странах. — *Примеч. ред.-сост.*

¹⁰ Это название не соответствовало действительности. Первая еврейская сельскохозяйственная колония была основана в графстве Alchua во Флориде в 1820 г. См.: *Dubrovsky G. Jewish Agriculture in America // The American Jewish Farmer: An Exhibit Sponsored by the American Jewish Archives / Ed. A. J. Peck. Cincinnati, Amer. Jewish Archives, 1986. P. 5. О колонии Сесили Айленд см.: Herscher Uri. Jewish Agrarian Utopia in America: The Craving for a Great Idea // The American Jewish Farmer. P. 9–11.*

¹¹ *Herscher Uri*. Jewish Agricultural Utopias in America, 1880–1910. Detroit: Wayne State Univer. Press, 1981. P. 34.

¹² «Они оградил 450 акров земли; 200 акров вспахали и засеяли; вырастили кукурузу и овощи; вырубил деревья; выкопали колодцы и построили три дома в дополнение к двум существовавшим. Во всей колонии было только два вола и два мула. Колонисты жаловались на жару и недостаток питьевой воды; <...> они страдали от отсутствия интеллектуальной и духовной пищи; они были обескуражены неудачами хозяйствовавших по соседству фермеров, которые с уважением относились к их усилиям» (*Heller Max*. Jubilee Souvenir of Temple Sinai, 1872–1922. New Orleans, American Print Co., 1922. P. 70).

¹³ *Herscher Uri*. Jewish Agricultural Utopias... P. 35.

¹⁴ *Ibid*. P. 36.

¹⁵ Кремье Адольф (1796, Ним — 1880, Париж), франко-еврейский юрист и государственный деятель, защитник прав евреев Франции.

¹⁶ *Heller Max*. Jubilee Souvenir of Temple Sinai... P. 70.

¹⁷ *Encyclopedia Judaica*, vols 17. Jerusalem, Keter Publishing, 1973, 15. P. 293.

¹⁸ *Herscher Uri*. Jewish Agricultural Utopias... P. 124.

¹⁹ О бароне Морисе де Гирше см.: *Заблоцки Эдгардо*. История колонии «Маурисио»: два свидетельства // РЕВА. Кн. 7. Торонто; СПб., 2013. С. 22–37. — *Примеч. ред.-сост.*

²⁰ *Der Yidisher Fermer* 1. 1891. № 1. P. 1–2. Переводы некоторых статей из этого журнала приведены в: *Herscher Uri*. Herman Rosenthal, the Jewish Farmer. Tel-Aviv: Diaspora Research Institute, 1976.

²¹ См.: *Rosenthal H*. A History of the Communitarian Settlement Known as «New Odessa» // *The American Jewish Farmer*. P. 14–17.

²² *Herscher Uri*. Jewish Agricultural Utopias... P. 90.

²³ О Конраде Нисе (Konrad Nies) см.: *The Multilingual Anthology of American Literature: A Reader of Original Texts with English Translations / Eds. Marc Shell and Werner Sollors*. New York: New York Univer. Press, 2000. P. 377–379.

²⁴ Гитерман Артур (Guiterman Arthur, 1871–1973), известный поэт. Полная библиография его работ приведена в: <http://www.poetry-archive.com/g/guiterman-arthur.html>

²⁵ О вкладе Розенталя в изучение Библии см.: *Olinsky H*. Jewish Biblical Scholarship in America // *Jewish Quarterly Review* 47. № 4 (April 1957). P. 343–353.

²⁶ Согласно Библии (Самуил 1:17), Соко — город в Иудее северо-западнее Хеврона, вблизи которого произошла битва между филистимлянами и иудеями.

²⁷ *Rosenthal Herman*. *Worte des Sammlers (Koheleth)*. 2nd ed. New York: International News Company, 1895. P. 1. Некоторые современные исследователи (например, Norbert Lohfink) согласны с Г. Розенталем, что автором Библии мог быть эллинизированный еврей.

²⁸ Об ивритской культуре в Нью-Йорке в это время см.: *Rischin M*. *The Promised City: New York's Jews, 1870–1914*. Cambridge, MA.: Harvard Univer. Press, 1962. P. 103, 131–132.

²⁹ О Фрейдусе см.: *Kohut R*. *Freidus — A Personal Reminiscence // Studies in Jewish Bibliography and Related Subjects in Memory of Abraham Solomon Freidus (1867–1923)*. New York: Alexander Kohut Memorial Foundation, 1929;

Зальцберг Э. Фрейдус, человек книги. РЕВА. Кн. 6 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2012. С. 53–64.

³⁰ Сообщено бывшим директором Славянского и Балтийского отдела Нью-Йоркской Публичной библиотеки Э. Касинцом 3 апреля 2010 г.

³¹ О бароне Г. Гинзбурге см.: *Horowitz Brian*. Jewish Philanthropy and Enlightenment in Late-Tsarist Russia. Seattle: Univer. of Washington Press, 2009.

³² О месте Долицкого в американской литературе на иврите см.: *Weingard M*. American Hebrew Literature: Writing Jewish National Identity in the United States. Syracuse, New York: Syracuse Univer. Press, 2010. P. 4–5.

³³ *Abel Sh*. Le tahita ha'yahadut ba-amerika. Yalkuit ma'ariv. New York, 1904. P. 136.

³⁴ О публикациях на иврите в Нью-Йорке см.: *Weingard M*. American Hebrew Literature... P. 1–28.

³⁵ См. письмо Г. Розенталя Госсекретарю В. Гришаму от 14 августа 1893 г.: *Herman Rosenthal Papers*. New York Public Library (NYPL), New York. См. также: *Горовиц Б*. Еврейский сюжет в Нью-Йорке в эпоху прогресса. С. 38–55. — *Примеч. ред.-сост.*

³⁶ Компания The Great Northern Railroad принадлежала железнодорожному магнату Джеймсу Хиллу и пользовалась финансовой поддержкой банка Кун, Леб и К^о, важную роль в котором играл Дж. Шифф. Отчет Розенталя о поездке был озаглавлен «Report on Japan, Corea (sic!) and China» и опубликован в г. Сент-Поле в 1903 г.

³⁷ См.: *Jewish Encyclopedia* 10, 1905. P. 478.

³⁸ *Davis R. H*. Slavonic and Baltic Library Resources at the New York Public Library // *Canadian-American Slavonic Studies* 29, № 1, 2 (Spring/Summer 1995). P. 5.

³⁹ Рейхель Иван (*Reikhel' Ivan*, ум. 1778), автор книги «Краткая история о Японском государстве, из достоверных сведений собранная», напечатана в Университетской типографии в Москве в 1773 г. Второе издание книги под названием «История о Японском государстве, из достоверных сведений собранная» напечатано в типографии Понаморева в Москве в 1788 г. — *Примеч. ред.-сост.*

⁴⁰ Херберштейн (Герберштейн, Herberstein) Зигмунд фон (1486–1566), немецкий дипломат. В 1517 и 1526 гг — посол императора Священной Римской империи Максимилиана I в России. Автор «Записок о Московии» (1549), содержащих географические, исторические, политические и экономические сведения о России. — *Примеч. ред.-сост.*

⁴¹ *Kasinec E., Davis R*. Afterword: Collecting Slavonica at the New York Public Library // *Russia Engages the World, 1453–1825* / Ed. C. H. Whittaker. Cambridge, MA, Harvard Univer. Press, 2003. P. 167.

⁴² О Л. Дейче см.: *Кельнер В*. Лев Дейч и нью-йоркская газета *Новый мир* // РЕВА. Кн. 3. Иерусалим; Торонто; СПб., 2009. С. 60–70. — *Примеч. ред.-сост.*

⁴³ *Kennan G. F*. Preface // *Canadian-American Slavic Studies* 29, № 1, 2 (Spring/Summer 1995). P. viii.

⁴⁴ *Raeff Marc*. Our First Reader: David Shub and His Times // *Biblion: the Bulletin of the New York Public Library* 3, № 1 (Spring 1995). P. 108–125.

⁴⁵ *Cohen Naomi*. The Ethnic Catalyst: the Impact of the East European Immigration on the American Jewish Establishment // *The Legacy of Jewish Migration: 1881 and its Impact* / Ed. David Berger. New York: Brooklyn College Press, 1983. P. 134.

⁴⁶ *Горовиц Б.* Еврейский сюжет в Нью-Йорке в эпоху прогресса. С. 45–46. — *Примеч. ред.-сост.* О различиях в решении еврейского вопроса в России между русскими и немецкими евреями см. также: *Berrol S.* Germans Versus Russians. P. 142–156.

⁴⁷ Вина правительства в этом и других погромах оспаривается некоторыми современными исследователями. См.: *Klier J., Lambroza Sh.* (eds). Pogroms: Anti-Jewish Violence in Modern Russian History. Cambridge Univer. Press, 1992. P. 90.

⁴⁸ Rosenthal to Schiff. 19 May 1903. Herman Rosenthal Papers, NYPL, New York. См. также: *Горовиц Б.* Еврейский сюжет в Нью-Йорке в эпоху прогресса. С. 43–44. — *Примеч. ред.-сост.*

⁴⁹ См. об этом в: *Schoenberg P. E.* The American Reaction to the Kishinev Pogrom of 1903 // *American Jewish Historical Quarterly* № 63 (March 1974). P. 262–283; *Adler C.* (ed.) *The Voice of America on Kishineff*. Philadelphia, The Jewish Publication Society of America, 1904; and *Davitt M.* *Within the Pale: The True Story of Anti-Semitic Persecutions in Russia*. London: Barnes, 1903.

⁵⁰ *Ganz Hugo.* *The Land of Riddles (Russia of Today)*. New York; London, Harper and Brothers, 1904.

⁵¹ *Rosenthal H.* Preface // *H. Ganz.* *The Land of Riddles*. P. V.

⁵² *Urussov S.* *Memoirs of a Russian Governor* / Transl. by H. Rosenthal. London; New York: Harper & Brothers, 1908. P. 8. Здесь и далее при цитировании русских источников дается их обратный перевод с английского. — *Примеч. ред.-сост.*

⁵³ *Ibid.* P. 53.

⁵⁴ *Rosenthal H.* A Balance of Power // *The Bethlehem Outlook*. 1914. № 4. P. 13–14.

⁵⁵ *Rosenthal H.* Why do Nations Rage? // *The Bethlehem Outlook*. 1915. № 3. P. 15–16.

⁵⁶ Автор не смог обнаружить полную рукопись этой книги.

⁵⁷ Mr. Rosenthal's lecture // *The Bethlehem Outlook*. 1913. № 5. P. 9–11.

⁵⁸ Авториз. перевод с англ. статьи, указанной в примеч. 57, Э. Зальцберга. — *Примеч. ред.-сост.*

⁵⁹ См.: *Nekrasov N. A.* *Sasha*. Aus dem Russischen zum ersten Mal übersetzt von Hermann Rosenthal (п. р., п. д.). Книга находится в библиотеке Йельского ун-та. Ред.-сост. признателен д-ру Г. Кратцу за указание этого источника.

**Илья Маркович Троцкий — публицист,
общественный деятель, ходатай
за русских литераторов в изгнании**

Марк Уральский (Брюль-Райнланд, Германия)

Часть I

История фамилии и краткая летопись жизни

Зачем, мой Рок, для жизни бренной
Ты дал мне темную межу,
Где двум мирам одновременно
Я, блудный раб, принадлежу.

Юргис Балтрушайтис

И что в сей жизни главным будет,
Когда мы вспомним жизнь свою?

Дон Аминадо

Фамилия Ильи Марковича Троцкого постоянно мелькает в многочисленных исследованиях, посвященных истории русской эмиграции XX столетия¹. Так, например, в справочнике «Хроника русской жизни в Германии 1918–1941 (Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941)» имеется 10 указаний на имя И. М. Троцкого. Тем не менее, до сих пор личность этого незаурядного человека остается в тени, вне поля зрения серьезных исследователей. Более того, в Российской еврейской энциклопедии² допущены серьезные ошибки при датировке событий его жизни.

Определенную роль в возникновении такого рода «невнимательности», несомненно, играет фамилия Ильи Марковича, благодаря которой его личность как бы остается в тени организатора Октябрьского переворота 1917 г., создателя Красной Армии, Коминтерна и IV Интернационала, а впоследствии «злейшего врага Советской власти и советского народа», Льва Давидовича Троцкого.

В связи с постоянной путаницей и неправомерными отождествлениями И. М. и Л. Д. Троцких представляется важным выяснить происхождение носимой ими фамилии.

Считается, что фамилия Троцкий (польск. Troski) образована от одноименного прилагательного, обозначающего принадлежность к городу Троки (ныне Тракай в Литве) — древней столице Великого Княжества литовского. Первые корни фамилии на территории России можно обнаружить в ведомости переписи Древней Руси в период Ивана Грозного. У Великого князя имелся особый список знатных и благозвучных фамилий, которые давались приближенным только в случае особых заслуг или поощрения. В энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона сказано следующее:

Троцкие — дворянский род, происходящий от лубенского полкового судьи Максима Т., пожалованного местностями в 1710 г. Его сын Петр был наказным полковником лубенским и временно заменял генерального есаула (1742). <...> Род Т. внесен в род. кн. Полтавской (Гербовник, VIII, 133), Воронежской и Черниговской губ.³

Самый прославленный из этой дворянской семьи, генерал-адъютант Виталий Николаевич Троцкий (ок. 1831–1901) участвовал в покорении Средней Азии. В 1875 г., после завоевания этого края, он был военным губернатором Сыр-Дарьинской области. А в конце жизни В. Н. Троцкий — генерал-губернатор западных губерний Российской империи: Виленской, Ковенской и Гродненской.

Среди русских масонов отмечен другой военачальник — генерал-лейтенант Аникий Осипович Троцкий (1791–1861)⁴.

Что касается евреев — тех, кто жил в окрестностях Трок, то они получили эту фамилию, когда польско-литовские земли вошли в состав Российской империи. Так некоторые евреи стали «Троцкими», т. е. однофамильцами российских дворян. Никто из «еврейских Троцких» в Российской империи никакими значительными деяниями себя не проявил, знаменитой эта фамилия стала только в эпоху русской революции, благодаря одному из ее самых активных организаторов Л. Д. Троцкому, о ком речь пойдет ниже. В советское же время из урожденных Троцких прославился архитектор Ной Абрамович Троцкий (1895–1940)⁵, работавший в Ленинграде до Великой Отечественной войны. По его проектам возведены здания 2-й ГЭС (1923), Василеостровского Дворца культуры им. С. М. Кирова (1931–1937), Кировского райсовета (1930–1935), НКВД на Литейном проспекте («Большой дом») и другие образцы русского конструктивизма, в том числе Дом Советов в Ростове-на-Дону и Центросоюза в Москве. Ной Троцкий

построил также в Ленинграде, на Московской площади, самое известное в городе сооружение сталинской эпохи — Дом Советов (1936–1941), выдержанный в неоклассическом стиле. По рассказам свидетелей того времени, архитектору настойчиво предлагали изменить одну букву в своей фамилии, стать, скажем, Троицким или Тронским, и в этом случае обещали, якобы даже от имени самого Сталина, назвать его именем улицу в Ленинграде и наградить Сталинской премией. Но он наотрез отказывался, отвечая: «Пусть Лев Троцкий меняет, потому что для него это псевдоним, а для меня — фамилия». За подобное упрямство, да еще с такой фамилией, можно было легко попасть в ГУЛАГ, а то и получить «высшую меру». Но архитектор отделался лишь потерей хвалебных эпитетов «выдающийся», «заслуженный», «народный» и т. п., обычно прибавлявшихся к его имени. Ной Троцкий, признанный нынче классиком советской архитектуры, ушел из жизни сравнительно молодым. Умер он в своей постели, и, что знаменательно, — через три месяца после того, как в Мексике по приказу Сталина был убит его однофамилец, заступивший ему путь на вершину «всесоюзной славы». В списке «Жертвы политического террора в СССР», составленном обществом «Мемориал»⁶, упомянут 51 носитель фамилии Троцкий — Троцкая, из них евреями были только семеро, а остальные — русские, украинцы, поляки и белорусы. Среди них встречаются представители практически всех слоев населения: священники, крестьяне, рабочие, служащие, ремесленники, а также два известных советских ученых: Исаак Моисеевич Троцкий (1903–1937)⁷ — литературовед, историк, писатель, ученый секретарь Историко-археографического института АН СССР, и Николай Николаевич Троцкий (1887–1938) — профессор-энтомолог.

Из тех Троцких, которым посчастливилось вовремя покинуть родину, в указателе имен биографического словаря «Российское зарубежье во Франции»⁸, помимо И. М. Троцкого, Л. Д. Троцкого и членов его семьи, представлены: Елена Владимировна Троцкая (1885–1960), церковный деятель, в эмиграции жила во Франции, в Аньере (под Парижем); Зинаида Самеевна Троцкая-Зильберквейт (1902–1968), поэтесса, до революции жила в Петрограде, в 1921 г. эмигрировала в Германию, в 1932 г. переехала в Париж, с 1941 г. жила в США; Мария Владимировна Троцкая (1883–1959), фрейлина Двора последней императрицы, в эмиграции проживавшая в Париже; и Владимир Николаевич Троцкий-Сенютювич (1877–1957), промышленник, церковный деятель, благотворитель, в эмиграции жил в Париже, затем в США.

Сам Лев Давидович Бронштейн имел много партийных кличек и псевдонимов. Троцким он вошел в историю по воле случая. Убегая в 1902 г. из сибирской ссылки, он вписал в фальшивый паспорт фамилию над-

зрителя одесской тюрьмы, в которой ему пришлось сидеть в 1898 г. Новая фамилия⁹ постепенно пристала к нему навсегда. Так, желая, как полагают его биографы, пошутить, он неожиданно-негаданно обеспечил этой фамилии вечную славу, а носителям ее принес неприятности и страдания. Ведь в эпоху ожесточенной политической борьбы, развернувшейся в Советской России после революции, никакие «бронштейновцы» (сравни: «бухаринцы», «зиновьевцы» и т. п.) не могли конкурировать по степени жесткости и хлесткости своих превращенных в обличительные ярлыки фамилий с политической кличкой «троцкист». Поэтому, чтобы не нажить беды, советские Троцкие в подавляющем большинстве поменяли родовую фамилию, и в наше время ее носители проживают главным образом в США и Канаде.

Хотя Троцкий для И. М. Т. — родовое имя, а для Л. Д. Т. — псевдоним, типологически они являются схожими личностями: евреями по происхождению, участниками русского социал-демократического движения и русскими литераторами. С другой стороны, они были явные антагонисты. Л. Д. Троцкий позиционировал себя как *не еврей*, а космополит-интернационалист¹⁰, тогда как И. М. Троцкий был именно *русский еврей*, человек не религиозный, но остро ощущавший кровную связь с еврейством и активно боровшийся за выживание своего народа в годину тяжелейших испытаний, выпавших на его долю.

Л. Д. Т. — пример пламенного революционера-марксиста, ниспровергателя всех основ и устоев. И. М. Т. — демократический социалист и либерал из плеяды меньшевиков, бундовцев, правых эсеров, кадетов и трудовиков, таких как П. А. Аксельрод, Г. Я. Аронсон, А. А. Гольденвейзер, А. Ф. Керенский, В. А. Маклаков, Я. Г. Фрумкин, В. М. Чернов¹¹ и других близких ему общественно-политических деятелей.

Илья Маркович Троцкий никогда не питал иллюзий по отношению к большевикам, и после Октябрьского переворота считал за лучшее остаться на Западе. Биографическая справка о нем, составленная на основании архивных изысканий автора и откорректированных им справочных данных, выглядит следующим образом:

ТРОЦКИЙ Илья (Илиаху) Маркович (Мордухаевич) (10 июня 1879, Ромны Полтавской губ. — 5 февраля 1969, Нью-Йорк, США). Журналист, редактор, общественный деятель, мемуарист. Учился в Роменском реальном училище, Екатеринославском высшем горном училище им. С. С. Полякова и Венском Политехническом институте (вольнотрушатель машиностроительного факультета). В 1900-х гг. публиковался в российской периодике: Крымский вестник, Русь, Рассвет¹² и Русское слово. Посещал салон Ф. Сологуба¹³. С 1906 г. жил за границей, сначала

в Австрии (Вена), затем в Германии (Берлин). Публиковал свои заметки в немецкоязычной печати, занимался переводческой деятельностью. В 1912–1914 гг. издавал в Берлине русскоязычную газету Заграничные отклики. В 1909–1917 гг. корреспондент газеты Русское слово: до 1914 г. — в Берлине, затем в Скандинавии. С 1914 по 1920 г. жил в Копенгагене и Стокгольме, затем вновь в Берлине. Сотрудничал в эмигрантских изданиях: в берлинских газетах Дни, Руль, а также в парижской газете Последние новости, рижской Сегодня и др. В 1933 г. публиковал в Сегодня репортажи из Стокгольма о мероприятиях в связи с присуждением Ивану Бунину Нобелевской премии по литературе. Председатель Скандинавского центрального комитета помощи пострадавшим от войны евреям, член Общественного комитета по организации помощи голодающим в России, член Союза русских писателей и журналистов в Берлине, с 1925 г. — председатель ревизионной комиссии и член Правления этого Союза. Член Республиканско-демократического объединения, сотрудник еврейских организаций: Джойнт, ОРТ, ОЗЕ¹⁴. Сотрудничал с берлинским издательством Ульштейн-Пропилей (Ullstein-Propyläen Verlag). После 1933 г. жил в Копенгагене и Париже, занимался журналистикой, печатался в газете Paris-Soir. В 1937 г. принят в парижскую масонскую ложу «Свободная Россия»¹⁵. В 1935 г. переехал в Аргентину, где основал отделения ОРТ и ОЗЕ в Южной Америке. Сотрудничал с местными еврейскими периодическими изданиями на идиш: Yidishe tsaytung (Еврейская газета), Der shpigl (Зеркало), был редактором «Антологии еврейских поэтов Аргентины». В 1946 г. поселился в Нью-Йорке. Занимался литературной и общественной деятельностью. Печатался в нью-йоркских газетах на русском языке Новое русское слово и идиш Forverts (Вперед), Zukunft (Будущее), Morgn zhurnal (Утренний журнал), Der tog (День), Der amerikaner (Американец). Участвовал в работе Союза русских евреев¹⁶, был секретарем правления Литературного фонда¹⁷. Автор мемуаров.

Из приведенной биографической справки видно, что в жизни И. М. Троицкого можно четко выделить четыре периода: российский (1879–1907), европейский (1908–1935), южноамериканский (1935–1946) и нью-йоркский (1946–1969).

Начав жизненный путь с обретения технической профессии маркшейдера, дававшей еврейскому молодому человеку из бедной семьи возможность вполне солидного заработка, а также право жить вне черты оседлости, Илья Троицкий, тем не менее, пошел по иной стезе.

Известный публицист русского зарубежья Андрей Седых¹⁸, друживший с И. М. Троицким с 1933 г., вспоминая, когда тот приехал

в Стокгольм на торжества по случаю получения И. А. Буниным Нобелевской премии, писал:

С юных лет его влекла другая профессия — журналистика. Он сотрудничал в газетах и журналах свыше 70 лет. И начал он не в провинциальной печати, а сразу попал в Русское слово — крупнейшую газету России, где на него обратили внимание В. И. Немирович-Данченко, Влас Дорошевич и сам И. Сытин¹⁹, всячески покровительствовавший молодому сотруднику. До Первой мировой войны И. М. Троцкий был берлинским корреспондентом Русского слова. Влияние зарубежных корреспондентов столичных русских газет в эти годы было очень велико, — с ними считались министры и дипломаты, и нередко через журналистов неофициальным путем в Петербург давали знать то, что нельзя было сказать в официальных нотах. И. М. Троцкий много раз участвовал в этой закулисной игре. Он знал германского премьер-министра фон Бюлова, встречался с Бетман Гольвегом и кайзером Вильгельмом II²⁰, с русскими министрами, приезжавшими в Германию, например, Витте²¹. <...> Когда И. Сытин приехал за границу, он предложил И. М. Троцкому сопровождать его. На страницах Нового русского слова И. М. вспоминал, как Сытин повез его на Капри к Горькому²².

Издававшееся И. Д. Сытиным Русское слово была первой в России по-настоящему информационной газетой, имевшей своих корреспондентов в крупнейших городах Империи и многих столицах мира. В ней публиковалась самая актуальная и достоверная информация. В 1902 г. ее фактическим главным редактором становится Влас Дорошевич, который привлек к сотрудничеству целый ряд видных русских литераторов: А. Амфитеатрова, Л. Андреева, И. Бунина, М. Горького, О. Дымова²³, А. Куприна и других²⁴.

Правой рукой И. Д. Сытина, с 1907 г. — заведующим петербургским отделом газеты, а с 1916 г. — директором ставших сытинскими «Товарищества издательского и печатного дела А. Ф. Маркс» и популярного журнала *Нива*, являлся Аркадий Вениаминович Руманов.

Это был удивительный человек. Глубоко верующий еврей, в Петербурге он был представителем издававшегося в Москве сытинского Русского слова, самой большой и влиятельной газеты дореволюционной России. Это представительство открывало Аркадию Вениаминовичу доступ ко всем министрам и даже членам императорской фамилии. Так, с Великим князем Александром Михайловичем (женатым на сестре Николая II Ксении Александровне) он был связан настоящей дружбой, которая продолжалась и в эмиграции. Это же представительство

заманивало в его кабинет весь цвет петербургской литературной элиты — по словам Поля Валери, «третьего чуда» мировой культуры, после высокой «греческой» классики и эпохи Возрождения — начиная от Розанова и кончая Блоком, который шесть раз упоминает о Руманове в своих дневниках. О Розанове же он сам мне рассказывал, как тот ему однажды сказал: «Вот мы с вами разговариваем, а над нами ангельские крылья шелестят»²⁵.

Газета *Русское слово* имела огромный успех, и к началу 1917 г. ее тираж составлял 600–800 тысяч экземпляров. После Февральской революции *Русское слово* выступало за Временное правительство, против большевиков, в связи с чем была ими закрыта вскоре после Октябрьского переворота.

Илья Троцкий, поддерживавший дружеские отношения с А. В. Румановым и И. Д. Сытиным, был собственным корреспондентом газеты сначала в Берлине (1909–1914), а затем в Копенгагене (1914–1917). Примечательно, что в литературно-художественном сборнике, посвященном пятидесятилетию издательской деятельности И. Д. Сытина²⁶, помещен, среди прочих, и портрет одного из самых молодых сотрудников издательства — иностранного корреспондента *Русского слова* И. М. Троцкого.

С именем И. М. Т. связан скандал, разыгравшийся в годы Первой мировой войны, когда он был обвинен в «патриотической нелояльности». Защищая доброе имя коллеги, видный российский публицист С. Л. Поляков-Литовцев отправил в газету *Русское слово* письмо, в котором опровергал возведенные на Троцкого бездоказательные обвинения²⁷. В 1929 г., вспоминая об этой истории, он делает явно выстраданное замечание: «...когда мне пришлось защищать своего коллегу Илью Троцкого, я убедился, как легко было в России оклеветать человека и, против всякой логики, приписать ему любые грехи»²⁸.

Интересно, что одновременно с работой в *Русском слове* Илья Троцкий сотрудничал в еженедельнике *Рассвет* — самом популярном еврейском издании на русском языке, органе Сионистской организации России, определявшем себя как «общественно-политическую и литературную еженедельную газету, посвященную еврейским интересам». В нем печатались В. Жаботинский и другие известные русские сионисты.

Еженедельник, помимо вопросов, связанных с заселением Эрец-Исраэль евреями, уделял много внимания разработке национально-политической платформы российского еврейства, выяснению его культурных и экономических проблем.

«Российский» период литературно-публицистической деятельности И. М. Троцкого продолжался с 1904 по 1917 год. До начала Первой

мировой войны И. М. Т. публиковал свои статьи также и в немецко-язычной периодике под псевдонимом Хайнрих фон Дельвиг (Heinrich von Delvig). Он был знаком с выдающимися австрийскими, немецкими и шведскими писателями Петером Альтенбергом, Германом Зудерманом, Артуром Шницлером, Августом Стриндбергом²⁹ и др. Знаменитое берлинское издательство Ульштейн-Проппелеи (Ullstein-Proppeläen Verlag) выпустило в 1931 г. в его переводе на немецкий роман эстонского писателя-модерниста XX в. Августа Гайлита³⁰. С последним И. М. Т., несомненно, связывали дружеские отношения, поскольку он в своей статье «Получат ли Бунин и Мережковский³¹ Нобелевскую премию?»³² писал:

...я узнал, что Нобелевский комитет начинает интересоваться литературой балтийских республик. <...> Лично я обратил внимание члена нобелевского комитета, профессора литературы, историка и писателя Фредрика Бёёка³³ на творчество эстонского писателя Августа Гаилита, чей роман «Искатель жемчуга» приобретен издательством Ульштейна³⁴. Роман этот, совершенно исключительный по замыслу и психологической глубине, рисует быт и типы людей, неизвестных доселе в европейской литературе.

В свой, наверное, самый счастливый, полный радужных надежд и ожиданий первый берлинский период И. М. Троцкий издавал в Германии русскую газету *Заграничные отклики* (*Das Ausländische Echo*). Эта, по существу, первая в Германии русскоязычная «общественная, политическая, литературная и экономическая газета», выходила в Берлине по воскресеньям с 2 июня 1912 г. по 2 августа 1914 г.³⁵

С учетом таких успехов в немецкой культурной жизни и обширных деловых связей в Германии казалось бы вполне естественным, если бы И. М. Т. захотел натурализоваться, стать «просвещенным» немцем. Однако такого не случилось. Вопреки мнению В. Жаботинского о том, что еврей легко приобретает личину того народа, которому служит и где ему хорошо («Где переночевали, там и присягнули, а выйдя вон — наплевали? Эх, вы, патриоты каждого полустанка...»³⁶), Троцкий не сделал ни малейшей попытки онемечиться, ибо он являл собой особый тип европейца — русский литератор и еврейский подвижник-«маскил»³⁷. Каждый представитель людей этого типа, пользуясь определением хорошего знакомого И. М. Троцкого, эмигрантского писателя Романа Гуля, «был и умен, и образован, и „человек со своей биографией“ (что не часто встречается), вообще — персонаж недюжинный»³⁸.

Увы, после Второй мировой войны и Холокоста в Екрпе такие личности сошли с исторической сцены.

И. М. Троцкий

Как отмечалось выше, по своим политическим убеждениям Илья Троцкий был либеральный социал-демократ. Он симпатизировал энесам, т. е. центристской Трудовой народно-социалистической партии (ТНСП), в которую входили его друзья М. А. Алданов и Л. М. Брамсон³⁹. Он не принял Октябрьский переворот и никогда не питал иллюзий по отношению к большевикам. В свете извечного дискурса о роли евреев в русской революции, где трагедия уничтожения великой русской Империи укладывается ино-

гда в одну сакраментальную фразу: «Евреи погубили Россию», позиция И. М. Т. в оценке событий тех лет представляется, с исторической точки зрения, весьма показательной, т. к. он непосредственно участвовал в эмигрантской полемике на эту тему.

Первая известная дискуссия такого рода, происходившая в Берлине в 1922–1924 гг., завершилась выходом сборника «Россия и евреи»⁴⁰. Книга вызвала громкий скандал, поскольку ее авторы — так называемые «кающиеся евреи» — часть ответственности за Революцию возлагали на еврейское население Российской империи. В ожесточенных спорах о том, надо ли было евреям активнее участвовать в борьбе против большевиков и почему они недостаточно поддерживали Белую армию, выступил и И. М. Троцкий, считавший, что быть у правых «на узде» постыдно, ибо «лишь 1917 год вывел евреев из их бесправного положения. Отрицание этого обрекает „кающихся“ на полное одиночество»⁴¹.

Хороший знакомый И. М. Троцкого, видный еврейский публицист социал-демократической ориентации Д. Н. Шуб⁴² писал:

Из 24 членов Ц. К. большевистской партии, избранных на съезде в августе 1917 года и потом подготовивших октябрьский переворот, было 7 евреев (Троцкий, Зиновьев, Каменев, Свердлов, Урицкий, Иоффе и Сокольников). Эти семь евреев, как и неевреи Сталин, Дзержинский, Подвойский, Антонов-Овсенко, Крыленко, Бухарин, Раскольников, Дыбенко, <...>, Рыков, Пятаков, Луначарский, Томский, Коллонтай, <...> Крестинский, Калинин, Менжинский, Красин и Раковский, действительно, играли выдающуюся роль в большевистской революции. Троцкий действительно был главным организатором большевистского восста-

*ния в Петербурге в октябре 1917 г., но за ним стоял Ленин. Без Ленина большевики не могли бы захватить власть, а потом удержатъ ее*⁴³.

Подобной точки зрения на участие евреев в русской Революции придерживается и Виктор Михайлович Чернов — идеолог партии эсеров (российских социалистов-революционеров).

Историко-публицистические свидетельства Д. Н. Шуба и В. М. Чернова⁴⁴ — очевидцев описываемых ими событий, не являются, естественно, «истиной в последней инстанции». Но в контексте данного повествования они приобретают особую значимость, поскольку политические взгляды этих деятелей российской социал-демократии разделял и Илья Маркович Троцкий. В сборнике «Книга о русском еврействе (1917–1967)» опубликована его работа «Новые русско-еврейские эмигранты в Соединенных Штатах»⁴⁵, в которой он, в частности, приводит интересные факты, касающиеся этой темы:

Как это сейчас ни кажется странным, но после октябрьского переворота в среде еврейской интеллигенции, в студенчестве, среди людей свободных профессий и особенно среди журналистов и рабочих лидеров (США. — М. У.) стали распространяться просоветские иллюзии. В России все партии, кроме правящих большевиков, находились вне закона. Свободная и независимая печать была закрыта. Поэтому информация, идущая из России за границу и, в частности, в Америку, была тенденциозной и давала совершенно ложное освещение деятельности большевистского правительства. С развитием гражданской войны в России это способствовало тому, что идущему из России коммунистическому соблазну одно время поддались даже деятели крупного кабрира <в руководстве> социалистической партии.<...>

Еврейская социалистическая федерация в своем большинстве оказалась в руках прокоммунистов. Вся тяжесть борьбы с этими настроениями легла на плечи относительно небольшой группы людей, не изменявших идеям демократического социализма. Среди них мы должны отметить д-ра С. М. Ингермана⁴⁶ (друга Плеханова и Аксельрода), <...> Д. Н. Шуба (впоследствии прославившегося своей книгой о Ленине). <...>

К середине 20-х годов коммунистическое поветрие в еврейских кругах Америки спало. С тех пор коммунисты представляют собой узкий сектантский центр со своей прессой и своими организациями, имеющими очень малое влияние на широкие эмигрантские массы. Выполняя поручения Москвы, они вынуждены питаться своими собственными соками, встречая отталкивание даже в тех элементах,

которые в первые годы были захвачены просоветскими настроениями и иллюзиями, но уже успели в них разочароваться. Этому разочарованию способствовала все более проникавшая в Америку информация о действительном положении в стране Советов и, в частности, о бедствиях, понесенных еврейским населением в результате длительной полосы гражданской войны, погромов и всякого рода национализации и социализации, повлекших за собой разорение еврейских местечек и деклассирование торговцев и ремесленников.

Второй — «европейско-эмигрантский» период жизни И. М. Троцкого (с 1917 по 1935 г.) связан с продолжением его подвижнической деятельности в различных еврейских просветительских и благотворительных организациях, начатой в годы Первой мировой войны. В статье-некрологе «Памяти Троцкого» А.Седых утверждал, что «И. М. Троцкий был общественным деятелем „Божией милостью“, — потребность служить людям была его второй натурой». Общественный комитет по организации помощи голодающим в России, ОРТ, ОРЗ, Республиканско-демократическое объединение, Союз русских писателей и журналистов в Берлине (И. М. Т. — председатель ревизионной комиссии и член правления), различного рода еврейские организации — всего и не перечислишь. Так, например, в архиве Джойнт имеется письмо из копенгагенского отделения этой еврейской благотворительной организации от 16 марта 1920 г. исполнителю директору ее парижского отделения д-ру Юлиусу Гольдману, в котором некий д-р Фридлиндер пишет по-английски:

За ужином я познакомился в доме профессора Симонсена⁴⁷ с г-ном Ильей Троцким, председателем «Скандинавского еврейского комитета помощи», журналистом, ранее сотрудничавшим в русской прессе, а теперь ставшим коммерсантом и в настоящее время живущим в Копенгагене. Несмотря на его фамилию, он известен как антибольшевик, и поэтому является персоной нон-грата (в России. — М. У.). Профессор Симонсен очень высокого мнения о нем. Лично я склонен думать, что из-за его бывшей журналистской деятельности и его настоящих интересов, он не принадлежит к (большевистской. — М. У.) партии, и, вероятно, будет очень ценным приобретением для нашей работы⁴⁸.

С начала 1920-х гг. большую общественную работу проводил Союз русских евреев в Германии, с которым сотрудничал И. М. Троцкий. Он помогал детям русско-еврейских эмигрантов, опекал сирот с Украины, родители которых погибли при погромах, заботился об их профессиональном образовании. В Союз обращалось и Общество помощи русским гражданам, и «не было случая, когда перед лицом действительно

*Дом в Берлине на Курфюрстендамм 159,
в котором в 1923–33 гг. жил И. М. Троцкий с семьей*

безысходного горя Союз не откликнулся, не протягивал и свою, всегда более сильную руку помощи, не считаясь с вопросами вероисповедания и национальности»⁴⁹.

Деятельность Ильи Троцкого в эти годы была исключительно полезной не только для голодающих Поволжья и обездоленных еврейских беженцев, но и для русской культурной диаспоры. Как ни странно, но состоятельные русские эмигранты не проявляли особого рвения в поощрении культурных инициатив своих соплеменников. Писатель Михаил Осоргин⁵⁰, упрекая в равнодушии и редкой инициативе этнических

русских, с горечью говорил о «русском одиночестве». При этом он отмечал, как знаковый факт эмигрантского бытия, что:

В культурной (и иной) деятельности российских эмигрантов первое место, лидерство и инициатива принадлежат евреям. <...> Все большие благотворительные организации в Париже и Берлине лишь потому могут помогать нуждающимся русским эмигрантам, что собирают нужные суммы среди отзывчивого еврейства.

Вспоминая филантропов из среды «отзывчивого еврейства», нельзя забывать и о «культурных ходатаях», которым они доверяли эти суммы, чтобы те могли их с толком и по справедливости распределить. Такими фигурами были уже упомянутый выше А. В. Руманов и Илья Троицкий. В своей статье-некрологе «Памяти И. М. Троицкого» Андрей Седых, говоря об «американском» периоде жизни И. М., особо отмечает, что тот, будучи

долголетним и несменяемым генеральным секретарем Литературного фонда, к обязанностям своим относился чрезвычайно добросовестно: через его руки проходили все письма о помощи, он составлял списки нуждающихся, он вел со многими литераторами, учеными, артистами постоянную переписку.

С полным основанием эти слова можно отнести и к «европейскому» периоду общественной деятельности И. М. Троицкого.

Наибольшая часть российских эмигрантов, прибывших в Германию после революции 1917 г., — их численность по разным оценкам составляла от 150 до 400 тыс. человек — поселилась в Берлине, где с начала 1920-х гг. возник «русский культурный бум», продолжавшийся добрых десять лет.

Особого расцвета достигло издательское дело⁵¹. Помимо огромного количества книг выпускалось множество русских газет и журналов. И. М. Троицкий печатался, главным образом, в берлинских газетах *Дни* (редактор А. Ф. Керенский), *Руль* (редакторы И. В. Гессен и В. Д. Набоков), а также в парижских *Последних новостях* (редактор П. Н. Милуков) и рижской *Сегодня* (редактор М. С. Мильруд⁵²). В 1928 г. он представлял Союз русских журналистов и литераторов в Германии на Первом зарубежном съезде русских писателей и журналистов в Белграде.

30 декабря 1930 г. в рижской газете *Сегодня* — самой крупной и наиболее содержательной из русских газет в странах Балтии — появились две статьи И. М. Троицкого: «Среди Нобелевских лауреатов (письмо из Стокгольма)» и «Получат ли Бунин и Мережковский Нобелевскую

Ф. Бёек. Портрет худ. Г. Линдвалла, 1935 г.

премию? (письмо из Стокгольма)». В последней, отметив высокую оценку шведскими писателями и учеными творчества Бунина и Мережковского, автор предлагал *«поторопиться с выставлением кандидатуры русского писателя на ближайший год»*. Поставив перед эмигрантским сообществом сакраментальный вопрос: *«Неужели у русских писателей в эмиграции не найдется достаточно друзей, чтобы выступить с надлежащим предложением достойного кандидата?»*, — И. М. Троцкий, по существу, инициировал этот процесс. По словам Бунина, *«после корреспонденции И. Троцкого чуть ли не все кинулись выставлять свои кандидатуры и при посредстве своих почитателей выставили их»*⁵³.

Андрей Седых писал в некрологе Троцкому, что тот, *«пользуясь своими связями в Швеции, вместе с журналистом Сергеем де Шессеном»*⁵⁴ *проделал большую закулисную работу в пользу И. Бунина*. Не вызывает сомнений, что Илья Троцкий, как никто другой, хорошо знал, *«кто есть кто»* в Скандинавии. В частности, он был близко знаком с одним из *«властителей дум»* шведской интеллигенции первой половины XX в. Фредриком Бёеком. Еще в 1926 г. Илья Троцкий опубликовал

в берлинской газете *Дни* пространное интервью с ним, где утверждал, что неоднократно беседовал «с этим глубоким и интересным писателем». В газетной вырезке интервью, которая хранится в Русском архиве Лидского университета (РАЛ, MS. 1066/8116), рукой Бунина отмечены цветными карандашами абзацы, в которых дается самая высокая оценка Максиму Горькому, но весьма сдержанная и осторожная ему самому.

Вполне возможно, что именно Илья Троицкий провел акцию, о которой повествует в январском письме 1931 г., хранящемся в архиве Шведской академии, профессор Френсис Булл⁵⁵. Он сообщает Нобелевскому комитету, что к нему «по недоразумению», через посредство дочери Б. Бьёрнсона (Нобелевского лауреата по литературе 1903 г.), обратились с просьбой номинировать И. Бунина на Нобелевскую премию. Полученные им документы он препровождает в Нобелевский комитет, одновременно прося разрешение переслать также оказавшиеся у него шесть книг русского автора в переводах на европейские языки. Здесь, возможно, произошла какая-то «накладка», однако, следует заметить, что Ф. Булл как член Норвежской академии наук и Норвежской академии языка и литературы, согласно уставу Нобелевского комитета, имел право выдвигать писателей на Нобелевскую премию⁵⁶.

Сегодня можно проследить по архивным материалам обстоятельства, сопровождавшие выдвижение на Нобелевскую премию русских литераторов в 1923–1933 гг. В общих чертах картина выглядит следующим образом: в 1923 г. Ромен Роллан выдвигает кандидатуры Бальмонта, Бунина и Горького, в 1928 г. были номинированы Алданов, Бунин и Горький, в 1933 г. — Бунин и Горький.

За спиной Бунина стояла вся либерально-демократическая русская эмиграция, выдвинувшая, в частности, из своей среды таких энергичных журналистов, как Серж де Шессен и И. М. Троицкий. Пользуясь своими профессиональными связями среди шведских интеллектуалов и прессы, они активно лоббировали интересы Ивана Бунина и одновременно агитировали против Максима Горького, чья кандидатура, из-за давления Кремля, на этот раз казалась особенно весомой⁵⁷.

Жаркий «спор славян между собою» на суде у «варягов» решило «еврейское лобби» (М. Алданов, С. де Шессен, И. М. Троицкий), и в 1933 г. Иван Алексеевич Бунин стал первым русским лауреатом Нобелевской премии по литературе.

Нобелевских лауреатов 1933 г. чествовали торжественно, как никогда. Илья Троицкий с нескрываемым восторгом публиковал в *Сегодня* подробные статьи-репортажи из Стокгольма о всевозможных мероприятиях по случаю этого знаменательного события. Пикантность ситуации

состояла в том, что Бунин стал первым лауреатом Нобелевской премии, не имевшим гражданства. Спустя более чем полвека его «перещеголял» Иосиф Бродский (Нобелевская премия по литературе за 1987 г.) — еврей, русский писатель и гражданин США, имевший на родине неснятую судимость за «тунеядство».

Впоследствии И. М. Троицкий приложит много усилий, к сожалению, не увенчавшихся успехом, для того, чтобы Нобелевскую премию получил Марк Алданов.

После того, как к власти в Германии пришел Гитлер, Илья Троицкий уехал из Берлина, о чем имеется сообщение в письме А. Ф. Авреха⁵⁸ М. С. Мильруду от 29 апреля 1933 г.: «...неистовствует проклятый Гитлер, и Троицкий удрал из Берлина, бросив все имущество, в числе коего имеется и дом»⁵⁹.

Он поселился сначала в Брюсселе, затем — в Копенгагене, а позже — в Париже, куда к тому времени окончательно сместился «мозговой» и культурный центр русской эмиграции⁶⁰.

В 1935 г., по-видимому, предчувствуя надвигающуюся европейскую Катастрофу, Илья Троицкий принял решение переселиться в Аргентину. Можно предполагать, что выбор этой страны был продиктован как сугубо деловыми соображениями — перспективой ведения успешного бизнеса, так и интересами ОРТ и ОЗЕ, с которыми сотрудничал И. М. Троицкий. Эти организации были заинтересованы в том, чтобы иметь в Южной Америке своего надежного и деятельного представителя.

Илья Маркович вполне оправдал возлагавшиеся на него надежды. Поселившись в Буэнос-Айресе, где существовала большая еврейская община, он, возможно, при посредничестве своих старых знакомых (в частности Марка Туркова⁶¹, активно участвовавшего в европейской политической жизни 1920–1930-х гг.) включился в еврейскую общественную и культурную жизнь. Он стал основателем южно-американских отделений ОРТ и ОЗЕ и, выучив в шестидесятилетнем возрасте литературный идиш, начал сотрудничать в местных еврейских периодических изданиях *Yidische tsaytung* (*Еврейская газета*) и *Der shpigl* (*Зеркало*) и был также редактором «Антологии еврейских поэтов Аргентины»⁶².

В 1946 г. Троицкий покидает Аргентину и навсегда поселяется в США, чтобы, как сообщил влиятельный еврейский еженедельник на немецком и английском языке *Перестройка* (*Aufbau/Reconstruction*) в своем выпуске от 25 октября 1946 г., «заняться литературным трудом». Здесь, в Нью-Йорке, прошел последний и весьма плодотворный период его жизни.

Вместе с Григорием Аронсоном, Лидией Дан⁶³, а также известным адвокатом и общественным деятелем Алексеем Гольденвейзером, он являлся членом Исполнительного бюро Союза русских евреев и одновременно был бессменным генеральным секретарем Литературного фонда. В *Новом русском слове*, например, был напечатан его подробный отчет о собеседовании в нью-йоркском Русском литературном кружке, состоявшемся 15 февраля 1956 г. и посвященном книге Г. Адамовича⁶⁴ «Одиночество и свобода» (Париж, 1956)⁶⁵. Вместе с другими известными русскими интеллектуалами-эмигрантами он принял участие в полемике вокруг книги В. С. Варшавского⁶⁶ «Незамеченное поколение» (Париж, 1956)⁶⁷, рассказывающей о втором поколении русских эмигрантов. Его перу принадлежит также целый ряд статей о выдающихся деятелях русской и зарубежной культуры.

В «американский» период И. М. Троцкий пишет на двух языках — русском и идиш, печатается в американских еврейских периодических изданиях *Zukunft* (*Будущее*), *Morgn zhurnal* (*Утренний журнал*), *Der amerikaner* (*Американец*) и *Der tog* (*День*). В 1950 г. он издал в Буэнос-Айресе на идиш публицистическую книгу «Немецкий галут: впечатления от поездки в Германию»⁶⁸.

Будучи самоучкой, Троцкий, помимо русского и идиш, знал немецкий, английский, французский и, по-видимому, испанский языки.

Архив И. М. Троцкого, хранящийся в YIVO (Ilya Trotsky, RG 577), содержит значительное число уникальных материалов, связанных как с деятельностью еврейских культурно-просветительских организаций, так и литературной жизнью русского зарубежья. Основной корпус писем русских литераторов и деятелей культуры — Г. Адамовича, М. Алданова, И. Бунина, Дон Аминадо⁶⁹, О. Дымова и др. — относится ко второй половине XX в. Все они, помимо своего культурно-исторического значения, являются также свидетельствами неутомимой подвижнической деятельности И. М. Троцкого, который по праву может быть назван ходатаем по делам русских литераторов в изгнании.

В этой связи введение в современный историографический и литературоведческий оборот имени И. М. Троцкого — человека, чьи деяния несомненно заслуживают уважения будущих поколений, а также его публицистического наследия, представляется важным как с научной, так и с морально-этической точек зрения.

Часть 2

На закате трудов и дней: переписка Буниных и Алданова с Ильей Троицким

Как грустно на закате мне!
Зачем ты, солнце, на прощанье,
В своем сиянье золотом,
Вошло в мой одинокий дом?
Он пуст, в нем вечное молчанье!

И. Бунин, «Келья» (1903–1905)

После окончания Второй мировой войны русская литературная эмиграция во Франции влчила жалкое существование. Большая часть из переживших войну литераторов заметно одряхла и обнищала. Вместе со старческими болезнями и хроническим безденежьем эмиграцию терзали распри и склоки, в частности, связанные с намерением некоторых эмигрантов вернуться на Родину. Советское посольство не скупилось на посулы и, хотя со всякого рода придирками и проволочками, выдавало желающим «красные» паспорта.

Эта ситуация не обошла стороной и чету Буниных. Из благодетелей и дарителей — даже в тяжелые военные времена в их доме часто и подолгу жили и столовались разного рода друзья-приятели и просто несчастные люди, в судьбе которых они принимали участие — Бунины превратились в просителей, постоянно взыскивающих о вспомоществовании на те или иные житейские нужды.

Писатель Марк Алданов, преклонявшийся перед талантом Бунина, друживший с ним и опекавший его, пишет конфиденциальное — как он подчеркивает — письмо своему и чете Буниных давнему знакомому Илье Марковичу Троицкому.

Имя Ильи Марковича Троицкого упоминается в дневнике В. Н. Буниной в записи от 26 декабря 1930 г.⁷⁰, на заре бунинской «нобелианы». С 1946 г. И. М. Троицкий жил в Нью-Йорке и являлся секретарем Литературного фонда помощи русским писателям и ученым. Президентом Литфонда в то время был публицист Марк Ефимович Вейнбаум⁷¹, состоявший одновременно главным редактором и издателем крупнейшей тогда русскоязычной эмигрантской газетой *Новое русское слово*.

В YIVO — Нью-Йоркском Институте еврейских исследований, где находится архив И. М. Троицкого, хранятся, в частности, письма к нему М. А. Алданова и И. А. и В. Н. Буниных 1950–1955 гг., а в Бахметьевском архиве Колумбийского университета и Русском архиве Лидского университета (РАЛ, или RAL) — ответные письма И. М. Троицкого. Избранные фрагменты из этой переписки являются предметом настоящей публикации.

И. А. Бунин, 1933 г.

Фото фон Бенкова (из архива RAL)

Вся переписка отражает процесс восстановления дружеских отношений, прерванных во время войны, когда все корреспонденты оказались в разных частях света: Марк Алданов в Северной Америке (Нью-Йорк), Иван Бунин в Европе (французский курортный городок Грасс) и И. М. Троицкий в Южной Америке (Буэнос-Айрес).

М. Алданов, «последний джентльмен русской эмиграции», по определению Ивана Бунина, начинает свое письмо И. М. Троицкому от 22 августа 1950 г. с выражения сожаления по поводу длительного перерыва в их переписке:

Дорогой Илья Маркович, Вас, вероятно, удивит это мое письмо: то мы с Вами годами не переписываемся и не видимся <...>, то от меня длинное письмо, да еще с большой просьбой. Просьба эта об И. А. Бунине. Он лежит в Париже тяжело больной. Боюсь, что он умирает. Я вчера получил от его жены Веры Николаевны письмо: три врача признали, что необходимо сделать ему серьезную операцию (мочевой пузырь). На ее вопрос, вынесет ли он такую операцию в свои 80 лет, при многих других болезнях, осложняющих одна другую, ответили, что гарантировать ничего не могут, но если операции не сделать, то он скоро умрет в сильных мучениях! Денег у них нет. Я от себя делаю что могу (иначе не имел бы и права обращаться к другим). Нобелевская премия за 16 лет проедена Буниным. Он всегда в эмиграции зарабатывал мало, а в годы оккупации прожил остатки. Вел себя, как вы знаете, очень достойно, — не только ни одной строчки при Гитлере не напечатал, но и кормил и поил несколько лет других людей, в том числе одного писателя-еврея, который у него все эти годы жил⁷².

Обращаясь к Илье Троицкому, Алданов, без сомнения, знал, что его адресат «к обязанностям своим относился чрезвычайно добросовестно: через его руки проходили все письма о помощи, он составлял списки нуждающихся, он вел со многими литераторами, учеными, артистами постоянную переписку»⁷³.

Будучи исключительно тактичным и щепетильным человеком, Алданов формулирует свою просьбу об оказании материальной помощи

Бунину в очень осторожных по отношению к третьим лицам выражениях:

Я знаю (и мне как раз вчера сказала об этом А. Даманская⁷⁴), что у Вас большие связи в еврейских кругах, в частности по Вашей организации⁷⁵. В этой организации работает и мой старый друг Я. Г. Фрумкин, но он едва ли умеет собирать деньги, а Вы, быть может, умеете и, так же как он, пользуетесь там большим уважением. <...> Быть может, Вы хороши с Ханиным⁷⁶? Он очень добрый хороший человек, большой культуры и отзывчивости. Писать ему бесполезно, — так как он завален делами. Но при личном обращении <...> он едва ли Вам откажет. Он знает и любит Бунина.

Алданов, конечно же, знал о многолетних дружеских отношениях между И. М. Троцким и Я. Г. Фрумкиным, завязавшихся еще в России и продолжавшихся в эмиграции. Используя в качестве эвфемизма оборот *а Вы, быть может, умеете*, Алданов дает понять, что он, Троцкий, принадлежит к числу ходатаев по делам русских писателей в изгнании. Именно этим людям, а их в русском зарубежье можно было буквально пересчитать по пальцам, известные артисты, ученые, общественные деятели, а также меценаты из среды «отзывчивого еврейства» (выражение М. А. Осоргина⁷⁷) доверяли свои пожертвования, чтобы те могли их с толком и по справедливости распределить среди нуждающихся литераторов.

Без сомнения, и Я. Г. Фрумкин — председатель нью-йоркского Союза русских евреев, был из их числа (его имя часто мелькает среди активистов, занимавшихся организацией помощи Бунину), но способности И. Троцкого на этом поприще были, по-видимому, из ряда вон выходящими с точки зрения результативности. Поэтому Алданов, намекая на это обстоятельство, спрашивает:

Не могли бы Вы что-нибудь собрать для Бунина? Я был бы Вам страшно благодарен. Нельзя же дать первому русскому писателю умереть без того, чего требуют врачи!

Стараясь оградить имя Бунина от пересудов, Алданов, выделяя слово «нельзя», предупреждает своего адресата:

Печатать об этом в газетах нельзя, но, если Вы согласитесь исполнить мою просьбу, то, разумеется, каждому жертвователю можете прочесть мое письмо.

Через несколько дней, 27 августа 1950 г., Алданов считает необходимым дать И. М. Т. разъяснения по поводу обстановки, сложившейся

с конца 1940-х гг. в кругу бывших друзей и почитателей таланта Ивана Бунина:

Нельзя просить о Бунине М. С. Цетлину⁷⁸, так как они в ссоре, и это было бы Ивану Алексеевичу чрезвычайно неприятно⁷⁹. Нельзя также просить М. В. Вишняка⁸⁰, так как он Бунина ненавидит. <...> Это второе мое письмо конфиденциально, — пожалуйста, никому о нем не говорите.

Ссора Бунина с М. Цетлиной произошла из-за идеологических разногласий. В 1947–1948-х гг. в результате споров по поводу членства в парижском Союзе русских писателей и журналистов (СП) лиц, получивших советское гражданство, М. Цетлина разорвала длившиеся около 30 лет дружеские отношения с И. Буниным; Алданов встал на сторону друга.

Старый друг Бунина Б. К. Зайцев⁸¹ писал М. С. Цетлиной 20 декабря 1947 г.:

...на общем собрании Союза нашего⁸² прошло большинством двух третей голосов (даже более) добавление к Уставу: советские граждане не могут теперь быть членами нашего Союза. Это вызвало некоторый раскол. С собрания ушли 14 человек в виде протеста, среди них Сирин, Зуров⁸³ и Вера Бунина. Позже еще к ним присоединились — в общем мы приняли 25 отказов. Среди ушедших оказался и Иван Бунин. Единственно это было для меня тягостно — за него. Ночь я не спал. Считал: действие его — предательством — мне⁸⁴.

Как Буниных, так и Алданова возмутило, что писатели, по их мнению, сотрудничавшие во время войны с немцами, по-прежнему оставались членами СП. Сами Бунины советских паспортов не брали, взглядов не меняли и, по более поздним признаниям в письмах В. Н. Буниной, возвращаться в СССР не собирались. Однако решение Буниных о выходе из СП вызвало огульные обвинения их в симпатиях большевикам. В частности, М. С. Цетлина тогда и написала им резкое письмо о полном разрыве:

...Вы ушли в официальном порядке из Союза писателей с теми, кто взяли советские паспорта. Вы нанесли этим очень большой удар и вред всем, которые из двух существующих России признают только ту, которая в концентрационных лагерях, и не могут взять даже советского паспорта. Я должна уйти от Вас, чтобы чуть-чуть уменьшить Ваш удар. У Вас есть Ваш жизненный путь, который Вас к этому привел. Я Вам не судья. Я отрываюсь от Вас с очень глубокой для меня болью, и эта боль навсегда останется со мной⁸⁵.

Итак, в парижской эмигрантской литературной среде кипели страсти, отзвуки которых долетали через океан в США⁸⁶, и тот факт, что отношения между Бунинными и Цетлиной с Вишняком окончательно испорчены, ни для кого не было секретом. Однако Алданов, тем не менее, считает необходимым известить об этом И. М. Троицкого. По всей видимости, он, имея представление о характере и моральных принципах И. М. Т., полагал, что его адресат, стоящий, в силу особенностей своего положения добытчика и распределителя материальной помощи, над эмигрантскими конфликтами и интригами, может просто-напросто не принять в расчет все «тонкие обстоятельства», связанные с именем И. А. Бунина. К тому же, по каким-то ему лишь известным причинам, М. Алданов излагает свое предупреждение И. Троицкому о Цетлиной и Вишняке в неопределенной форме:

Конечно, не знаю, согласитесь ли Вы исполнить мою просьбу о Бунине. Но на случай, если Вы любезно согласитесь, дополнительно сообщая Вам то, о чем забыл сказать позавчера.

Однако И. М. Троицкий без промедления включился в компанию по оказанию материальной помощи больному писателю. 15 сентября 1950 г. он пишет Буниной:

Дорогая Вера Николаевна! Прочтя мою подпись, вероятно, вспомните и меня. Воскреснут перед Вами, быть может, и невозвратные стокгольмские дни, когда мы вместе праздновали получение Иваном Алексеевичем Нобелевской премии. Увы, много воды с тех пор утекло и много тяжкого пережито. Вчера, с трехнедельным запозданием, мне передали письмо М. А. Алданова, в котором он мне пишет о болезни Ивана Алексеевича. <...> я был осведомлен об операции, счастливо перенесенной Вашим мужем, но и только! О привходящих обстоятельствах <...> мне рассказало письмо Марка Александровича. Я тотчас же обратился к моему другу, мистеру Н. Ханину, вождю местного еврейского рабочего движения и горячему поклоннику таланта Ивана Алексеевича. Он мне вручил чек на 75 \$ <...>, которые спешу перевести⁸⁷. Нажал я кнопки и в других организациях, которые, надеюсь, откликнутся на мое обращение. Предполагаю в середине октября быть в Париже и не премину случая засвидетельствовать Вам и дорогому Ивану Алексеевичу свое уважение. <...> Душевно Ваш И. Троицкий.

Через пять дней, 20 сентября 1950 г., И. М. Троицкий сообщает:

Дорогая Вера Николаевна! Вы, конечно, первый чек на 75 \$ уже получили. Посылаю второй чек на 50 \$ от Союза еврейских писателей

в Нью-Йорке. Сейчас мне Андрей Седых сообщил, что он, со своей стороны, посылает Вам 50 \$. В ближайшие дни состоится заседание Литературного фонда, членом правления которого я состою, и там, конечно, будет принято надлежащее постановление. <...> Очень прошу передать (Ивану Алексеевичу. — М. У.) мой сердечный привет и пожелания скорее возвратиться домой с восстановленными силами. В надежде на скорое свидание, остаюсь искренне преданный И. Троицкий.

В свою очередь, 19 сентября 1950 г. Вера Николаевна Бунина посылает И. М. Троицкому благодарственное письмо, в котором говорилось:

Дорогой Илья Маркович, Иван Алексеевич просил Вас передать сердечную благодарность за Вашу заботу о нем и сказать, что он всегда Вас вспоминает с неизменной любовью. Благодарю Вас и я со своей стороны. Ваша посылка очень кстати: завтра мы выписываемся из клиники, где операция и трехнедельное пребывание стоило нам совершенно непосильных трат. Мне пришлось повсюду занимать, чтобы все оплатить. <...> И. А. собственно страдал от опухоли на простате с мая месяца, и по ошибке одного специалиста нужная операция не была сделана в июле. И какие страдания перенес в августе И. А.! Слава богу, что хирург Дюфур⁸⁸ успел сделать операцию и тем спасти И. А. от верной смерти. Передайте от нас большую благодарность мистру Н. Ханину за чек в 75 долларов. С благодарным приветом. Душевно Ваша В. Бунина.

Практически одновременно И. Троицкий получает письмо и от М. Алданова, датированное 22 сентября 1950 г., в котором тот сообщает:

Бунин уже вернулся домой из клиники. Операция сошла удачно, но Вы, верно, знаете, что все операции вначале кажутся удачными. Маклаков, только что посетивший Ивана Алексеевича, пишет мне, что вид у него ужасающий и что говорит он только о близкой смерти. Стоила ему болезнь уже более двухсот тысяч франков.

24 сентября 1950 г. И. М. Троицкий вновь пишет Буниной:

Дорогая Вера Николаевна! Рад был получить от Вас письмецо, а еще более тому, что Иван Алексеевич уже переведен домой. Не сомневаюсь в том, что домашняя обстановка и Ваши заботы скоро поставят дорогого пациента на ноги. Вчера состоялось заседание Литературного фонда. <...> Сумей симпатии (выраженные Ивану Алексеевичу. — М. У.) отразиться на процессе болезни, <он> должен был бы

уже сидеть за письменным столом. Но <с> симпатиями, как известно, на базар не пойдешь. Между тем, касса нашего фонда почти пуста, а нужда среди пишущей братии огромна <...>. С большим трудом выкроили 25 \$, правление просит меня принести Ивану Алексеевичу не только пожелания скорейшего выздоровления, но и свои извинения за столь ничтожную сумму. Наша касса пополнится не ранее второй половины ноября, после традиционного вечера, устраиваемого ежегодно литературным фондом <...>. С дружеским приветом, душевно Ваш И. Троицкий.

Затем, 27 сентября 1950 г. И. М. Троицкий сообщает М. А. Алданову:

Вашу просьбу относительно И. А. Бунина по мере сил выполняю. Перевел Вере Николаевне помимо 75 \$ Ханина еще две посылки: 50 \$ от Союза еврейских писателей (Ферейн им. И. Л. Переца⁸⁹) и 25 \$ от Литературного фонда. Вам покажется, быть может, странным тот факт, что евреи легче и сердечней откликаются на помощь И. А., нежели христиане. Как только стало известно, благодаря Вашему письму, что И. А. поддерживал во время оккупации еврейского писателя⁹⁰, тотчас же переменилось отношение к боль<ному Ивану> Алексеевичу. Увы, в Литературном фонде пришлось натолкнуться даже <на возражения> одной особы (разрешите, имени не называть⁹¹), которую пришлось поставит<ь на место>. К сожалению, касса Литфонда почти пуста, а нужда среди писательской братии <и огромна>. Только к концу ноября, после традиционного вечера Литфонда, касса, вероятно, пополнится. Очень меня огорчило Ваше сообщение о душевной подавленности И. А. и о его мрачных мыслях о смерти. Ближайшего шестого октября еду в Женеву по <ОРТ>овским делам и не премину, конечно, навестить И. А. в Париже. Пробуду в Париже несколько дней. Не собираетесь и Вы, дорогой Марк Александрович, в Париж? Рад был бы Вас повидать и потолковать. Есть, что Вам рассказать.

Через шесть дней после написания своего первого благодарственного письма, В. Н. Бунина обращается к И. М. Троицкому с трогательным посланием, в котором, помимо темы «материальной помощи», имеется интересная информация, касающаяся литературной деятельности адресата:

25.09.1950. 1 rue Jacques Offenbach Paris, 16. Дорогой Илья Маркович. Еще раз шлем от всего сердца Вам спасибо за Ваши заботы и хлопоты, — Вы один из самых трогательных друзей. <...> И. А. очень еще слаб

и многое не в состоянии делать сам. Много спит днем и мало ночью, когда бывают удушья. Еще плохо стоит на ногах и едва ходит, — уж очень он намучился с мая месяца!

Поблагодарите Литературный фонд и за их дружеские чувства, и за 25 д., и они были кстати. Уже нужно расплачиваться с долгами, мне пришлось занять более ста тысяч франков. Двадцать тысяч с Вашей помощью мне удалось уже выплатить, — брала на срок.

А теперь мне хочется сказать, что я только что прочла Ваше о Левитане, о моем любимом художнике. Вы его дали очень хорошо. Я много слышала о нем от Е. А. Телешовой⁹², но о друзьях и о родных ничего не знала. И. А. тоже хвалил этот портрет. Он просит Вам написать, что ждет Вас с нетерпением и обнимает Вас. <...> Душевно Ваша В. Бунина.

20 декабря 1950 г. И. М. Троицкий посылает Алданову развернутое письмо-просьбу, — единственное в своем роде:

Дорогой Марк Александрович! Пишу вам в срочном порядке и по делу литературно-общественному. Литфонд решил организовать вечер в ознаменовании восьмидесятилетия И. А. Бунина. <...> Собирались мы (имеются в виду также И. Л. Тартак и В. М. Берг⁹³. — М. У.) этот вечер устроить в первой половине января и уже хотели на сей счет списаться с В. Сириным, намечавшимся нами в качестве лектора. Но вот мы от М. Е. Вейнбаума, а затем и от Я. Г. Фрумкина узнали, что вы собираетесь возвратиться в Нью-Йорк в январе. Это сообщение опрокинуло наши планы. Мы решили обратиться к Вам с дружеской просьбой, украсить наш вечер Вашей лекцией об И. А. Бунине. Кому, как не Вам, столь близка эта тема!? Выдвигается и кандидатура Веры Александровой в качестве второй докладчицы, буде вы против этого не возразите. Так вот, дорогой Марк Александрович, откликнитесь, пожалуйста, и по возможности скорее. Мне не надо подчеркивать, какое приобретение для Литфонда явится Ваше участие в бунинском вечере, и как это обрадует Ивана Алексеевича.

Однако Алданов просьбу И. М. Троицкого и, в его лице, нью-йоркского Литературного фонда отклонил. В письме 25 декабря 1950 г. он сообщает И. М. Т. о мотивах своего отказа:

Дорогой Илья Маркович. <...> Я сердечно благодарю Вас, И. Л. Тартака, В. М. Берга и Литературный фонд за приглашение выступить на вечере Бунина. В другое время я был бы очень рад его принять и высту-

пить вместе с Верой Александровой. Но, к сожалению, это невозможно: <...> мне по приезду в Нью-Йорк придется все время отдавать поискам заработка или службы, так как материальные дела мои нехороши, и леченью. Так как здоровье мое еще хуже, чем дела <...>. Очень прошу комиссию извинить меня: никак не могу. Нигде вообще выступать не буду. Да я, впрочем, и не мастер говорить. Всецело одобряю и приветствую вашу мысль, пригласить В. В. Сирина. Он после Бунина наш лучший современный писатель и читается отлично и охотно. <...> Ваш М. Алданов.

Далее следует важная приписка:

Перечел это письмо — мне пришла мысль, наверное, совершенно неосновательная, вдруг кто-нибудь подумает, что я выступил бы за плату в свою пользу!!! — разумеется, нет, ни в коем случае, и даже такое предположение, не скрою, показалось бы мне обидным. А вот было бы хорошо, если бы сбор от чтения В. А. и В. В. пошел в пользу Ивана Алексеевича, — сбор или часть сбора.

30 января 1951 г. И. М. Троицкий пишет Буниной:

Дорогая Вера Николаевна! Спешу исправить неточность, вкравшуюся в мое предыдущее письмо. Литфонд перевел Ивану Алексеевичу, как мне сообщил наш секретарь, не 52, а 42 доллара <...> Надеюсь, дорогая Вера Николаевна, Вы с меня не взыщете за невольную ошибку. На днях у меня состоялось специальное совещание по поводу организации бунинского вечера. Присутствовали также М. А. Алданов и М. Е. Вейнбаум. <...> М. А. Алданов взял на себя миссию пригласить к участию в этом вечере В. Сирина, профессорствующего в одном из провинциальных американских университетов. Кстати, нельзя ли получить от Ивана Алексеевича десятка два экземпляров «Воспоминаний» с автографом. Мы смогли бы, вероятно, их здесь удачно продать. <...> Не считаю возможным лично тревожить Ив. Алек., зная, что вы скорее и легче это наладите. Вот пока и все! Моя жена и я шлем Вам и Ивану Алексеевичу сердечнейшие приветы. <...> И. Троицкий.

10 февраля 1951 г. И. М. Троицкому пишет письмо уже сам И. А. Бунин:

Дорогой Илья Маркович. Очень благодарю Вас за Ваши заботы обо мне, за попытку что-нибудь собрать мне. Вы просите меня выслать Вам для продажи на бунинском вечере десятка два моих «Воспомина-

ний». Это невозможно и технически, и материально. <...> А главное — для меня тяжело, унизительно, что на вечере будут навязывать мою книгу, и многие, конечно, будут от нее отмахиваться.

Диктую Вам это письмо, потому что все лежу в постели. Недавно перенес тяжелый плеврит, и было долгое лечение, был <пенициллин>, сульфамиды, каждый день доктор... До сих пор я ужасно слаб, все лежу, иногда поднимается температура.

Рогнедова⁹⁴ мы уже давно не видим, не знаем даже, где он? За все время его «деятельности», то есть с начала сентября и до сих пор, получили чистых сто тридцать тысяч, при валовом сборе двести тысяч франков. А что же Перль Бел⁹⁵? От нее ни слуху, ни духу, ни пуху, ни пера. <...>

Шлем дружеский привет Вашей жене, целую Вас.
Ваш Иван Бунин.

К письму имеется приписка В. Н. Буниной, хлопочущей уже не о себе, а за одного из своих парижских знакомых:

Дорогой Илья Маркович. Меня интересует очень, почему Литфонд отказал Щербакову⁹⁶. Он самый, вероятно, нуждающийся из всех парижских писателей. У него больная жена, которая должна скоро родить, и маленькая дочка. Они оба по мере сил работают, но иногда работы не бывает, и тогда им очень плохо. Паспорт у него нансенский, пишу об этом потому, что прошел слух, что ему отказали из-за красного паспорта. Вот и все, что мне хотелось бы Вам сказать. <...> Душевно Ваша В. Бунина.

Письмо Бунина от 29 апреля 1952 г. посвящено сугубо литературным делам:

Дорогой Илья Маркович, пожалуйста, передайте Гартaku, что я прошу его извинить меня за то, что я писал ему <...>, вообразив на основании неверных сведений, дошедших до меня о его статье обо мне, как о поэте, будто бы только пейзажисте: я только теперь прочел подлинный текст этой статьи в Нов. Р. Слове, наконец дождедем до меня, и увидел, как я был неправ и как напрасно указывал ему на не пейзажные темы моих стихов. Я прошу Вас передать это ему вместе с самой сердечной благодарностью за все, что он сказал обо мне в своих двух статьях: он оказался в них таким добрым другом моим вообще! Пишу плохо, нескладно тут, но это потому, что пишу в постели, болен в последнее время всячески особенно, обнимаю Вас, милый. Ваш Ив. Бунин. Привет Вашей дорогой нам жене.

Из письма В. Н. Буниной от 16 августа 1952 г. явствует, что летом этого года И. М. Троицкий был в Париже и посетил Буниных:

Дорогой Илья Маркович... Б. С. Нилус⁹⁷ не послала письмо Вам потому, что денег на отдых Л. Ф. З<урову> хватило <...>, так что Лит<фонд> не нужно беспокоить. Конечно, Б. С. следовало Вас об этом известить, но вскоре после Вашего отъезда мы все были потрясены болезнью юной студентки, выдержавшей только что экзамен и уехавшей на <отдых>, а через три дня вернувшейся домой в сильнейшем нервном расстройстве. Вероятно, на переутомленный организм подействовала высота в 1000 метров. Все ее очень любят, а в нашем доме она своя⁹⁸. Они с матерью несколько лет жили у нас и на юге, и в Париже. Она говорит мне и И. А. «ты» и зовет его Ваней. Положение было настолько острым, что пришлось поместить ее в первоклассную клинику. А родители ее люди далеко не богатые, и пришлось нам с Б. С. напрячь все силы, и мы ни о чем не могли больше <думать>. <...> И. А. в таком же состоянии, в каком вы видели его. Возится с архивом. Отношения с Ч<еховским> И<здательством> наладились.

Иван Алексеевич Бунин скончался 8 ноября 1953 г., но только почти через полтора месяца, 20 декабря 1953 г., И. М. Троицкий пишет Буниной письмо с соболезнованиями по этому поводу:

Дорогая Вера Николаевна! Не изумляйтесь моему запоздалому отклику на постигший Вас удар. Сознаюсь, сознательно медлил, опасаясь, как бы мои строки не затерялись в потоке соболезнований, наводнивших<их> Ваш дом. Для меня лично писать соболезнующие письма – тяжелая моральная пытка. Как найти слова, которые не казались бы банальными, не напоминали стертую монету? И чем можно утешить Вас, дорогая Вера Николаевна, потерявшую не только долгодетнего спутника жизни, но и светоча русской литературы. Быть может, Вашу душевную рану утешит сознание, что заодно с Вами оплакивает уход из жизни незабвенного Ивана Алексеевича весь культурный мир. <...> со смертью Ивана Алексеевича ушел из русской литературы – ее хозяин и путеводитель. И хотя угасание И. А. для нас, живущих по другую сторону океана, не была тайной, тем не менее, смерть его положительно всех потрясла. Литературный фонд, литературный кружок и несколько других культурных организаций готовятся почтить память Ивана Алексеевича организацией специального вечера <...>. Вам Андрей Седых, вероятно, уже переслал

вырезки из американской печати, равно как и то, что он лично написал. На днях получите и от меня две статьи, напечатанные в Нов. Русс. слове и в крупнейшей еврейской газете *The Day* <Der Tog, День>, причем еврейская газета отвела покойному Ивану Алексеевичу втрое больше места, чем Н. Р. С. Написал я также и в аргентинской печати о значении И. А. в мировой литературе. Как только получу тамошние газеты — не премину их Вам послать. <...> Считаю <...> нужным поставить вас в известность о решении правления Литфонда, откликнуться надлежаще на привходящие обстоятельства, сопряженные с уходом из жизни Вашего бессменного спутника. Анна Родионовна⁹⁹ и я разделяем Ваше тяжкое горе, выражаем свое глубокое соболезнование и шлем пожелания душевной бодрости и воли к дальнейшей, длительной жизни. Душевно Ваш И. Троцкий.

Переписка Троцкого с Буниными завершается письмом Веры Николаевны, датированным «7 ян./25 д 1954 г./1953 г.», с поздравлением по случаю Нового года и очередной просьбой, касающейся ее денежных расчетов с Литфондом:

...Дорогой Илья Маркович, сердечно благодарю Вас и милую Анну Родионовну за сочувствие моему вечному горю. А Вас еще благодарю за Ваше чудесное письмо, а что оно было позднее других, то это хорошо. Спасибо и за статью о И. А., она всколыхнула нашу дружбу воспоминаньем.

Ведь он ушел от меня накануне двадцатилетия присуждения ему Нобелевской премии, и он вспоминал о тех днях и всех вас¹⁰⁰.

Желаю Вам и Анне Родионовне в 1954 году здоровья, всяких удач и радостей.

Эти святки я провожу пока тяжело, как никогда, и не только оттого, что нет около Ивана Алексеевича, но еще потому, что у меня ничего нет, кроме долгов, а я к ним не привыкла, и уже некоторые кредиторы нуждаются в деньгах, большинство из них бедные, а нужно внести нотариусу за утверждение в правах наследства <...> Много денег ушло на праздничные чаи, мы сидим на рисе и чечевице, — только сегодня будем есть курицу, подарила одна добрая душа, моя приятельница. А кто виноват? Ваша Америка! До сих пор не получила заблокированные деньги с 1943 г. Бедный Иван Алексеевич так и не дождался, а сколько маленьких его желаний мы хотели сделать на эти деньги. Их блокировали (550 д.) во время войны. За хранение и налоги взяли 120 д. Значит, осталось 430 д. 10% — агентам, мне 387 д. Это бы как

раз мне хватило бы до получения из Ч<еховского> И<здательства> за книгу И. А. А то ведь после его смерти я получила всего 2 раза по 100 д. из Лит<фонда>, и они ушли на ремонт, на переделку матрасов. Вы помните, в каком виде была квартира, и мне передали, что хозяин хочет придраться, он, конечно, спит и видит выселить меня из нее. Адвокаты посоветовали начать красить, проремонтировали половину, столовая была приведена в хороший вид еще в прошлом году. Я уже писала Марку Ефимовичу <Вейнбауму>, что мне именно сейчас нужны деньги и что, если я буду в состоянии, то я отдам их из второй полочки за Петлистые уши из Ч<еховского> И<здательства>. Очень прошу Вас поторопить мне выслать, было бы хорошо, если 200 дол. <...> Простите, что пишу об этом, но я уже не могу спать. Стала худая. К зеркалу подхожу с отвращением. Слава Богу, Леня поправился¹⁰¹ и очень меня поддерживает и помогает всячески, но я пока измучена, это на меня все остро действует: бедные дают взаймы, а богатые дают советы и иногда очень неприятным тоном, а я не сплю. А тут еще и квартирный вопрос поднимается: 4 комн., а нас двое. Надоела я Вам, обнимаю Вас, дорогой друг, и Анну Родионовну. Л. Ф. шлет Вам новогодний привет. Ваша В. Б.

Приписка: Берта Соломоновна (Нилус-Голубовская. — М. У.) больна гриппом, да и вообще больна. Она шлет Вам свой новогодний привет.

О трудном положении, в котором оказалась Вера Николаевна Бунина, и о неприязненном отношении к Л. Ф. Зурову, существовавшем в кругу близких к Буниным людей, свидетельствует письмо М. А. Алданова И. М. Троцкому, написанное им из Ниццы 6 декабря 1953 г.:

Дорогой Илья Маркович. Как вы поживаете? Как здоровье Вашей супруги? Мы оба хорошо понимаем с Татьяной Марковной¹⁰², как Вам теперь тяжело живется из-за ее болезни: у всех горе, трудная стала жизнь.

<...>

Относительно же Веры Николаевны, я тотчас после кончины Ивана Алексеевича написал Вейнбауму, просил о 500 долларах ей для уплаты по похоронам и на жизнь. Марк Ефимович поставил этот вопрос, и в принципе принято решение послать не менее пятисот, но по частям, так как члены Правления опасаются, что деньги будут тотчас истрачены на Зурова. Пока послали 200. Может быть, это и правильно. Однако я хочу Вас просить — следить за тем, чтобы это не было забыто и чтобы деньги высылались каждый месяц, правда, Вера

Николаевна теперь живет преимущественно на деньги друзей и читателей. В Париже собрали всего 162 тысячи франков, а только похороны стоили больше. Разумеется, сбор продолжается, но ведь друзей не так много. Все же, если деньги от фонда <...> будут приходить, то как-нибудь она проживет: если Чеховское издательство будет существовать, то оно, наверное, будет издавать старые книги Ивана Алексеевича и тогда В. Н. сможет жить. Вот только будет ли существовать это издательство? Я об этом никаких сведений больше не имею. Не знаете ли Вы¹⁰³?

Иван Алексеевич, знаменитейший из русских писателей, умер, не оставив ни гроша! Это temento mori¹⁰⁴. <...> Мы оба шлем Вам и вашей семье самый сердечный привет и лучшие наши пожелания. Напишите о себе. Ваш М. Алданов.

Приписка: Я поместил о Бунине статью в *Le Monde*¹⁰⁵.

После 1953 г. И. М. Троицкий и В. Н. Бунина, по всей видимости, не переписывались. В РАЛ, однако, сохранилось одно письмо И. М. Троицкого от 21 октября 1958 г., в котором он от имени Литфонда обращается по «общественному делу» к В. Н. Буниной и Л. Ф. Зурову. Текст этого письма выдержан в сугубо официальном тоне, в нем отсутствуют обычные для такого рода переписки дружеские нотки:

В нынешнем году Литфонду исполняется сорок лет — срок достаточный, чтобы публично быть отмеченным. Никаких торжеств, в интересах экономии сил и денег, правление не собирается организовывать. Согласно традиции Литфонд организует ежегодно, в ноябре, компанию сборов на пополнение кассы и на обеспечение бюджета в плане помощи. <...> В этом смысле Литфонду нужна моральная поддержка и извне. Просьба правления Литфонда к вам, дорогие Вера Николаевна и Леонид Федорович, откликнуться несколькими теплыми строками в пользу этого учреждения, столь ценного для поддержания единства эмигрантской интеллигенции. Письма будут опубликованы в Нов. Русс. сло<ве>. С искренним приветом Ваш И. Троицкий. Секретарь Литфонда. Р. С. Пользуюсь случаем поблагодарить Леонида Федоровича за ценный подарок — Марьянку¹⁰⁶, о которой Н. Р. С. поместила интересный отзыв.

Часть 3

Пока живу — надеюсь: переписка М. А. Алданова с И. М. Троицким (1950–1955)

Черный бархатный шмель, золотое оплечье,
Заунывно гудящий певучей струной,
Ты зачем залетаешь в жильё человечье
И как будто тоскуешь со мной?
<...>

Не дано тебе знать человеческой думы,
Что давно опустели поля,
Что уж скоро в бурьян сдует ветер угрюмый
Золотого сухого шмеля!

И. Бунин. «Последний шмель» (1916)

В статье-некрологе «И. М. Троицкий» Андрей Седых писал:

*...мало кто знает, что уже после присуждения премии Бунину И. М. Троицкий старался использовать свои стокгольмские связи, чтобы выдвинуть на премию кандидатуру другого русского писателя, М. Л. Алданова*¹⁰⁷.

В начале своей лоббистской деятельности И. М. Т. опирался на прямую поддержку И. А. Бунина, который после получения Нобелевской премии по литературе в 1933 г. считал своим долгом всячески способствовать выдвижению кандидатуры Алданова — своего верного друга.

Алданова с Буниным связывали многолетние личные отношения, скрепленные общностью политических взглядов, литературных вкусов и интересов, взаимным уважением и обоюдным доверием. По-человечески они были очень привязаны друг к другу. Так, например, когда Бунин отказался после недолгих, но мучительных для него колебаний от предложенного ему советского паспорта и «золотых гор», обещанных в обмен на переезд в СССР, он 1 августа 1947 г. посылает Алданову письмо, где, в частности пишет:

*Дорогой Марк Александрович, ставя в свое время на карту нищеты и преждевременной гибели своей от всего сопряженного с этой нищетой свой отказ от возвращения домой, я мысленно перечислял множество причин для этого отказа, и среди этого множества мелкакала, помню, такая мысль: Как! И Марка Александровича я тогда уже никогда больше не увижу и даже письма никогда от него не получу, и сам ему никогда не напишу!!*¹⁰⁸

Бунин и Алданов дружили семьями, и когда оба писателя ушли из жизни, их жены — Вера Николаевна Бунина и Татьяна Марковна Алданова, сохранили эту дружбу. В последнем, вероятно, самом последнем в ее жизни письме, адресованном в апреле 1961 г. художнице Т. Логиновой¹⁰⁹, Вера Николаевна, среди прочих близких ей людей, упоминает и Алданову:

Сижу в кафе на бульваре Экзельманс. В ожидании всенощной не знаю, что делать?.. Ждать надо полтора часа... Хотела зайти к Струве,¹¹⁰ но их не было дома. Позвонила Полонской¹¹¹, она играет в карты. Этим спасается! Позвонила Алдановой — к телефону никто не подошел. Вот и сижу и бросаю взгляды на прохожих... Я сегодня надела свой серый костюм: распускаются деревья. Небо синее, безоблачное... Пишу письма и беседую с памятью... Мало нас осталось!¹¹²

Бунин ценил и писательский талант Марка Алданова, который, по утверждению такого авторитетного «свидетеля времени», как А. В. Бахрах, был

за все годы эмиграции автором, наиболее популярным у читателей русских библиотек. <...> Бунин не раз говорил, что, когда он получает еще пахнущий типографской краской номер какого-нибудь толстого журнала или альманаха, он первым делом смотрит по оглавлению, значится ли в нем имя Алданова <...> и тогда тут же разрезает страницы, заранее возбудившие его любопытство и, откладывая все дела, принимается за их чтение¹¹³.

Политические события в Европе, в первую очередь, приход к власти в Германии национал-социалистов, какое-то время мешали Бунину начать кампанию по выдвижению Алданова на Нобелевскую премию. Но в 1937 г. в своем обращении в Шведскую академию он писал:

Господа академики, имею честь предложить вам кандидатуру господина Марка Алданова (Ландау) на Нобелевскую премию 1938 г. Примите уверения в моем совершеннейшем к вам почтении.

Однако члены Нобелевского комитета, опираясь на оценку своего эксперта по славянским литературам Антона Карлгрена, «похвалы <которого> стиливому мастерству Алданова и его интеллектуальному багажу, равно как и ясности и точности в его изображении русской „интеллигенции“ в революционную эпоху», были восприняты ими — в сравнении с предыдущими оценками этого специалиста творчества Бунина — как весьма сдержанные, и постановили, что: «в настоящее время с этим предложением следует подождать»¹¹⁴.

Как известно, Нобелевский комитет в своих литературных предпочтениях всегда отличался консервативностью. Антон Карлгрэн, строгий критик и высокопрофессиональный историк литературы, будучи тоже весьма консервативным в своих вкусах, дает противоречивые оценки литературного мастерства Алданова — от неприятия до восхищения. В своем отзыве он писал:

Все сцены и персонажи нарисованы так, словно писатель сам наблюдает их сквозь весьма искусно отшлифованные стекла мудреных очков, выступая, таким образом, в качестве вставной, совершенно бесцветной и почти лишенной индивидуальности, необязательной фигуры <...> чистого статиста в изменчивой драме, чье обязательное присутствие, <...> наконец, до смерти надоедает читателю.

Но, одновременно, критик отмечает и «мастерство изображения», которое проявляется в ряде «совершенно великолепных» сцен и во «всегда исполненных жизни портретах».

Привлекает внимание эмоциональная реакция шведского слависта и, по всей видимости, русофила, на критическое изображение Алдановым русской интеллигенции в революционную эпоху. Несмотря на зоркость писателя и корректность его характеристик, Карлгрэн считает, что у Алданова картина в целом оказывается крайне пристрастной и односторонней:

Русская интеллигенция предстает в его романе как подлинная человеческая сволочь в собственном смысле слова <...>, состоящая из чисто уголовных типов, стопроцентных мошенников и бессовестных честолюбцев, как <...> общество бесхарактерных скотов, вздорных болтунов, неуравновешенных неврастеников, благонамеренных глупцов, легкомысленных марионеток и т. д. Во всей галерее образов едва ли найдется один или два, которые могут вызвать хоть какое-нибудь уважение или сочувствие. И если алдановское изображение верно, то революция стала поистине благим делом, раз она повымела прочь всех этих господ¹¹⁵.

Не вдаваясь в детальное обсуждение темы «интеллигенция и революция», следует, тем не менее, обратить внимание на позицию в этом вопросе Ивана Бунина, который получил Нобелевскую премию при непосредственной поддержке все того же Карлгрэна.

В письме П. А. Нилусу (27.05.1917) Бунин, возможно, полемизируя с Блоком, патетически восклицает:

Ох, вспомнит еще наша интеллигенция, — это подлое племя, совершенно потерявшее чутье живой жизни и изолгавшееся насчет совершенно неведомого ему народа, — вспомнит и мою Деревню и пр.¹¹⁶

Сейчас, когда стали доступны архивы Нобелевского комитета, становится очевидным, что у Алданова по многим причинам, о которых, в частности, идет речь в публикуемой переписке, не было ни малейшего шанса получить премию. Новаторство Алданова как писателя, сочетавшего в своих произведениях классическую ясность и изысканность стиля с принципом иронического «остранения»¹¹⁷ и «монтажности», состояло в том, что он мастерски применил их к описанию различных исторических эпох.

Но именно этого Карлгрен и не увидел. Более того, эти новации русского писателя, которого он сопоставлял с классицистом Буниным, а также его фаталистическая философия, ставящая во главу угла вопрос: «А существуют ли законы истории вообще?»¹¹⁸ — все это вызывало раздражение критика, со временем превратившееся в стойкую неприязнь к творчеству Алданова.

А ведь на Западе, особенно в Англии, США, а до войны во всех славянских странах, книги Алданова были весьма популярны. Пожалуй, Алданов был единственным русским писателем-эмигрантом, чьи книги издавались в переводах на различные языки многотысячными тиражами.

21 января 1939 г. И. А. Бунин вновь выдвигает кандидатуру Марка Алданова на Нобелевскую премию. В письме в Шведскую академию он характеризует его как «хорошо известного русского писателя», «автора многих романов, переведенных на большое количество иностранных языков, а также исторических очерков». Впрочем, номинация была аргументирована всего одним весьма расплывчатым определением:

*Художественные дарования писателя, человечность его взглядов, глубина его историзма, живая атмосфера эпохи, воплощенной им, обеспечивают ему место среди выдающихся писателей нашего времени*¹¹⁹.

Не вызывает сомнения, что Бунин, конечно, помнил, какие усилия предпринимались во время его собственной «избирательной кампании». Но тогда основную часть работы взвалили на себя его друзья и почитатели. Одним из них был энергичный, располагающий к себе, знающий все ходы и выходы Илья Маркович Троицкий.

В дневнике В. Н. Буниной¹²⁰ от 26 декабря 1930 г. имеется выписка из письма И. М. Троицкого С. Л. Полякову-Литовцеву, которая, согласно полной машинописной копии, хранящейся в РАЛ (Русском архиве Лидского университета), содержит следующую, чрезвычайно интересную с точки зрения «теневого» стороны Нобелевской номинации Бунина, информацию:

...Все сообщенное мною относительно Бунина и Мережковского — абсолютная истина. Информацию я получил от шведского историка литературы и литературного критика, члена Нобелевского комитета, профессора Фридрика Б<ёё>ка. Не назвал его имени в корреспонденции, ибо он меня об этом просил, и я лояльно его просьбу выполнил. Фридрих Б<ёё>к дал мне свою карточку к профессору Лундского университета Зигурду Агр<е>лл<у>, дабы я с ним познакомился и побудил снова выставить кандидатуру И. А. Бунина. Конечно, я это сделаю. Сознательно написал к<орреспонденци>ю для П<арижских> Н<овостей>, понимая огромность ее значения. Посещу также Копенгагенского проф. Антона Карлгрена, с которым намерен побеседовать относительно кандидатуры Бунина и Мережковского. Все это, как видишь, чрезвычайно серьезно. Друзья Бунина должны взяться за дело!

Иван Бунин с гордостью причислял себя к прямым наследникам русской классической литературной традиции, к которым в эмигрантской писательской среде он относил также Б. Зайцева и И. Шмелева, но никак не Алданова. Бунин чувствовал в Алданове писателя-модерниста, коих он не жаловал, но, тем не менее расхваливал его сочинения и давал им самые высокие оценки. Так, сообщая Алданову о своем восхищении его новым романом «Истоки», Бунин пишет:

<...> читал <...> и всплескивал руками: ей Богу, это все сделало бы честь Толстому!¹²¹

Или, в другом случае, по поводу романа «Пещера» (из письма от 15 апреля 1950 г.):

Точность, чистота, острота, краткость, меткость — что ни фраза, то золото. Да хранит Вас Бог, дорогой мой¹²².

А. Бахрах, которого во время войны приютили у себя в Грассе Бунины, вспоминает, что Бунин заявлял:

Этому человеку я верю больше всех на земле¹²³. Однажды он <Бунин> пришел, с иронией на меня посмотрел и сказал: «А Вы, небось, не дали бы Нобелевской премии Алданову! А я бы непременно дал...»¹²⁴.

В достоинства выдвигаемой им кандидатуры Бунин никогда не сомневался — не случайно же у него однажды вырвался в адрес Алданова: «...да и вы, родись вы французом, давно расхаживали бы в зеленом академическом фраке и были бы бессмертным»¹²⁵, но усилия, связанные с официальной презентацией, его явно тяготили.

Алданов был очень заметной и активной в общественном отношении фигурой русского зарубежья.

*Человек редкий по доброжелательной услужливости и джентльменству, <он> снискал в эмигрантской среде безусловное уважение и был особенно ценим за то, что всегда может оказаться полезен*¹²⁶.

Вот, например, характеристика его личности, данная Борисом Зайцевым:

*Он вполне писатель эмиграции. Здесь возрос, здесь развернулся. Тридцать пять лет этот образованнейший, во всем достойный человек с прекрасными глазами, поддерживал собою и писанием своим честь, достоинство эмиграции. Писатель русско-европейский (или европейский на русском языке), вольный, без пятнышка. Без малейшего следа обывательщины и провинциализма огромная умственная культура и просвещенность изгоняли это. <...> Внутренний тон всего, что он писал, всегда глубоко печальный, экклезиастовский. Был он чистейший и безукоризненный джентльмен, просто «без страха и упрека», ко всем внимательный и отзывчивый, внутренне скорбно одинокий. Вообще же был довольно «отдаленный» человек. Думаю, врагов у него не было, но и друзей не видеть*¹²⁷.

Итак, любви к Алданову в эмигрантской среде, никто, за исключением немногих, не питал. Впрочем, к началу 1940-х гг. практически все писатели русского зарубежья, мягко говоря, относились друг к другу без особой приязни. И только один Алданов в своих контактах с эмигрантской писательской братией вел себя «не только <как> дипломат от литературы, но и миротворец в более широком смысле этого слова. Его постоянная близость к Сирину и Бунину, столь разительно не похожим на него и друг на друга, являет собой образец толерантности <...>»¹²⁸.

Яркую характеристику послевоенного «русского Парижа» дал В. Набоков в письме к М. Алданову от 8 июля 1945 г.:

*Эмиграция в Париже похожа на приземистые и кривобокие остатки сливочной пасты, которым в понедельник придается (без особого успеха) пирамидальная форма*¹²⁹.

В своем ответном письме от 16 июля 1945 г. Алданов вполне соглашается с этой образной, но, увы, не радостной оценкой:

Мои сведения и впечатления совпадают с Вашими, и мне очень, очень тяжело. Я эту сливочную пасту в ее воскресном виде очень любил.

После войны в писательской среде эмигрантских «остатков» страсти кипели, главным образом, на политической почве. В результате Бунин окончательно рассорился со многими своими старинными приятелями и хорошими знакомыми — М. Вишняком, Б. Зайцевым, М. Цетлиной, В. Зеелером и др.

И только отношения Бунина и Алданова выдержали все испытания временем, а потому, пожалуй, могут рассматриваться как единственный в своем роде пример «братской любви» между маститыми писателями русского зарубежья.

Начав кампанию по выдвижению Алданова, Бунин оказался один на один перед огромным объемом рутинной организаторской работы, к чему он от природы был не способен и, более того, питал отвращение. Как никогда раньше, он нуждался в помощнике — вездесущем, все понимающем, энергичном, на которого можно было бы вполне положиться. Из его парижского окружения таким представлялся ему, по всей видимости, только «дорогой Илья Маркович». Последний был и с Алдановым на короткой ноге.

Все письма 1950–1955 гг., выдержки из которых публикуются ниже, находятся в личных архивах М. А. Алданова (Бахметьевский архив Колумбийского университета, Rare Book and Manuscript Library, Bakhmeteff Archive, Mark Aldanov Papers) и И. М. Троцкого (Нью-Йоркский Институт еврейских исследований — YIVO, Ilya Trotsky, RG 577, Box 1). Все письма М. А. Алданова напечатаны на машинке, письма И. М. Троцкого написаны от руки.

В архиве И. М. Троцкого в YIVO, среди писем 1950-х гг., имеется также довоенная почтовая открытка (от 9 января 1939 г.), полученная им от Ивана Бунина. Текст ее начинается со взыскующего обращения:

Дорогой Илья Маркович, где Вы? <...> Отзовитесь, — сообщите мне Ваши мысли, как обстоит наше дело — Вы знаете какое: насчет Стокгольма.

Далее Бунин спрашивает совета:

Надо ли мне повторить представление и в какой форме? М<ожет> б<ыть>, надо обратиться в Комитет? В прошлом году я послал некоторые материалы при письме (кратком) в Академию. <...> Жду ответа, обнимаю вас, кланяюсь вашей милой жене.

Без сомнения, эта открытка имеет отношение к выдвижению Марка Алданова на Нобелевскую премию. Интересно, что Бунин, находясь в своей парижской квартире (1, Rue Jacques Offenbach, Paris 16) и сообщая

И. М. Троцкому: *Пишу по Вашему парижскому адресу*, посылает открытку, судя по почтовым штемпелям, в Копенгаген, откуда она, вероятно, вместе с другой корреспонденцией переправляется в Буэнос-Айрес, где к тому времени обосновался Илья Троцкий. По-видимому, ответ от И. М., если пришел, то с запозданием. Да и навряд ли Илья Маркович мог предпринять какие-либо серьезные шаги в пользу Алданова, хотя он, перебравшись в 1935 г. в Аргентину, судя по всему, неоднократно посещал Старый Свет.

Начиная с 1938 г., Европа стремительно катилась в пучину Второй мировой войны, и с 1941 по 1945 г. Нобелевские премии по литературе вообще не присуждались.

Однако сам Алданов — человек, тонко чувствующий динамику исторических процессов, и к тому же по натуре пессимист, как ни странно, не терял надежды. В декабре 1940 г., уже из Лиссабона, где он ожидал парохода в Нью-Йорк, он, со свойственной ему скептической иронией, опять напоминает Бунину:

*Кстати, уж будьте милы: в этом году тоже напишите заказное письмо в Стокгольм: никаких надежд не имею, но ведь купунал же я билеты в Национальную лотерею*¹³⁰.

Как отмечалось выше, с началом войны переписка И. М. Троцкого с другими писателями прервалась. Первое письмо от Алданова, в котором содержится просьба к нему как секретарю нью-йоркского Литфонда, об организации материальной помощи тяжело больному Ивану Бунину, Троцкий получает лишь в августе 1950 г. Илья Троцкий живо и, как всегда, результативно реагирует на просьбу Алданова, а в ответном письме сообщает:

Ближайшего шестого октября еду в Женеву <...> и не премину, конечно, навестить <Бунина> в Париже. Пробуду в Париже несколько дней. Не собираетесь и Вы, дорогой Марк Александрович, в Париж? Рад был бы Вас повидать и потолковать. Есть, что Вам рассказать.

Через месяц, в благодарственном письме от 22 сентября 1950 г., Алданов затронул больную для него «нобелевскую тему»:

Вы меня заинтриговали сообщением о встречах с членами Нобелевского комитета. Вам конфиденциально скажу, что Бунин давным-давно выставлял мою кандидатуру (как Вы знаете, нобелевские лауреаты, как и все университетские профессора литературы любой страны, имеют право предлагать кандидатов). Но, разумеется, я ни малейших надежд на премию не возлагаю. Думаю, что ее во второй раз (т. е. после

Бунин) никакому русскому писателю-эмигранту не дадут, а если и дадут, то не мне. Не напишите ли Вы мне, о чем Вы говорили с членами комитета? Я никого в Стокгольме не знаю.

В письме от 29 сентября 1950 г. И. М. Троицкий подробно рассказывает Алданову о своем недавнем посещении Стокгольма:

В Стокгольме я виделся с проф<ессором> Фре<д>риком Бе<е>ком, с покойным историком литературы проф<ессором> Ламмом¹³¹, а также с Антоном Карлгренем. Первые двое — члены Нобелевского комитета. Карлгрен — эксперт по славянской литературе и профессор славистики. Встречался и с другими лицами, близкими к Нобелевскому комитету и осведомленными с его кулисами. Все они знают, что И. А. Бунин выставил Вашу кандидатуру в лауреаты. Почти все знакомы с Вашими произведениями. Единственное горе то, что Вы эмигрант. В кулисах Нобелевского комитета царит тенденция присуждать премию только национальным писателям, и, по преимуществу, вновь образовавшихся государств. Индия, Пакистан и Израиль стоят на очереди. Виднейший кандидат от Израиля — Мартин Бубер, мыслитель, писатель и профессор Иерусалимского университета. <...> Томас Манн прилагает все усилия, чтобы литературная премия в этом году досталась Benedetto Croce или Черчиллю¹³². Шведы мечтают поднести премию своему поэту (забыл его фамилию¹³³), вышедшему из народа, из самых низов. Будь И. А. Бунин здоров — можно было бы кое-что в этом смысле предпринять. Со смертью Сержа де Шессена у нас никого в Стокгольме нет, кто мог бы, где нужно, словечко заговорить или нажать надлежащую кнопку. Лично я состою в переписке с двумя влиятельными членами Нобелевского комитета, но судя по их поведению, они, по-видимому, связаны с кем-то обещаниями¹³⁴. Вот, дорогой Марк Александрович, вкратце все, что могу сообщить по интересующему Вас вопросу. По секрету Вам скажу, что еще до войны И. А. меня всячески убеждал в необходимости завоевать для Вас Стокгольм. Он искренне стремился содействовать в заслуженном получении Вами Нобелевской премии. Но как преодолеть Ваше эмигрантское положение?

10 июля 1951 г. И. М. Троицкий пишет Алданову в Ниццу:

Дорогой Марк Александрович! Согласно вашей рекомендации, правление Литфонда ассигновало г. Сабанееву 25 \$ и г. Постельникову¹³⁵ 15 \$. Прилагаю чек на 40 \$ и дружески прошу означенные суммы передать Вашим протеже. Считаю нужным поставить Вас в известность, что, согласно решению, принятому правлением, впредь все лица, обращающиеся к Литфонду за помощью, должны свои просьбы излагать в ин-

дивидуальной форме. Для Вас, дорогой Марк Александрович, вероятно, не без интереса будет узнать, что на 22 октября назначено общее собрание членов Литфонда, на котором правление даст отчет о его деятельности и ближайших планах, равно как расскажет о причинах, повлекших уход из правления некоторых его членов. От имени правления и моего собственного благодарю Вас за приветы, переданные <от> А. Я. Столкинды¹³⁶. <...> Р. С. Квитанцию прошу прислать в мой адрес.

В ответном письме от 16 октября 1951 г. Алданов сообщает И. М. Т.:

<...> Ваш чек был на мое имя, и я его послал в Нью-Йорк на свой счет в банке (хотя посылать из Франции деньги чеками не разрешено). Сабанееву я заплатил здесь в Ницце из своих франков по курсу черной биржи, — просил его этот курс узнать и указать мне, что он и сделал. По тому же курсу послал Постельникову франки в Париж. Прилагаю их расписки. Сумма во франках не указана, так как это и Фонду было бы не очень удобно. Рад, что Правление успешно работает. Слышал, что скоро начнется большой сбор. Желаю успеха. Если нужно поместить обычное обращение в Н<овом> р<усском> слове, конечно, это сделаю. Сделает, наверно, и Тэффи. А если Бунин хоть чуть-чуть поправится (сейчас ему худо), то, без сомнения, напишет и он. <...> Надеюсь, что у вас все благополучно. У нас тоже, более или менее. Примите и передайте супруге наши самые лучшие пожелания. Ваш М. Алданов.

Во всех последующих письмах М. Л. Алданова И. М. Троцкому, хотя по форме они в большинстве своем являются прошениями о материальной помощи тем или иным бедствующим литераторам, красной нитью проходит «нобелевская тема». Вот один характерный пример. В почтовой открытке, датированной, по-видимому, 1953 г. (штемпель неразборчив) Алданов пишет И. М. Т.:

Дорогой Илья Маркович. Сердечно Вас благодарю за Вашу любезность, — эти пятьдесят франков <...> переданы по назначению (дело идет о Н. Я. Рошине¹³⁷). Очень мило с Вашей стороны. Как Вы живете? Когда будете в Париже? Шлю Вам самый сердечный привет и самые наилучшие пожелания. Ваш М. Ландау-Алданов.

Я, разумеется, давно послал д-ру Карлгрену Пещеру.

В быту Марк Алданов, по описанию Нины Берберовой, совпадающим с его литературным портретом Бориса Зайцева, приведенным выше, носил маску европейца, «цивилизованного члена цивилизованного века», не позволяющего себе излишнего проявления эмоций и столь свойственных русскому человеку «слишком искренних исповедей»¹³⁸.

Однако во всех обращениях М. Алданова последних лет его жизни к И. М. Троцкому звучат нотки, присущие именно *искренним исповедям*. Недаром же Алданов непрестанно подчеркивает конфиденциальность своих посланий, что опять-таки свидетельствуют о симпатии и доверии, которое именитый писатель питал к своему адресату.

Вот и письмо от 6 декабря 1953 г., лейтмотивом которого является тоскливое замечание: «У всех горе, трудная стала жизнь», — начинается с сугубо личной просьбы:

Пишу Вам по конфиденциальному делу, — пожалуйста, никому не показывайте этого моего письма. Я вчера получил письмо от Кадиша¹³⁹. Его положение (материальное, да и моральное), просто отчаянное. Как Вы помните, Фонд обещал ему помочь. Когда мы с Вами у меня прощались, Вы уполномочили ему сказать, что в ноябре ему будет дана ссуда. Я его, разумеется, повидал в Париже (отдал ему Ваше пальто, он был страшно рад и благодарен Вам) и сказал ему о предстоящей ссуде. Теперь он мне пишет, что ничего не получил. В чем дело? <...> Не будете ли Вы любезны, напомнить Фонду?

Далее идет рассказ о финансовых проблемах Веры Николаевны Буниной, которая после смерти мужа:

живет преимущественно на помощь друзей и почитателей, <а поскольку> правление <Литфонда> в принципе приняло решение послать <ей> не менее 500 <долларов>, но по частям, <просьба> следить за тем, чтобы это не было забыто и чтобы деньги высылались каждый месяц.

После сакраментальной фразы: «Иван Алексеевич, знаменитейший из русских писателей, умер, не оставив ни гроша! Это тетенто тоги», Алданов переходит к рассказу о своем положении:

У всех у нас дела не блестящие, не очень хороши они и у меня. Я под считал, что из моих 24 рынков, т. е. стран, где переводились мои романы, теперь осталась половина: остальные оказались за железным занавесом <...>. Сначала Гитлер, потом большевики <...> Прежде была маленькая, крошечная, надежда на Нобелевскую премию, — Иван Алексеевич регулярно каждый год, в конце декабря выставлял мою кандидатуру на следующий год. Теперь и эта крошечная надежда отпала: я не вижу, какой профессор литературы или союз или лауреат меня выставил бы. Слышал, что другие о себе хлопчут, — что ж, пусть они и получают¹⁴⁰, хотя, думаю, у русского эмигрантского писателя вообще шансов до смешного мало. <...> Однако дело никак не во мне, а в Кадише и в Буниной. Я за них очень на вас надеюсь, дорогой Илья Маркович.

<...> Если вы сейчас вне Нью-Йорка, то, пожалуйста, от себя напишите о Кадише Марку Ефимовичу <Вейнбауму>, не пересылая, конечно, моего письма, в котором он мог бы усмотреть упрек.

И действительно, из документов, хранящихся в Стокгольмском архиве Нобелевского комитета, явствует, что с 1947 по 1952 Бунин регулярно обращался в Нобелевский комитет с предложением выдвинуть на премию Алданова, но неизменно получал вежливый отказ. В ставших лишь недавно доступными архивных материалах Нобелевского комитета имеются соответствующие заключения, в которых указывалось, что *«насколько можно судить, Алданов не обладает квалификацией, которая требуется для новой премии русскому писателю-эмигранту»*¹⁴¹. К счастью, ни Бунин, ни Алданов не знали о существовании этой мотивировки.

31 декабря 1953 г. Алданов пишет:

Мы с Татьяной Марковной <Алдановой> весьма огорчены, что Ваша супруга чувствует себя все нехорошо. Яков Григорьевич <Фрумкин> может Вам сообщить, что и у нас нехорошо. Хорошо, верно, никогда больше не будет.

Поблагодарив своего адресата, способствовавшего оказанию помощи М. П. Кадишу, за которого он ходатайствовал в предыдущем письме, Алданов переходит к новостям:

О Чеховском издательстве я уже знаю, что оно получило денег на два года. <...> говорят, американцы им поставили некоторые условия относительно выбора книг. Может быть, условия и не очень стеснительные, да возможно, что вообще условий не ставили.

И только затем, почти в конце письма, следует главная тема:

*Сердечно Вас благодарю за то, что пишете о Стокгольме. <...> Но надежд никаких не возлагал и не возлагаю <...> Верно, русскому эмигранту, кто бы он ни был, никогда больше не дадут*¹⁴².

Впрочем, тут же сразу возникает просьба, указующая на то, что луч надежды еще теплится в душе старого писателя-скептика и фаталиста: *«Если что-либо мне о Стокгольме сообщите, буду очень признателен»*.

Потом, как бы принижая важность для него предыдущей темы, Алданов переходит к новостям из разряда «между прочим»:

*Кускова*¹⁴³ *и Маклаков сообщили мне, что в Париже в январе начнет выходить новая еженедельная газета Русская Правда, под редакцией*

Кадомцева¹⁴⁴. Деньги, по их сведениям, дал Ватикан! Что-то это уж очень неправдоподобно: зачем может быть Ватикану нужна русская газета? Еще раз за все спасибо. Крепко жму руку. Самый сердечный привет от нас обоих. Ваш М. Алданов.

В 1954 г. переписка М. Алданова и И. Троицкого приобретает регулярный характер. 20 апреля 1954 г. Алданов пишет:

Дорогой Илья Маркович. От души вас благодарю за Ваше письмо от 15-го, полученное мною сегодня (позавчера и вчера почты из-за пасхи не было). Я чрезвычайно тронут Вашим вниманием и заботой. <...> Все Ваши сведения были мне в высшей степени интересны, хотя надежды на получение премии у меня почти нет, и не было. Я знал, что С. М. Соловейчик¹⁴⁵ выставил мою кандидатуру, но Ваше сообщение, что ее выставил и М. М. Карпович¹⁴⁶, меня изумило: мы никогда (подчеркнуто от руки. — М. У.) с ним об этом не сносились! Известно ли это Вам от Вашего Стокгольмского корреспондента или от кого-то другого? Если это верно, то я, во всяком случае, счел бы себя, разумеется, обязанным сердечно благодарить Михаила Михайловича. Кстати, о Вашем корреспонденте, которого Вы не назвали. Покойный Бунин говорил мне, что я должен бы непосредственно или через друзей послать в Стокгольм мои книги и рецензии о них. Я не был уверен, что он прав, но, видимо, это так. Вы тоже послали ему Ульяновскую ночь (и за это сердечно благодарю). Как Вы думаете, не послать ли ему мою лучшую, по-моему, вещь Истоки или Начало конца?¹⁴⁷ Обе у меня есть только по-английски и на других иностранных языках, но не по-русски <...> Если Вы что-либо из этого одобряете, то, пожалуйста, скажите, как сделать? Можно ль с несколькими рецензиями послать Вам для отправки ему? Вы мне оказываете громадную услугу, и Вы догадываетесь, как я ее ценю. Думаю, что у Зайцева шансов лишь немногим больше, чем у меня. Но, разумеется, это все лотерея.

Обращает на себя внимание, что, делая предложения-подсказки своему адресату, Алданов ссылается на авторитет Бунина, который, как было отмечено выше, не слишком-то хорошо разбирался во всех тонкостях представления соискателя премии. Подробнейшую и очень продуманно составленную справку о писателе Марке Алданове, приложенную ко второму письму Бунина 1938 г. в Нобелевский комитет, готовил явно сам номинант. Помимо нее, к письму Бунина приложены проспекты двух издательств, русского и французского, с перечнем книг номинанта и выдержками из критических на них откликов. В рекламном буклете романа «Девятое термидора» во французском переводе краткое содержание

книги сопровождается традиционными отзывами прессы, призванными подчеркнуть, что творчество М. А. Алданова своим строгим документализмом и приверженностью традициям Толстого и Стендаля вносит существенный вклад в европейскую литературу.

Обо всем этом И. М. Троицкий, конечно же, был осведомлен. Возможно, судя по приведенному выше письму Бунина, он тоже «приложил руку» к отправке документов об Алданове в 1938 г. В таком случае, Алданов, предпочитая играть роль человека неискушенного во всех тонкостях требований Нобелевского комитета, желает, по-видимому, польстить своему адресату, подчеркнуть его особенную осведомленность и уникальный опыт в этой сфере.

В этом отношении очень интересно следующее письмо — от 6 мая 1954 г.:

Дорогой Илья Маркович. Еще раз от всей души Вас за все благодарю. Мне очень совестно, что Марк Ефимович <Вейнбаум> обратился к Карповичу с <...> просьбой <о номинации>. Об этом я и понятия не имел. Разумеется, я сердечно поблагодарю Марка Ефимовича, а вот писать ли Карповичу, не знаю: быть может, Ваши соображения об этом вполне правильны. Практического значения представление Карповича в этом году иметь не может, так как это верно произошло недавно, а кандидатуры выставляются в январе. Но для будущего года это и важно, и особенно мне приятно. Впрочем, какое вообще тут практическое значение? Шансы мои ничтожны и по той самой причине, которую вы указываете: нансеновец, эмигрант. И все-таки как же не попробовать? Знаю, что Ремизов выставлен, что Зайцев выставлен, хотя не знаю, кем именно¹⁴⁸? Надо, значит, и мне взять билет в лотерею, как бы ни были ничтожны шансы. И особенно Вам благодарен. Разумеется, не сообщайте мне имени Вашего корреспондента¹⁴⁹, Вы совершенно правы.

Далее Алданов опять возвращается к вопросу о том, какие его книги «по-английски, по-французски или по-немецки (швейцарское издание)» и какие рецензии он пошлет через И. М. Т. его стокгольмскому корреспонденту, выказывая при этом свойственную ему щепетильность в отношениях с посторонними людьми:

Мне чрезвычайно совестно так злоупотреблять Вашей исключительной любезностью и возлагать на Вас еще и пересылку книги рецензий в Стокгольм. Но очень Вас прошу разрешить мне, по крайней мере, хоть покрывать расходы по этой пересылке. Я тотчас прислал бы Вам деньги.

В письме от 21 мая 1954 г. Алданов сообщает, что

отправил Вам заказным <...> лично для Вас (подчеркнуто от руки. — М. У.), на память, экземпляр Бельведерского торса¹⁵⁰ <...>. В этом же конверте с книгой я вложил наудачу несколько американских рецензий о моих книгах: в выборе руководился известностью критика. Кроме того, вложил французское интервью со мной, появившееся не так давно в Нувелль Литерер, это во Франции главный литературный журнал. Уж если вы так добры, то перешлите рецензии и особенно интервью в Стокгольм, кому найдете нужным. <...> Немецких рецензий теперь не имею, так как после второй войны не абонировался в немецком бюро вырезок. После войны по-немецки, впрочем, пока вышла (в Швейцарии у Моргартена) лишь одна моя книга: те же Истоки.

21 июля 1954 г. Алданов горячо благодарит И. М. Т., особо подчеркивая, что:

Забота Ваша о моих интересах, время, которое Вы тратите ради меня, и старания поразительны. <...> Ваши слова даже впервые подали мне маленькую надежду. Думаю, что в этом году получит Хемингуэй¹⁵¹. Что ж, он имеет все права. По моему, Моруа¹⁵² имеет меньше шансов, так как французу премия была дана недавно, и Франции принадлежит рекорд по числу премий.

Далее Алданов сообщает о том, что

прочел в Новом Русском Слове отчет о Вашем празднике и сердечно порадовался большому успеху.

Речь здесь, несомненно, идет о чествовании И. М. Троицкого по случаю его 75-летнего юбилея (поздравительные телеграммы, письма и другие материалы, касающиеся данного события, хранятся в архиве И. М. Т. в YIVO). Затем следует комплимент «по случаю»:

Но еще до прихода этого отчета мне об огромном успехе написало три человека. А двое из них добавили, что Ваша речь была самой блестящей.

Покончив с «торжественной частью», Алданов переходит к «серым будням» — оказанию материальной помощи русским эмигрантам: «Меня неизменно осаждают ходатайствами», — и, называя фамилии композитора и критика Леонида Сабанеева (за него перед Литературным Фондом хлопотал А. Я. Столкин), артиста Бологовского, писателя Шейнера¹⁵³, просит, хотя «*просьб поступило множество, <...> поддержите, что можете*».

Далее Алданов возвращается к своему «кровному вопросу». Он благодарит И. М. Т. за благоприятный для него отзыв об «Ульмской ночи» и с приятным для авторского самолюбия удивлением спрашивает:

Неужели и Ваш корреспондент заинтересовался этой книгой? Если бы Вы нашли нужным послать ему еще что-нибудь мое, я тотчас достал бы и послал бы Вам. Лично я считаю лучшим из моих произведений Истоки (Before the Deluge). Она имела небывалый успех в Англии, где была избрана Бук Сосайети – это британский Бук оф зи Монс, но с тиражом в двадцать раз меньше, чем американский: было продано 17.000 экземпляров. Мне пишут, что Анна Родионовна <Троцкая> совершенно поправилась. Если это так, то понимаю, какая это радость.

22 августа 1954 г.:

Дорогой Илья Маркович. Должен каждое мое письмо к Вам теперь начинать с глубокой сердечной признательности. <...> Ваше последнее письмо ко мне немного меня смутило. Как же я мог бы прислать Вам заметку с оценкой моих книг? Вы меня просите преодолеть скромность, но я уверен, что такую заметку о самом себе затруднился бы составить и очень нескромный человек. <...> <Мой послужной список> я составил и прилагаю. Тут факты и объективизация, но и это нелегко писать человеку о самом себе. Как вы увидите, на стран<ице> № 3 – пробел: эта страница обрывается там, где можно поместить оценку моей деятельности, краткую общую оценку моих книг. Если вы считаете это необходимым (вероятно, Вы правы), то, пожалуйста, произведите оценку сами (или поручите это другому), за что я Вам буду сердечно признателен.

Далее следует очень лестное со стороны знаменитого писателя и важное для характеристики личности И. М. Троцкого и его профессиональных качеств публициста заявление Алданова:

Если Вы хотите знать мое мнение, то никто это не может сделать лучше, чем Вы, и тогда это останется секретом. <...> критика очень часто меня хвалила, слишком хвалила, критик Орвилл Прескотт¹⁵⁴ писал, например, в Нью-Йорк таймс, что меня обычно признают первым из ныне живущих писателей. Это было незаслуженно, но очень приятно. Если хотите, скажите несколько слов не об этом, конечно, мнению Прескотта, а вообще о мнении критики. Или же скажите от себя, что хотите.

В конце письма Алданов сообщает, что его «ходатайства в Литфонде о Сабанееве, Петре Иванове и Бологовском удовлетворены» и снова просит за Ю. Шейнера и С. Постельникова:

М. Еф. <Вейнбаум> пишет мне, что он эти два ходатайства поставит и поддержит на следующем собрании (а то было бы слишком много для одного раза). Лишь бы только он не забыл, уезжая в отпуск. Не напомните ли тогда Вы: люди почтенные и очень бедные.

11 сентября 1954 г.:

Не сомневаюсь в том, что Хемингуэй (по моему, наиболее вероятный и достойный лауреат текущего года), Моруа, Бубер имеют больше шансов, чем я. А не сообщите ли, кто несколько других писателей, о которых Вы пишете. Кстати, именно сегодня здешняя газета Нисс-матэн печатает телеграмму из Стокгольма (по-видимому, телеграфного агентства) о том, что наиболее вероятный кандидат в этом году — исландский писатель Halldor Laxness¹⁵⁵. Других кандидатов телеграмма не называет. Признаюсь, я этого писателя совершенно не знаю, не слышал даже имени. Впрочем, покойный Иван Алексеевич говорил мне, что редко дают премию тому писателю, которого называют задолго до решения. Верные предсказания бывают, будто бы, только за несколько дней. Но общего правила тут нет. <...> Мы оба чрезвычайно рады, что горный воздух и тишина благотворно отражаются на Анне Родионовне. Да и вам очень хорошо отдыхать подольше. Т<атьяна> М<арковна> и я шлем Вам и Анне Родионовне самый сердечный привет и самые лучшие пожелания. Ваш иск<ренне> Вам признательный М. Алданов.

23 октября 1954 г.:

Дорогой Илья Маркович. Меня очень тронуло и взволновало Ваше письмо от 20-го: взволновало потому, что оно подает некоторую надежду (прежде у меня никакой надежды не было), а тронуло в виду Вашего необыкновенно (подчеркнуто от руки. — М. У.) милого ко мне отношения, Вашей заботы и труда в этом деле. От души Вас благодарю — это просто удивительно. Не скрою, я все-таки не разделяю Вашего оптимистического оптимизма, не говоря уже об оптимизме Вашего <стокгольмского> корреспондента. Здешние газеты называют Хемингуэя как почти бесспорного кандидата, а о других кандидатах и не упоминали. Парижский Ле Монд, тоже упоминая, как о первом кандидате, о Хемингуэе, назвал еще Шолохова¹⁵⁶ (как бы в виде противовеса эмигранту Бунину) и двух совершенно неизвестных мне писателей, — од-

ного исландца и другого грека¹⁵⁷. Были ли предположения в других газетах, я не знаю. Может быть, попались Вам? Разумеется, я ни о чем Вас не спрашиваю из того, что Вам пишет Ваш корреспондент, столь мило ко мне относящийся. Но если он пишет Вам что-либо о русских кандидатах, как Шолохов или другие, то, быть может, Вы мне как-нибудь сообщите, — просто для того, чтобы знать, как нас расценивают. Если же это неудобно, то, конечно, не сообщайте и этого. Для меня лично важно и то, что обо мне в Стокгольме говорят: все становится более или менее известно издателям в разных странах (и особенно в скандинавских) — если кандидатуру такого-то писателя на премию обсуждают, то уже по этой причине шансы его у издателей и даже, быть может, предлагаемые ему условия при покупке его книги улучшаются, — особенно если его фамилия в связи с этим попадает в газеты (конечно, только мировые) (слова в скобках вписаны от руки. — М. У.). Итак, надежды имею очень мало, но не скрою, немного волноваться буду в предстоящие дни, — это, впрочем, приятное волнение. До этого Вашего письма я такого волнения перед 10-ым ноября не испытывал.

В своем письме от 31 декабря 1954 г. Алданов сообщает:

Дорогой Илья Маркович. <...> Для меня неудача не была шоком, так как я больших надежд, как Вам известно, не возлагал. К тому же и Бунин, и Хемингуэй и, кажется, все лауреаты были кандидатами много лет до того, как получили премию. Если и Вы, и стокгольмские Ваши друзья-корреспонденты так любезно и мило решили продолжать усилия, то надежда остается. <...> Вы говорите, что подробно все расскажете мне при свидании. Я понимаю, что писать долго. А если в двух словах как-нибудь напишите мне, очень обрадуете. Кстати, Б. К. Зайцев мне недели полторы тому назад сказал, что узнал о своей кандидатуре из вашей статьи! По его словам, его никто не выставлял. Может быть, тут маленькая военная хитрость, хотя я его, конечно, не спрашивал; он сказал это по своей инициативе. Относительно себя я ему сказал, что меня выставил покойный Бунин, — это ведь так. Теперь другое. Я ровно ничего не знаю о положении дел в нашей Л.¹⁵⁸ Мендельсон и Делевский¹⁵⁹ мне никогда не писали. От Давыдова¹⁶⁰ же я последнее письмо получил с год тому назад (видел А. В. летом в Ницце). Ничего не слышал ни о соре, ни об инциденте, о котором Вы упоминаете. В чем дело? Я очень огорчен. Не догадываюсь даже, на какой почве произошел разлад. На личной?

Далее Алданов по обыкновению просит за нуждающихся русских эмигрантов:

<...> пожалуйста, дорогой Илья Маркович, поддержите мои ходатайства о ежемесячных субсидиях Бор. Зайцеву и Леон.Сабанееву, а также об одновременной субсидии поэту Георгию Иванову (кстати, В. Н. Бунина мне говорила, что и Иванов, и Ремизов тоже выставлены кандидатами на Нобел. премию — вы ведь назвали только меня и Зайцева). Еще меня попросил похлопотать в Фонде артист Бологовский, наш старый и постоянный клиент. Если вы от себя попросите о нем, это будет хорошее дело, он очень нуждается.

В 1955 г. свое первое письмо Алданов написал И. М. только 14 апреля. Оно начинается соболезнованиями по поводу чрезвычайно плохого состояния здоровья Анны Родионовны Троцкой:

От души желаем, чтобы хоть стало лучше. Понимаем, как из-за этого тяжела Ваша нынешняя жизнь. Я тоже не могу похвастаться здоровьем, да не хочется писать.

Затем, после дежурной благодарности за содействие, Алданов сообщает, что М. М. Карпович о нем в Стокгольм не написал, но он

и не надеялся, что <тот> напишет. Но Самсон Моисеевич <Соловейчик> действительно написал. Хотя я мало надеюсь на премию, но я ему сердечно признателен и рад, что, по Вашим словам, мое имя и в этом году значится в списке кандидатов. А кто другие кандидаты? Есть ли соотечественники? Разумеется, pošлю Вам, когда Вы признаете это нужным, книги, которые могут Вам понадобиться. Кроме С. М. Соловейчика и покойного Бунина, меня никто не выставял. Рад, что в ложе кончились недоразумения. Надеюсь, никто не ушел? В Париже осенью предполагается устраиваемый американским Комитетом съезд русских эмигрантских писателей¹⁶¹. Я еще в декабре получил <...> длинную телеграмму с просьбой принять участие. Я это предложение отклонил, не указывая причин, Вы их угадываете. <...> Получил затем <...> вторую длиннейшую телеграмму — Комитет надеется меня переубедить <...>. Не могу я <...> понять, зачем это я так понадобился. Я опять отклонил, — разумеется, любезно и вежливо, как писали и они. <...> Было еще одно письмо из Парижа о том, что они намечали мою кандидатуру в председатели Съезда. Это было, впрочем, частное письмо, от русского. Как бы то ни было, я участвовать НЕ буду. Все это сообщаю Вам, разумеется, никак не для печати (подчеркнуто от руки. — М. У.): мне было бы крайне неприятно, если об этом появилось хоть что-либо в газете. Кто теперь намечается в председатели, мне неизвестно. Вера Николаевна Бунина писала мне, что на устройство Съезда Американский комитет ассигновал 10 миллионов франков! Не понимаю, на

что пойдут эти деньги, и чем будет заниматься Съезд. Желающих будет много. <...> О наших планах или о наших сомнениях Вам может рассказать наш общий друг Яков Григорьевич <Фрумкин>. Столкинд еще не знает, когда возвращается в Нью-Йорк. Примите, кроме очень большой моей благодарности, сердечный дружеский привет от дома к дому.

13 мая 1955 г. Алданов пишет И. М., что:

Мне предстоит в конце мая операция простаты. Она считается не опасной. Сделает ее здешний хирург Клерг. После нее в лучшем случае придется пролежать в клинике три-четыре недели. Надо будет отложить работу и корреспонденцию.

Далее Алданов благодарит И. М. Т. за его, по-видимому, лестный отзыв о «Ключе».

Этот роман — первый том трилогии, за ним следует второй том Бегство и третий Пещера. С радостью послал бы их Вам, но у меня их нет, да и в продаже можно достать разве по случайности у букиниста. Они были переведены. По-английски Ключ и Бегство вышли в одном томе под заглавием Escape (Бегство. — М. У.). <...> Вам я не хочу посылать перевод <...>, но если это может быть полезным для Стокгольма, то, конечно, пришлю. Можно послать только обложку, — она с чрезвычайно лестными цитатами обо мне. Я слышал, что премия дается за написанное в данном году (по крайней мере, так это кажется с формальной стороны) В этом году у меня печатается в Новом журнале Бред, — не надо ли послать его оттиски? Все сделаю, как вы укажете. Неужели ни одного русского писателя в этом году не выставили? Думаю, что никто из нас в этом году и не получит. А надежды и старания не возбраняются, и вы знаете, как я благодарен Вам и Соловейчику. Рад, что избран в Правление <Литературного> Фонда. <...> Шлем оба самый сердечный привет. Если можно, передайте его Анне Родионовне с самыми лучшими и горячими пожеланиями. Спасибо еще раз за все. Ваш М. Алданов.

24 июня 1955 г.:

<...> Я только вчера вернулся домой из клиники. Как будто в самом деле нахожусь на пути к полному выздоровлению. <...> Несмотря на свою болезнь, продолжаю получать просьбы хлопотать. Последняя — от нашего давнего клиента артиста Бологовского. Я ее получил уже после отъезда отсюда Марка Ефимовича <Вейнбаума>. Поэтому разрешите передать ее через Вас. Заранее спасибо. <...> Постскриптум (секрет-

ный — только для Вас) (подчеркнуто от руки. — М. У.): вы сообщаете, что скоро напишите мне о Стокгольме. Горячо благодарю. Чем раньше и подробнее напишите, тем больше буду Вам признателен, — как мне ни совестно Вас об этом просить.

13 июля 1955 г.:

<...> Я поправляюсь, но медленно, — медленнее, чем обещали врачи. Все же грех жаловаться. Отравляет жизнь бессонница, которой я до операции не знал. Целый месяц каждую ночь принимал снотворные, да и они плохо помогли. Так как это грозило войти в привычку, то пять дней назад перестал их принимать и сплю — хорошо, если два-три часа в сутки. Говорят, что это очень часто бывает после операции. <...> Пожалуйста, сердечно от меня поблагодарите Вашего корреспондента, которого я не знаю. Он меня тоже лично, вероятно, не знает, и тем выше я ценю его редкую любезность. <...> Теперь <...> еще три ходатайства. Все люди очень почтенные и нуждающиеся. Первым двум Фонд изредка помогал, а третьему только раз. Марк Ефимович <Вейнбаум> говорил мне в Ницце, что дела Фонда хороши, да я знаю это и из газет. Поэтому решаюсь очень просить за всех трех. Сообщаю их имена и адреса: Юлий Шейнер, автор двух хороших книг. <...> Сергей Постельников, композитор, пианист и профессор (без жалования) Парижской <русской> Консерватории. <...> Генерал Евгений Масловский, известный военный писатель, автор многих печатных трудов, герой войны 1914 года. <...> Пожалуйста, Илья Маркович, поддержите все эти мои ходатайства.

Письмо Алданова 22 сентября 1955 г. начинается с благодарности И. М. Т. за то, что он «продолжает думать о Стокгольме при столь грустных обстоятельствах», как все прогрессирующая болезнь его жены.

Неужели нет надежды на поправку? А тут вы еще потеряли двух близких друзей. Разумеется это известие удар для меня. Что ж делать? Это не первый. Вы понимаете, какой бедой, и личной и материальной, была для меня скоропостижная кончина Н. Р. Вредена¹⁶², который в Америке устраивал все мои книги. Все мои рукописи у него остались, я их теперь и не уверен, что найду. Все одно к одному... Сохраню память о неизвестном мне по имени вашем скончавшемся друге¹⁶³, который относился к моим писаниям так благожелательно. Вы пишете: «Он... в отношении Вас все сделал согласно нами выработанному плану». Если так, то, быть может, дело еще не совсем безнадежно? Вдруг вы и еще установите связь. Если же не удастся, то моя благодарность вам останется не меньшей.

Переписка М. Алданова с И. Троицким по каким-то причинам, возможно, из-за тяжелой болезни жены последнего, прервалась почти на полгода. Лишь 31 мая 1956 г. Алданов посылает И. М. письмо:

<...> Пишу Вам так, без всякого дела. Очень давно не имел от Вас или о Вас известий. Ваши статьи в Новом русском слове читаю часто, всегда с большим интересом. Если б их не было, и если б я не знал, что Вы ходите на доклады, то немного беспокоился бы о состоянии Вашего здоровья. Надеюсь, у Вас все относительно благополучно? Как Анна Родионовна? При случае, пожалуйста, сообщите, окончательно ли у Вас потеряна информационная связь со Стокгольмом. Мою кандидатуру и в этом году выставил во время проф. С. М. Соловейчик. Разумеется, я ни малейших шансов и не малейшей надежды не имею, но по инерции, между нами говоря, еще интересуюсь. Выставлены ли в этом году и другие эмигрантские и советские кандидаты? У нас все по-прежнему: и здоровье, и настроение, и дела так себе. Чеховское издательство кончено и ликвидируется. Эта большая потеря для всех нас. Татьяна Марковна и я шлем Вам и вашим самый сердечный привет и лучшие дружеские пожелания.

Следующее — последнее письмо М. А. Алданова И. М. Троицкому, датировано 10 января 1957 г.:

Дорогой Илья Маркович. Почта, обычно работающая во Франции прекрасно, в дни праздников была перегружена, все письма очень запаздывали. С немалым опозданием пришло и Ваше от 1 января <...>. От души Вас благодарю за все внимание, за большую проделанную Вами работу. Жаль, что нельзя больше поблагодарить Вашего друга, так трогательно заботившегося о писателе, которого он лично не знал. <...> Удивит ли Вас, если я скажу Вам, что теперь, быть может, надеюсь скорее чуть больше прежнего? Прежде я почти и не надеялся. Однако если дело было в политических отношениях между державами, то ведь они меняются с международной обстановкой. Вдруг создастся такая обстановка, при которой то, что вы сообщаете¹⁶⁴, может оказаться и плюсом вместо минуса! Я уверен, что С. М. Соловейчик опять выставит мою кандидатуру: ведь это формально необходимо делать каждый год. <...> И еще раз от души Вас благодарю, чрезвычайно ценю Вашу дружбу и внимание. Вы ничего не сообщаете об Анне Родионовне: значит, нет улучшения? Татьяна Марковна и я шлем вам от дома к дому самый сердечный привет, самые лучшие новогодние пожелания. Ваш М. Алданов.

Через полтора месяца после написания этого письма, 25 февраля 1957 г. Марк Александрович Алданов (Ландау) скоропостижно скончался в

своем доме в Ницце и был похоронен на местном кладбище Кокад. Через две недели, 9 марта 1957 г. Татьяна Марковна Алданова присылает И. М. Троцкому почтовую открытку, в которой, поблагодарив его за сочувственное письмо по случаю смерти мужа, пишет:

Еще недавно М. А. рассказывал мне про все Ваши хлопоты о Нобелевской премии! Мы оба тогда были очень тронуты. Простите, что мало пишу. Ваша Т. Алданова.

В архиве И. М. Троцкого имеются еще два коротких соболезнующих письма от Татьяны Марковны Алдановой: первое — от 12 июля 1957 г., по поводу кончины Анны Родионовны Троцкой, и второе — от 10 сентября 1958 г., в связи с безвременной кончиной его дочери Татьяны¹⁶⁵.

Часть 4 **«Дорогой друг» из Нью-Йорка:** **письма Дон Аминадо И. М. Троцкому (1950–1953)**

У отзывчивых людей один недостаток:
их никогда нет дома.

Дон Аминадо

Дон Аминадо (Аминад Петрович Шполянский)¹⁶⁶ — крупнейший русский поэт-сатирик XX в. Он вошел в русскую литературу в начале 1910-х гг., но по-настоящему прославился в эмиграции. Там, — по его определению, в «России, выехавшей за границу», он был одним из самых популярных фельетонистов, «королем юмористов», высмеивавшим нелепые стороны эмигрантского быта, обанкротившуюся либеральную идеологию и т. п. Успехом пользовались его «утренние фельетоны», афоризмы («Новый Козьма Прутков», «Философия каждого дня») и сатирические стихи¹⁶⁷. И. Бунин называл Дона Аминадо «одним из самых выдающихся русских юмористов, строки которого дают художественное наслаждение». Его творчество высоко ценили М. Горький, З. Гиппиус и даже М. Шолохов. В книге литературных портретов-воспоминаний Андрей Седых писал, что

Дон Аминадо <...> принадлежал к тому поколению русских писателей, которое продолжало классическую традицию русского юмора, пропитанную гуманностью и жалостью к человеку. Темы свои он черпал из нашей маленькой жизни. В нем сатирик всегда был сильнее юмориста. Он не только смеялся, но и высмеивал, и высмеивал подчас жестоко¹⁶⁸.

Наиболее развернутую оценку Дон Аминадо дала Марина Цветаева в своем письме к нему от 31 мая 1938 г.:

Милый Дон Аминадо, Мне совершенно необходимо Вам сказать, что Вы совершенно замечательный поэт. <...> В одной вашей шутке больше лирической жилы, чем во всем на серьезе; <...> у Вас просто — поэтическая сущность, сущность поэта, которой Вы пренебрегли. <...> Вы — своим даром — роскошничаете... Но — Быт и шутка, Вас якобы губящие, — не спасают ли они Вас, обещая больше, чем Вы (в чистой лирике) могли бы сдержать? И — чтобы стать поэтом, стать тем поэтом, который Вы есть, у Вас не хватило любви — к высшим ценностям; ненависти — к низшим. <...> между Вами и поэтом: Вы, человек. Привычка к шутке, и привычка к чужой привычке (наклонная плоскость к газетному читателю) — и (наверное!) лень и величайшее (и добродушное) презрение ко всем и себе — а может быть, уж и чувство: поздно (т. е. та же лень: она, матушка!) между Вами и поэтом — быт, Вы — в быту, не больше. Не самообольщайтесь: писать всерьез Вы не будете, но мне хочется, чтобы Вы знали, что был все эти годы (уже скоро — десятилетия!) человек, который на Вас радовался, а не смеялся, и вопреки всем Вашим стараниям — знал Вам цену. Рыбак рыбака видит издалека.

В постскриптуме: *Вы каждой своей строкой взрываете эмиграцию! <...> Вы ее самый жестокий (ибо бескорыстный — и добродушный) судья. Вся Ваша поэзия — самосуд: эмиграции над самой собой. Уверяю Вас, что (статьи Милюкова пройдут, а...) это — останется. Но мне-то, ненавидящей политику, ею — брезгующей, жалко, что вы пошли ей на потребу¹⁶⁹.*

Общение Дон Аминадо с Ильей Марковичем Троцким, начавшееся в 1912 г., когда им было соответственно 24 и 33 года, прервалось в 1940 г. С тех пор они не виделись и ничего не знали друг о друге полных десять лет. Из них четыре года, которые Дон Аминадо с семьей провел в оккупированной немцами Франции, дались ему особенно нелегко. То, что ему удалось выжить, писатель, с присущей всем его текстам иронической коннотацией, относит к разряду «чуда».

Во время войны и оккупации русский Париж был расколот, разбит. От страшных ударов и потерь литературная жизнь никогда не поправилась. <...> Уже не было старых газет, издательств. Жизнь целевых литераторов изменилась — ничего не осталось от довоенных времен¹⁷⁰.

Дон Аминадо переехал с семьей в местечко Йеррс (Yerres) неподалеку от Парижа, «банлье»¹⁷¹, как он его саркастически называл. «После войны Аминаду Петровичу пришлось работать в учреждениях, не имеющих ничего общего с литературой и журналистикой»¹⁷². За 12 послевоенных лет Дон Аминадо выпустил всего две книги — «В те баснословные года» (Париж, 1951) и «Поезд на третьем пути» (Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1954). Последняя — книга воспоминаний. В ней поэт, уже стоя на пороге Вечности, прощается со своим прошлым, с теми, кого любил, кому завидовал, над кем добродушно смеялся. Итог же своей эпохе Дон Аминадо подвел в 1951 г. следующим четверостишием:

Дон Аминадо (А. П. Шполянский).
Начало 1920-х гг.

*В смысле дали мировой
Власть идей непобедима:
От Дахау до Нарыма
Пересадки никакой.*

Все письма Дон Аминадо 1950–1953 гг. к его «дорогому другу» из Нью-Йорка Илье Марковичу Троцкому, хранящиеся в архиве последнего в YIVO (Нью-Йоркский институт еврейских исследований), написаны от руки. И. М. Троцкий тоже предпочитал писать свои письма, а не печатать их на машинке.

Первому письму Дон Аминадо присуща задушевность и даже некоторая сентиментальность. Такое настроение характерно для переписки людей, знающих друг друга очень давно. И, действительно, они знакомы не одно десятилетие: «я Вас знаю — и люблю — с 1912-го года!... — т. е. каких-нибудь 38 лет!»

Тексты остальных писем Дон Аминадо, в которых он рисуется эдаким «бодрячком-шутником», сдобрены аллюзиями, цитатами и шутками — как ни странно, часто повторяющимися, — но на их напористом «смеховом» фоне всегда отчетливо звучит одна и та же тоскливая просительная нота.

Ясно чувствуется, что Илье Маркович Троцкий для Дона Аминадо, своего младшего товарища, был в первую очередь опекуном, ходатаем

его литературных интересов. А в послевоенные годы, когда его дела, как, впрочем, и всей русской литературной эмиграции в Европе, шли хуже некуда, поддержка И. М. Т. — и Дон Аминадо это все время подчеркивает — нужна как воздух.

Первое письмо Дон Аминадо к И. М. Т. датировано средой 29 ноября 1950 г.:

*Дорогой старый друг, Илья Маркович! Живу я несколько в стороне от большой дороги, в деревне <...>. Поэтому вижу мало людей (да и мало осталось, кого видеть). Вероятно, по той же причине не встретил до сих пор т. н. «общих знакомых», от которых мог бы узнать о Вас, о Вашей семье и Вашей жизни. И вот, только на днях, от И. А. Бунина узнаю, что Вы были дважды в Париже — за эти пять лет, со дня т. н. liberation¹⁷³ и не захотели, что ли, или не подумали меня разыскать, повидаться. Я был этим очень огорчен! В чем дело? Почему? Что случилось? Как это возможно, после стольких лет (ведь я Вас знаю — и люблю — с 1912-го года!... — т. е., каких-нибудь 38 лет!..) дружбы и взаимной нежности — ни звука, ни вздоха, ни слова?! Ведь в Нью-Йорке тоже Вы так легко могли узнать мой адрес! Или настигла Вас *mercredi á tangé* (среда заела), что нет времени (ни охоты) встретиться с одной из теней собственной молодости? Хочу надеяться, что ближайшей почтой получу от Вас длинное, предлинное письмо <...> со всеми подробностями о Вас самом, об Анне Родионовне <Троцкой>, о Ваших детях, внуках и т. п. и т. д. Тогда, и только тогда, напишу и о себе самом. Покуда же в двух словах — несложная *curriculum vitae*¹⁷⁴.*

*В 40-м году, <...> бегство из Парижа. Пять лет скитался по департаментам и деревушкам Франции. Счастливое избавление царской семьи в Борках¹⁷⁵. Возвращение на старое пепелище. Конец газетной работе. Служба в *Agence de voyages*¹⁷⁶... Надежда Михайловна (Шполянская. — М. У.)¹⁷⁷, слава Богу, здорова. Шлет Вам обоим сердечный привет. Леночка, если вы ее еще помните, счастливо вышла замуж. И мы теперь дважды *grands-parents*¹⁷⁸.*

Затем Дон Аминадо, упомянув об «исчезнувших и ушедших», чей «печальный список — в одно письмо не уложишь!» — переходит к своим литературным планам.

Сейчас вот, после десятилетия целомудренного молчания, хочу выпустить книжку стихов, да и то издателя нет, а меценаты выдохлись как морские жители на вербном базаре¹⁷⁹. Кстати, о меценатах: Бунины наперебой рассказывали о Вашей щедрости, отзывчивости, быстроте и проч. Конечно, Вы хорошо сделали, старик этого заслу-

*жил больше, чем кто бы то ни было*¹⁸⁰. Видите ли вы моего друга М. В. Вишняка? Ал. Абр. Полякова¹⁸¹? Андрея Седых (он же Андруша Ющинский¹⁸²)? Итак, жду, жду, жду весточки от Вас — на 8 страницах убористого шрифта <...> Будьте здоровы, дорогой Илья Маркович, обнимаю всю семью! Искренне Ваш (после четырех декад!), преданный и любящий Вас Д. Аминадо.

По всей видимости, И. М. Троицкий откликнулся на просьбу Дон Аминадо написать ему подробное письмо, т. к. 14 января 1951 г. тот посылает ему ответ:

Дорогая старая гвардия, Илья Маркович! Вы, наверное, и представить себе не можете, сколько эмоций вызвало во мне Ваше письмо. Нет, — все это вздор! — люди с возрастом не изменяются. Вы тот же, что и 10, 20, 30, 40 лет назад! Тот же язык, та же ясность, та же благожелательность и даже почерк — тот же! Стало быть, дай Бог вам здоровья, Вам и Анне Родионовне, и детям Вашим, и внукам Вашим, Аминь! <...> Цитирую из вашего письма: во второй половине января буду в Париже! Жду Вас, дорогой друг детства и отрочества! Напишите хоть два слова (заранее) — когда? И где Вас найти? Радуюсь встрече с Вами. Хочется душу отвести! Подумайте, сколько воды утекло (и не только воды) с тех пор <...>.

*Передайте самый душевный привет дорогой Анне Родионовне и не забывающим меня детям! <...> Сколько времени вы пробудете в Париже? Вы спрашиваете подробности о моей книге. Подробности, дорогой мой, сводятся к весьма существенному (подчеркнуто от руки. — М. У.) пустяку: книга набрана, прокорректирована, сброшюрована, и лежит в типографии — в ожидании безумца, фанатика, мецената, последнего из могокан, способного <...> вынуть 50 тыс. фр. франков, или, говоря языком Трумэна¹⁸³, — 125–130 долларов. Вот Вам и подробности, а остальное Вы, как взрослый, отлично понимаете. (Все это — *entre nous*¹⁸⁴!). Будьте здоровы, дорогой Илья Маркович. От Надежды Михайловны <Шполянской> сердечный привет.*

Воскресенье, 1 апреля 1951 г.:

Дорогой друг детства и отрочества, и зрелости и остальных возрастов! Что ж Вы меня, милый Илья Маркович, забыли? Последнее мое письмо оставили без ответа, и, зная вашу европейскую натуру, я убежден, что по ночам у Вас бывают кошмары — неотправленные письма! У вас было доброе намерение найти мне мецената — помочь мне издать мою книгу. Книга уже готова <...>. Вложил я в это «предприятие» штаны и исподнее, осталось заплатить 50 тыс. храники, т. е. на

Ваши американские <...> 120 долларов. Если буду иметь уверенность, что до 15-го мая (подчеркнуто от руки. — М. У.) деньги эти могут быть, благодаря вашим чародействам и волшебствам, найдены и пересланы, то смогу получить кредит в типографии и выдать соотв. обязательство. Поэтому, усердно Вас прошу, если это Вас — среди бесчисленных Ваших забот и занятий — не слишком обременит, скажите мне Ваше голубиное слово, и ответьте обратной почтой по воздуху. У Тютчева есть стихи:

*— Я знал Ее еще тогда, —
В те баснословные года!*

<...> Книга будет называться: «В те баснословные года»¹⁸⁵. <...> Не посетуйте за беспокойство. Обнимаю Вас. Ваш Аминадо.

Во вторник 22 мая 1951 г. Дон Аминадо пишет И. М. Троицкому новое письмо, в котором, учтиво осведомившись о здоровье Анны Родионовны — супруги адресата, просит:

<...> ответьте мне, пожалуйста, хотя бы кратко, на следующие жгучие (подчеркнуто от руки. — М. У.) вопросы: 1) Получили ли Вы мою книгу? 2) Приедете ли Вы в июле, как предполагалось? И когда именно? 3) Вернулся ли из Европы „меценат“ (должен был вернуться в середине мая? И собираетесь ли вы его атаковать?! 4) Все Ваши юбилеи стоят мне поперек дороги, по которой они шли в штан<ах>, а я должен ходить без штанов... Горькая участь! Имейте в виду, дорогой и неутомимый Илья Маркович, что <...> это не в буквальном смысле, на хлеб я себе, слава Богу, зарабатываю (Ищут вежливых старушек для различных побирушек¹⁸⁶), но издательская моя авантюра мне не по плечу, вот почему я так настойчиво прошу Вас помочь мне в этом идиотском предприятии (И. Василевский — НеБуква¹⁸⁷ — говорил когда-то, что издание автором собственной книги на собственный счет — есть покушение на убийство с целью грабежа!) М<ожет> б<ыть>, возможно в данный момент получить от мецената «аванс» в половинном размере, т. е. 60 долл. (а передать — в июле, когда вы приедете)?! 5) Мой друг Седых — <...> распространитель нумерованных экземпляров по 5-ти долл. за штуку на египетском пергаменте типа Цимкес-Дримкес-Лаштанодер — тоже испытывает трудности. <...> м<ожет> б<ыть>, Вы можете ему в этом деле помочь и растолкать неск. экз.? 6) Кроме того (чувствую, что письмо мое носит характер — и в хвост и в гриву!) — не можете ли Вы указать мне <...> адрес в Буэнос-Айресе, куда бы я мог <их> послать <...>?! За все это буду вам чрезвычайно благодарен. И не только благодарен, а еще будет

меня совесть мучить, что я такую на вас партнагрузку возложил. Ну вот, *dixi et apitiam levavi*¹⁸⁸. <...> Обнимаю Вас с нежнейшей любовью и преданностью 40-летней давности.

Через два месяца, во вторник 17 июля 1951 г. Дон Аминадо пишет:

Дорогой мой Илья Маркович! Прежде всего — и от чистого сердца спрашиваю, как здоровье Анны Родионовны? Как действует на нее горный воздух, покой и перемена условий жизни? <...> 2) Познакомился с доктором Суровичем¹⁸⁹. Слушал трехчасовой рассказ о молодом солдатики, <...> о встрече одного солдатики с будущей подругой жизни, и о том, как праздновали святки в доме старика Суровича в Крыму. *Tempi passati!*¹⁹⁰ 3) Удалось ли Вам, дорогой, <...> осуществить ваше доброе намерение ликвидировать тринадцать (13) экземпляров книги вашего старого приятеля?! 4) На всякий случай повторяю адрес <...>. 5) буду рад получить от Вас хотя бы самую краткую весточку. 6) Прошу усердно не считать меня приставом (от глагола приставать) и нудой... А еще прошу не сетовать за причиняемое беспокойство. А еще прошу сердечно кланяться <...> Анне Родионовне, к которой и по сей день вижу во главе длинного, уставленного яствами стола, на *Kurfürstendamm*¹⁹¹ в те баснословные года! Обнимаю Вас. Ваш Аминадо.

В коротком письме от 1 августа 1951 г. Дон Аминадо радуется за хорошие новости о здоровье Анны Родионовны и благодарит за «лирическую часть» письма И. М. Т. к нему, за полученные 35 долларов:

<...> за Ваше обещание ликвидировать остальные четыре экз., за все Ваши заботы-хлопоты, верную дружбу и, в особенности, за ваше обещание приехать в Париж! Только, ради Бога, поближе к концу <...> октября, ибо недели <за> три <до этого> я буду на отдыхе <...> Вы сами представляете, какое это было бы для меня огорчение, если бы я и на этот раз не увидел Вас в Париже. Если будет охота, напишите открытку — два слова, когда возвратитесь с гор в Нью-Йорк. Еще раз, спасибо Вам, Илья Маркович! Сердечный привет Вам обоим от Надежды Михайловны. Обнимаю Вас. Ваш Аминадо.

Понедельник 24 сентября 1951 г.:

Дорогой друг, Илья Маркович! Надеюсь, <...> что Вы с гор уже спустились в добрый час на твердую Нью-Йоркскую землю, и готовитесь к отъезду в Европу, во Францию, и Париж... <...> Какие Иды и Календы Вы нам готовите? Дело в том, что 8-го окт, е. ж. б. (ежели живы будем) мы с Надеждой Михайловной уедем в <...> отпуск (*cong e pay e* s. v. p.¹⁹²) куда-нибудь на Юг (в Италию, может быть, ибо там еще

фр. франк имеет некоторое хождение)... Вы сами понимаете, как мне было бы обидно, если бы после столь долгого перерыва (чуть ли не 14–15 лет) мы бы не встретились с Вами. (Ночной шофер женился на дактило,¹⁹³ которая работала днем. Так они никогда и не встретились). <...> ради Бога, черкните несколько строк и скажите о Ваших планах. (Вернусь я из отпуски 2-го–3-го–4-го ноября). 2) Мэнэ текэл ф́арес та́хлес¹⁹⁴ — надеюсь, что Вам удалось или удастся без надрыва, поместить последние четыре экземпляра известного Вам произведения <...> К моей благодарности номер первый прибавится еще одна — номер второй <...>. 3) Будьте ангелом, и отправьте мне с таким расчетом, чтобы письмоцо ваше мне получить до 7-го октября <...>. После всей вышеизложенной прозы, следует поэзия — поцелуйте ручки дорогой Анне Родионовне <...> и да хранит Вас Бог всех — детей и внуков купно! <...> Ваш Аминадо.

По-видимому, И. М. Т. так и не встретился с Дон Аминадо, хотя где-то в октябре, несмотря на плохое состояние здоровья жены Анны Родионовны, был в Париже. Об этом посещении Франции косвенно упоминается в письме к нему Дон Аминадо от субботы 8 декабря 1951 г.:

Дорогой, милый, Илья Маркович! Дошла ли до Вас моя открытка из Флоренции? Последняя весточка от Вас была в конце сентября <...> — и мы ничего не знаем о здоровье Анны Родионовны. Ради Бога — неск. коротких строк, буду надеяться — благоприятных. А Вы сами как, старый друг? Авиация авиацией, а расстояние все то же. Хотелось бы повидать Вас, услышать, рассказать, вспомнить многое, вместе и порознь пережитое! В последнее время — большое огорчение — скоропостижная смерть Я. Б. Полонского¹⁹⁵. Скоро Новый Год, хочу заранее пожелать Вам и дорогой Анне Родионовне и детям, и внукам Вашим — здоровья, благополучия, удачи! <...> Будьте, дорогой друг, здоровы во что бы то ни стало! Ваш всегда. Аминадо.

P.S. <...> если возможность будет, ликвидируйте посл<едние> три (подчеркнуто от руки. — М. У.) экз. книги (было их, кажется, четыре, и один Вам уже удалось, если не ошибаюсь, поместить. Не посетуйте на то, что мордую Вас! <...>.

Пятница 15 февраля 1952 г.:

Дорогой Илья Маркович! «Грозный молодец» Андрей Седых рассказывал мне, что Вы перенесли трудную болезнь, что все это, слава богу, благополучно кончилось, но что Вы имели замученный и усталый вид, когда он Вас видел на заседании Лит. Фонда. Скажите мне теперь, —

спустя месяцы, как Вы себя чувствуете?! И что это была за болезнь? И кому это вообще нужно в нашу эпоху и в наши годы? А Анна Родионова? Как ее здоровье, как она себя чувствует? Напишите непременно и подробно, и сразу, не откладывая в долгий ящик! Вы сами понимаете, что меня это занимает. Кроме всего прочего, Яша¹⁹⁶ передал мне от Вас «сувенир» за одну кн<игу>. Спасибо, дорогой друг, все это, конечно, мелочи, но очень трогательно Ваше внимание <...>. Если <...> сможете, и дабы закончить счет сувенирам, переведите последние три сувенира, чтобы мне уже Вас больше не беспокоить по этому поводу, и чтобы самому мне вылезти из типографии. Будьте здоровы и благополучны, дорогой мой, Илья Маркович. <...>

Письмо Дон Аминадо от 15 апреля 1952 г. отличается особенно пышными славословиями в адрес И. М. Т., подаваемыми в несколько ерническом тоне:

Дорогой Илья Маркович, отец народов, друг общества и отрочества! Пишу Вам во-первых строках моего письма, что очень был тронут Вашим исключительно добрым вниманием, т. е. яичком ко Христову дню!, т. е. последними 15 долл. за книжку, и даст Вам бог здоровья, потому что Вы человек системы Ангела, и находите время не только писать на всех языках мира (кроме армянского и грузинского), но еще и заниматься всякой дрянью, т. е. продажей натюрмортов Ваших оставшихся в живых собратьев! Теперь жду от Вас точного, краткого и заблаговременного сообщения — когда? И на сколько времени? Ибо буду (будем) счастлив (счастливы) Вас увидеть, наконец, после столь долгой разлуки!.. <...> Обнимаю Вас дорогой Заратустра. Ваш Аминадо.

По-видимому, горячее желание «повидаться» было у Дон Аминадо, но отнюдь не у его адресата. Так, в своем письме от 19 декабря 1952 г., он явно с огорчением констатирует:

<...> дорогой Илья Маркович! Так нам и не удалось повидаться. На мое письмо, срочно адресованное из Bains-les-Bains¹⁹⁷ в Ваш парижский отель, Вы мне не ответили, потом наступила осень, пришла зима и... как поют французские Chansonnier¹⁹⁸:

*Она была дневная дактило,
А он — ночной шофер...
И так они и не встретились!*

Вот еще один год кончается. Хочу послать Вам мои и Надежды Михайловны наилучшие пожелания и поздравления к наступающему Новому году, Вам, дорогой, старый друг и Анне Родионовне! Дай Вам Бог — здо-

ровья, радости, благополучия, покоя, удачи, денег, — и счастья в детях и внуках! <...> Не отрывайтесь, не исчезайте опять на долгий срок! Будьте здоровы, и не забывайте преданного и любящего Вас А. Аминадо.

Последнее письмо Дон Аминадо Троцкому, датированное 7 сентября 1953 г., лишено обычной для него цветистости и экивоков:

Дорогой, милый Илья Маркович! За какие грехи <я награжден> молчанием? Ведь после Вашего налета на Париж летом прошлого года, когда нам так и не удалось встретиться, на письмо мое Вы мне не ответили. Не упрекаю, но огорчаюсь. Покойный С. Л. Литовцев¹⁹⁹ любил в таких случаях цитировать Тютчева:

*Я поздно встал — и на дороге
Застигнут ночью Рима был.*

Но и самые лучшие цитаты не утешат, когда свидание не удастся. Здоровы ли ВЫ? Как здоровье Анны Родионовны? Дети? Внуки? <...> Ради Бога, напишите о себе подробно. Я остаюсь верен старой дружбе и рад отсутствию деловых поводов или причин, чтобы написать Вам эти несколько строк, продиктованных единственным желанием узнать, как вы и что с Вами. <...> Обнимаю Вас! Преданный Вам А. Аминадо.

По всей вероятности, И. М. Троцкий, ценивший Дон Аминадо как поэта и добросовестно помогавший ему в трудную минуту, тем не менее, «другом» его не считал и не был склонен поддерживать с ним тесные личные отношения. Не исключено также, что всецело занятый повседневной общественной деятельностью И. М. Т. не любил вспоминать прошлое, а потому и уклонялся от личных встреч с ностальгирующим Дон Аминадо. По этим или по другим причинам, но они так и не встретились. В последние четыре года жизни поэта — Дон Аминадо скончался 14 декабря 1957 года, переписка между ним и И. М. Троцким — человеком, которого он именовал не иначе как «дорогой друг», прекратилась. Как тут не вспомнить его собственный афоризм: «Друзьями же называются те, которые действительно знают о вас несколько настоящих гадостей».

¹ Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге: Из истории газеты «Сегодня» 1930-х годов. Кн. III. Stanford, 1997; Солженицын А. И. Двести лет вместе (1795–1995): в 2 частях / Ред. Н. Солженицына. М.: Русский путь, 2002; Бакунцев А. Вокруг Бунина. Газета «Сегодня» в «нобелевские дни» 1933 // Новый журнал. 2010. № 260. С. 156–166; Дымов О. Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия: в 2 т. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem, 2012; Будницкий О. В., Полян А. Л. Русско-еврейский Бер-

лин (1920–1941). М.: Новое литературное обозрение, 2013; *Schlögel K., Kucher K., Suchy B., Thun G. Chronik russischen Lebens in Deutschland 1918–1941*. Berlin, 1999. См.: <http://www.russkij-berlin.org>; *Марченко Т. В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955)*. Köln; München: Bohlau Verlag, 2007.

² Российская еврейская энциклопедия / Ред. Г. Брановер. URL: www.rujen.ru/index.php/Ромны

³ Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб.: Акционерное изд-во Ф. Брокгауз и Ефрон, 1890–1907. Том XXXIII (А). С. 907.

⁴ *Серков А. И. История русского масонства первой половины XIX века*. СПб.: Изд. им. Н. И. Новикова, 2000; *Он же. Русское масонство. 1731–2000 гг. Энциклопедический словарь*. М.: РОСПЭН, 2001. С. 810.

⁵ О Н.А.Троцком см.: *Суздалева Т. Э. Н. А. Троцкий*. Л.: Лениздат, 1991.

⁶ См.: <http://lists.memo.ru>

⁷ См.: *Троцкий И. М. III-е отделение при Николае I*. Л.: Лениздат, 1990.

⁸ Культурный центр «Дом-музей Марины Цветаевой». См.: www.dommuseum.ru

⁹ *«Под фамилией Троцкий в тюрьме служил старший надзиратель. На 19-летнего юношу большое впечатление произвели величественная фигура надзирателя, властность, умение подчинять себе окружающих и держать, что называется, в „ежовых рукавицах“ не только арестованных, но и всю администрацию тюрьмы. Как бы в отместку надзирателю за его диктаторские замашки, Троцкий и взял его фамилию своим псевдонимом, чтобы доказать всем, что фамилия матерого защитника самодержавия может служить и другим целям – революции»* (Деятели СССР и революционного движения России. Энциклопедический словарь Гранат. М.: Советская энциклопедия, 1989. С. 721).

¹⁰ По известной легенде, когда знаменитый московский раввин Яков Мазе (1859–1924) выступал перед наркомом Л. Д. Троцким просителем «за евреев», тот заявил ему: «Я – не еврей, а интернационалист». На что рав якобы ответил ему: «Революцию делают Троцкие, а расплачиваются за нее Бронштейны».

¹¹ Аксельрод Павел Борисович (1849/50–1928), российский социал-демократ (меньшевик), один из первых российских теоретиков марксизма. С 1921 г. в эмиграции, жил в Берлине; Аронсон Григорий Яковлевич (1887–1968), публицист и общественный деятель, член РСДРП, позднее – член ЦК Бунда. В эмиграции с 1922 г., жил в Европе, с 1940 г. – в США, участвовал в деятельности меньшевиков в эмиграции; Гольденвейзер Алексей Александрович (1890–1979), российский юрист, писатель и издатель. С 1921 по 1937 г. жил в Берлине, затем – в США. Об А. Гольденвейзере см. также: *Глушанок Г. А. А. Гольденвейзер и Набоковы* (по материалам архива А. А. Гольденвейзера) // *Русские евреи в Америке* (Далее – РЕВА). Кн. 2 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2007. С. 115–142; Керенский Александр Федорович (1881–1970), российский политический и общественный деятель, министр, затем министр-председатель Временного правительства (1917). С 1917 г. в эмиграции, жил в Германии, Франции, Австралии и США; Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), общественно-политический деятель, юрист, публицист, мемуарист, член ЦК партии кадетов. В эмиграции с 1920 г. С 1924 г. возглавлял Эмигрантский комитет, представлявший интересы русских эмигрантов во Франции; Фрумкин Яков Григорье-

вич (1880–1971), юрист, историк, общественный деятель. В начале XX в. активно участвовал в еврейском национальном движении. После 1917 г. в эмиграции в Германии, позднее — в США, где был председателем Союза русских евреев; Чернов Виктор Михайлович (1873–1952), русский политический деятель, один из основателей партии социалистов-революционеров и ее идеолог. Первый и последний председатель Всероссийского Учредительного собрания (январь 1918).

¹² *Рассвет* — еженедельный орган Сионистской организации России. Выходил с января 1907 по июнь 1915 г. (запрещен цензурой). Был самым популярным еврейским изданием на русском языке, к 1915 г. его тираж достиг десяти тысяч.

¹³ Речь идет о «воскресеньях» Федора Сологуба — петербургском литературном салоне в квартире Ф. Сологуба на 7-й линии Васильевского острова, образовавшемся в конце 1890-х гг. и просуществовавшем до 1907 г., в котором собирався цвет российской интеллигенции того времени: поэты-«символисты», художники-«мирискусники», философы Н. Бердяев, Л. Шестов, режиссеры Н. Евреинов и В. Мейерхольд, писатели и критики А. Ремизов, К. Чуковский, Б. Зайцев и др. См.: www.sologub.narod.ru/index.htm; Бунин И. А. Из записей. Собр. сочинений. Т. 9. М.: Худ. лит., 1967. С. 288–289.

¹⁴ Джойнт (American Jewish Joint Distribution Committee, сокр. JDC — Американский еврейский объединенный распределительный комитет) — международная еврейская филантропическая организация со штаб-квартирой в Нью-Йорке. В советской России легально действовала с 1920 г., в голод 1921–1923 гг. помогала продуктами до 2 млн человек на Украине и в Белоруссии. Значительная продовольственная и медицинская помощь оказывалась ею СССР в годы Второй мировой войны. После войны, с началом антисемитской кампании в СССР, Джойнт был объявлен шпионской организацией, контакты с которой считались противозаконными; ОРТ (ORT) — Общество распространения ремесленного и земледельческого труда среди евреев — еврейская просветительская и благотворительная организация, действующая в разных странах, основана в 1880 г. в России. Штаб-квартира Всемирного союза ОРТ находится в Лондоне. Общество предоставляет техническую помощь и профессиональную подготовку в рамках международных программ экономического и социального развития; ОЗЕ (OSE) — Общество здравоохранения евреев — благотворительная организация, ставящая целью заботу о детях, здравоохранении и гигиене еврейского населения. Основано в 1912 г. в России. В качестве неправительственной организации аккредитовано с правом совещательного голоса при Экономическом и социальном совете ООН, Детском фонде ООН и Всемирной организации здравоохранения.

¹⁵ Массонская ложа «Свободная Россия» основана в 1931 г. членами ложи «Северная Звезда» в качестве дочерней мастерской. Заседала в Париже на рю Каде и рю де л'Иветт. В 1940 г. переименована в ложу «Вехи», в 1955 г. присоединилась к ложе «Северная Звезда», в США входила в ложу «Россия», под эгидой которой объединились перебравшиеся за океан представители различных российских массонских организаций в Европе.

¹⁶ Союз русских евреев был основан в Нью-Йорке в 1942 г. группой деятелей парижского Объединения русско-еврейской интеллигенции. Первым председателем Союза был Ю. Д. Бруцкус (1870–1951, общественный деятель и историк), которого сменил проф. М. Л. Вишницер (1882–1955, еврейский

историк, социолог и общественный деятель); секретарем Союза был К. С. Лейтес. В 1944 г. при Союзе был основан Комитет имени Я. Л. Тейтеля (1850–1939, российский юрист и еврейский общественный деятель), занимавшийся сбором средств для субсидирования еврейских филантропических организаций в Европе. С 1957 г. председателем Союза был Я. Г. Фрумкин. В деятельности Исполнительного бюро Союза принимали активное участие И. М. Троцкий, Д. Н. Левин, Г. Я. Аронсон и др. См.: *Троцкий И.* Новые русско-еврейские эмигранты в Соединенных Штатах // Книга о русском еврействе (1917–1967). Сб. статей / Под ред. Я. Г. Фрумкина, Г. Я. Аронсона и А. А. Гольденвейзера. Нью-Йорк: Союз русских евреев, 1968. С. 405.

¹⁷ Литературный фонд поддержки русских писателей и ученых в изгнании основан в Нью-Йорке в 1918 г. как Общество помощи русским писателям и ученым в изгнании (Fund for the Relief of Russian Writers and Scientists in Exile). Был тесно связан с *Новым русским словом* (НРС).

¹⁸ Седых Андрей (Цвибак Яков Моисеевич, 1902–1994), журналист, писатель, литературный критик, мемуарист, общественный деятель. В эмиграции с 1919 г. С 1921 г. жил в Париже. Окончил Высшую школу политических наук при Парижском университете (1926). С 1921 г. сотрудничал в газете *Последние новости* как ее парламентский и судебный корреспондент, и *Сегодня* (Рига). Член парижского Союза русских писателей и журналистов. В 1933 г. в качестве секретаря И. А. Бунина сопровождал его на церемонию вручения Нобелевской премии в Стокгольме (Швеция). Во время оккупации Франции бежал в США, с 1942 г. жил в Нью-Йорке. Сотрудник газеты *Новое русское слово* с 1933 г., с 1973 г. — ее главный редактор. Выпустил серию книг о Париже, а также мемуарные книги: «Там, где была Россия» (Париж, 1930), «Звездочет с Босфора» (Нью-Йорк, 1948), «Далекие, близкие» (Нью-Йорк, 1962) и др. Свой литературный архив передал в Йельский университет.

¹⁹ Немирович-Данченко Василий Иванович (1848 – 1936), русский писатель и журналист, старший брат известного театрального деятеля Владимира Ивановича Немировича-Данченко. В эмиграции с 1921 г., жил и умер в Праге; Дорошевич Влас Михайлович (1865–1922), русский журналист, публицист, театральный критик, один из самых известных фельетонистов своего времени, с 1902 г. — редактор газеты *Русское слово*; Сытин Иван Дмитриевич (1851–1934), российский предприниматель, книгоиздатель, просветитель, владелец газеты *Русское слово*, журнала *Нива* и др. печатных изданий. И. М. Троцкий, на всю жизнь сохранивший добрую память о Сытине, написал о нем несколько статей: *Гениальный самородок. Памяти И. Д. Сытина* // *Сегодня*. 1934, 7 декабря. № 338. С. 2; *Иван Дмитриевич Сытин. К столетию со дня рождения* // *Новое русское слово*. 1951, 8 июля. № 14318. С. 5; *И. Д. Сытин. Из личных воспоминаний* // *Новое русское слово*. 1968, 19 ноября. № 19612. С. 4.

²⁰ Бюлов (Bülów) Бернгард фон (1849–1929), германский государственный и политический деятель, рейхсканцлер Германской империи (1900–1909); Бетман Гольвег (Bethmann Hollweg) Теобальд фон (1856–1921), германский государственный и политический деятель, рейхсканцлер Германской империи (1909–1917); Вильгельм II (Wilhelm II) (1859–1941), германский император (кайзер) и прусский король (1888–1918).

²¹ Витте Сергей Юльевич, граф (1849–1915), русский государственный деятель, министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1906), председатель Совета министров (1905–1906).

²² *Седых А.* Памяти И. М. Троцкого // Новое русское слово. 1969, 7 февраля. № 20423. С. 1, 3, 4.

²³ Дымов (Перельман) Осип (Иосиф Исидорович, 1878–1959), русский и еврейский (идиш) писатель и драматург. С 1913 г. жил преимущественно в США. С 1906 г. состоял в дружеских отношениях с И. М. Троцким, который написал о нем статью-некролог: *Троцкий И. М.* Вместо венка на могилу О. Дымова // Новое русское слово. 1959, 8 февраля. № 16761. С. 3. См. также: *Дымов О.* Вспомнилось, захотелось рассказать. Т. 2. С. 505–507.

²⁴ Об истории создания *Русского слова* И. Д. Сытин рассказал в своих воспоминаниях. По его словам, идея газеты при издательстве принадлежала А. П. Чехову, который почти при каждой встрече с издателем повторял: «Сытин должен издавать газету. И не какую-нибудь, а дешевую, народную, общедоступную» (*Сытин И. Д.* Жизнь для книги. М.: ГИПЛ, 1985. С. 183).

²⁵ *Померанцев К. Д.* Сквозь смерть: Воспоминания. Лондон: ОР, 1986. С. 53; об А. Руманове см. также: *Обухова-Зелиньска И.* Забытые классики: случай О. Дымова (переписка О. Дымова и А. Руманова, 1902–1914) // РЕВА. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 72–114.

²⁶ Полвека для книги. 1866–1916. Литературно-художественный сборник, посвященный пятидесятилетию издательской деятельности И. Д. Сытина. М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1916. С. 404.

²⁷ Поляков-Литовцев (Поляков) Соломон Львович (1875–1945), журналист, поэт, драматург, прозаик, публицист, переводчик, мемуарист. В качестве корреспондента газеты *Русское слово* имел во время заседаний Государственной Думы пропуск в ложу прессы, которую не без остроумия окрестили «чертой оседлости» из-за обилия в ней журналистов-евреев. После Октябрьского переворота остался на Западе. Жил в Германии, а после 1933 г. — в США, где входил в Союз русских евреев.

²⁸ *Хазан Вл.* О семье Поляк и проекте борьбы с «мировым черносотенством» // Лехайм. 2011. № 8 (232). URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/232/hazan.htm>; Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ): Архив газеты *Русское слово*. Карг. 20. Ед. хр. 10. Л. 5–13.

²⁹ Альтенберг (Altenberg, наст. имя Рихард Энглендер) Петер (1859–1919) и Шницлер (Schnitzler) Артур (1862–1931), австрийские писатели, представители литературного направления «молодая Вена», популярные в начале XX в.; Зудерман (Sudermann) Герман (1857–1928), немецкий беллетрист и драматург; Стриндберг (Strindberg) Август Юхан (1849–1912), шведский писатель, драматург, основоположник современной шведской литературы и театра;

³⁰ Гайлит (Gailit) Август (1891–1960), эстонский писатель. С 1944 г. жил в Швеции.

³¹ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865–1941), поэт, прозаик, религиозный философ, литературный критик, переводчик. В 1906–1914 гг. и после эмиграции из России в 1920 г. жил в Париже.

³² *Троцкий И.* Получат ли Бунин и Мережковский Нобелевскую премию? (письмо из Стокгольма) // Сегодня. 1930, 30 декабря. № 360. С. 2.

³³ Бёёк или Бёк (Böök) Фредрик Мартин (1883–1961), шведский историк литературы и писатель, профессор Лундского университета, с 1929 по 1949 г. был членом Нобелевского комитета по литературе.

³⁴ Роман А. Гайлита в переводе И. М. Троцкого вышел под названием «Ниппернат и времена года» («Nippernaht und die Jahreszeiten»).

³⁵ См.: Каталог Берлинской Государственной библиотеки (Online-Katalog der Staatsbibliothek zu Berlin). URL: <http://stabikat.de/DB=1/LNG=DU/SID=098f881a-2/CMD?ACT=SRCHA&IKT=1016&SRT=YOP&TRM=Zagranicnye+otkliki>

³⁶ Чуковский и Жаботинский: История взаимоотношений в текстах и комментариях / Автор и сост. Евг. Иванова. М.; Иерусалим: Мосты культуры Гешарим, 2005. С. 147.

³⁷ «Маскил» (מִשְׁכִּיל) — здесь в смысле «просвещенный, уразумевший». Так в XIX в. называли представителей движения «Хаскала», поборников светского знания, которое они стремились распространить среди евреев, видя в нем залог их эмансипации и европеизации.

³⁸ Гуль Р. Я унес с собой Россию: Апология эмиграции. В 3 т. Т. 1. Ч. 1. М.: Б. С. Г.-ПРЕСС, 2001. С. 85.

³⁹ Брамсон Леонтий Моисеевич (1869–1941), российский писатель, публицист, политик и общественный деятель.

⁴⁰ Россия и евреи. Берлин: Основа, 1924; Репринтные переиздания: Париж: YMCA-PRESS, 1978 и М.: АЗЪ, 2007.

⁴¹ Будницкий О. В., Полян А. Л. Русско-еврейский Берлин (1920–1941). С. 182–183.

⁴² Шуб Давид Натанович (1887–1973), деятель российского социал-демократического движения и еврейского социалистического движения в США, публицист, историк. Писал на идиш, русском и английском языках. В эмиграции с 1907 г.

⁴³ Шуб Д. Н. Евреи в русской революции // Политические деятели России (1850–1920-х гг.). Нью-Йорк: Новый журнал, 1969. С. 372.

⁴⁴ Чернов В. М. Русское в еврейском и еврейское в русском // Корни. 2003. № 19. С. 76–85.

⁴⁵ *Троцкий И.* Новые русско-еврейские эмигранты в Соединенных Штатах // Книга о русском еврействе (1917–1967). С. 399–413. В этом же сборнике опубликована статья И. Троцкого «Еврейские погромы на Украине и в Белоруссии в 1918–1920 гг.» (С. 56–69).

⁴⁶ Ингерман Сергей Михайлович (1868–1943), деятель российского и международного социалистического движения, непримиримый противник большевизма. В эмиграции с 1889 г., жил в США.

⁴⁷ О датском ученом, раввине Симонсене см.: David Simonsen: Rabbi, scholar, bibliophile and philanthropist. URL: <http://www.kb.dk/en/nb/samling/js/DSintro.html>

⁴⁸ См.: http://search.archives.jdc.org/multimedia/Documents/NY_AR1921/00021/NY_AR1921_02918.pdf

⁴⁹ *Пархомовский М.* Действительно ли русским был «Русский Берлин»? // Заметки по еврейской истории. 2013. № 5(164). URL: <http://berkovich-zametki.com/Avtory/Parhomovsky.htm>

⁵⁰ Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878–1942), русский писатель. В 1922 г. выслан из СССР, в эмиграции жил во Франции. См.: О «Русском одиночестве» Михаила Осоргина / Публ. А. Разгона // Евреи в культуре Русского Зарубежья. Вып. 1 / Сост. М. Пархомовский. Иерусалим, 1992. С. 13–24.

⁵¹ В начале 1920-х годов русских в Берлине было так много, что изд-во З. И. Гржебина выпустило русский путеводитель по городу. Жизнь русской колонии сосредоточивалась в западной части города, в районе Гедехнискирхе. Здесь у русских было 6 банков, 3 ежедневные газеты, 20 книжных лавок и, по крайней мере, 17 крупных издательств. По некоторым данным, показывающим размах издательского дела в Берлине, в 1918 – 1928 гг. там существовало 188 специализировавшихся в разных областях русских эмигрантских издательств. Такого их количества и разнообразия не было ни в одном из других центров русской диаспоры.

⁵² Мильруд Михаил Семенович (1883–1942), журналист, до революции сотрудник *Русского слова*. С 1924 г. член редколлегии и ответственный редактор, в 1934–1939 гг. главный редактор газеты *Сегодня* (Рига). В 1940 г. репрессирован советскими властями и погиб в ГУЛАГе.

⁵³ *Бонгард-Левин Г. М. Четыре письма И. А. Бунина М. И. Ростовцеву // Скифский роман: Сб. очерков / Под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М.: РОССПЭН. 1997. С. 300.*

⁵⁴ Шессен (Шерешевский) Серж де (1880–1942), литератор и журналист русского происхождения, атташе французского посольства в Швеции. Стокгольмский корреспондент французского агентства «Navas», автор книг о русском коммунизме и нескольких романов. Популяризировал и распространял произведения И. Бунина в Швеции, опубликовал интервью с ним в шведской прессе (1931).

⁵⁵ Булл (Bull) Френсис (1887–1974), норвежский специалист по скандинавской литературе, издатель и комментатор произведений Б. Бьёрнсона (1832–1910), один из авторов многотомной истории норвежской литературы.

⁵⁶ *Марченко Т. В. Неизвестные страницы бунинской нобелианы (по материалам архива Шведской академии) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. 1997. № 6. С. 23–35.*

⁵⁷ *Марченко Т. В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 252–289.*

⁵⁸ Аврех Александр Федорович (?–1937), журналист, корреспондент московской газеты *Русское слово* в Париже и странах Востока, заведовал военным и иностранным отделами. В эмиграции жил во Франции, работал в эмигрантской прессе, был членом Союза русских писателей и журналистов в Париже.

⁵⁹ *Абызов Ю., Равдин Б., Флейшман Л. Русская печать в Риге. С. 12.*

⁶⁰ *Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции: 1919–1939 / Предисл. О. Казниной. М.: Прогресс-Академия, 1994. С. 5–10.*

⁶¹ Турков (Turkow) Марк (1904–1983), еврейский журналист и общественный деятель родом из Польши. В 1939 г. переселился в Аргентину. В 1946–1954 гг. возглавлял организацию ХИАС (Hebrew Immigrant Aid Society, О-во помощи евр. иммигрантам) в Южной Америке. В 1954 г. был избран латиноамериканским представителем во Всемирный еврейский конгресс. Центр документации и информации аргентинских евреев в Буэнос-Айресе носит его имя.

⁶² Antologie fun der Yidisher literatur in Argentine // Buenos Aires: Di Presse, 1944.

⁶³ Дан (урожд. Цедербаум) Лидия Осиповна (1878–1963), активная участница революционного движения в России, член РСДРП (фракция меньшевиков), жена одного из лидеров и теоретиков «меньшевизма» Ф. И. Дана (1871–1947), сестра основателя этого движения Льва Мартова (Ю. О. Цедербаума, 1873–1923). В эмиграции с 1922 г.

⁶⁴ Адамович Георгий Викторович (1892–1972), русский поэт, литературный критик и переводчик. С 1923 г. в эмиграции, жил сначала в Берлине, затем во Франции.

⁶⁵ *Троцкий И.* Проблемы зарубежной литературы // Новое русское слово. 1956. № 15579. С. 8.

⁶⁶ Варшавский Владимир Сергеевич (1906–1978), прозаик, публицист. С 1920 г. в эмиграции, жил в Чехословакии, Франции и США.

⁶⁷ *Троцкий И. М.* Незамеченное поколение // Новое русское слово. 1956. № 15602. С. 7.

⁶⁸ *Trotzki Eliachu.* Galut Deihland: impresiones sobre Alemania (גלות דייטשלאנד) // Buenos Aires: Tsent al farband fun Poylishe Yidn in Argentine, 1950.

⁶⁹ Дон Аминадо (Шполянский Аминад или Аминодав Петрович или Пейсахович, 1888–1957), писатель, поэт, сатирик. Учился на юридическом факультете Новороссийского университета в Одессе, окончил тот же факультет Киевского университета. Работал в Москве помощником присяжного поверенного. Участник Первой мировой войны. В 1920 г. эмигрировал через Константинополь во Францию. Жил в Париже. Сотрудник газеты *Последние новости* со дня ее основания. Сотрудничал в газете *Свободные мысли*, журналах *Иллюстрированная Россия*, *Сатирикон*, *Современные записки* и др. Публиковался в газете *Еврейская трибуна* (под фамилией Шполянский). Один из инициаторов создания Союза русских писателей и журналистов в Париже, член его правления. Участвовал в съемках документального фильма «Русский Париж на экране» (1928). Переводил басни И. А. Крылова на французский язык. Награжден орденом Почетного легиона (1937). Выпустил в Париже книги: «Дым без отечества» (1921), «Наша маленькая жизнь» (1927), «Накинув плащ» (1928), «Нескучный сад» (1935), «Pointes de Feu. Recueil de maximes» (1939), «В те баснословные года» (1951). Автор воспоминаний «Поезд на третьем пути» (Нью-Йорк, 1954).

⁷⁰ *Бунин Иван, Бунина Вера.* Устами Буниных. Дневники / Под ред. М. Грин. Т. 2. М.: Посев, 2005. С. 107–110. Бунина (урожд. Муромцева) Вера Николаевна (1881–1961), переводчица, мемуаристка, жена И. А. Бунина (вторая). Одна из основателей кружка «Атауг» («Amis auteurs russes»), созданного в конце 1930-х гг. с целью оказания материальной помощи русским писателям. Член правления Общества «Быстрая помощь» (1940-е гг.). Автор книги «Жизнь Бунина» (Париж, 1958) и книги воспоминаний «Жизнь Бунина. Беседы с памятью» (М., 1989). Публиковалась в журналах *Возрождение*, *Новый журнал* и *Грани*.

⁷¹ Вейнбаум (Вайнбаум) Марк Ефимович (1890–1973), журналист, юрист, редактор. В 1913 г. эмигрировал в США, жил в Нью-Йорке. Работал в редакции газеты *Русское слово* (1914–1917), затем в *Русском голосе*. В 1922–1973 гг. главный

редактор газеты *Новое русское слово*. Председатель Литературного фонда в США вплоть до начала 1970-х годов.

⁷² Говоря про *одного писателя-еврея*, Алданов имеет в виду литературного критика и мемуариста Бахраха Александра Васильевича (1902–1985), эмигрировавшего из России в 1920 г., с 1923 г. жившего в Париже, а в 1940–1944 гг. — на юге Франции, под «бунинской кровлей» в Грассе.

⁷³ *Седых А.* Памяти И. М. Троицкого.

⁷⁴ Даманская (урожд. Вейсман) Августа Филипповна (1877–1959), писательница, переводчик, журналистка. Печаталась в журналах *Русское богатство*, *Русская мысль*, *Аполлон*, *Солнце России* и др. Многие публикации подписывала псевдонимом Арсений Мерич. В 1920 г. эмигрировала в Эстонию, жила в Германии, а с 1923 г. обосновалась в Париже. Член Союза русских писателей и журналистов.

⁷⁵ Имеется в виду ОРТ.

⁷⁶ Ханин (Chanin) Натан (1887–1965), публицист, лидер еврейского социалистического рабочего движения в России, а затем (с 1912) в США, член Совета директоров многих еврейских организаций: Джойнт, ОРТ, Конгресса еврейской культуры и др.

⁷⁷ См. примеч. 50.

⁷⁸ Цетлина (урожд. Тумаркина) Мария Самойловна (1882–1976), общественная деятельница, издательница, благотворительница. В 1919 г. через Константинополь уехала во Францию. Вместе с мужем издавала литературный журнал *Окно* (1923–1924), вокруг нее группировался литературный салон. Член Комитета помощи русским писателям и ученым во Франции. В 1940 г. уехала в Лиссабон (Португалия), в 1942 г. переехала в США, жила в Нью-Йорке. Во время Второй мировой войны продолжала помогать русским эмигрантам и их семьям в США и Европе. Передала принадлежавшую ей и мужу коллекцию картин г. Рамат-Ган в Израиле, где на ее основе был создан Музей русского искусства имени Марии и Михаила Цетлиных. О Цетлиных см. также: *Шалит Ш.* Цетлины в США // РЕВА. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 55–62.

⁷⁹ Ходили слухи, что Цетлина посылала Буниным из Америки огромные суммы. По-видимому, на этом основании Алданов в письме Бунину от 22 мая 1948 г. делает шуточные подсчеты:

«Если к этим 66 долл. добавить 50 от Гутнера и 50 от Литер. Фонда, то выйдет, что Ваш убыток от ссоры с Марьей Самойловной, которая ежегодно переводила Вам двадцать тысяч долларов своих денег, составляет в этом году уже не 20.000 долларов, а только 19.834. Мы с Цвибаком все «ищем женщину», т. е. богатую даму, которая устроит бридж в Вашу пользу». См.: Жаль, что так рано кончились наши бабьи вечера. (Из переписки В. Н. Буниной и Т. М. Ландау) / Публ. Ек. Рогачевской // И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. I. М.: Русский путь, 2004. С. 489.

⁸⁰ Вишняк Марк (Мордух) Вениаминович (1883–1976), публицист, редактор, общественно-политический деятель. Занимался революционной деятельностью, член партии социалистов-революционеров. В 1919 г. эмигрировал в Париж. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже. Приват-доцент Парижского университета (1923–1925). Один из основателей (1925) Франко-русского института, его профессор до 1932 г. В 1940 г. уехал в США. Печатался

в *Новом журнале*, *Социалистическом вестнике*, газетах *Новое русское слово*, *Русская мысль*. С 1946 г. консультант по российским проблемам в журнале *Time*. О М. Вишняке см. также: *Глушанок Г.* Заметки о М. В. Вишняке и его воспоминаниях // РЕВА. Кн. 7 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Торонто; СПб., 2013. С. 103–126.

⁸¹ Зайцев Борис Константинович (1881–1972), писатель, мемуарист, переводчик. Редактор литературно-художественного альманаха издательства «Шиповник». В 1921 г. избран председателем московского отделения Всероссийского союза писателей. В 1922 г. эмигрировал в Берлин. В 1923 г. избран вице-председателем Союза русских писателей и журналистов в Германии. С 1924 г. жил в Париже. Член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже (с 1924), его председатель с 1945 г. Сотрудничал в журналах *Грани*, *Вестник РСХД*, *Мосты*, *Новом журнале*, газете *Новое русское слово*. Член бюро Издательского фонда газеты *Русская мысль* (1947), был одним из редакторов газеты, постоянно в ней публиковался. Был знаком с Буниным с начала 1900-х гг. и в течение более 40 лет поддерживал с ним тесные дружеские отношения.

⁸² В СП состояло в то время 128 членов.

⁸³ Зуров Леонид Федорович (1902–1971), писатель, археолог, искусствовед. Участник Гражданской войны, воевал в армии Н. Н. Юденича. В эмиграции жил в Эстонии, в Чехословакии. С 1929 г. жил во Франции, преимущественно в Париже. В 1937–1940 гг. председатель Объединения русских писателей и поэтов. В 1945–1946 гг. сотрудничал в газете *Советский патриот*. Наследник архива В. Н. и И. А. Буниных, хранящегося в настоящее время в РАЛ.

⁸⁴ *Пархомовский М. А.* Конфликт М. С. Цетлиной с И. А. Буниным и М. А. Алдановым // Евреи в культуре Русского Зарубежья: Статьи, публикации, мемуары и эссе. Т. 4. Иерусалим, 1995. С. 310–325.

⁸⁵ Из письма М. С. Цетлиной В. Н. и И. А. Буниным от 20.12.47. См.: *Алданов Марк.* Письма из Ниццы // Новый журнал. 2012. № 267. URL: <http://newreviewinc.com/марк-алданов-письма-из-ниццы>

⁸⁶ Среди личных писем И. А. Бунина И. М. Троцкому в архиве YIVO хранится машинописная копия открытого письма от 8 февраля 1948 г. Генерального секретаря СП Зеелера Владимира Феофиловича (1874–1954), адвоката, журналиста, общественного деятеля, министра внутренних дел в правительстве А. И. Деникина (1920), эмигрировавшего в 1920 г. во Францию. В нем он аргументированно обвиняет Бунина в искажении фактов и «откровенной клевете», которые тот, по его мнению, позволил себе допустить в письме от 30 декабря 1948 г., опубликованном в *Новом русском слове*, где объяснял причины своего разрыва с СП (он состоял в нем с 1921 г. и был его первым председателем).

⁸⁷ В начале 1950-х гг. 1 доллар США стоил около 350 франков.

⁸⁸ «...хирург был первоклассный, русский француз Дюфур, потомок того книжника, у которого был при Пушкине книжный магазин» (*Бабореко А. К.* Последние годы И. А. Бунина: (новые материалы) // Вопросы литературы. 1965. № 3. С. 253–256).

⁸⁹ Ферайн (идиш Ferein) — общество; Перец Ицхок-Лейбуш (1852–1915), еврейский писатель, классик еврейской литературы на идиш, общественный деятель.

⁹⁰ Речь идет об А. Бахрахе.

⁹¹ Возможно, речь идет о М. С. Цетлиной.

⁹² Телешова (урожд. Корзинкина) Елена Андреевна (1869–1943), художница, ученица В. Д. Поленова, жена писателя Н. Д. Телешова, чье литературное объединение «Среды» (1899–1916), размещавшееся в его доме (Москва, Покровский бульвар, 18/15), посещали И. А. Бунин и И. И. Левитан.

⁹³ Тартак Илья Львович (1889–1981), педагог, критик. В Канаду, по-видимому, попал в середине 1910-х гг., в 1918 г. окончил университет Макгил в Монреале. Литературный критик *Нового русского слова* с 1926 г. В 1946–1976 гг. преподаватель New School of Social Research в Нью-Йорке. Преподавал также русский язык и литературу в Cornell University. Некролог: New York Times, 1981, June 17; Берг В. М. — член Литфонда, ответственный за связи с общественностью.

⁹⁴ Рогнедов Александр Павлович (?–1958), импресарио, театральный деятель, литератор. В эмиграции жил в Париже и Италии. Знаток и почитатель итальянской живописи и зодчества. Возглавлял Русский театр миниатюр «Карусель», устраивал актерские антрепризы, организовывал в «русском Париже» художественно-литературные мероприятия и коллективные издания известных писателей. Опубликовал несколько книг, в том числе о Мадриде, составитель книги произведений авторов разных стран об Испании.

⁹⁵ По всей видимости, здесь имеется в виду американская писательница и общественная деятельница Перл С. Бак (Pearl Buck, 1892–1973), лауреат Нобелевской премии по литературе в 1938 г., которая согласилась возглавить в США комитет по празднованию 80-летия Бунина и собрать для него некоторую сумму денег, но из этой затеи ничего не вышло.

⁹⁶ Щербаков Евгений (1917–1974), поэт, в эмиграции жил во Франции. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже (в 1947 г. вышел из Союза). Опубликовал стихи в сборнике Объединения молодых деятелей русского искусства и науки (Париж, 1947, был редактором сборника) и в сборнике «Эстафета» (Париж; Нью-Йорк, 1948). Близкий знакомый Л. Зурова.

⁹⁷ Нилус-Голубовская (урожд. Липовская) Берта Соломоновна (1884–1979), жена старинного друга И. А. Бунина, художника П. А. Нилуса (1869–1943), близкий человек семьи Буниных.

⁹⁸ Речь идет об Олечке Жировой, которую Бунин знал с 6 лет, очень любил и написал ей ряд шуточных писем.

⁹⁹ Троцкая (урожд. Шварцберг) Анна Родионовна (1882–1957), филолог, выпускница историко-филологического факультета Венского университета, жена И. Троцкого, с которой, судя по переписке, Бунины и Алдановы были лично знакомы.

¹⁰⁰ «Вера Николаевна не дотянула всего несколько лет до того, чтобы иметь право отпраздновать свою золотую свадьбу с Иваном Алексеевичем (ведь так несущественно, что их брак официально был оформлен только в Париже на заре эмиграции)». См.: Бахрах А. В. Бунин в халате. По памяти, по записям. Нью-Йорк: Товарищество зарубежных писателей, 1979. С. 131.

¹⁰¹ Л. Ф. Зуров вернулся домой после лечения в клинике 12 декабря 1953 года.

¹⁰² Алданова Татьяна Марковна (урожд. Зайцева, 1893–1968), переводчица, жена М. А. Алданова. Переписывала рукописи мужа, перевела ряд его произведений на французский. Передала архиву Колумбийского университета собрание писем различных известных деятелей науки и культуры ее мужу.

¹⁰³ Издательство им. Чехова, созданное в рамках проекта Фонда Форда и Восточноевропейского фонда в 1951 г., просуществовало до 1956 г. и за эти годы выпустило в свет три книги Марка Алданова.

¹⁰⁴ *memento mori* (лат.) — помни о смерти.

¹⁰⁵ *Le Monde* (фр. Мир) — популярная французская ежедневная вечерняя газета леволиберальных взглядов с тиражом более 300 тыс. экземпляров.

¹⁰⁶ «Марьянка» — последняя книга прозы и лирики Л. Ф. Зурова (Париж, 1958). См. *Белобровцева Ирина*. Видно, моя судьба, что меня оценят после смерти // Звезда. 2005. № 8. С. 52–60.

¹⁰⁷ См. примеч. 19.

¹⁰⁸ *Fedoulova Rosa. Letters d'Ivan Bunin à Mark Aldanov II: 1948–1953* // *Cahiers du monde russe et soviétique*. 1982. Vol. 23, № 23–3–4. P. 469–500.

¹⁰⁹ Логинова-Муравьева (урожд. Хохбаум) Татьяна Дмитриевна (1904–1993), живописец, график, литератор. В 1920 г. эмигрировала с родителями в Париж. Окончила Парижский химический институт (1923). Живописью занималась в школе Глейза в Лионе, Русской академии Т. Л. Сухотиной-Толстой и академии Гранд Шомьер в Париже. В 1973 г. стала инициатором проведения дней Бунина в Грассе, где благодаря ее усилиям была установлена мемориальная доска в память пребывания здесь И. А. и В. Н. Буниных. Составитель книги «Письма Буниных к Логиновой-Муравьевой: 1936–1961» (Париж: YMCA-PRESS, 1982). Автор воспоминаний о Бунине, сопровождала их рисунками и передала в Бунинский фонд музея И. С. Тургенева в Орле.

¹¹⁰ По-видимому, речь идет о Струве Алексее Петровиче (1899–1976), библиографе, антикваре, деятеле культуры. В эмиграции жил в Париже, где с середины 1920-х до начала 1930-х гг. владел антикварным книжным магазином «Au vieux livre» в Латинском квартале, затем перенес его в свой дом. Входил в круг И. А. Бунина и А. М. Ремизова. Член правления Общества друзей русской книги в Париже, член Ассоциации Тургеневской библиотеки в Париже.

¹¹¹ Полонская (урожд. Ландау) Любовь Александровна (1893–1963), сестра Марка Алданова, жена писателя Я. Б. Полонского, писательница, поэтесса, переводчица, литературный критик. Член Союза русских писателей и журналистов в Париже до 1947 г.

¹¹² *Носик Б. М. Русский XX век на кладбище под Парижем*. СПб.: Золотой век, 2005. С. 44.

¹¹³ *Бахрах А. В.* Бунин в халате. По памяти, по записям. С. 121.

¹¹⁴ См. примеч. 56.

¹¹⁵ *Марченко Т. В.* Вокруг Нобелевской премии: М. А. Алданов, И. А. Бунин и Шведская академия // *Revue des études slaves*. 2004. Tome 75, fascicule 1. P. 132. См. также: *Марченко Т. В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 548–578.

¹¹⁶ *Бунин И. А.* Письма 1905–1919 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова. М.: ИМЛИ, 2003. С. 387.

¹¹⁷ Остраненность — литературный термин, введенный в научный оборот русским филологом Виктором Шкловским — одно из центральных понятий русского формализма, стилистический прием описания вещей, вырывающий предмет из привычного контекста его узнавания и делающий привычное

необычным, странным. Поскольку В. Шкловский развивал свою концепцию на примере творчества Л. Толстого — кумира М. Алданова, в литературном стиле последнего нами усматривается именно органический синтез традиции с новацией, что, к сожалению, осталось вне поля зрения А. Карлгрена. Более того, критик выявил в стилистических новациях Алданова черты, сближающие их с «провозглашенным в советской стране т. н. социалистическим реализмом», который, по его мнению, предполагает наделение литературных героев «сходными, общими и существенными чертами, присущими определенным социальным категориям и группам».

¹¹⁸ Чернышев А. Гуманист, не веривший в прогресс // М. А. Алданов. Собр. соч. Т. 1. М.: Правда, 1991. С. 12.

¹¹⁹ Марченко Т. В. Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 566.

¹²⁰ Бунин И., Бунина В. Устами Буниных. Дневники. Т. 2. С. 235.

¹²¹ Марченко Т. В. Вокруг Нобелевской премии. С. 553.

¹²² Переписка И. А. Бунина с М. А. Алдановым / Публ. А. Зверса // Новый журнал. 1983. № 153. С. 134–172; «Пещера» (1934) — последняя книга трилогии М. Алданова, посвященной событиям кануна и времени революции 1917 г. и первым послереволюционным годам, в которую входят также романы «Ключ» (1929) и «Бегство» (1930).

¹²³ Бахрах А. В. Бунин в халате. С. 107.

¹²⁴ Бахрах А. В. По памяти, по записям. М. Алданов // Новый журнал. 1977. № 126. С. 170.

¹²⁵ Там же. С. 172.

¹²⁶ Письма Георгия Адамовича А. В. Бахраху. 1954–1956 / Публ. Веры Крейд // Новый журнал. 2001. № 224. С. 70–98.

¹²⁷ Зайцев Б. К. Мои современники. London: Overseas Publications Interchange, 1988. С. 130.

¹²⁸ «Как редко теперь пишу по-русски...». Из переписки В. В. Набокова и М. А. Алданова / Публ. и коммент. Андрея Чернышева // Октябрь. 1996. № 1. С. 129.

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ Грин Мелица. Письма М. А. Алданова к И. А. и В. Н. Буниным // Новый журнал. 1965. № 80, 81. С. 258–287 и 110–114, соотв.

¹³¹ Ламм (Lamm) Мартин (1980–1950), шведский историк литературы, профессор Стокгольмского университета.

¹³² Кроче (Croce) Бенедетто (1866–1952), итальянский философ, политик, историк, представитель неогегельянства; Черчилль (Churchill) Уинстон Леонард Спенсер (1874–1965), британский государственный и политический деятель, премьер-министр Великобритании в 1940–1945 и 1951–1955 гг., военный, журналист, писатель, почетный член Британской академии (1952), лауреат Нобелевской премии по литературе (1953).

¹³³ Имеется в виду Лагерквист (Lagerkvist) Пер Фабиан (1891–1974), шведский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе 1951 г.

¹³⁴ Нобелевскую премию по литературе в 1950 г. получил Рассел (Russell) Бертран Артур Уильям (1872–1970), британский математик, философ и общественный деятель.

¹³⁵ Сабанеев Леонид Леонидович (1881–1968), музыковед, композитор, музыкальный критик, ученый (математика, зоология), мемуарист, публицист. В 1926 г. эмигрировал, жил в Париже и Ницце. Автор сонат, симфонических поэм, кантаты «Апокалипсис» (1940), балета «Авиатриса» (поставлен в театре Елисейских полей в 1930 г.) и многих работ на музыковедческие темы. Сотрудник газет *Последние новости*, *Новое русское слово*, *Парижский вестник*, *Русская мысль* и др.; Постельников Сергей (?—после 1955), пианист, педагог. Окончил Русскую консерваторию в Париже. В 1937 г. удостоен второй премии на конкурсе пианистов Парижской консерватории. С 1938 г. вел концертную деятельность, участвовал во многих благотворительных вечерах как солист и концертмейстер.

¹³⁶ Столкинд Абрам Яковлевич (1882–1964), юрист, журналист, участник общественных организаций, благотворитель. Работал в отделе судебной хроники *Русского слова* в Москве, сотрудничал в петербургском отделении газеты, в 1908 г. — корреспондент в Государственной думе. Эмигрировал в США, печатался в газете *Новое русское слово*. На протяжении многих лет оказывал материальную помощь нуждающейся русской интеллигенции. После войны жил на юге Франции (Канны, Ницца). Содействовал созданию центра по лечению онкологических заболеваний, оказал финансовую помощь в расширении англо-американского госпиталя. Пожертвовал городу Ницце замок и большой участок земли для устройства консерватории и технической школы. Награжден орденом Почетного легиона (1954). Почетный гражданин Ниццы. Завещал значительную сумму Литературному фонду в Нью-Йорке и Иерусалимскому университету для создания кафедры гражданского права.

¹³⁷ Рошин (наст. Федоров) Николай Яковлевич (1892 или 1896–1956), бывший белый офицер, писатель, критик. В 1920-х гг. был одним из парижских корреспондентов рижской газеты *Сегодня*. Был близок к Буниным, с 1926 г. часто жил у них в Грассе. С 1930-х гг. сотрудничал с советской разведкой.

¹³⁸ Берберова Нина Николаевна (1901–1993), прозаик, поэт, литературный критик, переводчица. В эмиграции с 1922 г., жила в Берлине, с 1925 г. — в Париже. В 1950 г. переехала в США (Нью-Йорк). В 1958–1962 гг. член редколлегии альманаха *Мосты* (Мюнхен). В 1956–1963 гг. преподавала русский язык и литературу в Йельском университете, в 1963–1971 гг. — в Принстонском университете. Автор мемуаров «Курсив мой» (1989). Об М. Алданове см. в ее книге: Люди и ложи. Русские масоны XX столетия. URL: <http://tululu.org/read53802/134/>. С. 134.

¹³⁹ Кадиш Михаил Павлович (1886–1962), юрист, переводчик, журналист, фотограф, общественный деятель, масон. В 1921 г. эмигрировал в Германию. В 1935 г. переехал в Париж, работал фотографом. Вице-председатель Объединения русских адвокатов во Франции. Член ревизионной комиссии Очага русских евреев-беженцев в Париже (1945).

¹⁴⁰ Намек на Б.Зайцева, который, по слухам, впоследствии не подтвердившимся, представил свою кандидатуру в Нобелевский комитет.

¹⁴¹ *Марченко Т. В.* Русские писатели и Нобелевская премия (1901–1955). С. 574.

¹⁴² Прогноз Алданова оказался ошибочным: в 1970 г. Нобелевскую премию по литературе получил эмигрант А. И. Солженицын, а в 1987 г. — эмигрант И. А. Бродский.

¹⁴³ Кускова (Кускова-Прокопович; урожд. Есипова, по первому мужу Ювеналиева) Екатерина Дмитриевна (1869–1958), публицистка, политическая и общественная деятельница. Член Центрального комитета партии кадетов. В 1922 г. вместе с мужем выслана за границу. В 1922–1924 гг. жила в Берлине, затем в Праге, а с 1939 г. – в Женеве. Сотрудничала в газетах *Последние новости*, *Дни*, *Русские новости*, *Еврейская трибуна*, *Новое русское слово*, журналах *Воля России*, *Современные записки*, *Новый журнал* и др.

¹⁴⁴ *Русская правда* — еженедельная газета, издававшаяся в Париже с начала 1954 г., гл. редактор Кадомцев Борис Петрович (1887–1969), экономист, литератор, журналист. В эмиграции с 1920 г., в 1930-е гг. — участник движения «младороссов». Генеральный секретарь Комитета Российского национального союза в Париже (с 1952).

¹⁴⁵ Соловейчик Самсон Моисеевич (1884 или 1887–1974), юрист, публицист, общественный деятель. Член партии социалистов-революционеров. После 1917 г. эмигрировал, жил в Берлине, в 1925 г. с редакцией газеты *Дни* переехал в Париж, где открыл юридическую контору. Член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже. Член Бюро парижского ОРТ. В 1940-х годах переехал в США, преподавал русскую литературу в Сити Колледж в Нью-Йорке, затем в Университете штата Колорадо. Профессор кафедры международного права в университете Миссури в Канзас-Сити. Печатался в *Новом русском слове*, *Новом журнале*.

¹⁴⁶ Карпович Михаил Михайлович (1888–1959), историк, один из основателей американской русистики. В эмиграции с 1917 г., с 1923 г. жил в Нью-Йорке. Преподаватель, впоследствии профессор русской истории в Гарвардском университете (1927–1957), главный редактор *Нового журнала* в 1945–1959 гг.

¹⁴⁷ «Начало конца» (1943), «Истоки» (1950), «Ульмская ночь (философия случая)» (1953) — романы М. Алданова.

¹⁴⁸ Информация о номинировании А. Ремизова и Б. Зайцева, которой располагал Алданов, была из разряда «слухов», поскольку в Стокгольмском архиве Нобелевского комитета не имеется об этом никаких документов.

¹⁴⁹ Речь идет о личности некоего анонима — «шведского литературоведа, не знающего русского языка», на знакомство и переписку с которым постоянно ссылается И. М. Троицкий. Не исключено, что корреспондентом И. М. Троицкого был Сильван (Sylwan) Отто (1864–1954), шведский историк литературы, профессор, в 1930-е гг. — ректор Гетеборгской Высшей школы, автор фундаментального труда об истории шведской прессы.

¹⁵⁰ «Бельведерский торс» — рассказ М. Алданова (1936), повествующий о событиях римской жизни эпохи Возрождения, в котором фигурируют известные исторические персонажи.

¹⁵¹ Алданов не ошибся в своем прогнозе — Хемингуэй получил Нобелевскую премию по литературе в 1954 г.

¹⁵² Моруа (Maurois) Андре (наст. Эмиль Саломон Вильгельм Эрзог, 1885–1967), французский писатель, член Французской академии.

¹⁵³ Личность писателя Юлия Шейнера и артиста Бологовского не установлена. Возможно, последний был мужем Бологовской (урожд. Ивановой) Натальи

Петровны (1900–1991), портнихи и артистки музыкальной драмы. В эмиграции с 1920 г., с 1922 г. жила в Париже.

¹⁵⁴ Прескотт (Prescott) Орвилл (1907–1996), американский журналист, литературный критик, сотрудничал в течение 24 лет с газетой *Нью-Йорк Таймс*.

¹⁵⁵ Лакснесс (Laxness, урожд. Guðjónsson) Халлдор Кильян (1902–1998), исландский писатель, католик, социалист. Был председателем Общества исландско-советской дружбы, написал книги о поездках в СССР «Путь на Восток» и «Русская сказка». Нобелевская премия по литературе была присуждена ему в 1955 г. с формулировкой «за яркую эпическую силу, которая возродила великое повествовательное искусство Исландии».

¹⁵⁶ Шолохов Михаил Александрович (1905–1980) получил Нобелевскую премию лишь в 1965 г., но до этого ее удостоился в 1958 г. Б. Л. Пастернак (1890–1960) «за значительные достижения в современной лирической поэзии, а также за продолжение традиций великого русского эпического романа».

¹⁵⁷ Имеются в виду Х. Лакснесс и, возможно, Сеферес Георгис (1900–1971), греческий поэт, получивший Нобелевскую премию в 1963 г.

¹⁵⁸ Л — масонская ложа. И. М. Троцкий с 1937 г. был членом парижской ложи «Свободная Россия», которая в США вошла в состав ложи «Масонская группа России».

¹⁵⁹ Мендельсон Марк (Мейер) Самойлович (1894–1961), один из лидеров Бунда, химик, изобретатель, масон. Окончил Гейдельбергский университет. В 1924–1940 гг. жил в Париже. Член Общества русских химиков во Франции. Один из основателей лож «Гамаюн» (1931) и «Лотос» (1932), деятельный член лож «Друзья Любоумудрия» и «Гермес» (1930-е гг.). В 1940 г. уехал в США, с 1947 г. жил в Нью-Йорке. Один из создателей в Америке масонской группы «Россия» (1943). Подробнее о М. Мендельсоне см. статью А. И. Серкова «Российские масоны-евреи в США» в наст. сборнике, с. 44–61. Делевский (Юделевский) Яков Лазаревич (1868–1957), общественно-политический деятель, публицист, ученый-геолог. Член Союза русских писателей и журналистов (с 1920), Лиги борьбы с антисемитизмом, почетный член Астрономического общества Франции. Один из основателей Русского научно-философского общества (1930), входил в его правление. Сотрудничал в газетах *Последние новости*, *Новое русское слово* и др. Писал под псевдонимом Ю. Делевский. В 1941 г. уехал в США. Член Литературного фонда в Нью-Йорке. Состоял в масонской группе «Россия» в 1943–1945 гг. Подробнее о Я. Делевском см. статью А. И. Серкова «Российские масоны-евреи в США» в наст. сборнике, с. 44–61.

¹⁶⁰ Давыдов Александр Васильевич (1881–1955), земский деятель, журналист, масон. Участник Русско-японской войны, Георгиевский кавалер. В 1920 г. эмигрировал, жил в Париже. Член комитета Лиги борьбы с антисемитизмом. Заведовал администрацией газеты *Возрождение*, печатался на ее страницах. Один из основателей лож «Гермес» и «Гамаюн», секретарь ложи «Гамаюн» со дня ее основания. Член Совета Объединения русских масонских лож. После Второй мировой войны жил в США. Член правления Русского литературного кружка в Нью-Йорке, член ревизионной комиссии Литературного фонда. Публиковался в газете *Новое русское слово* и в *Новом журнале*. Подробнее о А. Давыдове см. статью А. И. Серкова «Российские масоны-евреи в США» в наст. сборнике, с. 44–61.

¹⁶¹ Никаких сведений о таком съезде в 1955 г. не имеется.

¹⁶² Вреден Николай Романович (1901–1955), переводчик, издатель, редактор. С 1920 г. в эмиграции, жил в Нью-Йорке, в 1951–1955 гг. был директором «Издательства им. Чехова».

¹⁶³ По-видимому, речь идет о профессоре О. Сильване (умер 15 января 1954 г. в г. Гётеборге, Швеция).

¹⁶⁴ Здесь, очевидно, Алданов говорит об обстоятельствах присуждения Нобелевской премии в 1956 г. испанскому поэту Хименесу Рамону Хуану (1881–1957), сообщенных ему И. Троицким.

¹⁶⁵ Шлезингер (Schlesinger, урожд. Троицкая) Татьяна Ильинична (1905–1958), старшая дочь И. М. Троицкого.

¹⁶⁶ См. примеч. 69.

¹⁶⁷ Толкачев К. А. Художественный мир прозы Дон-Аминадо. URL: <http://www.dissercat.com/content/khudozhestvennyi-mir-prozy-don-aminado>; Коровин В. И. Наиболее даровитый поэт эмиграции // Дон Аминадо. Наша маленькая жизнь. М.: Терра, 1994. С. 3; Дон Аминадо // Электронная еврейская энциклопедия. URL: <http://www.eleven.co.il/article/11457>

¹⁶⁸ Седых А. Далекое, близкие. С. 51–52, 78.

¹⁶⁹ Цветаева М. Дон-Аминадо. 31 мая 1938 // М. И. Цветаева. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Художественная литература, 1988. С. 539.

¹⁷⁰ Зуров Л. Дон Аминадо // Новый журнал. 1968. № 90. С. 114–120.

¹⁷¹ Банлье (banlieu, фр.) — здесь: бедная окраина.

¹⁷² Шаховская Зинаида. Дон Аминадо // В поисках Набокова. Отражения. М.: Книга, 1991. С. 279.

¹⁷³ Liberation (фр.) — освобождение

¹⁷⁴ Curriculum vitae (лат.) — биографическая справка.

¹⁷⁵ 17 октября 1888 г. на станции Борки, неподалеку от Гатчины, произошло крушение царского поезда. По счастливой случайности, вагон, где находился царь Александра III со своей семьей, не пострадал. Под этой шутливой метафорой Дона Аминадо скрывается горькая правда: он, как еврей, чудом пережил время оккупации Франции нацистами.

¹⁷⁶ Agence de voyages (фр.) — туристическое агентство.

¹⁷⁷ Шполянская Надежда Михайловна (1893? — после 1970), жена Дон Аминадо.

¹⁷⁸ Grands-parents (фр.) — бабушка и дедушка.

¹⁷⁹ Накануне весеннего праздника Входа Господня в Иерусалим — его справляли в Вербное воскресенье, перед Страстной неделей, — на Красной площади устраивалась огромная ярмарка. Самым ходовым ее товаром с конца XIX в. стали «морские жители», маленькие разноцветные чертики, пляшущие в пробирках с водой. Любопытно отметить, что эти «морские жители» появлялись только на вербном базаре — в иное время года их нельзя было достать нигде. Н. Д. Телешов (1867–1957) в своих воспоминаниях «Москва прежде» (в кн.: Московская старина. Воспоминания москвичей прошлого столетия. М.: Правда, 1989. С. 425) писал, что бродячие торговцы сопровождали продажу «морских жителей» разными прибаутками, обычно на злобу дня, иногда остроумными, иногда пошлыми.

Затрагивались иной раз и политические темы, вышучивались российские и иностранные политические деятели.

¹⁸⁰ По всей видимости, Дон Аминадо имеет в виду то, что Бунин, живший во время войны на юге Франции, в курортном городе Грассе, укрывал в своем доме евреев, спасавшихся от нацистской депортации в лагеря смерти, в частности, А. В. Бахраха.

¹⁸¹ Поляков, Александр Абрамович (1879–1971), юрист, писатель, журналист, редактор. Окончил юридический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1904 г. сотрудничал в *Одесских новостях*, затем в Санкт-Петербурге заведовал отделами газет *Биржевые ведомости* и *Русское слово*. В 1920 г. эмигрировал, жил в Берлине, затем переехал в Париж. В 1922–1940 гг. выполнял обязанности секретаря редакции газеты *Последние новости*, затем заместителя главного редактора. После оккупации Франции немцами жил в г. Монпелье, а в 1942 г. переехал в Нью-Йорк. До 1970 г. состоял сотрудником редакции *Нового русского слова* и печатался в этой газете.

¹⁸² Одна из полисемантических «шуток» Дон Аминадо, в которой Андрей Седых (Яков Моисеевич Цвибак), в молодости крестившийся, получает ироническое прозвище по имени и фамилии русского мальчика Андрюши Юцинского, якобы убитого евреем Бейлисом в ритуальных целях («Дело Бейлиса», 1911).

¹⁸³ Трумэн (Truman) Гарри (1884–1972), 33-й президент США от Демократической партии (1945–1953), автор т. н. «Доктрины Трумэна», согласно которой Греции и Турции, как странам, находящимся в зоне коммунистической угрозы со стороны СССР, предусматривалось выделение в 1947–1948 гг. 300 и 100 млн долларов соответственно, что и обыгрывает Дон Аминадо в своей просьбе о вспомоществовании в размере «125–135 долларов».

¹⁸⁴ *Entre nous* (*фр.*) — между нами.

¹⁸⁵ В книгу Дон Аминадо «В те баснословные года» (1951), наряду с лирическими стихотворениями о дореволюционной России и картинками эмигрантского быта, вошли также «Новые афоризмы Козьмы Пруткова».

¹⁸⁶ Двустиишие Дон Аминадо из стихотворного цикла «Труды и дни» (1933).

¹⁸⁷ Василевский Илья Маркович (1882–1938), писатель-сатирик, журналист, редактор. Писал под псевдонимом Не-Буква. Издавал газету *Свободные мысли* (1907–1911), был редактором *Журнала журналов* (1915–1917). С 1920 г. в эмиграции, жил в Берлине, где выпустил ряд книг, в том числе «Литературные силуэты» (1922), «Дамская литература до и после революции» (1923). В августе 1923 года вернулся в Россию. Заведовал редакцией журнала *Изобретатель*. Репрессирован и расстрелян.

¹⁸⁸ *Dixi et animam levavi* (*лат.*) — Я сказал и тем облегчил душу.

¹⁸⁹ Личность данного персонажа не установлена.

¹⁹⁰ *Tempi passati!* (*лат.*) — Увы, давно прошедшие времена!

¹⁹¹ В 1921–1933 гг. И. М. Троицкий с семьей жил в Берлине, в одном из фешенебельных районов (Kurfürstendamm 159, Berlin-Wilmersdorf) в многоэтажном доме постройки 1906–1907 гг. («югендстиль»), сохранившимся по сей день.

¹⁹² *Congé payé s. v. p.* (*фр.*) — оплачиваемый отпуск, если вы желаете.

¹⁹³ Дактило́ (daktylo, фр.) — машинистка.

¹⁹⁴ Фраза «Мэнэ текэл ф́арес та́хлес» — шуточный парафраз Дон Аминадо, в котором он к трем известным пророческим словам из Ветхого Завета, в переводе с иврита означающим «сосчитано, взвешено и разделено», прибавил слово «та́хлес» на идиш, обычно использующееся в значении «подведем итоги».

¹⁹⁵ Полонский Яков Борисович (1892–1951), доктор права, журналист, писатель, историк литературы, библиофил, общественный деятель, муж Л. А. Полонской. Во время Первой мировой войны был в действующей армии, Георгиевский кавалер. В эмиграции жил в Париже. Работал в Центре еврейской исторической документации. С 1920 г. — один из руководителей газеты *Последние новости*, сотрудничал в газете *Дни*, других эмигрантских изданиях. В 1925–1938 гг. — соиздатель и редактор *Временника Общества друзей русской книги*. В 1937–1947 гг. — член правления Союза русских писателей и журналистов в Париже. Член Парижской группы партии Народной свободы, Республиканско-демократического объединения. В годы Второй мировой войны жил в Ницце, участвовал в подпольных антифашистских организациях, изготовлял поддельные документы. В 1946 г. избран членом правления Объединения русско-еврейской интеллигенции.

¹⁹⁶ По-видимому, имеется в виду их общий друг Я. Г. Фрумкин.

¹⁹⁷ Bains-les-Bains — курорт в Лотарингии.

¹⁹⁸ Chansonnier — исполнители шансонов (песен).

¹⁹⁹ Имеется в виду публицист С. Л. Поляков-Литовцев (Поляков).

ЛИТЕРАТУРА

Неопубликованный рассказ С. Ю. Прегель

Вступит. статья, публ. и коммент.

Ханы Кунелт (Вена)

Давайте посмотрим на историю семьи, которая оказала влияние на судьбы многих русских и русско-еврейских эмигрантов в США. Речь пойдет о Борисе Юльевиче Прегеле и его сестре Софье Юльевне Прегель.

Борис Прегель¹ (1890, Одесса — 1976, Нью-Йорк) был известным физиком-атомщиком, президентом нью-йоркской Академии наук, талантливым композитором, видным общественным деятелем, бизнесменом, кавалером Ордена города Парижа и обладателем многих других наград. Чудом спасшись с женой от немцев из оккупированного Парижа, Борис Юльевич после приезда в Нью-Йорк основал собственную компанию по добыче и продаже урана, создание которой началось еще в предвоенной Европе. Он стал крупным и влиятельным бизнесменом и позднее принял участие в Манхэттенском атомном проекте.

Будучи человеком творческим, музыкально одаренным, он писал романсы на стихи Софьи Прегель и Александра Блока, сочинял симфонии, пел бардовские песни, записывал свои произведения в одной из нью-йоркских студий звукозаписи. В переписке Владимира Крымова² и Софьи Юльевны дана следующая оценка творчества ее брата:

«Дорогая Софья Юльевна,

С большим удовольствием и некоторым удивлением слушали по радио передачу музыки Бориса Юльевича. Удовольствие было, потому что его музыка мелодична, оригинальна, что-то русское в ней, первые два опуса просто шедевры. Какая одаренная натура! А некоторое удивление было, потому что он, оказывается, уже вполне сформированный композитор, чего мы не знали. И как умело было подано, это тоже надо уметь сделать»³.

Софья Прегель⁴ (1897, Одесса — 1972, Париж) — редактор, поэт и прозаик, общественный деятель и меценат — основала в 1942 г. в Нью-Йорке журнал *Новоселье*. В течение восьми лет существования журнала в нем,

кроме русских писателей, принимали участие видные представители американской и европейской литературной и общественной жизни. Здесь публиковались Иван Бунин, Михаил Цетлин, Роман Якобсон, Алексей Ремизов, Марк Алданов, Андрей Седых, Юрий Терапиано, Надежда Тэффи, Александр Гингер, Анна Присманова, Георгий Адамович, Осип Дымов, Софья Дубнова, Антонин Ладинский, Георгий Раевский, Ирина Одоевцева, Леонид Зуров, Василий Яновский, Николай Оцуп, Генрих Манн и др.

Продолжение русских литературных традиций в зарубежье стало главной целью журнала. В первом выпуске в феврале 1942 г. редакция обратилась к читателям со следующим напоминанием:

«Все мы – читатели и сотрудники журнала – здесь, более или менее давние „новоселы“. В русской литературе „Новоселье“ имеет освященную временем и именем Пушкина традицию. Один из литературных альманахов Пушкинской эпохи носил это название, и сам поэт в нем участвовал...»⁵

Борис Юльевич с самого начала финансово поддерживал журнал сестры, который в первые годы пользовался большим успехом у читателей. Его причины были в удачном выборе тем, следовании традициям родной культуры и одновременно стремлении интегрироваться в новое общество. Редакция сохраняла энтузиазм по поводу окончания войны и новой ситуации в мире и в послевоенные годы. Самыми близкими писателями-коллегами Софьи Прегель того времени были Марк Слоним, Владимир Сухомлин и Вера Александрова (Вера Александровна Шварц). Слоним в послевоенных публикациях в *Новоселье* критиковал прежде всего нежелание Запада вести переговоры с Советской Россией. В своих статьях (названия некоторых из них говорят сами за себя: «Молот победы», «О советском человеке», «Возвращение в Европу», «Битва за Россию») он подчеркивал военные и промышленные успехи СССР во время войны. Слоним также писал о еврейском вопросе в СССР в послевоенные годы, считая, что в стране найдено его решение. Это вызвало немедленную ответную реакцию Григория Аронсона:

«Ассимиляторские тенденции звучат в статье М. Слонима о евреях-писателях в Советской России, в которой процесс ассимиляции не просто отмечается, но и приветствуется. И еврейский читатель немного недоумевает: куда же его зовут?»⁶

В конце концов, в силу ряда экономических и политических причин, журнал прекратил свое существование в 1950 г.

Деятельность семьи Прегель не ограничивалась культурно-просветительскими начинаниями, но включала также финансовые пожертвования

русским литераторам. Материалы, найденные в архиве Прегель, показывают размах их благотворительности в русской эмигрантской среде. В архиве хранятся многочисленные письма с просьбами помочь конкретным лицам теми или иными суммами. Так, К. Померанцев⁷ писал Б. Прегелю:

«Дорогой Борис Юльевич, Вы, наверно, даже не представляете себе, сколько добра Вы сделали, сколько радости и утешения доставили людям Вашей щедрой помощью. И мне первому»⁸.

Столь же щедрой была и Софья Юльевна. В некрологе на ее смерть З. Шаховская писала: «...Софья Юльевна ни в чем не была тепло-прохладной — она помогала всем, кому помощь была нужна»⁹.

Доброту и терпимость С. Прегель отмечает З. Шаховская и в своих воспоминаниях:

«Но и тут, несмотря на свою религиозную нетерпимость, могу привести конкретный пример сверхъестественной ее доброты. Не кто другой, как Софья Юльевна, привезла к умирающей в Американском госпитале Парижа Юлии Сазоновой¹⁰, крещеной еврейке, православного священника»¹¹.

С. Прегель была автором семи стихотворных сборников, которые привлекли внимание читателей и критиков. В конце жизни она работала над романом о своем одесском детстве. С конца 1960-х Софья Юльевна переписывалась по этому поводу с поэтессой и журналисткой Татьяной Фесенко¹²:

«Продолжаю работать над своим романом; скоро начну его переписывать. Это огромная работа! К сожалению, сил у меня в данный момент не так уж много!»¹³.

Несмотря на нездоровье, Прегель и по возвращении из США во Францию продолжала заниматься начатым еще в Америке романом, который критики уже после ее смерти оценили как талантливое автобиографическое произведение.

«Мое детство, по существу, лирическая поэма... не статистическая запись о том, что было, а динамическое, живое изображение, как постепенно и автор, и ее сверстники вступали в жизнь...»¹⁴.

Незадолго до смерти Софья Прегель почти заканчивает свой роман, о чем сообщает в письме Фесенко:

«Книга написана, но над ней надо еще поработать, она слишком разрослась. Когда по-настоящему окрепну, снова за нее примусь»¹⁵.

Проблемы со здоровьем, смерть в 1970 г. Соломона Равницкого, второго мужа Софьи Прегель, и работа в издательстве «Рифма», которое Прегель возглавила после смерти его создательницы Рахили Самойловны Чеквер¹⁶, не позволили Софье Юльевне заняться переработкой своих мемуаров, и они вышли в их первоначальном виде. Из немногих рецензий на трилогию «Мое детство», увидевшую свет (благодаря стараниям Бориса Прегеля) лишь после смерти Софьи Юльевны, можно привести мнение Ирины Одоевцевой:

«Она так своеобразно восстанавливает, вернее — воскрешает прошлое, что мне казалось, я не только вижу его, но и участвую в нем. Нет, это уже не литература, это сама жизнь»¹⁷.

Помимо трилогии, С. Прегель написала несколько рассказов. Для ее стиля характерно то, что любое описываемое в них событие оживает и становится близким читателю, который как бы соучаствует в нем. На первый взгляд самое простое событие может находиться у Прегель в центре творческого внимания. Именно такой подход открывает важный элемент ее творчества — ощущение подлинности и сиюминутности происходящего. Особую атмосферу создают иностранные выражения, вкрапленные в повествование чаще всего без перевода.

Приведенный ниже рассказ¹⁸, который не имеет названия и написан в Нью-Йорке в начале 1940-х, неожиданно начинается и неожиданно заканчивается. Такую же «дневниковую» форму Прегель использовала и в своих мемуарах. Читатель безо всякой подготовки оказывается в новом мире и сразу же становится его наблюдателем. В рассказе описываются будни автора в самом начале ее американской жизни. Новые наблюдения часто сравниваются с прежней жизнью в Европе, при этом автор отмечает культурные и языковые различия двух сред. Подчеркивание фантазмагоричности американской жизни создает ощущение некоторого отчуждения и потерянности рассказчицы в новом для нее мире.

Всякий, побывавший в Нью-Йорке, сразу же становится специалистом по Америке. Стоит только подняться на Empire State Building, пойти на дневной сеанс в Radio-City и выпить в кафетерии на Бродвее две-три чашки ароматного кофе, чтобы не без авторитета рассуждать об американцах, об их изобретательности, и, вместе с тем, детскости.

А человек, который съездил в Вашингтон по делу своего паспорта и полдня толкался в учреждениях, заявляет обычно: «Вы знаете, Вашингтон утверждает...». Вашингтоном в этом случае оказывается швейцар его отеля или девица, прислуживающая в одном из серийных ресторанов Child's.

Да, плохо знать Америку нетрудно. А вот проникнуть в глубины ее почти невозможно. Честный журналист-иностранец, которому после войны предложили стать корреспондентом одной из больших французских газет, ответил, что не может принять это лестное предложение, так как слишком долго живет в Америке. Это дало ему возможность обнаружить полное свое незнание американской жизни.

Но вообразим, что мы только несколько месяцев находимся в этом как будто бы реальном, а на деле самом фантасмагорическом городе мира. Нам уже не кажется, что родился он в мозгу дефективного ребенка — начинают нравиться и даже восхищают его архитектурные ансамбли, не пугает отсутствие площадей. Сколько прелести в деревьях, уцелевших среди каменной пустыни! Свет, значительно более яркий, чем в Европе, ослепляет, и не смешны пестрые шляпы, красные пальто, зеленые юбки...

К сожалению, американки начинают забывать, что Нью-Йорк лежит на широте Неаполя, и стараются быть во что бы то ни стало *distingués* и *sobres*¹⁹.

Вспомним, что в Америке все спешат. Это похоже на ранние фильмы Шарло. Есть анекдот о деловом человеке, который, лавируя между бесчисленными машинами и бросаясь из одного сабвея в другой, попадает, наконец, к себе в контору, на 52-й этаж. Там он, с лихорадочной быстротой открыв ящик письменного стола, вынимает колоду карт, с треском ее тасует и ... начинает раскладывать пасьянс.

Ввиду того, что мы совсем недавно приехали в страну Колумба, противоречия не перестают нас удивлять. Владелец писчебумажного магазина, не обращая внимания на негодующих клиентов, рассказывает:

— Мой папа учился в Одессе в ремесленном училище. А мама из Минска. Вы понимаете, меня привезли сюда, ну, когда я был очень молодой... И какая трудная была жизнь! «Зеленые» жили в Даунтауне, работали в свитшобах...

А вот я, все-таки, выбился: дочь — зубной техник, сын — адвокат в Чикаго...

Лифтбои тоже не торопятся. Особенно те, что работают по ночам. Ирландец из хорошей семьи, жертва «бума» и депрессии, поднимая на 18-й этаж, читает нам Байрона и вспоминает врача с мудреной фамилией, с которым он дружил, когда был еще богат...

Другой лифтбой, помоложе, объясняет нам, что женится и открывает магазин «корма для птиц».

— Ездить на лифте — не карьера для молодого человека.

В дождливое утро познакомились мы с полицейским, который забежал в подъезд дома погреться. Его жену оперировали, и он со всеми деталями передает процедуру операции. Очевидно, это его и его семьи гордость.

Поражает и то, что все улыбаются. В автобусах, на улице, даже в универсальных магазинах, где во время распродаж происходят настоящие побоища, с вмешательством полиции. Американцы считают, что Европа разучилась улыбаться.

— Был в В... (следует описание одного из городов, который славится легкостью жизни). Хожу по улицам и думаю, что за банда убийц вокруг. Знаю, что это мирные граждане, но как-то жутко... Ни следа улыбки, только озабоченность, переходящая в грубость...

Непонятен, но вызывает восхищение обычный ответ американца: хорошо, очень хорошо, замечательно... Знакомая рассказала мне, что во время войны встретила у парикмахерши особенно ей запомнившуюся молодую женщину.

— Вы знаете, — конфиденциально сказала парикмахерша Эльза, — муж у нее погиб на Гвадалканале. Двое маленьких детей. Ах, какое несчастье!

Молодая женщина в нарядном меховом манто так непохожа была на неутешную вдову, что даже неприятно стало... И что же, через самое короткое время Эльза сообщила: клиентка ее покончила с собой, так тосковала по мужу, что...

Не всякой улыбке, конечно, можно верить, но как приятно смотреть на детские, радостно-возбужденные лица, прислушиваться к детским разговорам. Выбираю книжку для подарка сыну друзей. Никак не могу остановиться: одна другой занятней и веселее. Тут подходит ко мне мальчик лет четырех и спрашивает:

— Для кого вы книжку покупаете, для мальчика или для девчонки?

— Для мальчика, — отвечаю я гордо.

— В таком случае, — заявляет мой новый приятель, — возьмите вот эту. Я вам ее рекомендую.

Книга про автомобиль, который искал себе гараж, и чего только с ним не приключилось за время этих поисков. Оказалась на редкость увлекательной.

У входа в кинематограф группа негритянских детишек обсуждает: пойти или не пойти...

— Стану я смотреть эти дурацкие фильмы про любовь, — говорит басом восьмилетний паренек. — Страшная скука, все время целуются.

И вся кампания, довольная своим вожаком, отправляется в соседний кинематограф смотреть ковбоев и Гарри Купера. Во время погони за

мнимым преступником аудитория, состоящая, главным образом из детей, стонет от ужаса и восторга...

В Сентрал Парке, который зеленым островом разделяет город, так же, как в Тюильри, пускают на воду бассейнов парусные и моторные лодки. Но они покрупнее, и многие с цветными парусами. Их берут и напрокат...

В Сентрал Парке, кроме детей, влюбленных и важных стариков, есть еще голуби. Иногда они грустно садятся на ветки деревьев. Это не очень красиво: голубь на дереве выглядит плохо — ему нужна земля или колокольня. Нахальные белки просто рвут из рук орешки.

И вдруг, совсем неожиданно, надвигаются сумерки. Домов уже не видно, и как будто огни висят в прозрачном, фиолетовом воздухе...

Няньки и мамы с колясками торопятся уходить. В темноте страшно-то. Вспоминаются рассказы о том, как кого-то ограбили, пырнули ножом... Черные дети возвращаются к себе, в Гарлем, где идет непохожая на остальное жизнь. Даже коренные американцы неважно в ней разбираются. Там бушуют страсти, жизни разбитые, мужья то появляются, то исчезают, не забыв при этом вывезти обстановку...

Царит матриархат: семья — это старуха мать, дочь и дети дочери. Впрочем, наряду с этим есть и патриархальность и семейственность. Противоречий не оберешься. Говорили, когда негр переезжает, то перевозит 53 предмета: 52 карты и бритву...

Любовь к детям исключительная.

— Мой сын будет доктором, — сказала мне прислуга, хорошенькая Люси. Сама Люси — кофе с молоком, а сын ее, пятилетний Боб, настоящий африканец. Он рассуждает, как старый пастор, и пугает меня важностью своих заявлений.

— Вам нужны деньги? — спрашивает Боб.

— Они всем нужны, — отвечаю я по-глупому.

— Могу вам дать, — говорит Боб и тут же приносит семнадцать монеток по одному центу.

Дочка Люси, десятилетняя Блани, пианистка. Волосы ее заплетены в тугие косички, и когда она играет, подпрыгивая из-за малого роста, косички прыгают в такт.

У Люси украли каракулевую шубу, все ее богатство. Дала на хранение, а пришла за ней, нет магазина... Хозяин, говорят, сбежал...

— А вы пойдите к адвокату, заявите в полицию, — советую я.

Люси мнетя. Потом я узнаю — шуба странного происхождения. Кажется, Люси, соблазнившись, купила краденое.

Секта Бога-Отца. Совместные трапезы. Повели посмотреть. Подают чай женщины в белом — ангелы. Время от времени раздается:

— Отец, говори с нами...

Та, что привела, рассказывает:

— Взяли мы прислугу из секты Бога-Отца. У них есть контора по найму прислуг. Оказалась чистой, честной, толковой. В это время дочь наша собиралась венчаться. Мы завалены были подарками. Приходит, в слезах, прислуга наша, Мэри:

— Ради Бога, простите меня, я должна вас оставить. Заболела бабушка, мне нужно ехать.

— Послушайте, Мери, — говорю я, — ведь вы про бабушку выдумали, просто вам надоело у нас работать. Скажите, почему вы уходите? Мы вами довольны и вы, кажется, были довольны нами.

Но Мери заупрямилась. Потом выяснилось: Мери — воровка-рецидивистка. Бог-Отец наставил ее на путь истины. А тут она очутилась среди соблазнов. Испугавшись, что не вытерпит, Мери просто бежала.

После нее работала Флоренс. Она кончила колледж в Гарлеме, была председателем районного Красного Креста... Как-то был у нас званый обед. Флоренс привела на подмогу приятельницу, на вид страшноватую. Оказалось, она видная проповедница, миссионер, в своем роде знаменитость...

Религия — не всегда бегство от жизни. Но это «защита слабых», которые надеются узреть царство Божие на земле...

Та же Флоренс, при инвалиде-муже, пожертвовала 200 долларов на переустройство своего храма.

— За это, — сказала она, — меня пригласят в Бостон, и я буду жить там у одной важной прихожанки...

Но спустимся по Пятой Авеню. В самом сердце ее — собор Святого Патрика, покровителя ирландцев. У входа — дети с билетами на школьную лотерею в пользу храма.

— Может случиться чудо, и я выиграю, — думает вслух пожилой рабочий.

— Мне очень надо выиграть!

Входим. Море свечей тихо колышется. Молится дама в норковом пальто, она в каком-то забыты. А рядом с ней мальчишка-электротехник тоже весь ушел в молитву...

Побывали мы у розенкрейцеров, в буддистском храме... Одна русская дама, которая, испробовав все профессии, теперь шила саваны, рассказала, что имеется секта «прыгунов». Их не удалось повидать.

Во время еврейских осенних праздников город приобретает особо торжественный вид. Торговля замирает. В некоторых кварталах — из солидарности — ирландцы тоже закрывают свои магазины.

На самый шумный город в мире падает ночь. Сразу, без перехода, сумерки здесь короткие. Снова спешка, непрерывный людской поток.

Останавливаюсь у витрины одного из бесчисленных конфексионеров, чтоб полюбоваться платьем в 1 дол. 99 центов. Но толпа подхватывает, уносит.

Мелькают рестораны, драгсторы, доносится запах «французской» жареной картошки, в окнах съестных лавок жарят на вертеле кур... Обливаясь золотым жиром, они исчезают, одна за другой.

На улицах многоэтажные кипы вечерних газет. Их тоже расхватывают. Спешат узнать, что приключилось с Диком Трэси, популярным героем «картуна», с «сироткой Анни»... У Анни собака, похожая на гигантскую овцу, и такие же, как у собаки, овечьи глаза. Воспитывались на этом «картуне» два или три поколения. Вымысел вошел в жизнь, а герои его стали незаменимыми спутниками.

На пароходе видный чиновник-американец жаловался нашему столу:
— Как я там, в Европе, буду обходиться без Дика Трэси...

Но пора вернуться в отель, «семейную» гостиницу, где мы снимаем помесячно комнату с игровой кухонькой... В холле, в тени розовых абражуров сидят молодящиеся старушки, безвозрастные мужчины... Очень тихо. Постукивает машинка мисс Рут, секретарши.

Поговорив полминуты о погоде, вхожу в старомодный лифт (отель еще не окончательно обновили), машинально поднимаю глаза и вижу, о ужас, на стене его, среди правил и всяких предостережений, следующее:

«В отеле живет потенциальный убийца, который с одного из „двадцатых“ этажей бросает на улицу бутылки из-под кока-кола. Пусть он знает, что полиция неустанно за ним следит...»

Не спится, слышу возню за стеной и кажется, что там осторожно передвигает мебель «потенциальный убийца» с четырехугольным подбородком и руками душителя.

Потом станет известно: убийца не кто иной, как Джимми с 23-го этажа. По вечерам, прочтя ему историю про изворотливого кролика, родители уходят в кино. Дверь заперта на ключ, не выбежишь поболтать с мальчиком соседки, и Джимми развлекается. Что может быть интереснее швыряния бутылок в черную пропасть улицы! Но я во власти магического слова «убийца». Комната, с ее стоящей лампой, чуть-чуть потертыми креслами, низеньким столом неизвестного назначения — наполнена звуками. Гудят сирены океанских пароходов, подвывают тоненькие сирены торговых судов... В Нью-Йорке она всегда с вами — «муза дальних странствий».

Часы бегут, в щель начинает проникать пока еще бледноватый свет. Подхожу к окну и вижу среди потухающих звезд новую звезду — огонек удаляющегося аэроплана. Над самым странным городом мира подымается рассвет.

¹ О Б. Ю. Прегеле см.: *Винокур Н.* Фотография из семейного альбома // Евреи в культуре русского зарубежья (Далее — ЕВКРЗ) / Сост. и изд. М. Пархомовский. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 426–436; см. также статью А. И. Серкова «Российские еврей-масоны в США» в наст. сборнике, с. 44–61. — *Примеч. ред.-сост.*

² Крымов Владимир Пименович (1878–1968) — русский прозаик, предприниматель. Издавал иллюстрированный журнал *Столица и усадьба*. В апреле 1917 г. покинул Россия и поселился сначала в Берлине, а после 1933 г. — в Париже. Наиболее известное произведение — трилогия «За миллионами» (Берлин, 1933).

³ Из переписки В. Крымова и С. Прегель (1954–67). Переписка хранится в архиве С. Ю. Прегель в Иллинойском университете (Урбана-Шампейн, США).

⁴ О С. Ю. Прегель см.: *Зернова Р.* Одесское детство (С. Ю. Прегель) // ЕВКРЗ. Иерусалим, 1994. Т. 3. С. 54–63; *Юниверз Л.* «Скромное, но полезное русское дело» (Из истории журнала *Новоселье*) // ЕВКРЗ. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 229–244; *Гаухман Ю.* Из архива Софьи Юльевны Прегель // Там же. С. 278–291. — *Примеч. ред.-сост.*

⁵ Новоселье. 1942. № 1.

⁶ *Аронсон Г. Я.* Еврейский мир // Новый журнал. 1944. № 9. С. 378.

⁷ Померанцев Кирилл Дмитриевич (1906, Москва — 1991, Париж) — поэт, журналист, лит. критик. С 1927 г. жил во Франции. С 1947 г. сотрудник газеты *Русская мысль*, с 1958 г. — зам. редактора газеты.

⁸ Архив С. Прегель в Иллинойском университете. Romerancev, Vox III, 11 items, 1953–72. Письмо от 2 ноября 1972 г.

⁹ *Шаховская З. А.* Смерть Софьи Прегель // *Русская мысль*. 1972. 3 августа.

¹⁰ О Ю. Сазоновой см.: *Трибл К.* Юлия Сазонова (Слонимская) в Америке (1942–1955) // *Русские евреи в Америке* (Далее — РЕВА). Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 106–120; *Он же.* Переписка Юлии Сазоновой (Слонимской) с Романом Якобсоном (1948–1955) // РЕВА. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 115–133. — *Примеч. ред.-сост.*

¹¹ *Шаховская З. А.* Смерть Софьи Прегель.

¹² Фесенко Татьяна Павловна (1915, Киев — 1995, Вашингтон) — поэтесса, писательница, библиограф. В США с 1947 г. Автор сборников стихов и автобиографических произведений. Ред. и сост. поэтического сборника «Содружество» (Вашингтон, 1966).

¹³ *Фесенко Т. П.* Немолкнущие голоса // *Современник*. 1972. No. 24. С. 85.

¹⁴ *Терапиано Ю.* Софья Прегель: «Мое детство», том III // *Русская мысль*. 1974. № 3009, 25 июля.

¹⁵ См. примеч. 12.

¹⁶ Рахиль Самойловна Чеквер (псевд. Ирина Яссен) (1893–1957) — поэтесса, основательница издательства «Рифма».

¹⁷ *Одоевцева И. В.* На берегах Сены 2 // *Новое русское слово*. 1974. 21 июля.

¹⁸ Оригинал рассказа хранится в архиве С. Ю. Прегель в Иллинойском университете (Урбана-Шампейн, США). В приводимом тексте сохранена пунктуация оригинала и исправлены явные орфографические ошибки/описки. — *Примеч. ред.-сост.*

¹⁹ Под французским словом *distingués* рукой С. Прегель написано «изысканными», под следующим французским словом *sobres* — «скромными».

Фаина Афанасьевна Венгерова (Слонимская)

*Кит Триббл
(Оклахомский гос. ун-т, Стилвотер, США)*

Единственным источником информации о детских и юношеских годах Фаины Афанасьевны Венгеровой (в замужестве Слонимской) является автобиография ее матери Песселе (Полины, Паулины) Венгеровой (до замужества Эпштейн)¹. В июле 1849 г. Полине сделал предложение Хонон (Афанасий) Венгеров². 5 августа 1850 г. она вышла за него замуж и вместе с матерью, сестрой Чавой и братьями³ переехала в дом родителей Хонона в Конотопе⁴. Первый сын Хонона и Полины прожил только два года (1851–1853, его имя нам неизвестно). В год смерти сына у Полины родилась дочь, которую назвали Лизой. Вскоре после рождения дочери они уехали из Конотопа в украинский город Лубны, там в апреле 1855 г. у супругов родился второй сын Семен⁵. Затем семья вернулась в Конотоп, где в 1857 г. появилась на свет Фаина.

В 1859 г. Венгеровы переехали в Ковно (ныне Каунас, Литва)⁶. В автобиографии Полина подробно описывает свою жизнь в этом городе⁷. Из Ковно семья перебралась в Вильно (ныне Вильнюс, Литва), и Хонон стал служить на телеграфе. В 1866 г. его пригласили на работу в Санкт-Петербург, где в следующем году у супругов родилась дочь Зинаида⁸. В конце 1871 г. семья переехала в очередной раз, теперь в Минск; здесь Хонона назначили сначала вице-директором, а потом директором банка⁹. В этом городе выросли Зинаида и ее младшая сестра Изабелла, родившаяся в 1877 г.¹⁰ Обращение в православие Семена, Зинаиды и Изабеллы глубоко ранило Полину, хотя она в конце концов поняла, что это было необходимым шагом для успешного образования и карьеры детей. В автобиографии Полина восклицала: «*И вот пришло третье поколение, которое не боялось ни Бога, ни черта*»¹¹.

По состоянию здоровья Полина вместе с детьми уехала из Минска в Вену, где пробыла три года (1889–1892). За это время Хонон построил для семьи большой новый дом; он умер в Минске в субботу 18 апреля 1892 г.

В юные годы Фаина была привлекательной тоненькой девушкой с коротко стриженными волосами и обладала приятным и ровным характером. Николай Виленкин (псевд. Минский) сделал ей предложение, но был отвергнут¹². За Фаиной ухаживали ее родственники Марк и Зиновий Венгеровы, но и они не добились успеха¹³.

Когда Фаина заболела туберкулезом, Полина отправила ее в санаторий в Дрезден. Жена профессора, лечившего девушку, учила ее ведению домашнего хозяйства, с которым та не была до этого знакома.

В середине 1870-х гг. она поступила на женские Бестужевские курсы в Петербурге для изучения медицины, однако их не закончила. Много лет спустя Фаина вспоминала в письме к сыну Николаю:

«...Я очень интересовалась химией, которую изучала под руководством профессора Бородина¹⁴. Он уговаривал меня стать его помощницей... Он был молодым и красивым, я до сих пор вижу его в своем воображении. Я хорошо помню его лекции в аудитории химического факультета в С.-Петербурге, где полки были заставлены ретортами, колбами и разными приспособлениями для химических опытов... После окончания университета я собиралась уехать в деревню, чтобы учить крестьянок быть свободными... Я много говорила с подругами, проповедовала отмену неравенства, когда одни ездят в собственных каретах, а другие ходят босиком. Я даже снимала квартиру в доме, где жили проститутки, и пыталась уговорить их встать на путь исправления. Мама была в ужасе от моих радикальных идей. Она знакомила меня с одним молодым человеком за другим, надеясь, что я выберу подходящего жениха...»¹⁵.

В марте 1880 г. Фаина вышла замуж за Леонида Зиновьевича Слонимского¹⁶, окончившего юридический факультет Киевского университета. Когда его семья переехала в Петербург, Леонид устроился редактором политического отдела толстого ежемесячника *Вестник Европы*. В 1892 г. он опубликовал в Петербурге первый научный труд на русском языке о Карле Марксе, названный «Экономическая теория Карла Маркса». Основатель Советского государства В. И. Ленин изучал марксизм по этой книге, экземпляр которой хранился в его библиотеке¹⁷.

В семье Слонимских появились дети Александр¹⁸, Юлия¹⁹, Николай²⁰, Владимир²¹ и самый младший — Михаил²². Вскоре после рождения Александра в 1881 г. родители перешли в православие²³.

В 1909 г. Фаина купила кинотеатр «Симпатия» на Васильевском острове в Петербурге²⁴. Ее конкурентами были кинотеатры «Солейль» (Невский проспект, 48, Пассаж)²⁵ и «Сатурн» (Невский проспект, 67)²⁶.

В «Симпатии» показывали художественные и нравоучительные фильмы, комедии М. Линдера, различные видовые эффекты (поезд в швейцарском тоннеле и т. п.). Ежедневная газета *Петербургский листок* (изд. 1864–1914 гг.) опубликовала злую частушку на Фаину:

*Я сестра профессора Венгерова,
У меня острый язык, господа,
Я могу устроить вам такой тарарам,
Перед которым не устоит никто и никогда*²⁷.

Пожалуй, наибольшую известность приобрел младший сын Фаины, Михаил, ставший видным советским писателем. Фаина была прообразом героинь нескольких его произведений. Первый роман Михаила Слонимского «Лавровы», повествующий о семье русской интеллигенции во время революции, был опубликован в 1926 г. В него вошли страницы дневника Михаила, описывающие революционные события и питерские казармы²⁸. Главный женский персонаж «Лавровых» — Клара Андреевна, вспыльчивая, нетерпеливая, доминирующая дама, является портретом-шаржем на Фаину Афанасьевну. Автор сравнивает ежедневные семейные скандалы с войной²⁹.

*«Она сидела во главе стола, большая, широкая, в коричневой, растегнутой на груди кофте, — под цвет глазам и волосам. Лицо у нее было почти мужское: с резкими очертаниями носа, рта, бровей <...> Клара Андреевна никогда еще ни одного своего слова или поступка не могла счесть неправильным. Все, что она делала, было не только правильно, но и замечательно: это убеждение составляло основу ее жизни»*³⁰.

Как и Фаина Слонимская, Клара носит пенсне и испытывает припадки эпилепсии: : *«Клара Андреевна вскочила, всем телом почувствовав приближение несчастья. В такие минуты она становилась необыкновенно энергична: она способна была на все, чтобы защитить спокойствие и жизнь»*³¹. С самого начала супружеской жизни Фаина Афанасьевна хотела иметь только дочерей. Она одевала сына Мишу в девчоночью одежду и заставляла носить длинную косу³². Впоследствии Михаил сказал старшему брату Николаю, что это было жестоким издевательством над ним.

В романе Клара Андреевна наставляет Надю — невесту сына Бориса: *«Ты должна дать мне дочь, я не хочу сына, сыновья уходят на войну»*. Отношения между Кларой и Надей скоро испортились. Клара взрывается: *«...какая-нибудь Надька Жилкина развращает Бориса»*³³. Клара злится и на мужа: *«...зачем я лучшие годы свои на тебя потеряла?»*³⁴ Тут

несомненный намек на Леонида Слонимского, получавшего гроши за свою редакторскую работу в журнале *Вестник Европы*. Есть и другие черты сходства между Фаиной и Кларой. Так, сама Фаина Афанасьевна писала: «*Когда ты издеваешься над матерью, ты плюешь в собственное лицо*». В романе эта реплика повторяется почти дословно Кларой: «*Бранить мать — это плевать самому себе в лицо*»³⁵. Максим Горький высоко оценил образ Клары Андреевны: «*Это оригинальное и блестящее лицо. Она заслоняет всех других в романе*»³⁶.

Повесть «Средний проспект», впервые изданная в 1928–1929 гг.³⁷, появилась в переводе на французский на страницах парижской коммунистической газеты «Юманите» в июле — августе 1932 г.³⁸ Фаина Афанасьевна изображена в ней в образе мадам Лебедевой, у которой, как и у Фаины Афанасьевны, было медицинское образование. Так, например, мадам Лебедева утверждает, что у Маргариты (второстепенный персонаж повести) «*...сыпь. Сыпь бывает только при ветряной оспе, это уже наверняка. Я недаром хотела кончить медицинские курсы. Я знаю*»³⁹.

По сходству с Фаиной Мария Васильевна Лебедева из повести — владелица кинематографа «Фата-Моргана». Она ворчит и ругается, а однажды «*мадам Лебедева потеряла привычную партнершу в скандалах, необходимую ей, как ванна, как разговор за чаем*»⁴⁰.

О смерти матери автор, немного искажая реальные факты, пишет: «*Мадам Лебедева умерла внезапно в кинематографе от разрыва сердца. Это случилось в шестнадцатом году*»⁴¹.

В 1927 г. Михаил Слонимский вместе с молодой женой совершили первую заграничную поездку (в Германию и Францию), впоследствии отраженную в повести «Западники». Перед отъездом из СССР он писал матери: «*...хочется очень на месяц-два в Париж, но мы должны предвидеть, что это до зимы, до выхода романа может не удастся...*»⁴². В Париже мать и младший сын встретились в последний раз⁴³.

К концу Гражданской войны Фаина уехала из Петербурга в Киев, где жила с сыном Николаем в доме богатого промышленника Балаховского. Из Киева окольным путем, через Харьков и Новороссийск, они попали в Ялту⁴⁴. Отсюда Николай добрался до Константинополя, а потом через Софию уехал в Париж, где получил письмо из Риги от Зинаиды, извещавшее о том, что Фаина с сыновьями находится в Петербурге. В 1920–1921 гг. она работала здесь администратором столовой для детей в рамках Американской администрации помощи (АРА)⁴⁵, учрежденной президентом Г. Гувером для помощи голодающим в России.

В ноябре 1922 г. Фаина жила в Берлине (вместе с сестрами Зинаидой и Изабеллой) у переводчицы Луизы Флакс⁴⁶ — большого друга семьи

Венгеровых. В следующем году она уехала в Париж, где уже обосновалась ее дочь. Фаина поселилась в большой квартире на рю д'Ассас. Когда Юлия переехала в центр Парижа по адресу 12 рю Тибо, Фаина снимала квартиру в этом же доме и прожила там до 1938 г.

Фаина потратила много денег, присланных ей из Америки Николаем, на новую и довольно безвкусную мебель, которую она самостоятельно передвигала и расставляла, за что ее всегда ругал сын. За пять франков Фаина купила ненужную картину, которую Николай посоветовал повесить в ванной. Она делала непомерные траты и долги; Николай выплатил их во время приезда в Париж в 1932 г.

В 1938 г. Фаина Афанасьевна с сестрой Изабеллой отплыла на корабле «Нормандия» из Франции в Нью-Йорк, где ее встречала Зинаида. Эта последняя встреча трех сестер зафиксирована на фотографии, которая хранилась в семейном архиве в Америке⁴⁷.

Фаина поселилась в Бостоне на улице Хеменвэй, в том же доме, где жил ее сын Николай Слонимский с семьей. С Дороти — женой Николая она говорила по-немецки, которым владела в совершенстве. У нее появились немецкоговорящие друзья. Нередко в своей квартире Николай играл камерную музыку с музыкантами Бостонского оркестра, и Фаина с удовольствием приходила на эти домашние концерты⁴⁸. Но когда Юлия Сазонова (Слонимская) эмигрировала в Нью-Йорк, ее мать поехала туда, чтобы жить поближе к единственной дочери. В Нью-Йорке Фаина снимала комнату в квартире немки госпожи Стрейм. В ноябре 1941 г. она поссорилась со своей домохозяйкой, которая требовала бóльшую сумму за жилье и питание и угрожала отправить Фаину в Бостон к сыну. Госпожа Стрейм, которую Фаина поначалу недолюбливала, в действительности делала многое для того, чтобы облегчить ее жизнь в новой стране⁴⁹. В июле 1943 г. Изабелла, сестра Фаины, писала племяннику Николаю: *«Грех задерживать плату за уход за матерью; те, кто за ней ухаживают, трудятся с семи утра до одиннадцати вечера. Ты, как полукommунист и обожатель советского образа жизни, должен стыдиться своего поведения»*⁵⁰.

Всю жизнь Фаина Афанасьевна хотела доказать, что у нее, как и у других членов семьи, есть литературный дар, проявиться которому мешали роды, дети и другие жизненные обстоятельства. В 1944 г. Юлия помогла поместить очерк матери в нью-йоркском журнале *Новоселье*, который издавала Софья Прегель; Сазонова сотрудничала с этим журналом. Очерк назывался «Посещение Достоевского. Быль»⁵¹ и представлял собой слегка беллетризованное воспоминание о студенческих днях Фаины в Петербурге. Главная героиня — студентка-медичка, в будущем писательница Юлия Ивановна Безродная. В эти годы студенты снимали

комнаты в огромном доме Лихачева на углу Литейного проспекта и Басейной улицы. В конце сентября 187.. г. в этот дом переезжали студентка-медичка и ее приятельница. Ломовой попросил у Безродной сверх условленной оплаты чаевые «на водочку»⁵². Но студентки не желали поощрять народное пьянство. Приятельница предложила Юлии: «*Пойди к Достоевскому, он ведь через дорогу живет*»⁵³.

Та пошла по черной лестнице в квартиру, где ее встретила Анна Григорьевна, жена Достоевского. Фаина описывает внешность великого писателя: «*Достоевский, в потертом, старом, выцветшем пиджачке, в рубашке с отложным воротничком, без галстука, по-видимому, работал: при входе медички он отложил перо, приветливо взглянув на нее*»⁵⁴. Писатель обратился к Фаине: «*Если будете у больного и получите условленное за визит, то спросите прибавку или нет?*» — «*Конечно, нет*», — вспыхнула медичка. «*Но почему вы считаете тогда, что это допустимо для ломового? Вы, значит, видите между ним и собою различие. Народ ваше ощущение его неравенства с вами сознает и не прощает*»⁵⁵. «*Достоевский <...> казался молодежи „нашим“ душевно: с ним и только с ним можно было обо всем советоваться*». Его укор «*в бессознательном отличии себя, интеллигенции, от „простого народа“ — и применении к себе и к нему разных нравственных мерок, глубоко запал в душу и взволновал медичку*»⁵⁶. Но она не послушала Достоевского: «*...зачерпнув пригоршню сладостей, привезенных из дома, она, конфузясь, передала их в кулке ломовому; против этого Достоевский, наверное, ничего не имеет, — подумала она*»⁵⁷. Эта статья приобрела некоторую известность, а впоследствии ее даже цитировали в советском литературоведении.

В 1929 г. появился рассказ Михаила Слонимского «Жучка» о семейной собаке. За несколько месяцев до кончины Фаина Афанасьевна написала свой вариант этой истории, который был опубликован (с помощью той же Юлии Сазоновой) в нью-йоркской газете *Новое русское слово*.

Фаина Слонимская не добилась больших литературных успехов. Ее главным достижением было то, что она вырастила и воспитала пятерых детей, четверо из которых внесли заметный вклад в культуру России, США и Франции.

Фаина Слонимская умерла в Нью-Йорке 6 января 1944 г.⁵⁸ Согласно воле усопшей, ее похоронили по христианскому обряду на кладбище Maple Grove в Квинсе. Надгробие на могиле Фаины Афанасьевны было сделано по эскизам М. Добужинского — давнего друга дочери Фаины, Юлии Сазоновой. «*Я тронута Вашим отношением к моей просьбе и восхищена Вашими эскизами*», — писала Юлия художнику⁵⁹. 2 октября 1956 г. на этом же кладбище была похоронена Изабелла Венгерова.

*Надгробье на могиле Ф. Слонимской.
Фотография любезно предоставлена Mrs. Sharon Banfield*

¹ *Wengeroff P. Memoiren einer Grossmutter. Bilder aus der Kulturgeschichte der Juden Russlands im 19. Jahrhundert. 2 Bände. Berlin: Verlag von M. Poppellauer, 1908–1910. Мемуары переведены также на английский и русский: Wengeroff P. Remembrings. The World of a Russian-Jewish Woman in the Nineteenth Century / Trans. by H. Wenkart; ed. with afterword by B. Dov Cooperman. Univ. Press of Maryland, 2000; Венгерова П. Воспоминания бабушки. Очерки культурной истории евреев России в XIX веке. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2003.*

Песселе (Полина, Паулина) Венгерова родилась в Бобруйске в 1833 г., умерла в Минске в 1916 г.

² *Wengeroff P. Memoiren einer Grossmutter. II. S. 49.*

³ *Wengeroff P. Remembrings. P. 295.*

⁴ *Wengeroff P. Memoiren einer Grossmutter. II. S. 64.*

⁵ *Ibid. S. 124.* Венгеров Семен Афанасьевич (1855–1920) — известный литературный критик, историк литературы и профессор университета в С.-Петербурге.

⁶ *Ibid. S. 128–129.*

⁷ *Ibid. S. 136–147.*

⁸ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867, Свеаборг, Финляндия — 1941, Нью-Йорк) — известный литературный критик, специалист по современной английской и французской литературе, переводчик пьес Б. Шоу на русский язык.

⁹ *Wengeroff P. Memoiren einer Grossmutter. II. S. 176.*

¹⁰ Венгерова Изабелла Афанасьевна (1877, Минск — 1956, Нью-Йорк) — известная пианистка и педагог. См. о ней: *Триббл К. Изабелла Венгерова, пианист и педагог // Русские евреи в Америке (Далее — РЕВА). Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 221—233.*

¹¹ *Wengeroff P. Memoiren einer Grossmutter. II. S. 179.*

¹² Виленкин Николай Максимович (псевд. Минский; 1855, с. Глубокое, Виленская губ. — 1937, Париж) — поэт-мистик, писатель, адвокат. Его второй женой была дочь сестры Фаины Лизы — Людмила Вилькина. В третьем браке (1925) был женат на сестре Фаины Зинаиде Венгеровой.

¹³ *Slonimsky N. Perfect Pitch. A Life Story. New York: Oxford Univ. Press, 1988. P. 186.*

¹⁴ Бородин Александр Порфирьевич (1833, Санкт-Петербург — 1887, Санкт-Петербург) — выдающийся русский композитор, ученый-химик и медик. Наиболее известные произведения: опера «Князь Игорь», Вторая («Богатырская») симфония, два струнных квартета, романсы. Автор более 40 работ по химии. С 1864 г. — ординарный профессор, с 1874 г. — руководитель хим. лаборатории, с 1877 г. — академик Медико-хирургической академии в Санкт-Петербурге.

¹⁵ *Slonimsky N. Perfect Pitch. P. 187.*

¹⁶ Слонимский Леонид Зиновьевич (1851, Житомир — 1918, Петроград) — российский публицист, литератор.

¹⁷ Н. Слонимский пишет, что ему не удалось установить, была ли эта книга отца в личной библиотеке В. И. Ленина (*Slonimsky N. Perfect Pitch. P. 8*). — *Примеч. ред.-сост.*

¹⁸ Слонимский Александр Леонидович (1881, Санкт-Петербург — 1964, Москва) — писатель, известный пушкиновед, автор многих публикаций о творчестве А. С. Пушкина.

¹⁹ Слонимская (Сазонова) Юлия Леонидовна (1884, Санкт-Петербург — 1957, Париж) — специалист по балету, театру, истории литературы. См. о ней: *Триббл К. Юлия Сазонова (Слонимская) в Америке // РЕВА. Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 106–120; Он же. Переписка Юлии Сазоновой (Слонимской) с Романом Якобсоном (1948–1955) // Там же. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 115–133.*

²⁰ Слонимский Николай (1894, Санкт-Петербург — 1995, Лос-Анджелес) — композитор, музыковед, дирижер, музыкальный критик, лексикограф. См. о нем: *Бергинер-Тавгер Б. Вечно юный Николас (Николай) Слонимский // Евреи в культуре русского Зарубежья / Сост. и издат. М. Пархомовский. Иерусалим, 1995. Т. 4. С. 469–490.*

²¹ Слонимский Владимир Леонидович (1895, Санкт-Петербург — 1915, Петроград) — шахматист, рано умер от туберкулеза.

²² Слонимский Михаил Леонидович (1887, Санкт-Петербург — 1972, Ленинград) — русский советский писатель, автор многих романов и повестей. Его сын, Сергей (р. в 1932 г. в Ленинграде) — известный композитор, музыковед, пианист и педагог, живет в Санкт-Петербурге.

²³ *Slonimsky N. Perfect Pitch. P. 17.*

²⁴ Кинотеатр «Симпатия» находился на Среднем проспекте Васильевского острова, где жили Слонимские. Фаина Афанасьевна приобрела его в 1909 г., чтобы дополнить скромную зарплату мужа (Ibid. P. 14).

²⁵ *Слонимский М.* Избранное: В 2 т. Л.: Художественная литература, 1980. Т. 1. С. 243.

²⁶ Речь. 1913. 29 апр. (12 мая).

²⁷ *Slonimsky N.* Perfect Pitch. Typescript. P. 316. Nicolas Slonimsky Collection. Library of Congress, Music Division. Washington, D.C. Стихи в машинописи даются в шутливом переводе Н. Слонимского на английский:

*I am Professor's sister
And I have a sharp tongue, Mister
I can stage such a twister
You'll say, better not resist'er.*

Обратный перевод с английского на русский Э. Зальцберга.

²⁸ *Луговцов Н.* Михаил Слонимский. Критико-биографический очерк. Л., 1966. С. 11. Рецензия И. Эренбурга на роман появилась в парижском журнале *Ерон*. См.: *Никитин Н.* Из архива Михаила Слонимского // Нева. 1988. № 4. С. 177.

²⁹ *Слонимский М.* Избранное. Т. 2. С. 26–27.

³⁰ Там же. С. 25.

³¹ Там же. С. 66.

³² *Slonimsky N.* Perfect Pitch. P. 182.

³³ *Slonimsky N.* Perfect Pitch. Typescript. P. 65.

³⁴ *Слонимский М.* Избранное. Т. 2. С. 27.

³⁵ Там же. С. 26.

³⁶ *Slonimsky N.* Perfect Pitch. P. 182.

³⁷ *Слонимский М.* Сочинения. М.: Земля и фабрика, 1928–1929. Т. 3.

³⁸ *Луговцов Н. С.* Михаил Слонимский. С. 106.

³⁹ *Слонимский М.* Избранное. Т. 1. С. 248.

⁴⁰ Там же. С. 244.

⁴¹ Там же. С. 248.

⁴² Письмо Фаины Слонимской сыну Александру от 23 апреля 1926 г. РГАЛИ. Ф. 2281. Оп. 1. Ед. хр. 213. Л. 12. В этом письме Ф. Слонимская цитирует полученное письмо от М. Слонимского.

⁴³ *Slonimsky N.* Perfect Pitch. P. 182.

⁴⁴ Ibid. P. 56–57.

⁴⁵ Ibid. P. 69.

⁴⁶ Флак-Фокшяан Луиза (Flachs Fokschaneanu Luise, 1863, Румыния — ?) — переводчица на немецкий рассказов А. Чехова и других русских и европейских авторов. Жила в Берлине по адресу Lutherstrasse 47, Berlin W62.

⁴⁷ Личное сообщение внука Ф. А. Слонимской, Дмитрия Павловича Сазонова, автору в Париже в 1999 г.

⁴⁸ *Slonimsky N.* Perfect Pitch. P. 159.

⁴⁹ *Yourke E.* Dear Dorothy. Letters from Nicolas Slonimsky to Dorothy Adlow / Ed. E. Slonimsky Yourke. Rochester: Univ. of Rochester Press, 2012. P. 179–181, 223.

⁵⁰ *Slonimsky N. Perfect Pitch. Typescript. P. 421.*

⁵¹ *Слонимская Ф. Посещение Достоевского. Быль // Новоселье. 1944. 7/8. С. 51–56.*

⁵² Там же. С. 52.

⁵³ Здесь память, по-видимому, подводит рассказчицу: Ф. М. Достоевский никогда не жил на углу Литейного и Бассейной. Его квартира находилась в Кузнечном пер., № 5/2. — *Примеч. ред.-сост.*

⁵⁴ *Слонимская Ф. Посещение Достоевского. Быль. С. 53.*

⁵⁵ Там же. С. 54.

⁵⁶ Там же. С. 55.

⁵⁷ Там же. С. 56.

⁵⁸ *Slonimsky N. Perfect Pitch. P. 188.*

⁵⁹ Письма Ю. Сазоновой М. Добужинскому. Бахметьевский архив. Rare Book and Manuscript Collection. Columbia University Library. New York. Цитируется с разрешения Р. М. Добужинского.

Нодар из Вашингтона

*Вступит. статья и коммент. Игоря Ефимова
(Обурн, Пенсильвания, США)*

Если набрать имя замечательного писателя и философа Нодара Джина в заветном окошечке Гугла, то Википедия сообщит нам следующее:

Нодар Яковлевич Джинджихашвили родился в 1947 году в Тбилиси. Отец был юристом, дед — раввином. Закончил филологический факультет Тбилисского университета, работал в Институте философии АН СССР, в 1977 году защитил докторскую диссертацию по эстетике. Эмигрировал в США в 1980 году, работал в грузинской редакции «Голоса Америки» в Вашингтоне, потом в Лондоне, на Би-Би-Си. В 1984 году вышла подготовленная им и переведенная на русский «Книга еврейских афоризмов»¹. Затем выходят романы «История моего самоубийства» (1995)², «Учитель» (1998)³, а также сборник «Пять повестей о суете»⁴. Умер от болезни сердца в 2002 году, в Вашингтоне.

Со своим знанием восьми языков, огромной эрудицией, художественной одаренностью в разных видах искусства Нодар Джин по праву может считаться подданным Царства Мировой Культуры. Три «княжества» этого царства были особенно близки ему: грузинское, русское и еврейское. Своим интересом к истории иудаизма он заслужил в СССР ярлык «космополита» и в 1980 г. был вынужден эмигрировать. Однако за год до отъезда он объездил множество мест, связанных с историей евреев в России, и тайно вывез с собой около 5 тыс. фотографий, на основе которых Нодар сделал документальный фильм «Последнее путешествие».

Карьера Джина в грузинской редакции на радиостанции «Голос Америки» складывалась успешно, его профессиональные качества были оценены по заслугам начальством и коллегами. Конфликт произошел, когда в программу чтения на СССР были включены главы из романа Александра Солженицына «Август 1914». Почему-то wybranными

оказались те отрывки, в которых антисемитские настроения знаменитого писателя проявились особенно заметно, и чтение их транслировалось многократно. Нодар Джин выразил свой протест, возникла конфронтация с руководством, в результате он был уволен.

Мне посчастливилось познакомиться с Нодаром Джином в 1983 г., и наша дружеская связь не прерывалась до конца его жизни. Для меня любая попытка рассказать о нем превратилась бы в разрастающийся снежный ком, каждый эпизод, каждая черта характера немедленно требовали бы расширения, обогащения, углубления. Написать монографию о его личности и творчестве — важная задача, стоящая перед будущими историками русской и еврейской культуры на стыке XX–XXI вв. Публикуя мои письма к нему за период с 1983-го по 1998 г., я надеюсь, что для его биографов они смогут послужить дополнительным материалом при создании полного портрета этого многогранного художника и мыслителя.

12 мая, 1983

Здравствуйте, Нодар Джин!

Получил сегодня Вашу рукопись⁵, просмотрел и спешу ответить. Конечно, Вы были очень скромны в описании своей работы. Насколько я мог судить, это настоящая энциклопедия еврейской духовности, причем взятой в свете всей мировой культуры, с которой она так тесно и плодотворно взаимосвязана. Переводы отрывков тоже выполнены на высоком уровне, с замечательным чувством русского языка. Хотя формально такая книга лежит вне рамок нашего издательства («Новые русские книги»), я не могу отказаться от удовольствия издать ее. Возможно, Шрагин⁶ рассказывал Вам о моих философских интересах и писаниях; кое-что Вам станет ясно из прилагаемого каталога наших книг (Аверинцев⁷, Пятигорский⁸, Мамардашвили⁹)...

Возможно, я буду просить изменить название. Вернее, использовать в качестве названия подзаголовок — «Откровения еврейского духа». Возникнут и другие детали, которые надо будет обсудить. 18–19 мая я буду в Нью-Йорке и позвоню.

Всего Вам доброго, с пожеланиями успеха,
Игорь Ефимов

Дорогой Нодар!

Десять лет назад в Ленинграде друзья переправили мне номер журнала *Грани* (№ 87–88, 1973), где был напечатан большой кусок из «Практической метафизики»¹⁰ и вступительная статья Романа Редлиха¹¹ (страниц на двадцать) со всякими сладкими словами: «философами рождаются...», «стихийная свежесть мысли» и прочее. Когда книга вышла, было несколько положительных рецензий (Сергея Левицкого¹², игумена Эйкаловича¹³), дружеских похлопываний по плечу, а Михайло Михайлов¹⁴ даже включил меня в курс русской философии, который он читает в американских университетах. Но за все это время ни разу еще не получил я такого ободряющего отзыва от человека, говорящего на моем языке, и, в то же время, — профессионала. (Пиамы Гайденок¹⁵ отнеслась с большим интересом, давала рукопись читать в своем кругу, но отклики до меня — под завесу псевдонима — почти не доходили.) Ваше приятие этой книги и такая безоговорочная убежденность в ее значительности, в возврате к классической традиции, к важному «пункту в лабиринте философских распутий» и в совершении следующего шага — огромная поддержка для меня. Теперь заряда уверенности мне хватит на следующие десять лет ожидания славы.

Что же касается английского издания ее, то это дело настолько дорогостоящее и громоздкое, что я о нем и не мечтаю. Каким-то чудом (и вечерне-ночными трудами многих людей) был сделан перевод «Метаполитики»¹⁶, который я тем или иным способом издам в следующем году, хотя без большой надежды на успех.

Недавно я ездил с приятелем-американцем на литературную конференцию на Кейп Код, и за шестнадцать часов езды мы сумели обсудить довольно изрядный кусок американской философии. Вот бы нам с Вами съездить в Калифорнию на машине! Кажется, это теперь единственное место в Америке, где собеседники могут сойтись надолго. Тогда бы поговорили и о свободе воли.

Еще раз благодарю и очень надеюсь на долгие разговоры в будущем.

Об «Антологии»¹⁷ пишу на отдельном листке, чтобы не смешивать лирический тон с деловым...

Всего доброго, успехов и сил, Ваш
Игорь Ефимов

HERMITAGE
Hermitage Publishers
P.O. Box 410, Tenafly, N.J. 07670, USA
Tel. (201) 894-8247

ЭРМИТАЖ
Новые русские книги

Mr. Nodar Djin
BBC Russian Service
P.O. Box 76, Strand
London WC2B 4PH
ENGLAND

26 января, 1996

Дорогой Нодар!

Сколько лет прошло со времени нашего короткого знакомства? Кажется, двенадцать? И каждый раз, когда Ваше имя мелькало в разговорах (скандал на «Голосе Америки») или на обложках книг на книжных прилавках, я чувствовал легкий укол грусти: «Ах, вот с кем бы посидеть да поговорить до утра». Не выходило.

И теперь, словно вознаграждая себя за все эти годы упущенного общения, читаю Ваш роман¹⁸. Читаю понемногу, вырезая минут по двадцать в день (бедность и потогонка не дают больше). Не дошел еще и до середины. Но тут внезапно умер наш сверстник — абсолютно здоровый и веселый, пришел домой из магазина, прилег на кровать и умер — и я с перепугу решил написать о первых впечатлениях уже сейчас.

Главное ощущение: какая волшеббно небанальная книга! Каждая фраза будто ускользает от силы притяжения расхожих оборотов речи, как фигурист ускользает от силы тяжести и всё не падает, всё не падает, всё скользит. Этот стиль, этот настрой ничего общего не имеет с выкрутасами московских неомодернистов. Разница неуловимая, но коренная: тем подавай острую приправу новенького, Вам — терпкое вино неповторимости. Но готовы ли Вы к тому, что ценителей этого вина почти не осталось?

Выписываю себе отрывки:

«...когда уже не вздохнуть без всплеска того жизнетворного страха за себя, из которого возникает молитва» (стр. 66);

«Капельница у кровати пугала схожестью со скелетом обезглавленной цапли» (стр. 68);

«Эта несостоявшаяся драма подсказала мне на будущее блестящую идею: пренебрежение к нулевому показателю бензометра» (стр. 98; кстати, есть английское выражение и фильм: «Running on Empty»);

«Из деревни, выщербленная в скале, скрадывалась вниз на цыпочках долгая лестница» — и «выщербленная», и «скрадывалась», и «на цыпочках, и «долгая» — всё слова не совсем правомочные, безбилетные, но

такие ярко-интересные, как божественная компания, ворвавшаяся на чинную вечеринку с коктейлями и сразу показавшая гостям во фраках, как бедно они живут (стр. 130).

Но все же само по себе стилевое изящество осталось бы пустым щегольством, если бы книга не была так насыщена главным: Вашей способностью внезапно пронизать любую сцену быта светом Бытия. О чем бы ни шел рассказ (а порой — и байка, и анекдот, и треп, и фельетон про живых людей), не покидает ощущение, что под поверхностью струится главное — вглядывание в судьбу души. И когда эта главная история вырывается на поверхность прямым текстом, как горячий гейзер, как на стр. 88 — «...из-за желанья любить кроме этих стариков всех на свете людей, но невозможности это сделать, из-за желанья сострадать каждому на свете человеку в его горе, но полной же невозможности это сделать, из-за желанья...» — она не ошарашивает читателя, а подхватывает и несет с собой, потому что он к этому моменту уже был разогнан до нужной скорости ожиданием, доверием, состраданием.

Не скрою — с особым — шерлок-холмовским? — интересом вслушиваюсь в отрывки, где автор — кажется — говорит совсем-совсем про себя. Например, на стр. 66–67: «...пора поражений, в которую меня заманил рассудок, научившийся издеваться надо всём и отшатнувшийся, наконец, от меня самого. Энергия самоотрицания обрела такую силу, что появилось желанье родиться обратно и жить оттуда». Это про себя? Это прошло? Лежание на морском берегу спасло? И еще где-то: про постоянное убегание — от людей, от занятий, от себя. Тоже, кажется, о себе.

Не знаю, догадался бы я по тексту, что автор — еще и живописец, если бы не знал этого. Но сцена с персиянкой на скотобойне заставила бы вспомнить и Босха, и Брейгеля.

Конечно, хорошо, что книга издана в Москве, а не в эмиграции, но куда подевались вездельные корректоры и редакторы «Художественной литературы»? Много пропущенных запятых, а есть и досадные ошибки — убийство Столыпина, например, перенесено из 1911 года в 1914; на стр. 140 (наверху) получается так, будто слова Иова вложены в уста Бога. В «Эрмитаже» мы бы такое заметили.

Есть ли надежда издать роман по-английски? Если бы у вас был готовый перевод, я бы показал его своему американскому издателю — чудаку из Техаса, и судьбой, и характером напоминающему Вашего героя. Он издает романы малоизвестных авторов и, наверное, скоро разорится на этом, поэтому лучше поспешить. Мой роман «Седьмая жена»¹⁹ он издал явно себе в убыток, но это ничуть не уменьшило его пылких чувств ко мне. Успел ли я при встрече всучить его Вам? Если нет — немедленно пришлю. По жанру он похож на Ваш — тоже плутовской роман, с приключениями

и философией. Я его до сих пор нежно люблю. Хорошо, что мы написали наши романы, не читав друг друга, — а то бы критики стали обвинять нас в заимствованиях.

Кстати, вот еще свидетельство, что я Вас не забывал: Михаил Эпштейн²⁰ пишет сейчас историю русской философии второй половины XX века, я послал ему для этого обе Ваши книги, которые у меня были²¹, с соответствующими комментариями.

Желаю Вам, дорогой Нодар, отбавиться от энергии самоотрицания, как израильтяне отбиваются от арабов. А себе желаю встречи с Вами в обозримом будущем и долгого, долгого разговора за шашлыком в садике за нашим домом.

Сердечно Ваш,
Игорь Ефимов

Не успел отправить письмо — еще одна смерть. Теперь уже нерядовая — на весь мир прогремевшая²². Я простоял над ним, над мертвым его лицом, несколько минут и — должен сознаться — главным чувством была не горечь, не тоска, а нежность. Причем какая-то вырвавшаяся из-под спуда, чуть ли не ликующая. Потом я понял: мне больше не нужно подозревать себя в корысти моей любви к нему. Ведь от него так много зависело в последние годы, что любое выражение восторга и преданности сам поневоле ставил под сомнение. На последнем его дне рождения, в мае 1995 года, мы обсуждали какой-то очередной издательский проект, и он меня ужасно тронул, сказав: «Игорек, недели через две сделай то, что ты обычно не делаешь, — позвони мне и напомни».

Mr. Nodar Djin
800 4 th St., SW
#N-721
Washington, D.C. 20024

December 1, 1997

Дорогой Нодар!

Я все еще борюсь с Вашим сталинским романом²³, как можно бороться с любимой женщиной, которая почему-то твердо решила не отдаваться. Или наоборот: когда стараешься влюбиться в красивую женщину, полную всяческих достоинств, но «третий лишний» все отказывается сказать свое волшебное «да».

Уже когда Вы мне рассказывали про свой замысел, у меня мелькали сомнения. И, боюсь, они оправдались. Все Вам доступно в писательском ремесле, кроме одного: перестать быть умным и талантливым. Поэтому, когда Вы начинаете говорить от лица лучшего друга всех писателей мира, Вы поневоле наделяете его умом и талантом. А этого я никак не могу принять. Мое внутреннее ощущение этого исторического персонажа: через всю его жизнь протянулась завистливая мука человека, которому было недодано от рождения. И за эту муку он заставил расплачиваться миллионы людей, преимущественно — лучших людей. «Хорошо отомстить и пойти спать» — вот самое большое счастье для него, по свидетельству дочери Светланы. Но разве мы что-то понимаем в подобных страстях? Что Вы можете знать о настоящей зависти? Разве Вы понимаете наслаждение мучительства? упоение мстью? Ничего мы в этом не понимаем, а можем только изумляться со стороны.

Тем не менее, я себя уговариваю, что вот Нодар придумал себе такую игру и в ней есть своя прелесть, и поучительность, и непредсказуемость, и надо досмотреть ее до конца. Что я и делаю. И при этом всячески рекламирую «Историю моего самоубийства». Сегодня отправлю ее критику Лиле Панн²⁴ — у нее есть вкус, и в том числе — вкус к плутовскому роману, что она доказала, расхвалив до небес «Седьмую жену» (Звезда, № 8, 1997).

Сердечно и дружески,
И. Ефимов

Mr. Nodar Djin
800 4 St. S.W.
Apt. 721
Washington, D.C. 20024

16 января, 1998

Дорогой Нодар!

Как приятно было получить Ваше подробное, сердечное, Новогоднее письмо. И этот Ваш с редактором диалог из 12-го номера «Дружбы народов» (жанр новый, но заманчивый)²⁵. Из которого видно, что и они прошли через противоборство с Вашим романом, которое знакомо и мне. Редакторов роман победил — надеюсь, что победит и меня, и многих-многих других будущих читателей.

Все же воспользуюсь этим моментом и пошлю Вам главу про Сталина и террор из моей новой книги «Стыдная тайна неравенства»²⁶. Надеюсь закончить ее и опубликовать в конце этого года.

Ужасно был рад узнать, что мои афоризмы-ефимизмы²⁷ Вас задевают и даже вызывают на подчеркивание. А вот как было бы славно, если бы Вы выписали номера подчеркнутых и переслали мне. Я потом их прочту, и у нас получится как бы беседа.

Значит, Ваша тяжба с «Голосом» еще не закончена? А мой друг Миша Михайлов судится со «Свободой». А я полтора года судился (без адвоката!) с финансовым гигантом Форд Мотор Кредит, который хотел отнять у меня 9 тысяч долларов за разбитую машину. Какой-нибудь американец, не вполне овладевший русским языком, скажет про нас: «Какие-то они все тяглые, тягучие и тягомтные». Но правильно было бы сказать — «тяготящиеся». Слишком мы тяготимся многими делами и людьми вокруг нас — оттого и все наши трудности и напасти.

Сердечно и Новогodne, Ваш
И. Ефимов

Mr. Nodar Djin
800 4 St. S.W.
Apt. 721
Washington, D.C. 20024

16 марта, 1998

Дорогой Нодар!

Как приятно было получить Ваш отклик на главку из «Неравенства». И то, что Вы так легко подхватили предлагаемые мною термины — «уравнительный/состязательный», «высоковольтные/низковольтные», — тоже очень ободряет. Почему-то мне кажется, что эта книга заденет что-то очень важное на сегодняшний день и, может быть, даже будет иметь резонанс. Во всяком случае, *Звезда*, возглавляемая моими друзьями — явными уравнилителями, согласилась печатать кусками, начиная с осени. А отдельным изданием я все же выпущу сам. Тогда непременно пришлю.

Рецензию на «Сталина» в «Литературке» я видел и порадовался за Вас — так или иначе, рецензент был явно раззадорен.

Чувствую по Вашему письму, что Вас все больше увлекает игра разрушения банального мышления опасными парадоксами («всё есть всё — и наоборот»). Вот доиграетесь, что Вас объявят Зеноном из Вашингтона.

В семье несчастье медицинского свойства — старшая дочь упала и сломала локоть. Но благодаря этому несчастью мы имеем ее с внуком на нашем попечении на три месяца выздоровления и это, должен эгоистически

сознаться, — большое счастье. Мое искусство в смене пеленок сравнимо только с Андриюшиным (Андрюша — внук И. Ефимова. — *Ред.-сост.*) искусством разбивать сердца посредством бессловесных улыбок.

Сердечно и дружески,
И. Ефимов

Mrs. Djin
800 4 St. S.W.
Apt. 721
Washington, D.C. 20024

11 апреля, 2002

Дорогие — осиротевшие — женщины: Зина, Яна, мама!²⁸

Сию, листаю папку с письмами Нодара и моими к нему. Увидел, что в переписке был большой разрыв: с 1984 по 1996 год. И как странно, как символично, что мое первое письмо к нему после перерыва было начато под влиянием внезапной смерти близкого знакомого, а закончено в день смерти Бродского. В нем я выражал свои восторги по поводу романа «История моего самоубийства», где — среди прочего — были слова, достаточно внятно выразившие характер моей влюбленности в Нодара-писателя и человека:

«Какая волшебной небанальная книга! Каждая фраза будто ускользает от силы притяжения расхожих оборотов речи, как фигурист ускользает от силы тяжести и всё не падает, всё не падает, всё скользит. Этот стиль, этот настрой ничего общего не имеет с выкрутасами московских неомодернистов. Разница неуловимая, но коренная: тем подавай острую приправу *новенького*, Вам — терпкое вино *неповторимости*».

Всё меньше и меньше остается на свете людей, встреча с которыми радует, обогащает. Нодар был для меня именно таким. В качестве слабого утешения вдруг вспомнились строчки Жуковского:

*О милых спутниках, которые наш свет
Своим сопутствием для нас животворили,
Не говори с тоской: их нет;
Но с благодарностью: были.*

«Животворили» — какое хорошее слово. И как точно описывает то, что делал Нодар для окружающих его людей.

Сердечно желаю Вам сил душевных и всяческой любви,
И. Ефимов

- ¹ Джин Н. Книга еврейских афоризмов. New York: Russica, 1984.
- ² Он же. История моего самоубийства. М.: Художественная литература, 1995.
- ³ Он же. Учитель. М.: Вагриус, 1998.
- ⁴ Он же. Пять повестей о суете. М.: ОГИ, 2003.
- ⁵ Была опубликована автором в 1984 г. под названием «Откровения еврейского духа».
- ⁶ Шрагин Борис Иосифович (1926, Вязьма – 1990, Нью-Йорк) – журналист, публицист, философ, правозащитник.
- ⁷ Аверинцев Сергей Сергеевич (1937, Москва – 2004, Вена) – философ, историк культуры.
- ⁸ Пятигорский Александр Моисеевич (1929, Москва – 2009, Лондон) – философ, востоковед, филолог, писатель.
- ⁹ Мамардашвили Мераб Константинович (1930, Гори, Грузинская ССР – 1990, Москва) – философ.
- ¹⁰ Ефимов И. Практическая метафизика. Энн Арбор: Ардис, 1982; М.: Захаров, 2001.
- ¹¹ Редлих Роман Николаевич (1911, Москва – 2005, Франкфурт-на-Майне) – философ, общественный деятель, член Народно-трудового союза российских солидаристов (НТС).
- ¹² Левицкий Сергей Александрович (1908, Либава, Российская империя – 1983, Вашингтон) – философ, публицист, литературовед.
- ¹³ Эйкалович Евгений Александрович (1914, Пинск, Российская империя – 2008, США) – философ, священнослужитель, литератор.
- ¹⁴ Михайлов Михайло (1934, Панчево, Югославия – 2010, Белград) – мыслитель, югославский диссидент, философ.
- ¹⁵ Гайденко Пиима Павловна (р. 1934, с. Николаевка, Донецкая обл., Украинская ССР) – историк философии и культуры.
- ¹⁶ Ефимов И. Метаполитика. Энн Арбор: Ардис, 1978; Л.: Лениздат, 1991. Английское издание: *Moscovit A. Our Choice and History*. New York: Philosophical Library, 1985.
- ¹⁷ См. примеч. 6.
- ¹⁸ См. примеч. 2.
- ¹⁹ Ефимов И. Седьмая жена. Тенафлай: Эрмитаж, 1990; затем многочисленные переиздания в России.
- ²⁰ Эпштейн Михаил Наумович (р. 1950, Москва) – философ, филолог, литературовед, эссеист.
- ²¹ См. примеч. 1 и 6.
- ²² Иосиф Бродский умер 28 января 1996 г.
- ²³ См. примеч. 3.
- ²⁴ Лиля Панн (Перельман Лидия Романовна, р. 1945, Москва) – литературный критик, в настоящее время живет в США.
- ²⁵ Дружба народов. 1997. № 12. С. 209–215. Беседу с Нодаром Джином вел Леонид Бахнов.
- ²⁶ Ефимов И. Стыдная тайна неравенства. Тенафлай: Эрмитаж, 1999; М.: Захаров, 2006.
- ²⁷ Он же. Четыре горы. Тенафлай: Эрмитаж, 1997.
- ²⁸ Зина Баазова – жена, Яна Джин – дочь, Сарра Джинджихашвили – мать Нодара Джина.

Свой голос на чужих берегах

Евсей Цейтлин (Чикаго)

«С чем можно сравнить мир эмиграции?» — спросил меня знакомый, приехавший из России «посмотреть Америку». Ему казалось, я давным-давно ответил для себя на этот вопрос. А я задумался... Мир эмигранта часто похож на безлюдный полустанок. Позади — пустота, впереди — мертвое поле, на котором не бывает всходов.

Вот почему в эмиграции порой не живут — доживают. Вот почему так трудно складываются в эмиграции судьбы литераторов. Многие из них надолго (хорошо, если не навсегда) замолкают.

Впрочем, говорю сейчас об этом только потому, что думаю совсем об иной судьбе — на мой взгляд, необычной.

Поселившись в 1996 г. в Чикаго, я то и дело слышал от многих людей одно имя: Семен Ицкович¹. Потом обратил внимание на его статьи в местном еженедельнике *Реклама* — разнообразные по тематике, но всегда столь безупречные по исполнению, что без колебаний спросил кого-то: в какой газете автор работал до эмиграции? Оказалось, он был доктором технических наук, специалистом в области строительных материалов, до 1993 г. — профессором Белорусского политехнического института. Конечно, я удивился. Ведь всего за несколько лет Ицкович стал одним из самых интересных публицистов русскоязычной Америки. Его статьи печатались в Чикаго (*Реклама*), Нью-Йорке (*Еврейский мир*), Балтиморе (журнал *Вестник*), Лос-Анджелесе (альманах *Панорама*), позже — во Франкфурте-на-Майне (журналы *Литературный европеец* и *Мосты*). Причем дело было даже не в самом факте публикаций. «...Его статьи — мой камертон, — однажды написал в газету один из читателей. — То, что претит ему, претит и мне. Возмущаюсь тем, чем возмущается автор, и в восторге от его симпатий. Бывает же такое...»

Я пытался понять, в чем суть «превращения» Семена Ицковича? Как оценить этот поздний дебют и стремительный, поистине счастливый переход из «физиков» в «лирики»?

Конечно, чудес в литературе не бывает.

С. Ицкович

Мне показалось: здесь была типичная ситуация выбора. Семен Ицкович осознал редкий шанс, подаренный нам эмиграцией: возможность начать «другую жизнь», реализовать иную грань собственного таланта. Именно в этом случае *мертвое поле* эмигрантского быта, точно по волшебству, оживает.

Публицистика всегда резко обнажает личность автора. Читая статьи Ицковича, я слышу голос, не похожий ни на какой другой, перелистываю мысленно страницы биографии, характерные для советского еврея: арест отца в годы сталинского террора; путь под бомбежкой в голодную эвакуацию; артиллерийская спецшкола в Сталинабаде; возвращение в Минск в 1945-м, неожиданный для юноши всплеск антисемитизма; по

окончании политеха — направление на Крайний Север, будни прораба в зоне ГУЛАГа; долгая армейская служба — там же, на Севере; демобилизация, квартирные мытарства, но — одновременно — радость работы в НИИ, диссертации, приглашение преподавать в *альма матер*, научный успех... И при этом — везде и всегда — ощущение пресловутого «пятого пункта».

Он прожил в СССР целую жизнь, решительно простился с ней, но ничего не забыл. Каждая клеточка общественного организма была пронизана там страхом. Именно этот страх (иногда невнятный, неосознанный) труднее всего преодолеть сегодня еврею, идущему по символической пустыне из «красного Египта», — даже если ты уже перелетел через океан. Мне кажется, Семен Ицкович, о чем бы он ни писал, учит своего читателя ощутить свободу: искать истину, разрушать вчерашние догмы, быть самим собой. Может, здесь и кроется, прежде всего, секрет его популярности.

*

Однажды я задал Семену Ицковичу несколько вопросов — попробовал заглянуть в «лабораторию» публициста. Вот его ответы.

— Если вы не против, то сразу начнем с главного. С нашей трудной дороги: на собственном опыте убеждаемся, сколь непросто преодолеть в себе раба, обрести духовную свободу... Как прошли этот путь вы?

— Я, наверное, до конца эту дорогу еще не осилил. Детям и внукам проще. Что же до личных ощущений, то свободу с первого дня воспринял с восторгом. По природе я, видно, максималист, и выдавить из себя раба захотелось сразу, а не по капле, как советовал Чехов. Однако... Вот одно из первых моих американских впечатлений:

*О, дивные американские газоны!
Как непривычны вы для вышедших из зоны,
Привыкших по газонам не ходить:
Ухожены, пострижены, политы,
Не огорожены, приветливо открыты —
Иль некому здесь вас огородить?
Ни управдом, ни местные советы
Не сочиняют тут для вас свои запреты,
Привычные для нас в былые дни.
И все-таки порой несут нас ноги
Не по газону, только по дороге:
Шаг влево, вправо — Боже сохрани!*

— Давайте здесь остановимся. Припомните начало своей работы как публициста. Причем очень важен вопрос «почему», т. е. что же заставило вас взяться за перо?

— Побудительный мотив самых первых моих публикаций в Америке — чтение перебранки в наших русскоязычных газетах, а также разговоры, которые нередко приходилось слышать в присутственных местах между людьми с «совковой», как говорится, ментальностью. Будучи здесь щедро благодетельствованы, они демонстративно неблагодарны. Не зная Америку, ругают ее. Вопреки тому, что говорили когда-то в американском посольстве, бесстыдно восхваляют советскую жизнь. Ничего в ней не стоили, а сейчас слагают о себе легенды. Невежды выносят свои суждения. Неграмотные пытаются учить... И вот я возмутился, написал в газету раз, другой, получил отповедь, ввязался в полемику... и так постепенно втянулся в публицистику.

— Не слишком ли это поздно — начинать в 66 лет?

— Начинать никогда не поздно. Тем более, что стремление осмыслить процессы, происходящие в обществе, у меня, что называется, глубинно. Я политизирован с восьмилетнего возраста, когда арестовали отца: ни с того ни с сего он стал жертвой знаменитой 58-й статьи... Так что как

публицист я, пожалуй, формировался всю жизнь, только реализоваться в этом качестве до эмиграции не было возможности.

— Не хочу возвращаться к банальному противопоставлению: «физики» и «лирики»... Разумеется, человеческий талант многогранен. Тем не менее думаю сейчас с некоторым удивлением: почти полвека вы занимались проблемами сугубо техническими. Не мешало ли это вам на новом поприще? А, может, по-своему помогло? Я имею в виду системность мышления, которая отличает ваши статьи.

— Удивитесь ли вы? Не вижу существенной разницы между научной работой и публицистикой. Проблемы-то разные, но суть работы, ее, так сказать, технология одинакова: выбирается актуальная тема, проводится критический обзор состояния вопроса, предлагается свое видение, в итоге имеем лучшее, по мнению автора, понимание проблемы или ситуации.

В публицистике важна свобода творчества. То же — и в науке. Один советский академик как-то на банкете пошутил: научная работа — это удовлетворение собственного любопытства за государственный счет. Когда я работал в НИИ, там каждый год нас ругали за многотемье, потому что «любопытных» было много и у каждого — своя тема, которая, «авось, и в диссертацию выльется».

Сегодня тематика моих статей еще шире — пишу о том, что волнует, в чем мне самому хочется разобраться. Если же сравнить публицистику с моей многолетней преподавательской работой, то сходство даже более очевидно. Любой предмет можно подать сухо, академично — и пролетит мимо ушей. А можно осветить живо, разукрасив нюансами, — тогда запомнится надолго. То же с учебниками: бывают — как снотворное, бывают увлекательные. Помню, мне часто приходилось уговаривать редакторов издательств, чтобы не приводили написанные мною тексты к наукообразным канонам. «Что такое телеграфный столб? — вопрошал я. — Это хорошо отредактированная березка!» Короче говоря, я считаю, что лекция или научная статья — это тоже в какой-то степени публицистика, так что болезненной перестройки я здесь не испытал.

— Ваше сравнение неожиданно, но вполне правомерно. Поиск истины ведет и ученого, и публициста. К тому же автор статьи, как и университетский лектор, ощущает свою особую миссию: он проповедник (или ниспровергатель) той или иной идеи, концепции. Да, по сути вы правы, но все же, все же... Вам никогда не снится студенческая аудитория?

— Не то что снится — наяву вижу здесь своих бывших минских студентов, причем лучших из них. Их много в Америке. С ними теперь даже интереснее общаться, чем тогда, в аудиториях. Один, работающий

в США по прежней специальности, вспомнил, как я характеризовал на лекциях американскую промышленность, и подтвердил: я был прав. Другой заметил: в высказываниях на общественно-политические темы, которыми порой перемежался лекционный материал, я часто бывал «на грани фола». Бывшая аспирантка, живущая сейчас в Детройте, увидев в газете мою статью, нашла меня, и мы теперь с удовольствием общаемся, когда она с большой семьей приезжает к нам погостить. Встречался со своими бывшими студентами и в Израиле. Их ведь было много, ныне они разбросаны чуть ли не по всему миру — есть даже в далекой Новой Зеландии. И я снова беседую с ними, хотя теперь это уже не студенческая аудитория, а читательская.

— Давайте продолжим разговор об эмиграции. Тема по-особому важна для каждого из нас. Ведь речь не только о перемещении в пространстве — о состоянии души, жизненном выборе. Что отличает сегодняшнюю эмиграцию?

— Я думаю, сегодняшнюю эмиграцию от, так сказать, вчерашней или позавчерашней отличает неоднородность. Переместились-то одинаково, а мотивы эмиграции у людей — разные. Одни уходили от дискриминации (антисемитизма) и несвободы. При этом спасали детей от участи, которую им самим пришлось в той стране испытать. У этих эмигрантов политический элемент мотивации если не единственный, то, по крайней мере, главный. Другие эмигранты — это прежде всего люди, не упустившие возможность улучшить свою жизнь. Как говорится, рыба ищет, где глубже, а человек — где лучше. В Америке, конечно, лучше. Политический элемент, если он здесь присутствует, то отнюдь не прева-лирует над материальным. Еще одна группа — это родители, эмигрировавшие только потому, что эмигрировали дети. Они просто последовали за собственными отпрысками, возобладали семейные чувства. Другие мотивации несущественны или не были осознаны.

На этом закончу свою, с позволения сказать, классификацию. Но, обратив внимание на неоднородность сегодняшней эмиграции, рискну высказать такое соображение: именно этой неоднородностью можно объяснить неорганизованность нашей эмиграции по сравнению с волнами российской эмиграции давних лет или по сравнению с другими этническими общинами.

— Как вы оцениваете прессу эмиграции?

— Пресса так же неоднородна, как и публика, на которую она рассчитана. Как говорили когда-то на родине, «у каждого свой вкус, и один другому не указчик: одному нравится арбуз, а другому — свиной

хрящик». Из доступных мне изданий многие в руки не беру. В эту категорию входят прежде всего издания, упавшие в промосковское «единое информационное пространство» и потерявшие свое лицо... Есть, однако, солидные независимые издания — со своей позицией и интересными авторами. Эти выписываю, туда и пишу.

— *Повторю вопрос, который мы задаем друг другу и самим себе часто: есть ли будущее у русско-еврейской общины США?*

— Будущее, наверно, есть — по крайней мере, еще у двух поколений. Причем община, думаю, будет становиться все менее русской.

— *Логично спросить напоследок: какие тенденции в развитии сегодняшнего мира вас радуют? А какие вызывают у вас наибольшую тревогу?*

— В ежедневных сводках новостей радостей, к сожалению, меньше, чем тревоги. Поистине верной теперь стала американская поговорка: *No news is a good news*². Думаю, общая тенденция в развитии мира такова: будет еще хуже, но когда люди прозреют и увидят грозящую им бездну, вектор изменит направление... Словом, все, как и раньше: здравомыслию и оптимизму альтернативы нет.

*

Я не раз советовал ему собрать свои многочисленные статьи в книгу, а еще лучше — составить серию сборников. Это был бы замечательный, по-своему уникальный дневник — мир, увиденный глазами русско-еврейского эмигранта. Но Ицкович упорно отшучивался: ему пока некогда, нужно срочно писать статью «в номер». И все же две такие книги вышли. Сборник «Прошлогодний снег» (Чикаго, 2008) вобрал публикации Семена Ицковича только за один его эмигрантский год — 2007-й. Сборник «О людях и книгах» (Чикаго, 2013) включает в себя литературные портреты и очерки.

...Поразительно, что автор, из года в год обращающийся к похожим темам, как правило, избегает повторений. Он естественно избирает новый ракурс зрения на материал, а часто — новый жанр. К примеру, в течение многих лет Семен Ицкович пишет аналитические статьи о так называемой проблеме глобального потепления — спорит, приводит данные научных исследований, показывает, кому выгодны недобросовестные спекуляции. Но вот серия его блестящих памфлетов на ту же тему: «Известно: таяние льдов может привести к затоплению обитаемых низин земной суши... Но тревожит еще одна беда — у *homo sapiens* может случиться размягчение мозгов. Оно уже наблюдается, и эта опасность не менее катастрофична...»

Почти каждая статья Семена Ицковича — это своеобразное психологическое расследование. О чем бы ни шла речь (например, о неизменном и беспрецедентном давлении США на Израиль во время переговоров с палестинцами), Семен Ицкович старается понять и продемонстрировать читателю «психологию явления» — он, по сути, всегда отвечает на вопрос: «Зачем Израилю „пятерка“ по поведению?» (это название одной из его статей).

Закономерно, что Ицкович как литературный критик прежде всего стремится открыть книги писателей, с которыми читатель еще не знаком. Не раз рассказывает он о судьбе, идеях, творческом наследии знаменитого американского прозаика и философа Айн Рэнд (она же — бывшая россиянка Алиса Розенбаум³). Многозначительный парадокс: успев узнать прелести советского социализма, Айн Рэнд стала едва ли не самым глубоким и страстным пропагандистом капитализма. *«Она разбудила и, может быть, даже спасла Америку, — пишет Ицкович. — Прибыв сюда, уже будучи в нее влюбленной, Алиса свежим и острым взглядом со стороны обнаружила то, чего не замечали благополучные и расслабившиеся в неге американцы, а именно подкравшуюся тихой сапой к Америке социалистическую тенденцию ее разрушения»*. Бывший глава Федеральной резервной системы США Алан Гринспен вспоминал с благодарностью: именно Айн Рэнд *«убедила меня, что капитализм не только эффективен и практичен, но и морален»*. Семен Ицкович убеждает в том же читателя русских эмигрантских газет, который когда-то получил в СССР хорошую «социалистическую прививку».

Конечно, Семен Ицкович не мог не вступить в спор с теми, кто сегодня в эмиграции решительно перечеркивает личность и творчество Ильи Эренбурга. Ицкович с горечью повторяет обвинение в адрес Эренбурга: «официальный сталинский пропагандист»... Что ж, сказано грубо, но по сути верно. Только здесь не вся правда: авторы унижающих Эренбурга статей не вспомнили его блестящую публицистику, замечательную лирику, интереснейшие романы 1920-х. А я в этом многогранном споре выделю лишь один аргумент Семена Ицковича: *«Да, <...> Эренбург был агентом влияния сталинской политики на зарубежное общественное мнение, но добавлю, что он был, если можно так выразиться, двойным агентом, то есть одновременно еще и агентом влияния западной культуры на советское общество»*. И это поистине так — достаточно вспомнить выдающуюся книгу Ильи Эренбурга «Люди, годы, жизнь»: с ее помощью миллионы советских людей открывали для себя реальную историю литературы и культуры XX в.

Талант критика, как и любой талант, обладает особым магнетизмом. Не раз я перечитывал заметки Семена Ицковича о незатейливых

вроде бы фронтовых мемуарах Ефима Гольбрайха «Былой войны разрозненные строки». Пять лет эта книга не могла прорваться в печать (в 1980-е. — *Е. Ц.*) даже с восторженным предисловием Василя Быкова. Таков здесь накал правды. Правды еврейского солдата, — ненавязчиво обращает наше внимание Семен Ицкович. И как бы реконструирует в своей рецензии, в сущности, «неизвестную войну».

Примечательно, что Ицковича-критика часто привлекают произведения, авторы которых, как и он сам, обрели в эмиграции свой голос или свою тему (перечисление может быть весьма пространном)⁴.

Вернусь, однако, к названию книги «Прошлогодний снег». Поэтический, грустный, хотя по-своему точный образ. Все проходит, как бы напоминает нам автор. Вот и статьи, о которых вчера жарко спорили, завтра будут интересны только друзьям и родным...

Нет, все-таки здесь я никак не могу согласиться с Семеном Ицковичем. Не сомневаюсь: его книги, сотни его эссе мы будем читать и перечитывать долго. Будем думать не только о проблемах эпохи — о мужестве и выборе автора. Иногда снег не тает...

¹ Ицкович Семен Михайлович родился 11 мая 1928 г. в Минске. *«Отец — рабочий, мать — служащая. Два сына, я — младший. Родители трудились, сколько хватало сил, но жили мы скудно, хотя не голодали»*. Подробнее см.: *Ицкович С. Попытка неформальной автобиографии // Русские зарубежные писатели начала XXI века. Автобиографии / Сост. В. Батшев. Франкфурт-на-Майне: Литературный европеец, 2013. С. 177–199.*

² Отсутствие новостей уже хорошая новость.

³ Об Айн Рэнд см. также: *Эткинд А. Айн Рэнд: Алиса из страны чудес // Русские евреи в Америке. Кн. 2 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто: СПб., 2007. С. 45–59.*

⁴ Есть у меня еще одна книга — «Откровение» *Ларисы и Семена Ицковичей* (Чикаго, 2009). Это сборник стихов, своеобразный лирический диалог двух людей, 40 лет назад ставших супругами и единомышленниками. Стоит на моей полке и книга прекрасных стихов Ларисы Ицкович «Бабье лето» (Чикаго, 2013). Но разговор об этом — тема для другого очерка.

ИСКУССТВО

Сионист с театральным шармом (Штрихи к портрету Иешуа Гордона, или Страничка из истории идишского театра в США)

*Владимир Хазан (Иерусалим),
Моше Лемстер (Бат-Ям)*

Об этом человеке известно крайне мало, несмотря на то, что его жизнь была насыщена разнообразными, в большинстве своем весьма незаурядными, хотя порой и не напрямую связанными между собой, занятиями и событийными контекстами. Как это нередко бывает, когда частная биография соприкасается с крупными историческими обстоятельствами, сама она — при отсутствии надежной документированной базы — начинает превращаться в некое подобие мифа. Поэтому на данном этапе — первоначального знакомства с главным героем нашего краткого очерка и реконструкции некоторых звеньев из истории его жизни — отнесемся к используемым источникам¹ с известной осторожностью, сообщая лишь то немного, что почти не вызывает сомнений.

Иешуа (Игошуа, Евсей) Гордон (1889–1941) родился в Ковно в семье купца Элизера Гордона. Учась в петербургской гимназии, примкнул к партии эсеров. За участие в революционных событиях 1905 г. был арестован и три месяца провел в тюрьме. По хорошо знакомому всякому молодому еврею сценарию, связанному с ограничениями на получение высшего образования в России, — изучал право в Германии, в университетах Берлина, Мюнхена и Гейдельберга. Именно на студенческой скамье Гордон увлекся театром и какое-то время учился в одной из сценических студий известного немецкого режиссера Макса Рейнгардта (Гольдмана). Одновременно активно занимался сионистской пропагандой среди студентов-евреев, обучавшихся в Германии и Швейцарии, был одним из руководителей молодежной сионистской организации выходцев из России и Восточной Европы. В начале Первой мировой войны отправился в США, учился на гуманитарном факультете Колумбийского университета (Нью-Йорк). Примкнув к движению «Поалей-Цион», Гордон состоял членом Национального комитета Arbaiter Farband (Объеди-

нение еврейских рабочих) и Еврейского конгресса в США. Сотрудничал в идишском журнале *Literatur un leben*. Являлся одним из организаторов и первых руководителей Маген Давид Адом (еврейская служба скорой помощи) в Нью-Йорке.

Живя в Нью-Йорке, Гордон принимал участие в создании американского отделения Еврейского легиона, который в годы Первой мировой войны сражался с турками на стороне англичан. Гордон возглавлял нью-йоркский отдел, занимавшийся рекрутированием солдат-добровольцев, впоследствии воевавших под началом Э. Марголина. Сам Гордон тоже вступил в легион, в 1918 г. отправился в Эрец-Исраэль, дослужился до чина сержанта и после демобилизации до конца жизни остался в Святой земле.

Умелый руководитель с университетскими познаниями и широким личностным горизонтом, Гордон естественным образом оказался востребованным для разнообразных видов деятельности в молодом еврейском *ишuve* (собирательное название еврейского населения в Эрец-Исраэль). Пинхас Рутенберг, основатель и первый директор электрической компании в Святой земле², привлек его к организации быта рабочих — жилья, здоровья, отдыха, гигиены и пр.

В начале 1920-х гг. Гордон поступил на службу в Еврейское агентство (Jewish Agency, Political Department), деятельность которого была связана с приемом новых репатриантов-евреев в Эрец-Исраэль или тех, кто посещал ее в качестве визитеров-туристов, паломников и пр. Занимая должность офицера связи с полицией и английской военной администрацией и руководителя отдела безопасности в департаменте внешних связей Еврейского агентства сначала в Хайфе, а с 1931 г. — в Иерусалиме, Гордон прослужил на этом посту более 20 лет. Его высоко ценили все, кто руководил Еврейским агентством в эти годы: полковник Ф. Х. Киш³, д-р Х. Арлозоров⁴, М. Шерток. В последние годы жизни он стал одним из ответственных за безопасность еврейского *ишuve*, занимался вопросами организации местной полиции.

Гордон был заметной фигурой не только в Эрец-Исраэль, но и в еврейском мире вообще. Так, например, он был близко знаком с известным врачом-психоаналитиком Максом Эйтинггоном, учеником и другом-единомышленником З. Фрейда, который — из-за подозрения в связях с советской разведкой — превратился в последние годы в личность едва ли не легендарную⁵. Впрочем, возможно, М. Эйтингон был знаком с Гордоном еще со времени жизни последнего в Германии. Выдающийся философ XX века Лев Шестов, собравшийся посетить Эрец-Исраэль, писал М. Эйтингону 13 марта 1926 г. из Парижа в Берлин, напоминая ему о Гордоне:

Моя поездка в Палестину откладывается на осень, т. к. J. Гордону (это Ваш старый знакомый — он был у Вас, когда я у Вас жил, и я с ним познакомился у Вас), который взялся за устройство моих лекций, пришлось внезапно уехать на продолжительное время по служебным делам из Парижа⁶.

В той же роли организатора шестовского вояжа в Эрец-Исраэль во второй половине 20-х гг., к сожалению, не состоявшегося⁷, Гордон упоминается в мемуарах философа А. Штейнберга, вспоминающего о своем разговоре с Л. Шестовым, который состоялся в доме все того же Эйтингона:

Да, Палестина... Вот посоветуйте, ехать или не ехать? Меня усиленно приглашают — лекционное турне и тому подобное. Гонорар совсем незначительный, да еще предупреждают, чтобы я запасся собственным костюмом для официальных приемов. Для меня просто лишний расход. Пишет мне церемониймейстер английских властей. Пишет по-русски, но совсем как иностранец. Может быть, вы знаете, кто это? Фамилия — Гордон. Иошуа Гордон, так и подписывается.

Я рассмеялся: «Как не знать?» И тут же дал Шестову послужной список палестинского «шефа протокола», отпрыска хасидской семьи из Ковно и моего сотоварища по Гейдельбергу, учившегося театральному искусству у знаменитого берлинского режиссера Макса Рейнгардта и ставшего впоследствии, во время войны 1914 года, директором еврейского театра в Нью-Йорке⁸.

Смерть к Гордону пришла неожиданно: его нашли бездыханным в тель-авивском отеле Azgour (по другим сведениям — в отеле Ritz), в комнате, в которой он жил на протяжении нескольких лет. Он умер 16 октября 1941 г. от сердечного приступа в возрасте 52 лет. Похоронен со всеми почестями на Масличной горе в Иерусалиме.

Женат Гордон не был и потомства после себя не оставил. Жил с матерью — не семейными радостями, а должностными обязанностями. Это существование, по преимуществу человека официального, а не частного, отражает его архив, в котором сохранились в основном служебные бумаги и документы и крайне скупо представлены свидетельства личной жизни⁹.

Через всю жизнь Гордон пронес любовь к театру, к искусству вообще. Будучи артистичным по природе, он безумно любил мир сцены, обладал, по свидетельству современников, развитым драматургическим чувством, вкусом к игровой интриге. Недаром в его некрологе, помещенном в палестинской газете *The Palestine Post* и подписанном анонимным автором, говорилось о том, что

он рожден был быть артистом, и на всем, чем он занимался, лежала печать его артистизма. <...> Он был подлинным режиссером (stage-manager), обладающим глубоким пониманием не только театра, музыки и других искусств, но и наделенный способностью организовывать совместную деятельность разных людей как единой группы или движения¹⁰.

Театрально-артистическую сущность своей природы Гордон более всего реализовал в американский период жизни, когда он оказался среди молодых энтузиастов, одержимых идеей создания еврейского театра, и жил, движимый этой страстью. Он не создал и не возглавил свой собственный театр, как считал А. Штейнберг в приведенном выше мемуарном фрагменте. Сравнительно короткий по времени период пребывания в США не дал возможности Гордону утвердиться исключительно на театральной ниве — слишком широкие и заманчивые политические перспективы открывала перед ним Первая мировая война, чтобы посвятить себя одной лишь сценической деятельности, как бы притягательна она ни была. Вместе с тем, пусть не как заметная и значительная фигура, Гордон тем не менее вошел в историю еврейского американского театра в качестве одного из его адептов и инициаторов. Об этом красноречиво свидетельствуют две его статьи, опубликованные в упомянутом выше идишском журнале *Literatur un leben*. Поскольку эти статьи носят в определенной степени дискуссионный характер и, стало быть, отражают процессы становления еврейского театра в Америке в 10-е гг. минувшего столетия, они представляют несомненный исторический интерес, и не лишено смысла познакомить с ними современного читателя. С этой целью данные статьи в переводе на русский язык и включены в наш очерк. Приведенные в них рассуждения Гордона о том, в каком направлении должен развиваться еврейский театр в новых условиях эмиграции, касаются этой проблемы в контексте широкой идеологической перспективы. Тем самым они так или иначе вплетались в современную им полемику о задачах, путях и способах строительства еврейской театральной культуры, исходя из того опыта, который сложился в Европе и был привезен еврейскими театрально-артистическими деятелями в Новый Свет. Вот почему нам показалось целесообразным дать ближайший к гордоновским статьям и потому крайне актуальный для них полемический контекст. Поскольку Гордон в своем видении и понимании новой идишской сцены во многом — как от противного — отталкивался от высказываемых в его время суждений, в частности, от мнения известного драматурга, прозаика, эссеиста О. Дымова (О. И. Перельмана), незадолго до того появившегося в Америке и сразу же активно включившегося в еврейскую театрально-артистическую жизнь (в первой

из своих статей Гордон непосредственно ссылается на Дымова), возникла необходимость привести здесь целиком, а не в кратком пересказе, дымовскую статью, напечатанную в газете *Der Tog*. Не ставя перед собой задачи вынести участникам спора запоздалые оценки, следует, однако, заметить, что позиция Гордона оказалась более реалистичной и продуктивной, нежели Дымова, не говоря уже о том, что последний в некоторых своих высказываниях допускает явные натяжки: например, утверждая, что «в Нью-Йорке речь еще не идет о построении оперных и балетных театров европейского типа» (возникшая в конце XIX в. Metropolitan Opera может служить весьма серьезным опровержением этого замечания).

В свою очередь, и статья Дымова является дискуссионной и отвечает на статью обозревателя той же газеты *Der Tog* Цивьона, опубликованную в ней неделей раньше. За этим псевдонимом скрывался еврейский журналист, публицист, эссеист, писавший как на идиш, так и на иврите Бенцион Хофман (Ben-Tsion Hoffman; 1874–1954). Для наглядности и большего ощущения рельефности дискуссии мы посчитали необходимым включить и ее в нашу публикацию.

Несмотря на то, что ни статьи Гордона, ни статьи двух других дискуссионщиков не открывают каких-то неведомых материков, связанных с поднимаемой темой, они, как представляется, интересны для реконструкции истории идишской сцены, многие видные деятели которой переезжают в эти годы из России и Европы в США, и которая как бы переживает свое второе рождение. Как всякий творческий процесс, предполагающий «езду в неизвестное», он сопровождается острым противостоянием разных подходов. Кроме всего прочего, предлагаемый материал лишний раз демонстрирует важную роль и участие евреев России в культурном развитии мирового еврейства. Что же касается главного героя очерка, Иешуа Гордона, то по всему видно, что за проектом идишского театра, о котором говорится в его статьях, стоял человек, по-настоящему озабоченный судьбой еврейской культуры, радовавшийся ее победам и достижениям и болевший ее проблемами. Таковым он остался и в дальнейшем. Не случайно, спустя два года после смерти Гордона было решено увековечить память о нем, назвав его именем ежегодную театральную премию, присуждаемую деятелям ивритской сцены. Для этого был учрежден специальный Фонд Гордона, из которого и осуществлялось премирование награжденных¹¹.

Судя по обещанному продолжению, которым завершается вторая статья Гордона, он намеревался представить свой театральный проект в виде подробно разработанной системы не только обще-идеологического, но и конкретно-практического характера. Остается только посетовать, что бурные исторические события не позволили ему сосредоточиться на

этом проекте полностью и досконально: последующие статьи Гордона нам неизвестны, скорей всего, они никогда не были написаны. Увлечение театром оказалось не единственным для Гордона, а в той ситуации, когда встал вопрос о борьбе за Эрец-Исраэль, и не самым приоритетным.

Приводимые ниже его статьи были напечатаны соответственно в № 2 (февраль) (z. 105–10) и № 3 (март) (z. 92–9) журнала *Literatur un leben* за 1915 г. Следующие за ними статьи Дымова (*Der Tog*, 1914, п 55, December 29, z. 5) и Цивьона (*Der Tog*, 1914, п 48, December 22, z. 6) даются в обратном хронологическом порядке, и таким образом, спор приобретает «перевернутую», однако, с точки зрения удобства знакомства с ним, логически оправданную перспективу.

За свободную идишскую театральную сцену

Иешуа Гордон

Мы должны иметь идишский независимый художественный театр не ради национального уважения и не потому, что мы благодетели евреев и хотим обеспечить их лучшим искусством. Нет, это нужно *для нас самих*, для собственной жизни.

Она нескладна и сера, лишена падений и взлетов, в ней нет счастья и несчастья, Бога и черта. Наше счастье — «делать жизнь», наше несчастье — «ходить в рваных сапогах». Нет в нашей жизни чего-то выдающегося, большого. <...> Однако мы живем, боремся, ненавидим, встречаемся с плохим и хорошим, красивым и безобразным, но как-то этого не чувствуем. Все становится таким измельченным в пылинки и крошки, что тяжело нащупать, отличить одно от другого, плохое от хорошего, безобразное от красивого, потому что все крошки похожи друг на друга. <...> Такая жизнь беспросветна и скучна, как мелко капающий дождь. <...> И если хочется иногда эту жизнь почувствовать, увидеть ее всю, ощутить ее смысл, нащупать бьющийся пульс, тогда мы идем к художнику, живущему полноценной жизнью <...>, собирающему пылинку к пылинке, пока не образуется гора. К тому, кто собирает капельки — из них образуется океан. К тому, кто берет квинтэссенцию жизни и показывает ее нам, и лишь тогда мы начинаем правильно чувствовать ее смысл и величие. <...>

Наиболее сильно мы переживаем это превращение в театре, потому что там перед нами предстает произведение искусства — не законченное, но вырастающее постепенно, шаг за шагом на наших глазах, от пылинки до горы. Там не просто представлена идея, но мы проживаем каждое ее

движение, стадию, которую эта пылинка проделывает на пути к большому единству. Там мы ясно видим, как частички и пылинки, гонимые единым замыслом, притягиваются к одной идее, которая становится для нас ясной и знакомой! И кажется, что это та же жизнь, которой мы живем ежедневно, те кусочки и пылинки, которые мы встречаем столь часто, едва замечая их и не отличая одну от другой, а здесь они вдруг становятся такими важными — каждая вырастает, обретает ясный образ, имеет собственную плоть и кровь, окраску, одежду, движение, язык, характер. <...> И какими бы разными они ни были, парит над ними что-то общее — единая воля, которой они подчиняются, сами того не желая, и единая идея, к которой они стремятся, сами того не зная <...> Кто для нас эти Гамлеты, Макбеты, Отелло, Эдипы, Лиры, Фаусты и Мефистофели? Ни сват и ни брат, и, тем не менее, наше сердце бьется вместе с ними. Мы живем и умираем с ними, мы вырастаем в собственных глазах, становимся сильнее и величественнее, и наша жизнь оказывается красивей, приобретает смысл и значение. <...> Но кроме этого, мы переживаем в театре огромное чудо человеческой сплоченности. Переставая существовать как автономные существа, «одинокие миры», мы сливаемся со всем человечеством в общее сердце мира. Тысячи соединяются в одном чувстве, тысячи глаз направлены в одну точку, тысячи сердец бьются в унисон, живут одним дыханием — одно человечество, один мир, одна жизнь, большая, вечная, которая никогда не закончится. <...> Мы чувствуем наше единство и бессмертие.

Мы обязаны иметь идишский театр, потому что хотим почувствовать нашу жизнь такой, какая она есть: ее повседневность, бытовые мелочи — то, что для других ничто, для нас — все, потому что это наша жизнь, и для нас она уникальна. <...> И не только выдающееся, возвышенное, значительное хотим мы в ней видеть, но то обыденное, которое встречаем ежедневно, сами того не замечая. И не только субботы и праздники, свадьбы и похороны — мы хотим понять, имеет ли наша повседневная жизнь какой-нибудь смысл. <...>

С кем мы сможем создать этот театр? С кем нам по пути? Быть может, с гигантами нашего поколения? Но понимают ли они нас, чувствуют ли вместе с нами, живут ли той жизнью, что окружает нас? Испытывают ли они ее аромат? Или, наоборот, существуют уже в ушедшем времени? К этим первопроходцам мы испытываем огромное уважение, благодарим их, но не более того. <...> Мы переросли их, стали свободней, естественней, в нас больше «само собой разумеющегося». Мы увидели «правду» и вышли из рабства на свободу, полюбили собственную жизнь, увидели собственную красоту и сами себя стали уважать, заметили самих себя. Они хотели служить обществу. Мы служим <...> только себе <...>, потому

что евреи для нас не есть нечто устоявшееся, но это мы сами. Мы забьемся о себе лучше, чем кто-либо другой, потому что знаем, чего нам не хватает, и делаем это с большим мужеством, с большим вдохновением. Мы не злимся, не жалуемся, у нас нет самолюбования, ленивого разочарования, ибо мы свободней, мы не так сильно чувствовали рабство, и у нас нет рабской психологии. <...>

Молодежь приносит будущее, и к ней мы обращаемся с призывом строить с нами идишский театр. <...>

Но тогда возникает вопрос: «Как? На какой основе?» И тут следует перейти к чисто практической стороне дела. <...>

Прежде всего, должно быть ясно, что неудачи, которые потерпели бесчисленные призывы к созданию театра и разговоры о нем (кроме мужественной попытки Хиршбейна¹²), не должны нас отпугивать, ибо к нашим рассуждениям они не имеют никакого отношения. Эти призывы с самого начала были нереальными, так как идеи, которые лежали в их основе, являлись фальшивыми. То были тупиковые планы, пути в никуда: «Как хорошо было бы, если бы...» — фантазии, называемые «маниловщиной». <...> Они никогда не считались с действительностью и не пытались строить что-то на ее основе, но всегда избегали и отбрасывали ее. Во всей литературе на идиш едва ли можно найти хотя бы несколько серьезных, хорошо обоснованных статей, не говоря уже о книге, об идишском театре, его облике, психологии, театральной еврейской публике — всего того, что, как мне кажется, должно предшествовать любому серьезному желанию построить нечто долговременное. Вместо этого бытовала привычка трубить в большой шофар¹³ спасения.

Мы должны идти по другому пути. Тот театр, какой мы хотим иметь, настоящий художественный, соизмеримый с нашими силами, — ибо «нельзя прыгнуть выше головы», — независимый, без всякого посредничества, такой театр не имеет у нас еще стольких сторонников, которые дали бы ему прочную материальную базу для самостоятельного и независимого существования.* Широкой публике необходим театр, который бы развлекал, давал возможность отвлечься, посмеяться, поплакать — словом, позволял бы забыть о «хлебе насущном» и получить немного радости. Совершенно ясно, что наш театр будет совсем другим.

---

* Это мнение имеет у нас много противников, см., к примеру, статью Осипа Дымова в *Der Tog*. Я сейчас лишен возможности привести все контрдоводы и детально проанализировать проблему и вернуться к ней в одной из будущих статей — «Проблема идишского театра». В то же время, думаю, все согласятся, что идишский театр, который был бы с первого дня своего существования свободным и абсолютно независимым, не может прожить за счет собственных средств. — *Примеч. Гордона.*

Не сомневаюсь, что он окажется на обочине театрального рынка, и рядовой зритель только по ошибке забредет в него. Очевидно, что этот театр будет построен на иных началах, чем развлекательные театры с постоянными труппами. И здесь у нашего «строителя театра» просыпалась мечта о крупном меценате и богаче, а когда мечтатель освободился от грез, прихотили разочарование и горечь. <...> Мы должны раз и навсегда выбросить из головы эту идею и уверить себя в том, что наш театр создается не ради прибыли. Должно быть ясно и другое: театр, создающийся для удовлетворения высоких запросов, не может существовать, терпя убытки и ожидая подачек со стороны. <...> Это будет противоречить тем принципам, на которых он строится как объективный, свободный и абсолютно независимый театр.

Мы должны идти другим путем, взять иной ориентир — развиваться на основе потребностей зрителя и одновременного удовлетворения материальных нужд театра. Основной путь — это путь блуждающего театра. Я понимаю под этим труппу, которая дает представления не обязательно в одном и том же месте и тем же составом. Для такого театра не нужны меценаты и богачи, он строится на принципе кооперации и с самого начала обеспечен зрителями. Здесь не место углубляться в мельчайшие подробности, это будет сделано, когда речь пойдет о конкретных действиях, однако общая картина может быть обрисована уже сейчас.

Театр, о котором мы ведем речь и к которому стремимся, основывается на равных потребностях как со стороны зрителя, так и художника. Первый желает получить искусство, второй — его предоставить. При этом оба в равной степени заинтересованы в общем деле и должны принять на себя определенные обязательства. 15 спектаклей в год — это то наибольшее, что такой театр для ограниченного числа зрителей может и обязан себе позволить. В году может быть три сезона, по 5 спектаклей в каждом. К началу сезона открывается продажа абонементов. Если вырученная прибыль полностью покрывает затраты, приступают к работе, и дается столько представлений, сколько позволяют доходы от продажи абонементов. При этом нет нужды в постоянном здании и неизменной актерской труппе, что, в свою очередь, обеспечит театру большую художественную свободу. Словом, он строится на добровольном объединении художников и зрителей, в котором обе стороны одинаково заинтересованы. Что касается художественной стороны, необходимо заметить, что у нас еще нет достаточно сильной драматургии и актерских сил для решения проблемы на приемлемом уровне. Но мы не должны идти ни на какие художественные компромиссы <...> и приспособляться к «требованиям публики». Театр должен быть абсолютно чистым в художественном отношении, свободным от всяких внехудожественных влияний.

Только истинно художественное начало должно в нем господствовать, и ограничения могут быть оправданы лишь дефицитом постановочных возможностей. Все подлинно художественное должно иметь в нем свое выражение, свободное от «партийности» и «направлений» — торжествовать должен принцип чистого искусства.

Осознанная необходимость в таком театре должна превратиться в активное желание воплотить ее в жизнь. Многие современные объединения драматургов показывают, что почва для подобной организации существует. Таким образом, от общих усилий художников и зрителей зависит создание «свободной идишской художественной сцены». «Если они захотят, это не будет фантазией»¹⁴.

Проблема идишского театра. Кто виноват?

Иешуа Гордон

Каждый год всплывает у нас вопрос о театре. Как правило, это происходит, хотя и не произносится вслух, когда случается театральный провал. Это вызывает печальные мысли, и тогда начинают заниматься самоанализом: ищут хоть крохотную надежду и пытаются излить негодование на мелодрамы. И, мечтая о художественном театре, приходят к умозаключению, что для него нужен филантроп. Но поскольку таковой не находится, то вздыхают, и все остается по-старому.

Так повторяется из года в год, иногда с большей, иногда с меньшей долей новизны. Но одно характерное сходство имеют все эти театральные самоанализы — поиски виновного. «Кто виноват, что театр находится в таком состоянии?» И всегда это заканчивается большой путаницей: один сваливает вину на другого. Публика винит актеров: почему те играют бульварщину и не желают заниматься настоящим искусством. Актеры говорят, что виновата публика, которая принимает только бульварщину, и писатели, которые не могут писать лучше. Писатели, в свою очередь, пеняют на актеров, гоняющихся за дешевым успехом и приучающих публику к бульварщине. Одним словом, каждый в отдельности и все хором кричат: «Дайте нам чистое, настоящее искусство!» до тех пор, пока не появляется какой-то очередной ходкий товар с танцем и слезой, «который притягивает как магнит». И снова становится веселей, актеры и публика забывают свои старые споры, и только один идишский писатель мечет громы и молнии и вновь возвращается к мечте о красивом художественном театре, созданном крупным филантропом, доброхотом-меценатом, который, в конце концов, должен же появиться.

Как в действительности выйти из этой путаницы? Кто на самом деле виноват в нынешнем состоянии театра на идиш? <...>

«Каждое время имеет тот театр, который заслуживает», — так говорил когда-то Георг Фирфукс <sic>, один из виднейших реформаторов немецкого театра¹⁵. И если бы мы очнулись от наших мечтаний об искусстве театра, преследующих нас как мечта бедняка, у которого нет даже лотерейного билета, о крупном выигрыше и избавлении от нищеты; если, как я полагаю, мы хоть когда-нибудь посмели бы, покинув мир грез, взглянуть на действительность, то увидели бы, что имеем театр <...>, который честно заслужили, и, что не он нас, а мы его должны простить. <...>

Давайте не будем обманываться. По какому праву мы требуем, чтобы он удовлетворял нашему вкусу? Разве это «наш» театр? Разве мы помогали его строительству? Разве мы для этого пальцем пошевелили? Разве мы брали на себя хоть частицу ответственности? Разве не скрывали мы вообще театральную тему, как какую-то напасть, как «лишай»? И разве не мы оттолкнули его от себя, когда он в особенности нуждался в нас, а мы пошли к уже накрытым чужим столам, для коих не трудились? <...> На каком основании все должно приходиться к нам готовым? Разве мы создали и взрастили идишский театр?

Театр на идиш — это чистое творение народного духа. Он не может похвастать своим знатным происхождением от греческой трагедии и даже от средневековых духовных представлений, поскольку у него не было никакой связи с религиозным чувством. Он с самого начала был создан не для высоких целей, а для того, чтобы высмеивать, вызывать смех. <...> Поэтому интеллигент с постоянно наморщенным лбом, внук раввинов, который принял душой и сердцем Просвещение (Гаскалу) и, по сути своей, просветитель и знаток религии, всегда был враждебен всякому чистому народному творчеству, видя в нем невежество и темноту. Поэтому он должен был оттолкнуть идишский театр, презирать его и бороться с ним. Так и произошло: интеллигент не признавал этот театр своим, как вещь, которая не имеет к нему никакого отношения, как незаконнорожденного, не имеющего права быть членом общины. Тем временем театр шел своим путем, жил своей жизнью с народом, давал ему кусочек надежды, развлекал его после тяжелой работы, включая в представления шутовство в стиле бадхана¹⁶ и немного канторского (хазанут) пения¹⁷ и, слава Богу, не очень развращая, все перемешивал с моралью, воспроизводя, таким образом, настоящий еврейский быт. А народ, со своей стороны, любил театр, жил вместе с ним, потому что тот говорил на его языке, обитал в его мире простых человеческих чувств, смеялся его смехом, комментировал Пятикнижие и саму жизнь на понятном ему идиш. И все же народ иногда бросал взгляд — по старой

еврейской традиции уважения к знатоку религии! — туда, к высоте, к просветителю: что он там говорит, что думает, и всегда находил у него злое лицо и скрежет зубовой. И, вслед за просветителем и знатоком религии, народ начинал стыдиться театра и смотреть на него, как на что-то дьявольское, низменное. <...> Однако полностью отказаться от театра народ был не в силах, потому что тот являлся его плотью и кровью, и это превращалось в какую-то запрещенную любовь, любовь и презрение в одно и то же время.

Театр рос как незаконнорожденный на еврейской улице — самостоятельно, без надзора, попечительства, без преданной руки, ютясь в амбарах и сараях. Он начинает заигрывать с низменными чувствами масс. На сцене появляются непристойности. В то же время театр пытается с помощью преувеличенной сентиментальности и фальшивых приемов найти оправдание в глазах порядочных зрителей. Но, теряя народность и примитивную наивность, он опускается все ниже, и просветитель торжествует: его пророчество воистину сбывается, и теперь он с полным правом мечет громы и молнии и изо всех сил подвергает театр гонениям.

Но в еврейской жизни происходят изменения. Просветительская мысль с идеалами ассимиляции сходит со сцены, а вместе с ними исчезает и презрение к «жargonу» (идиш) и народной жизни. Ветер свободы, который подул в России, пробуждает и интеллигента к работе в народе. Дух демократии проникает все глубже в сердца и умы еврейской интеллигенции, и народность становится лозунгом, альфой и омегой любой общественной работы. «Назад к массам», «назад к народу» — эти призывы становятся идеалом, и сокровища народного творчества и еврейский язык начинают восходить к высотам, которые они по праву заслужили. «Больше внимания народу и его жизни» — вот чем характеризуется этот период. Начинает развиваться еврейская изящная словесность.

Постепенно, достаточно медленно, но все это оказывает влияние и на идишский театр. Именно в это время слабеют нападки на него в России, и целый ряд актерских трупп начинают разъезжать по стране, где еврейские массы повсеместно тепло их встречают, поскольку давно изголодались по живому, доступному им слову, по живой картине из собственной жизни. Как грибы после дождя, начинают появляться в городах и местечках драматические союзы, которые стремятся удовлетворить запросы театра в живом еврейском слове. Они берут идишский театр таким, каков он есть, особенно не перебирая, очищают его от ржавчины и отыскивают в нем забытое живое народное зерно.

И интеллигенция, в своих чувствах недалеко ушедшая от просветителя, вдруг видит себя стоящей перед явлением, не ею рожденным и не ею возвращенным, которое сильнее и больше нее. И бессильной

и пристыженной стоит интеллигенция; она понимает, что должна с этим смириться, но не может. Ибо ей это чуждо, она привыкла к лучшему. Она пришла сюда, не изголодавшаяся, а заплаканная и изнеженная. Она воспитывалась на лучших литературных примерах, на самых утонченных чувствах и не может вдруг опуститься до примитивной народности. Идишский театр был всегда для нее явлением низменным, грубым, о котором она знать не хотела, вещь отвратительной по сравнению с настоящим искусством. И в изумлении она видит, как народные массы ухватились за эти «низкие истины». В чем же тогда проявились результаты ее разъяснительной работы? Она пытается придать этому движению светскость, привнести в него взятый из чужих источников готовый, выработанный вкус, готовую печать.

Но интеллигенция не заметила, что в своей воинственности зашла так далеко, что осталась без единого солдата. Она начала агитировать за «художественный театр», за «театр чувств», за «идишский народный театр», однако — напрасно: народ ее не слышит. <...> Слишком далеко они находятся, эти борцы, очень мало они жили с народом, чтобы тот так безоглядно бежал за ними. Разве могут они вместе с ним смеяться, чувствовать и плакать? Разве испытывали они вместе с ним голод по живому слову? <...>

И была объявлена война против бульварщины, мелодрамы: «Пока идишский театр стоит на такой низкой ступени, я не позволю ставить мои пьесы».

Но какое право имеют они, интеллигенты, высказывать подобные претензии? Идишскому театру вскоре будет сорок лет. Разве не они позволили ему вырасти как незаконнорожденному? Разве они когда-то беспокоились о нем, чувствовали <...> ответственность за него? Разве не они делали вид, что его не существует? И вдруг сейчас у них появились претензии к нему, чтобы он был наделен всеми достоинствами, чтобы не противоречил еврейскому вкусу. <...> Откуда возникли такие требования у интеллигента? Разве это результат его развития, а, быть может, это не более чем мечта, которая приходит из других миров?

Идишский театр нельзя осуждать на основе чужих мечтаний, и не на их основе родится новый театр. Его прочным фундаментом должна быть настоящая еврейская действительность, подлинное искусство и удовлетворение театральных запросов нашего народа — только на этой основе можно строить народный театр.

Теперешний театр мы заслужили по праву. Но соответствует ли он нашим запросам? Об этом в следующей статье.

Может ли существовать художественный театр без поддержки?

Осип Дымов

Позвольте мне откликнуться на интересную и серьезную статью г-на Цивьона под названием «Литературные пьесы и бульварная литература».

Г-н Цивьон утверждает, что художественные театры Европы не могли бы существовать, если бы не получали субсидий от городских властей, королевских или кайзеровских дворов или частных лиц.

Такое утверждение может создать ошибочное мнение у людей, интересующихся этим вопросом. Я провел много лет в театре и театральной среде. Я ставил свои пьесы почти во всех странах мира. Я был сотрудником театрального журнала¹⁸. Я имел свою собственную труппу¹⁹. Я являюсь одним из руководителей Российского драматического союза²⁰ и могу смело сказать, что утверждение г-на Цивьона не соответствует фактам. В России, к примеру, около 200 театров. Они неплохо существуют, имеют чистую прибыль и не нуждаются в финансовой поддержке. Во многих больших городах театр не только не получает помощи от городских властей, а наоборот, городские власти получают приличный доход от владельцев театров. В Харькове, например, антрепренер театра, бывший актер и режиссер, зарабатывает за один сезон 40 000 рублей²¹. В других местах (в Петербурге и провинции) театры тоже приносят неплохую прибыль.

Все знают о театрах Корша и Незлобина в Москве или о бывшем театре Комиссаржевской в Петербурге²². Ни Корш, ни Незлобин, ни другие никогда не получали какую-либо поддержку. Корш ни за что не содержал бы театр на протяжении 25 лет, ни приноси он внушительную прибыль. А что сказать о великолепном Художественном театре Станиславского? Несмотря на то, что его содержание обходится в приличную сумму, он все еще дает немалый коммерческий доход.

Что ставят в русских театрах? Любой должен признать, что их репертуар отражает мировой драматургический уровень. Откройте журнал *Театр и искусство*, и вы найдете в нем следующие имена: Ибсен, Гауптман, Зудерман, Метерлинк, Шекспир, Шиллер, Толстой, Гоголь, Андреев, Чириков, новые пьесы Юшкевича, Сологуба, Шолома Аша и старые пьесы Якова Гордина.

Театр Корша в Москве в последние годы заработал немало денег на пьесах Гордина. Понятно, что бывают исключения и случается, что какой-то русский театр включает в свой репертуар и бульварщину, но в целом репертуар 200 русских театров, без сомнения, достаточно высокого уровня, — это подлинно художественный репертуар, и тем не менее, театры вполне обходятся без всякой поддержки.

В России такое отношение к театрам не составляет большого исключения. То же самое и в Германии, где театры принадлежат частным лицам и не получают никаких субсидий. Ставятся серьезные пьесы и, однако же, это не отражается на кассовых сборах. Театр Рейнгадта в Берлине²³, к примеру, является собственностью нескольких акционеров и ни при каких обстоятельствах не опускается до низменных вкусов толпы. Такие же театры имеются в Берлине и Вене, их несколько десятков, и я уверяю, что они делают весьма успешный бизнес.

Ни в Германии, ни в Австрии я вообще не встречал репертуар, который здесь называют «бульварщиной». Любимые писатели в Германии и Австрии это Гауптман, Зудерман, Шницлер, Беер<-Гофман>, Гофман-сталь, Ведекинд²⁵. Некоторые из них стали миллионерами и деньги заработали благодаря публике, а не меценатам.

Разумеется, что антрепренеры, ставившие их пьесы, тоже оказались в выигрыше.

Пьесы перечисленных писателей, как и многих других, типа Мольнара, Ибсена, Оскара Уайльда, Шекспира, Горького, Андреева <...> выдерживают по 200–300 спектаклей. Зачем же немецким и австрийским художественным театрам в таком случае меценаты и субсидии, когда они сами есть наилучший бизнес для частных собственников? Такая же ситуация во Франции, Дании, Швейцарии и других странах.

Санглийской сценой я мало знаком, но как-то не верится, что художественные театры Лондона живут на субсидиях. Такой, к примеру, очень характерный факт. В Лондоне я посетил «Посольский театр», который ставит Толстого, Бернарда Шоу, Стриндберга и др. И, как бы странно это ни звучало, театр принадлежит русской актрисе Л. Яворской (княгиня Барятинская)²⁶. Она несколько лет содержала театр в Петербурге, но ей больше нравилось играть в Лондоне, и, как я слышал от нее самой, она довольно хорошо обходится безо всяких субсидий.

Разумеется, и в России, и в Германии, и в Англии есть театры, которые сами существовать не могут и вынуждены прибегать к субсидиям. Таковым, к примеру, является Мариинский театр оперы и балета в Петербурге, или Дом оперы в Берлине. Такие театры, естественно, убыточны, но не следует забывать, что опера и балет — товар весьма дорогой. (В Нью-Йорке речь еще не идет о построении оперных и балетных театров европейского типа.)

Что же касается драматических театров, следует иметь в виду, что субсидируемые правительством или общественными организациями, они неизменно отличаются более низким художественным уровнем от тех, которые находятся в частных руках. И не стоит долго рассуждать, чтобы убедиться в том, что так оно есть сейчас и будет всегда.

Я показал здесь, что достаточно большое число существующих в мире художественных театров обходятся без финансовой поддержки. Из этого следует, что и здесь, в Нью-Йорке, должен появиться настоящий художественный театр. И те, кто его создаст, разбогатеют материально, а мы — духовно.

Литературные пьесы и бульварная литература

Цивьон

Вопрос, связанный с театром, стал у нас одним из банальных, появляющихся на повестке дня к началу и концу каждого сезона. Говоря театральным языком, я сказал бы, что этот вопрос стал нашим постоянным репертуаром. Тема такова: прогрессирует идишский театр или нет? Ответ: нет, не прогрессирует. Литературные пьесы не пользуются спросом, зато большой успех имеют бульварные поделки.

Спорят о причинах, и, разумеется, каждый театрал имеет собственное мнение, не согласующееся с мнением другого. Таким образом, есть множество мнений, и тот, кто испытывает желание все их выслушать, может остановиться на том, которое ему всего более по душе.

Если же кто-то упустил момент, чтобы выслушать чье-либо мнение, он не должен себя корить, поскольку в конце сезона появится возможность выслушать его вновь.

Тот факт, что вопрос о прогрессе или регрессе идишского театра стал принадлежать к «репертуару» банальных, показывает, что мы имеем дело с хронической болезнью, которая может быть излечена только радикальной операцией. В любом случае следует выбросить из головы, будто бы эту болезнь можно излечить заклинанием от сглаза или другими формами заклинаний и ворожбы.

С самого начала я хочу отказаться от всякого рода старых претензий, адресованных к театральным менеджерам, поскольку они не отвечают за искусство. Менеджеры прежде всего думают о бизнесе, и если бы они могли делать его на настоящем искусстве, они, безусловно, это делали бы. Нам не нужно было бы их агитировать и нападать на них.

И если мы имеем претензии к театральным менеджерам, то только как к представителям идишских учреждений культуры, поскольку театр, собственно, и есть учреждение культуры, которое призвано развивать вкус к народному искусству. В таком случае они должны были весьма иронически отнестись к той чести, которую мы им оказываем, хотя и могут в ответ на наши претензии заявить следующее: «Вы говорите, что

театр — это учреждение культуры, институт искусства, воспитывающий и развивающий художественный вкус масс. Все это очень красиво, но кто будет платить денежки за это воспитание? Вы же не можете от нас, бедных театральных менеджеров, требовать, чтобы мы содержали искусство для еврейского народа, тогда как сам народ платить за него не желает. При этом вы не должны забывать, что театр и литература тесно связаны. Если бы народ был воспитан на хорошей литературе, он и к театру мог бы иметь более тонкий вкус. Но если его изо дня в день кормят бульварной литературой, откуда этот вкус возьмется?

Помните, что первым воспитателем масс должны быть газеты. Они имеют большее влияние на общество, нежели сцена, поэтому их задача этим влиянием воспользоваться. Ежедневные газеты — это хедер, где широкие массы учатся и получают воспитание. Но что сделали до сих пор идишские ежедневные газеты, чтобы привить художественную культуру массам? Вы же не можете ждать от народа, который каждодневно кормится газетными сенсациями и бульварной литературой, чтобы он вдруг стал любителем глубоких литературных пьес и интеллектуального театра.

Почему же менеджеры и редакторы ежедневных газет потчуют народ бульварщиной и сенсациями? Разве им неведомо, что они тем самым не выполняют долг перед массами? Разве не знают они, что вместо того, чтобы улучшать вкус своих читателей, они, наоборот, извращают его?

Ответ один: сенсации и бульварщина — более ходовой товар, чем серьезная литература. Если газеты, чья ответственность перед общественностью гораздо выше, могут себе это позволить, почему в таком случае театр должен от них отставать? Какое положительное влияние может иметь газетная шумиха о необходимости лучшего театра и лучших пьес, когда в той же самой газете жалобы на беды театра на одной странице соседствуют с бульварщиной высшего сорта, поданной с большим размахом на другой? Это означает погружаться в микву с нечистотами в руке».

Что можем мы ответить театральным менеджерам, если бы они предъявили нам такие претензии? И разве они будут не правы?

Я не хочу здесь вдаваться в специальное рассуждение о том, насколько наша оценка работы театров верная. Быть может, имеет смысл немного подумать: не все ли наши претензии к театру, как к явлению художественному, несколько преувеличены? По правде сказать, мы же не идем в театр для того, чтобы изучать искусство, мы идем туда, главным образом, чтобы развлечься. И хотели бы, чтобы развлечение это было утонченным, изящным. Мы ждем, чтобы театр давал нам развлечение через искусство, т. е. чтобы искусство нас развлекало. Но суть-то в том, что акцент делается на развлечении, а не на искусстве.

И мы должны свыкнуться с мыслью, что чем дальше, тем больше театр будет становиться местом для развлечения, и все меньше художественным театром.

Это не только у нас, у евреев, так, но и у других народов; это общее правило как для евреев, так и для христиан. Если у неевреев театр начал терять свое художественное содержание, и чем дальше, тем больше превращается в место развлечения, то более, чем естественно, что у нас, евреев, происходит то же самое. Евреи за свои деньги получают не меньшую бульварщину, чем неевреи.

Это не значит, что я согласен с существующим положением и полагаю, что его не стоит изменить. Я хотел лишь показать, что причины, его создавшие, таковы, что простым чтением нотаций от них не избавишься.

Художественные театры Европы, с которых мы, как правило, берем пример, когда говорим о состоянии идишского театра, не могли бы существовать, если бы не получали субсидий от городских властей, от королевских и кайзеровских дворов или от частных лиц. Большинство художественных театров Европы имеют значительные убытки и давно бы умерли без финансовой поддержки. Здешняя Metropolitan opera уже давно бы закрылась, не будь меценатов, которые на протяжении многих лет субсидируют ее существование.

Для нас было бы намного выгоднее, если бы мы прекратили рассуждения о прогрессе и регрессе нашего идишского театра, а лучше поставили бы вопрос: *на каком фундаменте можно построить еврейский народный театр, который был бы в действительности художественным театром?*

И в этом вопросе нам должно быть абсолютно ясно: настоящий художественный театр не может себя содержать. Для этого нужно вкладывать деньги. Кто же, таким образом, будет покрывать дефицит?

Если бы мы могли заинтересовать нескольких еврейских богатеев-филантропов, это было бы, конечно, хорошо. Весьма благородное дело — дать деньги на художественный театр, и было бы справедливо, чтобы у нас нашлись такие евреи, любители искусства, которые нашли необходимую сумму для столь богоугодного мероприятия. Еврейские массы были бы, конечно, им благодарны.

Однако я сомневаюсь, что отыщется столь уж много таких евреев. Евреев-благотворителей для англоязычного театра найдется гораздо больше. Стало быть, лучшее средство — чтобы народ платил сам, а значит, необходимо организовать массы для этой цели. Если мы верим в успех данного предприятия, его необходимо начинать. Это будет практическим, конкретным делом.

¹ Прежде всего к ивритской энциклопедии Давида Тидгара «Entsiklopedia le-khalutsei haiashuv ve-bonav» (Tel Aviv, 1947, vol. 2, am. 900–01), источника самого по себе важного, но в целом ряде сообщаемых сведений весьма ненадежного.

² См. о нем: *Хазан Владимир*. Пинхас Рутенберг: От террориста к сионисту: В 2 т. Иерусалим; М., 2008.

³ См. упоминание его имени в «Палестинских дневниках» Ф. Х. Киша: *Palestine Diary by Lt.-Colonel F.H. Kisch, Chairman of the Palestine Zionist Executive 1923–1931 (With a Foreword by The Rt. Hon D. Lloyd George)*. London, 1938, p. 300 (запись от 1930, Май 29).

⁴ См. неоднократное упоминание его имени в дневнике Х. Арлосорова, эл. ресурс: http://benyehuda.org/arlosoroff/jj_nov1931.html (*иврит*).

⁵ См. о нем, например: *Draper Theodore*. The Mystery of Max Eitingon // The New York Review of Books, 1988, April 14; *Эткинд Александр*. Эрос невозможно: История психоанализа в России. СПб., 1993; *Wilmers Mary-Kay*. The Eitingons: A Twentieth-Century Story. London: New York, 2010 (по указателю); *Tabachnikova Olga*. Cultural Anxieties of Russian-Jewish Émigrés: Max Eitingon and Lev Shestov. The Russian Jewish Diaspora and European Culture, 1917–1937 / Ed. by Jörg Schulte <et al.>. Liedens; Boston, 2012, pp. 127–45; *Ginor Izabella, Remez Gideon*. Her Son, the Atomic Scientist: Mirra Birens, Yuli Khariton, and Max Eitingon's Services for the Soviets. *Journal of Modern Studies*, 2012, vol. 11, n 1, pp. 39–59 и др.

⁶ Исцеление для неизлечимых: Эпистолярный диалог Льва Шестова и Макса Эйтингона / Сост., подг. текста В. Хазана и Е. Ильиной; вступ. ст. и коммент. В. Хазана. М., 2014. С. 15.

⁷ О посещении Л. Шестовым Палестины весной 1936 г., см. в книге, указанной в предыдущем примеч.

⁸ *Штейнберг А. З.* Литературный архипелаг / Вступ. ст., сост., подг. текста и коммент. Н. Портновой и В. Хазана. М., 2009. С. 263.

⁹ См.: The Central Zionist Archives (Jerusalem). A106/1–35.

¹⁰ A Death of Zionist Civil Servant: Mr. J. Gordon: (Administrator with Imagination of a Planner). *The Palestine Post*, 1941, October 17, p. 3.

¹¹ См.: На-Tsofeh, 1943, October 26, am. 3 (Hebrew).

¹² Хиршбейн Перец (Hirshbein Peretz; 1880–1948), еврейский (идишский) драматург, прозаик, журналист, театральный режиссер.

¹³ Шофар — еврейский ритуальный духовой музыкальный инструмент, сделанный из рога животного.

¹⁴ Широко известные слова основоположника сионизма Т. Герцля: «Wenn ihr wollt, ist es kein Märchen».

¹⁵ По всей видимости, Гордон имеет в виду немецкого журналиста, драматурга, теоретика театра и режиссера Георга Фукса (Georg Fuchs; 1868–1949).

¹⁶ Бадхан — клоун, шут, человек, приглашаемый с целью развлечь кого-то (*иврит*).

¹⁷ Хазанут — синагогальное пение (*иврит*).

¹⁸ Имеется в виду российский журнал *Театр и искусство* (январь 1897 — октябрь 1918 гг.; ред. А. Р. Кугель), в котором Дымов не только сотрудничал, но и секретарствовал в 1899–1900 гг.

¹⁹ Речь идет о том, что весной–летом 1913 г. Дымов собрал актерскую труппу и гастролировал с ней по российской и польской провинции, демонстрируя свою пьесу «Вечный странник». Именно в ходе этой поездки он встретился в Лодзи с известным еврейским антрепренером, драматургом, актером, режиссером и историком еврейского театра Б. Томашевским, который, как считается, предложил ему отправиться в Америку для постановки «Вечного странника» в нью-йоркском Национальном еврейском театре. О причинах дымовского отъезда из России и более точной его хронологии см. во вступительной статье В. Хазана к кн.: *Дымов Осип*. Вспомнилось, захотелось рассказать... Из мемуарного и эпистолярного наследия: В 2 т. Т. 1 / Пер. с идиша М. Лемстера; общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. Хазана. Jerusalem: The Hebrew University of Jerusalem; Center of Slavic Languages and Literatures, 2011, с. 72.

²¹ Несколько завышенная самооценка: Дымов был не «одним из руководителей Российского драматического союза» (в тексте сказано даже — «директоров»), а являлся рядовым членом петербургского Союза драматических и музыкальных писателей (с 1 февраля 1903 г.) и исполнял обязанности одного из секретарей Первого всероссийского съезда Союза, проходившего 14 февраля 1906 г. в фойе Панаевского театра (председатель съезда — П. И. Вейнберг, товарищи председателя — проф. Н. Ф. Соловьев, И. Н. Потапенко и Е. П. Карпов), см. об этом съезде: *Дымов О.* Петербургские театры (Письмо второе) // Золотое руно. 1906. № 3. С. 105–108.

²² Имеется в виду актер и режиссер Николай Николаевич Синельников (1855–1939); с 1900 по 1909 гг. был главным режиссером Театра Корша в Москве, с 1910 г. возглавлял антрепризу в Харькове.

²³ Дымов перечисляет столичные театры, к которым был близок как драматург. Театр Корша основан в Москве театральным деятелем, антрепренером Федором Адамовичем Коршем (1852–1923) в 1882 г. (открылся 30 августа премьерой гоголевского «Ревизора»); просуществовал до 1932 г.; в нем шла дымовская пьеса «Долг» (преьера состоялась 12 января 1907 г.).

Константин Николаевич Незлобин (наст. фамилия Алябьев; 1857–1930), антрепренер, режиссер и актер. Сценическую деятельность начал в 1883 г. в Петербурге, в 1885–86 гг. держал антрепризу в доме Общества дешевых квартир и играл на сцене собственного театра. Затем переехал в Вильно (о спектаклях в виленской антрепризе Незлобина см.: Театр и искусство. 1899. № 44, 31 октября. С. 781; Там же. 1900. № 8, 20 февраля. С. 173–74; подробно о них см.: *Бруштейн А.* Страницы прошлого. М., 1956. С. 267–297). Именно в качестве виленского антрепренера Незлобин появился в родном Дымову Белостоке, где произошло их знакомство и дымовский дебют с одноактной пьесой «Простокваша», см. об этом в его воспоминаниях: *Дымов О.* Вспомнилось, захотелось рассказать... Т. 1. С. 324–25. После рижской антрепризы (1902–09, позднее: 1914–16 гг., см. о ней: *Велизарий М. И.* Путь провинциальной актрисы. Л.; М., 1938. С. 256–61; *Тименчик Роман.* Разрозненные страницы: (Из истории русского театра в Риге) // Даугава. 1983. № 11. С. 117–125) обосновался в Москве и открыл там свой театр. В нем шел самый шумевший дымовский спектакль по пьесе «Ню» (реж. К. Марджанов, дек. С. Судейкина, в главной роли была занята В. Юренева; премьера состоялась 15 сентября 1909 г.).

О театре Веры Федоровны Комиссаржевской (1864–1910) Дымов писал неоднократно — и при ее жизни (*Дымов О.* Театр В. Ф. Комиссаржевской // Золотое руно. 1906. № 11/12. С. 137–38), и в особенности после смерти, обращаясь к ее памяти, см.: *Дымов О.* Вера Федоровна Комиссаржевская // Искорки. 1910. № 7, февраль. С. 2; *Он же.* В. Ф. Комиссаржевская (к годовщине со дня смерти) // Всеобщий журнал литературы, искусства, науки и общественной жизни. 1911. № 3, февраль. Стлб. 34–52 (здесь он говорит о ее похоронах как «национальном народном трауре»); *Он же.* В. Ф. Комиссаржевская // Солнце России. 1912. № 7(106), февраль. С. 6 (то же: Волны. 1912. № 2. С. 85–6); последняя из известных нам статей Дымова о Комиссаржевской появилась в российской печати, когда ее автор жил уже в США, см.: *Дымов О.* В. Ф. Комиссаржевская // Театр, музыка и спорт. 1914. № 11. С. 3–7; в русскоязычной американской печати Дымов рассказывал о Комиссаржевской в очерке «Тени безгрешные!» (Русский голос. 1926. № 3917, 7 августа. С. 2), в котором описывается, как в день рождения, сыграв «Огни Ивановой ночи» Г. Зудермана, она была удостоена такого ликования публики, что студенты после спектакля выпрягли лошадей из ее экипажа и на себе отвезли актрису из Александрийского театра на Васильевский остров.

²⁴ О взаимоотношениях Дымова с немецким актером и режиссером Максом Рейнгардтом (1873–1943), в берлинском Kammerspiele которого была поставлена пьеса «Ню» (премьера состоялась 17 (30) марта 1908 г.), см. в кн.: *Дымов О.* Вспомнилось, захотелось рассказать... (по указателю, в особенности — Т. 2. С. 295–328).

²⁵ Дымов перечисляет крупнейших немецкоязычных драматургов, большинство из которых знал лично: нобелевский лауреат (1912) Герхарт Иоганн Роберт Гауптман (1862–1946), Герман Зудерман (1857–1928), Артур Шницлер (1862–1931), Ричард Беер-Гофман (1866–1945), Гуго фон Гофмансталь (1874–1929), Франк (Беньямин Франклин) Ведекинд (1864–1918).

²⁶ Имеется в виду актриса Лидия Борисовна Яворская (урожд. Гюббенет; по мужу Бяратинская; 1871, по др. данным 1869–1921). 15 сентября 1901 г. Яворская открыла в Петербурге собственный Новый театр (последний сыгранный спектакль — 12 февраля 1906 г.), номинальным атрепренером которого был ее муж, драматург, прозаик, журналист, мемуарист Владимир Владимирович Бяратинский (1874–1941). Дымов, который хорошо Яворскую знал (см. его воспоминания о ней: *Дымов О.* Вспомнилось, захотелось рассказать... Т. 1. С. 465–70), многократно обращался в своих театральных обзорах и рецензиях к деятельности ее театра и к ее собственной игре, см., в частности, его рецензию на бенефис Яворской, состоявшийся 18 января 1905 г. (спектакль по пьесе Д'Аннунцио «Дочь Йориро»): О. Д<ымов>. Бенефис Яворской. Биржевые ведомости. 1905. № 8621, 19 января. С. 6. Начиная с 1907 г., жизнь Яворской была заполнена многочисленными гастрольными поездками, в том числе она подолгу жила за границей. В 1913 г. Дымов встретился с ней в Лондоне, откуда отплывал в Америку. В 1916 г. Яворская разошлась с мужем, в 1918 г. окончательно уехала в Лондон, где в 1920 г. вышла замуж за Фредерика Джона Поллока.

Восточноевропейская синагогальная декорация и мир идишкайта в эмиграции: росписи белостокской синагоги в Нью-Йорке

Евгений Котляр (Харьков)

Духовный и материальный мир восточноевропейского еврейства, который более пяти веков формировал облик евреев на современных территориях Польши, России, Украины, Литвы, Беларуси, Румынии и других стран, исчез с культурной карты послевоенной Европы. Он был уничтожен вместе с его носителями в огне Холокоста и геноциде тоталитарных режимов XX века. Однако накануне своей гибели культурные традиции этого мира были перенесены за моря и океаны вместе с еврейской эмиграцией, благодаря чему островки этой ушедшей ныне культуры сохранились далеко от ее родных берегов.

Прогуливаясь по одному из старинных районов Нью-Йорка — Нижнему Ист-Сайду (Lower East Side), который сто лет назад был сердцем еврейской эмиграции Нью-Йорка и всей Америки, на фасадах многих зданий все еще можно прочесть названия старых еврейских общин из городов и местечек Восточной Европы¹. Ныне это действующие или закрытые синагоги, некоторые из них переделаны в протестантские церкви. В последнем случае на окнах с *маген-давидами*² или фасадах со скрижалями, на которых вырезана аббревиатура декалога³ на иврите, установлены кресты. Никто не стал скрывать старую еврейскую символику, что характерно для страны иммигрантов, где отношение к местам и объектам прошлой святости было иным, чем в Европе. Миграции стали здесь привычным делом, и освободившиеся места и здания быстро осваивались новыми беженцами и другими конгрегациями⁴. Нередко и еврейские общины выкупали здания протестантских церквей для синагог⁵, а также обустроивали в них т.н. «временные синагоги» на время еврейских новогодних праздников⁶. В надписях на старых синагогах Нижнего Ист-Сайда зафиксированы места происхождения многих еврейских общин, в частности из Подолии и Галиции. Мы встречаем, к примеру, синагоги выходцев из Межерича (Anshe Meseritz Synagogue, 1910, NYC,

415 East 6th Street), Подгайцов (Masas Benjamin Anshe Podhaice, NYC, 108 East 1st Street), Проскурова (ныне — Хмельницкий) (Center of the Proskurover Zion Congregation, 1927, NYC, 431 East 6th Street), Бережан (Congregation Bnai Jacob Anshe Brzezan, 1913, NYC 180 Stanton Street), переделанную в адвентистскую церковь синагогу евреев из белорусского местечка Илья (Beth Hakneseth Poalei Zedek Anshe Ileya, NYC, 126 Forsyth Street) и многие другие⁷. Одна из подобных синагог, о которых пойдет речь в данной статье, — Белостокер-Шул (Bialystoker Shul)⁸, напротив, была перестроена из церкви, которую выкупили у протестантов выходцы из Белостока — польского, а в то время российского города с богатой и трагической еврейской историей⁹. Автор этой публикации, родившийся в украинском Харькове и объездивший почти всю Восточную Европу в поисках следов еврейской художественной культуры, неожиданно нашел их по другую сторону Атлантики¹⁰. Живописное убранство этой синагоги показывает все великолепие традиции росписей синагог Восточной Европы. Эта художественная культура не дошла до нас из-за Катастрофы европейского еврейства, которая изменила в послевоенный период его демографию, географический ареал и социально-культурный портрет в целом.

Росписи синагог были неотъемлемой частью культуры *штетла*¹¹ — *идишкайта*¹², которая оборвалась у оврагов Бабьего Яра и в газовых камерах Освенцима. Уцелевшие евреи не смогли вернуться к старым формам жизни. Политические режимы стран социалистического блока, существовавшие в Восточной Европе вплоть до распада СССР, не позволяли развернуться ни религиозной, ни национальной жизни евреев, отринув их от собственного наследия¹³. Между новыми поколениями, возвращающимися к своим корням, и довоенным еврейством пролегла пропасть. Она оказалась особенно ощутимой в сфере традиционного искусства, многие сюжеты и символы которого были вычеркнуты не только из повседневной жизни, но и ментальной памяти современного поколения и, в конечном счете, забыты. Лишь несколько десятков дошедших до нас синагог с полностью или частично сохранившимся живописным декором остались наглядным свидетельством силы религиозного духа, царившего в старых еврейских общинах¹⁴. К этим памятникам можно добавить немногочисленные синагоги в странах еврейской эмиграции, главным образом в США и Канаде, которые сохранили следы этой традиции, стали маркерами восточноевропейского еврейского присутствия и символами *идишкайта* в Новом Свете¹⁵. Синагога Белостокер-шул в Нью-Йорке — одна из них, причем наиболее яркое воплощение этой традиции. Ниже мы попытаемся рассмотреть комплекс росписей этой синагоги как редкий сохранившийся образец

восточноевропейской синагогальной декорации, исследовать программу росписей, сюжетно-символический репертуар и его источники, показать важность этого памятника для реконструкции утраченного ныне явления синагогальной живописи.

Появление этой и других подобных синагог в Америке обусловлено более крупным социально-культурным явлением — переносом уклада жизни и культуры восточноевропейских евреев за океан. Причем по своему масштабу и характеру это было настоящей культурной экспансией, имевшей свои причины и особые обстоятельства. Без этого общего контекста невозможно понять, как на протяжении нескольких десятилетий больше четверти восточноевропейского еврейства¹⁶ в буквальном смысле десантировалось на американскую землю, продолжая соблюдать образ жизни и сохранять вековые ценности, которые сложились на их «малой» родине¹⁷.

Исход евреев из восточноевропейского «Египта» и сохранение культурной идентичности

Бегство евреев было вызвано волной кровавых погромов 1881–82 гг., вспыхнувших как реакция на убийство народовольцами российского императора Александра II. В последующие годы лишения и преследования, связанные с революциями и Первой мировой войной, придали еврейскому исходу масштаб массового переселения народа. Надежды и вера многих евреев в обретении гражданского равноправия с коренными жителями потерпели крах и вызвали хаос в еврейской среде. Часть из них, охваченная палестинофильскими настроениями, рвалась в Палестину, формировала на Святой Земле новые еврейские *ишув*¹⁸ (поселения) как базу для дальнейшей репатриации. Основная масса евреев уезжала в Северную Америку и другие земли в поисках физического убежища. Но не только погромы и притеснения заставляли евреев искать новые пристанища. Демографическое давление в черте оседлости и местах массового скопления евреев и связанная с ним внутренняя еврейская конкуренция подталкивали их к эмиграции¹⁹. Евреи уезжали на свободные земли, где можно было не только выжить, но и развернуться. К тому же вести из-за океана — в данном случае, Америки — о массовых переселениях и постепенном налаживании жизни и быта иммигрантов, деятельности многих организаций, помогавшим беженцам адаптироваться к новой действительности, таким как Общество помощи еврейским иммигрантам²⁰ или Образовательный Альянс²¹, усиливали ажиотаж и подталкивали многих к отъезду.

Целые общины срывались с веками насиженных мест, формируя в иных географических и культурных широтах свои землячества и субкультурные анклавы. Восточноевропейскую эмиграцию не случайно сравнивали с исходом евреев из Египта, а Америку — с Землей Обетованной, что подкреплялось многочисленными иллюстрациями, где местечковые евреи переходили Атлантический океан, как их библейские предки — Красное море²². И это было не просто метафорой. Масштаб этой эмиграции был сравним с бежавшими — пусть и единовременно — из египетского рабства²³. Подобно древнему Ханаану, Соединенные Штаты стали на рубеже XIX–XX вв. местом избавления евреев от преследований. Более того, постепенное освобождение от синдрома собственной второсортности, вызванное вековыми притеснениями в Европе и особенно России, позволяли евреям не просто укрепляться социально, но и чувствовать себя свободными в духовно-культурной сфере, самим влияя на многие процессы и улучшая общественную жизнь. Новые условия способствовали трансформации еврейских ценностей и норм, где известный религиозный принцип исправления мира — *Тиккун Олам* распространялся на светскую жизнь евреев, а через них и на все американское общество²⁴. Десятилетия спустя, по мере стабилизации еврейской жизни, этот исход отложился в сознании потомков как метабиблейский сюжет. Оглядываясь в свое прошлое, потомки еврейских иммигрантов понимали, что спасение евреев и их переход к хорошей жизни в Америке обошлись ценой невероятных усилий не только самого «поколения исхода»²⁵, но и их детей и внуков²⁶.

С 1881 по 1924 год²⁷ более 3 млн евреев, главным образом из России, Австро-Венгрии и Румынии, покинули Восточную Европу. Более 80 % из них прибыли в Соединенные Штаты Америки, 7 % переехали в Западную Европу и от 10 до 13 % — в Канаду, Австралию, Аргентину, Северную Африку и Палестину²⁸. Для общего представления о масштабах эмиграции, формирования общин и учреждения синагог достаточно указать статистику по одному Нью-Йорку, который был главным собирательным и перевалочным пунктом. По состоянию на 1939 год, здесь было зафиксировано более двух тысяч исторических адресов синагог (общин), из которых многие к тому времени уже не существовали. Чуть меньше четверти из них приходилось на вышеупомянутый Нижний Ист-Сайд²⁹, который в первые десятилетия эмиграции стал своеобразным коридором для евреев в настоящую Америку. В 1917 году в этом районе проживало около четырехсот тысяч евреев — четверть городского еврейского населения³⁰. Более 200-х синагог из указанного числа были основаны выходцами из Польши, Украины и Белоруссии, другие — общинами из Румынии, Австро-Венгрии, Бессарабии, Литвы, Латвии, Греции и других стран.

Евреи уезжали вместе со своими «перинами, субботными подсвечниками и самоварами»³¹ и утверждали на новом месте сложившиеся в восточноевропейских местечках традиции и обычаи. Среди вывезенного ими багажа находилась религиозная, а также связанная с ней архитектурно-художественная традиция, бытовавшая на их родине. Несмотря на все трудности, евреи жили на новых местах подлинной национальной жизнью, сохраняя сложившийся на их бывшей родине уклад в чистоте и неприкосновенности. Стремительный отъезд евреев способствовал и тому, что культура беженцев была перенесена, по словам исследовательницы американской истории евреев Хаси Дайнер, практически в «неразбавленном» виде³². Старые традиции объединяли дух и быт беженцев, группировали их вокруг своих землячеств, поддерживали в тяжелых условиях конкуренции и борьбы за интеграцию в «настоящую» Америку. По сути, переезд местечковых евреев еще не означал начало качественно иной жизни. Долгие десятилетия уходило на их постепенную американизацию. В местах массовых поселений жизнь иммигрантов из разных городов была похожа на кишаший улей. Она мало отличалась от скученной жизни в восточноевропейских *штетлах*³³. Лишь новое поколение имело шансы на переезд в «другую» Америку. Старые эмигранты, связанные с традицией, и на новом месте жили по старинке, хранили память о своей родине, за которую держались как за спасательный круг в чужом окружении и в условиях сильной конкуренции среди «других своих». Организация общин и синагог осуществлялось по принципу землячеств (*landsmanshaft*), объединявших выходцев из того или иного города или региона в Европе³⁴. Это мотивировало и обращение к «домашним» европейским формам архитектуры, которые могли напоминать оставленные в Европе синагоги и служить еще одним маркером идентификации своей родины: страны, городка, местечка³⁵. Впоследствии облик этой иммиграции значительно изменился: сотни тысяч бедных изгоев-беженцев если не в первом, то во втором и дальнейших поколениях постепенно американизировались, все больше отрываясь от старого мира и его традиций.

Постепенно в англоязычной еврейской диаспоре, прежде всего в США, утраченный мир восточноевропейского еврейства стал осмысливаться как культурное пространство *штетла*, которое существовало уже не в физическом измерении, а в ментальности. Среди работ, перевернувших представление о самом феномене *штетла*, была книга М. Зборовски и Е. Герцог, посвященная мифологизации еврейского местечка, романтизации и пасторальности мира, погибшего в Холокосте, но оставшегося в памяти евреев³⁶. Эти авторы сконструировали идеальную модель еврейского местечка, создав ореол и вокруг его культурного наследия. Стараниями других исследователей идеализированный образ

штетла последовательно канонизировался в еврейской памяти, превращаясь в «заповедный ландшафт»³⁷, овеянный чуть ли не райскими коннотациями. Адептом такого восприятия выступил Дж. Ротенберг, уподобивший переселение евреев из *штетлов* и гетто в Америку вышеупомянутому выходу из Египта и изгнанию из рая, где еврейская жизнь могла существовать во всей полноте³⁸. Пестрый мир *штетла* стал хранителем уникальной культуры еврейского народа. Она основывалась на консервативности жизненного и общинного уклада, духе религиозной традиции, представлении о доли изгнанников и жизни в *галуте*³⁹ и вере в мессианское избавление и возвращение в Эрец-Исраэль. Эта культура охватила широкий круг индивидуальной и общинной еврейской жизни, сформировала особый тип восточноевропейского ашкеназийского еврейства и сам феномен *идишкайта*, вошла в историю под определением «цивилизация *штетла*»⁴⁰. В ходе своего развития она рождала к жизни оригинальные типы традиционной архитектуры и народного искусства, круг символов и сюжетов, отражавших коллективное еврейское сознание и связь с местными традициями. Данный источник питал и профессиональное движение еврейских художников, которое на рубеже XIX–XX вв. во многом влияло на ход тогдашнего художественного процесса⁴¹.

Традиция росписей синагог и ее американский контекст

В полной мере духовная и художественная культура *штетла* нашла свое воплощение в росписях синагог еврейских местечек. Начало этой традиции было положено в конце XVII в. в синагогах Речи Пополитой, а в своем полном виде иконография росписей складывается к середине XVIII века. Со временем, претерпевая определенные изменения, она органично вписалась в контекст всей восточноевропейской еврейской культуры и сохранялась вплоть до Второй мировой войны на огромной территории от Днепра до Рейна и от Балтики до Черного моря. Феномен этой традиции состоял в том, что она не декларировалась «сверху», не освящалась предписаниями Торы и раввинистическими установлениями, а формировалась снизу, из глубины еврейской народной культуры, вбирая в себя компоненты Торы, каббалы, *мидрашей*⁴², народного фольклора, окружающей жизни и быта, европейских исторических стилей и народного примитива. Нередко она вступала в противоречие с нормами еврейского религиозного закона — *Галахи*, которые, прежде всего, касались тонкостей интерпретации второй заповеди Моисея, декларирующей запрет человеческих изображений⁴³ и сдерживающей, как считалось, развитие изобразительного искусства⁴⁴ в еврейской среде и его исследования⁴⁵.

Идейная основа синагогальной декорации была связана с желанием преобразить пространство молельного зала в место, где пребывает *Шехина* (ивр. — «божественное присутствие») во время богослужений, и усилить молитвенное воодушевление прихожан. Относясь в некотором роде к священнодействию, росписи были частью еврейского Космоса и выражали разными художественными приемами несколько интегрированных в одно целое концепций⁴⁶. Прежде всего, интерьер синагоги ориентировался на образ библейской Скинии⁴⁷ — переносного Храма, как понятную евреям модель сакрализации молитвенного пространства. Другая идея была связана с репрезентацией космологического миропорядка — иерархии земного и небесного (божественного), основанного на еврейской картине мира и эсхатологических воззрениях. Здесь образы священной еврейской истории и сакральной географии соединялись с метаисторической хронологией от библейской идиллии до исторического изгнания — *галута* и грядущего мессиянского избавления⁴⁸ — *геулы*. Стены и своды молельного зала олицетворяли мир земной и небесный. Еще один концепт соотносил пространство молельного зала с образом райского сада и мессиянского мира, «землей, текущей молоком и медом» (Исход 3 : 8), цветущей и одухотворенной обителью Всевышнего и местом собирания народа Израиля в Эрец-Исраэль. Эти метафорические идеи, многократно переплетенные и включенные средствами искусства в молитвенное пространство, усиливали эффект сакрализации синагоги. Широкий репертуар сюжетов и символов, системно объединенный орнаментальным ковровым декором, олицетворял эти идеи. Однако далеко не всегда вся программа росписей воплощалась в полном объеме. Нередко она была представлена редуцированно, лишь намекая на полный развернутый смысл.

Характер развития синагогальной живописи был достаточно консервативным, представляя традицию, развивавшуюся «из поколения в поколение»⁴⁹, и одновременно очень динамичным. Стилистика и сюжеты стенописи отражали разнообразные изменения внутри и снаружи еврейского мира, будь то зарождение хасидизма, влияние еврейской модернизации, палестинофильства и сионизма, а также эволюционировали вместе с общественными изменениями и сменой художественных стилей и вкусов. В этом смысле, восточноевропейская синагогальная декорация представляла собой идейно-художественную систему визуализации еврейской картины мира.

Вместе с еврейскими иммигрантами эта художественная традиция оказалась в Америке. Здесь из живого наследия она превратилась в реликтовую культуру, оторванную от своих европейских корней и обреченную на ассимиляцию. Очевидно, что представители многих тради-

ционных еврейских профессий, связанных с декорированием синагог, изготовлением *Арон Кодеш*⁵⁰ и другой ритуальной утвари, оказались среди иммигрантов и продолжали обслуживать религиозно-общинную жизнь, а также искать для себя новые профессиональные перспективы. Их сложный путь трансформации в американскую действительность был показан на большой выставке «Gilded Lions and Jeweled Horses. The Synagogue to Carousel. Jewish Carving Traditions», прошедшей в 2007 году в музее Американского народного искусства в Нью-Йорке. Здесь было представлено искусство еврейских резчиков по дереву, которое вначале было перенесено в синагоги еврейских иммигрантов, а позднее трансформировалось в индустрию развлечений⁵¹. Среди резчиков, вышедших из местечек и приехавших в Америку, были Абрам Шулкин, Самуил Кац, Исаак Штернберг, Марк Чарльз Иллионс, Соломон Штейн и др.⁵² С развитием и последующим перепрофилированием — своеобразной секуляризацией их профессиональной деятельности, синагогальный лев из резных *Арон Кодеш* превратился в привлекательную карусельную деревянную лошадку. Хотя история не донесла до нас имена тех, кто расписывал «восточноевропейские» синагоги в Америке (в отличие от старинных синагог в самой Восточной Европе, где авторы вписывали свои имена в клеймы и картуши стенописного декора), нет сомнений, что живопись также активно использовали для украшения синагог в период массовой эмиграции. Но на рубеже 1930–1940-х годов старая традиция сходит с авансены из-за несоответствия новым идеалам американского еврейства. В синагогах более позднего времени мотивы восточноевропейской декорации используются как символ памяти ушедшей цивилизации *штетла*, но уже не являются художественным воплощением живой еврейской традиции, — ее заменяет новая культурная парадигма успешного и процветающего американского еврейства⁵³.

Сегодня в силу многих причин сохранившиеся артефакты этой традиции оказались на грани исчезновения. Говоря о Нью-Йорке, в частности, о районе Нижний Ист-Сайд, можно назвать лишь единичные примеры сохранившихся синагог, таких как Eldridge Street Synagogue, Beth Hamedrash Hagadol, Stanton Street Synagogue (Congregation Bnai Jacob Anshe Brzezan) и, наконец, Белостокер-шул, которые все еще хранят память об этом культурном феномене⁵⁴. Полноценное осмысление «американского», вторичного всплеска данной традиции все еще впереди. Нам даже трудно представить себе статистику синагог, которые были расписаны в таком духе 80–130 лет назад восточноевропейскими эмигрантами, ведь до нас, действительно, дошли единицы. Недавние реставрационные работы в синагоге Вильна-шул (Vilna Shul) в Бостоне позволили расчистить первоначальный слой живописи с прекрасными

примерами сюжетов из цикла «Святые места Эрец-Исраэль»⁵⁵. Известно, сколько таких синагог сохранилось в других районах Нью-Йорка и городах Америки, связанных с массовой эмиграцией евреев, к примеру, в Балтиморе, Чикаго, Кливленде, Филадельфии, Питтсбурге, особенно в тех районах, где они проживали крупными этническими анклавами, подобно Нижнему Ист-Сайду в Нью-Йорке⁵⁶. Известный исследователь американских синагог Оскар Исраэловиц называл эту традицию «old-world *shetl* style»⁵⁷, когда говорил об архитектуре и росписях синагог восточноевропейских эмигрантов. На это указывал и его младший коллега Самуэль Грубер на Первом еврейском конгрессе в Польше (2008 г.), подчеркивая разнообразные влияния синагог бывших земель Речи Посполитой на американские синагоги, построенные и распланированные выходцами из Восточной Европы⁵⁸. Среди конкретных мотивов в синагогальной архитектуре он называл использование дерева как строительного материала в память о деревянных синагогах и двойные башенные пристройки, в резьбе — парные фигурки львов; в росписях — зодиакальный цикл⁵⁹. Однако масштабного исследования в этой области нет, хотя другие аспекты восточноевропейской эмиграции изучены более глубоко, что позволяет выстроить широкий контекст распространения этого явления.

Многочисленная литература, посвященная переселению евреев в США, Канаду и другие страны, рассматривает, прежде всего, вопросы истории, социологии, а также мифологизации памяти поколения исхода из Восточной Европы (Дж. Сорин⁶⁰, Г. Сакер⁶¹, Б. Сек⁶²). В большинстве из них упоминания о синагогах приводятся для уточнения локализации жизнедеятельности общин и их социального статуса. Отдельный корпус литературы посвящен американским синагогам в историко-культурной ретроспекции жизни религиозных общин (О. Исраэловиц⁶³, М. Л. Рафаэль⁶⁴), а также синагогальной архитектуре (Р. Вишницер⁶⁵, Г. Штольцман⁶⁶). Исследованию декорации интерьеров уделялось гораздо меньше внимания. Помимо известной работы Аврама Кампфа, посвященной развитию синагогального искусства и дизайну интерьеров американских синагог в послевоенные десятилетия⁶⁷, фундаментального искусствоведческого исследования по декорациям синагог, в частности, по такому субкультурному явлению, как синагоги восточноевропейских эмигрантов, сделано не было. В то же время Кампф указывал на коренные отличия старой восточноевропейской традиции росписей (на примере росписей деревянной синагоги в Могилеве, 1740) от современных тенденций, в т. ч. и в американских синагогах. По его мнению, старые мастера, вышедшие из самой общины, вкладывали в свою работу дух святости и мир идей своей общины, которые отражали их чувства и веру, они жили во имя своей работы и целиком отдавались

ей. В послевоенное время такой подход был утрачен из-за контрактной системы наёма художников общинами, вследствие чего мастера были вынуждены угождать заказчикам, которые часто не могли выразить свои религиозные чувства в конкретные пожелания для составления программы декорации⁶⁸.

Именно об этом типе живописной декорации, где работа художника считалась и называлась святой, и идет речь применительно к синагогам утраченной восточноевропейской традиции. Ее отличал и определял особый дух переживаний молитвенного контакта с Богом, где живопись, говоря пафосно, выражала космос еврейского мироощущения. В дизайне поздних и даже современных синагог, идеи, заложенные в программе старой восточноевропейской традиции, были сохранены и модернизированы. Но это была преемственность общей концепции обустройства молитвенного пространства, основанной на общих прототипах, архетипах и символах (Скинния, Храм, космологическое мироустройство, символические структуры и пр.). Вместе с тем, возврата к старым формам и подходам уже не было — все это осталось в своем временном континууме — времени исхода и трансформации восточноевропейского еврейства в американское. Это время и олицетворяет живописный ансамбль белостокской синагоги в Нью-Йорке. Программа ее росписей, иконографии сюжетов и живописная стилистика наглядно отражает эту традицию на пике ее позднего развития, накануне исчезновения.

Росписи Белостокер-шул — памятник восточноевропейской еврейской эмиграции

Общий контекст, в котором существует рассматриваемая синагога Белостокер-шул, можно выстроить на основе исследований синагог Нью-Йорка в работе Оскара Исраэловица, выполненной по принципу каталога с краткими справками по истории строительства синагог и их общин⁶⁹. Однако наиболее ценной является специальная публикация Джеральда Вольфе, посвященная синагогам Нижнего Ист-Сайда, в которой представлен материал и о нашем объекте⁷⁰. Фотографии старых синагог с росписями, многие из которых не сохранились к настоящему времени, еще больше повышает значимость этой книги для изучения восточноевропейской синагогальной декорации в Нью-Йорке (и в целом США) и представления о масштабах и характере ее распространения. Разнообразные упоминания об интересующей нас синагоге и ее фотографии встречались в ряде публикаций⁷¹; краткая информация о ней также представлена на специальном сайте еврейской общины Белостокер-шул⁷². Весь район Нижнего Ист-Сайда ныне внесен в реестр исторических

памятников, и его курирует Lower East Side Jewish Conservancy, которая организует специальные туры, куда входит и посещение этой синагоги⁷³. Исследование росписей синагоги также дополняют фотографии, выполненные автором в 2009–2012 годах.

Синагога Белостокер-шул (Bialystoker-shul) расположена в районе Нижнего Ист-Сайда по адресу 7–11 Willet Street. Как подчеркивалось выше, этот район долгие годы был своеобразной карантинной зоной, где сотни тысяч еврейских эмигрантов проходили процесс американизации. Начиная со второй трети XX в., большинство из них переехало в другие районы Нью-Йорка и города Америки. Одновременно с уходом евреев из Нижнего Ист-Сайда и укреплением позиций американского еврейства этот район становится особым, сакрализованным местом в американской еврейской памяти. В своей книге «Lower East Side Memories. A Jewish Place in America» (2000) Хася Дайнер на сотнях примеров блестяще показала процесс мифологизации этого района и его значение для американских евреев⁷⁴. Таким образом, эта синагога, как и многие другие объекты, в частности, Eldridge Street Synagogue, где ныне размещен музей⁷⁵, и знаменитая роспись «Наша сила — наше наследие, наше наследие — наша жизнь» на стене одного из домов в центре Нижнего Ист-Сайда⁷⁶, стала не только символом восточноевропейской еврейской культуры, но и памятью американской еврейской иммиграции.

Синагога была основана выходцами из Белостока в 1905 году в здании, построенном в 1826 году в позднем «федеральном» стиле и выкупленном у баптистской церкви Willett Street Methodist Episcopal Church. В здании синагоги объединились две белостокские общины, которые существовали в Нижнем Ист-Сайде, начиная с последней трети XIX века: Chevra Ahshei Chesed of Bialystok (с 1878 г.) и Adas Yeshurun Congregation (с 1893 г.). Через год к ним присоединились новые беженцы, которые приехали в США после кровавого белостокского погрома 1906 года⁷⁷. Живописный ансамбль интерьера был создан в 1930-е годы, в период Великой депрессии, чтобы, как сообщал создатель веб-сайта синагоги Дэвид Кугель (David Koegel), «дать общине надежду и вдохновение»⁷⁸. История не сберегла имя автора росписей. Ко времени реставрации она дошла в сильно поврежденном виде, в отдельных местах утраты составляли более 50% живописного слоя. В 1988 г., после двух лет упорной работы, была осуществлена комплексная реставрация росписи. Ее автор, итальянский художник-реставратор Паоло Спано (Paolo Spano)⁷⁹ восстановил в максимально возможном виде первоначальный живописный ансамбль. В результате перед современниками предстал бесценный образец еврейской художественной традиции, объединивший в себе два

*Синагога Белостокер-шул, Нью-Йорк, Нижний Ист-Сайд.
Фото автора (2011)*

с половиной века развития восточноевропейской синагогальной декорации и требующий научного осмысления.

Одна часть изобразительных мотивов росписей синагоги была взята из широкого репертуара сюжетов традиционного еврейского искусства, бытовавшего в культуре евреев Речи Посполитой в XVII–XVIII вв. Другая — указывала на визуальные источники начала XX в.: открытки, гравюры, произведения художников и виды городских пейзажей того времени. Современные научные изыскания о системе и специфике традиции росписей синагог позволяют рассмотреть этот памятник в контексте всей традиции, представить наиболее распространенные сюжетные циклы восточноевропейской синагогальной декорации «в эмиграции», проследить источники влияния, выявить новые для того времени тенденции и представить смысловую интерпретацию всей системы росписей. В свою очередь, это поможет снова обратить взгляд на Восточную Европу, сделать важный шаг к пониманию утраченной традиции — системы и стилистики живописного декора синагог ортодоксального и хасидского толка рубежа XIX — первой трети XX в.

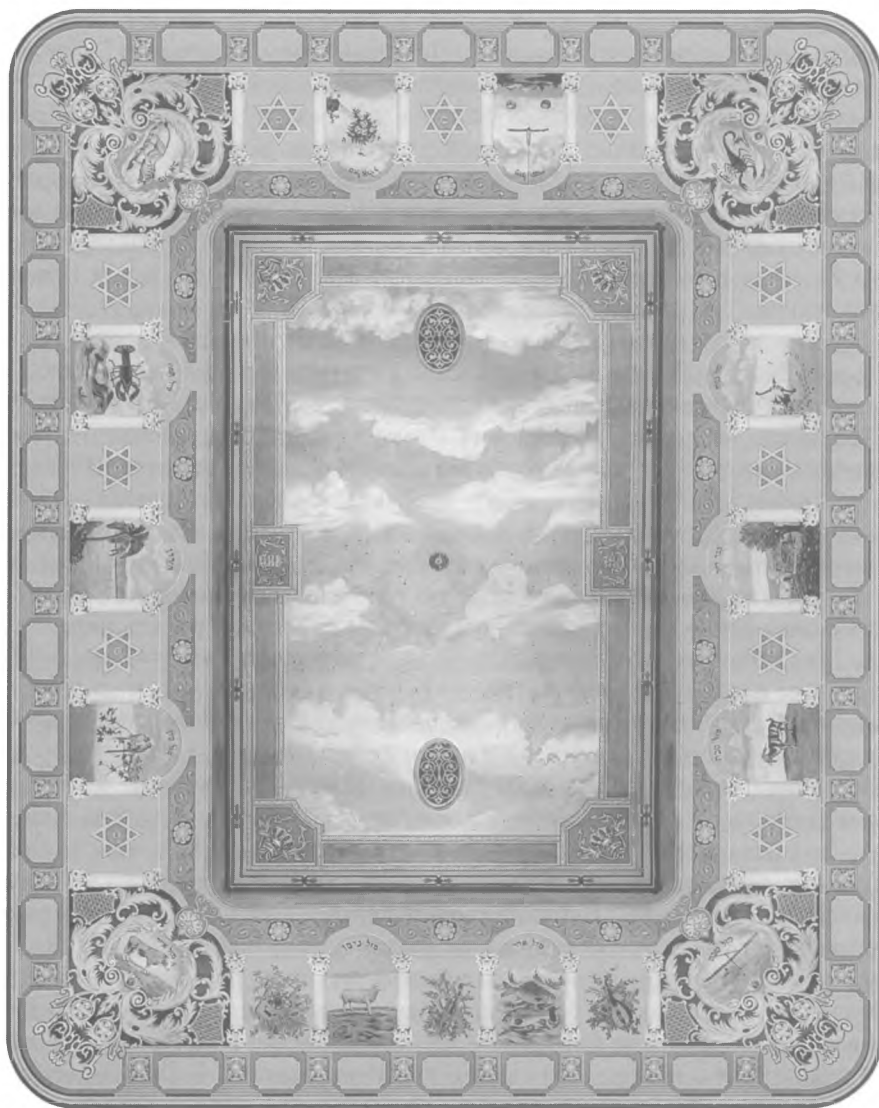
Программа росписи молельного зала синагоги выстроена таким образом, что основная сюжетно-смысловая нагрузка перенесена на плафон,

Синагога Белостокер-шул. Общий вид молельного зала.
Росписи 1930-х гг., реставрированы в 1988 г. Фото автора (2011)

где изображена космологическая картина, совмещенная с еврейской картиной мира. Сюжетно-композиционный замысел автора росписей представляет распространенный тип дворцово-храмовой декорации, известный под названием *tromplей* (от фр. trompe-l'œil, «обман зрения»). Со времен барокко его использовали для создания оптической иллюзии трехмерного пространства, что позволяло преобразовать пространственный образ помещений средствами визуального искусства. В общественных интерьерах это создавало тематическую мифологизацию внутреннего пространства, исходя из его функций (приемный зал, кабинет, библиотека, будуар и пр.). В церквях, соборах и синагогах такой подход превращал земной объект в обожествленное пространство, где прихожане ощущали себя в преображенном мире, перед ликом Всевышнего. Этот метод живописного решения молельного зала стали активно использовать в декорациях синагог, начиная с середины XVIII в., но именно на рубеже XIX–XX вв. он приобрел наибольшее распространение и стал самодовлеющим.

Автор росписи белостокской синагоги помещает в плафоне усеянное звездами облачное небо, обрамляя его в прямоугольный бордюр с геральдическими вставками. Звездное небо является здесь не только

*Синагога Белостокер-шул. Развертка живописного плафона.
Фото и компьютерная сборка автора (2011–2012)*

репрезентацией Творения Всевышнего, но также иллюстрирует слова Торы, где Всевышний обещает Аврааму бесчисленное потомство. Помимо этого, данный мотив олицетворяет праведную веру в вечное существование еврейского народа⁸⁰. По углам прямоугольного бордюра размещены четыре короны из религиозного кодекса «Пиркей Авот»⁸¹. В росписях синагог Восточной Европы этот мотив не встречался, хотя в других видах традиционного искусства, например, в резьбе *Арон Кодеша*, вышивках синагогальных тканей — *каппоретов*⁸² и пр., мотив корон был чрезвычайно популярен. По центру длинных сторон размещены две прямоугольные вставки в виде декоративных картушей⁸³ со скрижалями, на которых помещены надписи на иврите. В первой вставке на ленте, обвивающей скрижали, написано «письменная Тора», а на скрижалях — «Учение заповедал нам Моше, наследие общине Яакова» — цитата из Торы (Дварим 33 : 4). Во второй вставке на аналогичной ленте указано «устная Тора», но текст на скрижалях идентифицировать не удалось⁸⁴. Подобное решение стало новацией — мы не встречаем его в других синагогах и, в силу этого, не можем реконструировать инскрипции⁸⁵. Удивительным является тот факт, что в обеих надписях допущены грубые ошибки — перепутаны буквы. Этот нонсенс, надо полагать, стал результатом реставрации. Очевидно, художник, выходец из Италии⁸⁶, не знал иврита, в котором ряд букв похож по графическому символу, а высота плафона не позволила тщательно проверить текстовые включения.

Между потолком и стенами, на падуге размещен сюжетно-орнаментальный фриз, в котором расположены знаки Зодиака — самый традиционный для синагогальных росписей цикл. Он входил в программу росписей наиболее ранних из известных сегодня деревянных синагог Восточной Европы рубежа XVII–XVIII вв. (Гвоздец, Ходоров), не говоря уже о его включениях в напольные мозаики более древних, позднеантичных синагог IV–VI вв. (Бейт Альфа, Хаммат-Тверия, Циппори)⁸⁷. Как правило, зодиакальные изображения соединялись с названиями месяцев еврейского календаря. Влияние сложившейся к XVIII веку иконографии чувствуется в трактовках отдельных знаков Зодиака и в белостокской синагоге («Стрелец», «Дева»), хотя в целом весь цикл решен в духе своего времени — первой трети XX века. Зодиакальный пояс перемежается двумя вставками с видами Святой Земли: могилой праматери Рахели и рекой Иордан. Этот цикл продолжается и в других сюжетах. Библейские объекты и ландшафты стали входить в программу синагогальной декорации с конца XIX века. В этот период усиливаются палестинофильские настроения и возрастает национальное самосознание, что влияет, в свою очередь, на модернизацию еврейских традиционных представлений. Постепенно мессианские идеи о возврате в Эрец-Исраэль вытесняются практической

деятельностью по заселению Палестины⁸⁸. Популяризации темы Святых мест способствовала также печатная продукция с видами библейских памятников, налаженная в Иерусалиме и Европе, которая получила широкое хождение в еврейской среде и служила образцами для росписей⁸⁹.

Все сюжеты, размещенные на падуге⁹⁰, вписаны в поля арок, обрамленных колоннами. Размещены они на фоне пейзажей, естественно переходящих в верхней части в небеса. Последние, в свою очередь, как бы соединяются с облачным звездным небом в центральном плафоне. Это создает иллюзию сквозного взгляда через архитектуру на небо, насыщенное космологической символикой. Знаки Зодиака по углам плафона вписаны в вычурные, обыгранные растительными завитками картуши, которые усиливают декоративный эффект росписи.

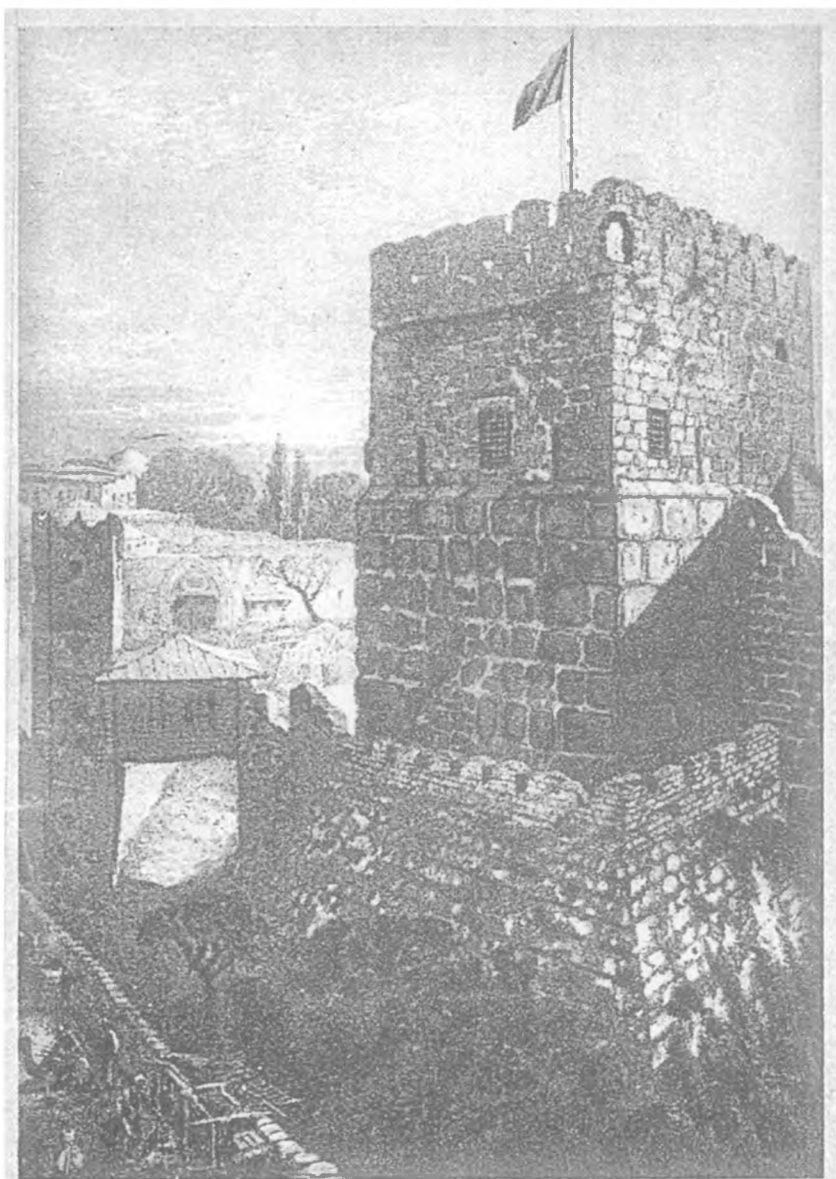
Во многих образах чувствуется влияние разнообразных аналогов. Наиболее ясно это просматривается на примере сцен с могилой прама-тери Рахели и рекой Иордан. В первом случае прообразами послужили открытки и тиражируемые виды этой святыни, в т.ч. помещенные на литографических таблицах в память о разрушении Иерусалимского Храма, которые печатали в Палестине с конца XIX века⁹¹. Во втором сюжете художник изображает реку и пальму на переднем плане. Очевидно, что этот мотив был навеян не только изображением пальм как символов Святой Земли, известных еще со времен поздней античности и распространенных в синагогальной росписи. Современным аналогом послужил здесь известный плакат «Приезжайте в Палестину» («Come to Palestine») 1929 года, в котором его автор, Зеев Рабан (1890–1970) изобразил Эрец-Исраэль как райскую идиллию. Это было характерно для репрезентации Святой Земли подвижниками Бориса Шаца (1866–1932) — основателя школы искусств и ремесел «Бецалель»⁹². Они вносили свою лепту в развитие особого «синагогального» стиля⁹³, соединяя эстетику историзма и модерна с «палестинофильскими» сюжетами — мотивами Святой Земли, «12 колен Израиля», «7 плодов Израиля» и прочими сюжетами, созвучными *халуцианскому*⁹⁴ движению.

На трех сторонах падуг в простенках между арками вписаны шестиконечные звезды — *маген-давиды*, выполняющие функции декоративных розеток. Они остроумно соединены с люстрами, которые свисают на цепях из центров звезд, равномерно освещая женскую галерею. Согласно сложившейся традиции, второй, женский ярус охватывает молебельный зал своеобразным балконом с трех сторон. Лишь на четвертой падуге, со стороны стены с *Арон Кодешем*, изображены три композиции с музыкальными инструментами на темы Псалма 150, прославляющего Всевышнего в небесах. Этот сюжет также входил в программу восточноевропейской декорации синагог, означая изображения Славы Всевышнего⁹⁵.

*Синагога Белостокер-шул. Башня Давида
в Иерусалиме. Роспись восточной стены.
Фото автора (2011)*

По сторонам от *Арон Кодеша* помещены четыре парные сцены с изображением исторических мест Иерусалима: Стены Плача и башни Давида на уровне женской галереи, а также Масличной горы и горы Мория на торцовых простенках нижнего партера. Все они в целом отражают общую традицию и исходят от известных аналогов, хотя имеют и свои особенности⁹⁶. Например, башня Давида изображена не снаружи крепостных стен Иерусалима, как было принято повсеместно, а изнутри. В сцене с Масличной горой автор изобразил, хотя и несколько смазанно, католическую Церковь всех наций в Гефсиманском саду, построенную в 1924 году. Очевидно, что данный объект художник выбрал как маркер горы, намеренно опустив при этом другой храм — церковь Марии Магдалины (освящена в 1888 г.). Думается, что в этом мастер искал некий компромисс между отображением узнаваемого места и уходом от репрезентации христианских святынь. Смысл этой сцены, однако,

Башня Давида.

חברת „לבנון“ № 65.

מגדל דוד.

Башня Давида в Иерусалиме. Открытка, до 1914 г.

*Вестибюль синагоги Белостокер-шул с парной росписью на мотивы Псалма 137.
Фото автора (2011)*

выходил за рамки зримой визуализации известного иерусалимского пейзажа. На Масличной горе находится одно из древнейших еврейских кладбищ, откуда, согласно преданию, начнется воскрешение мертвых в мессианские времена. И эта сцена, и отвечающая ей композиция справа с видом мусульманской святыни — Купола Скалы на горе Мория (691 г.) и подписью «место Храма», указывают на мессианские времена и два ключевых события, которые будут с ними связаны — постройка Третьего Храма и воскрешение мертвых. Эти сцены не только отражали саму идею восточной стены с *Арон Кодешем* как своеобразного сакрального портала в Святую Землю и врат в грядущий мир — *Олам*, но были призваны укрепить дух и надежды верующих в период Великой депрессии (1929–1930-е гг.), когда создавался этот живописный ансамбль.

Еще две характерные сцены были вынесены в коридор и помещены на стену, по обе стороны от входа в молельный зал. Это парные иллюстрации к Псалму 137, которые подчеркивали тему связи с Эрец-Исраэль и обычно, в Восточной Европе, помещались на западной стене, противоположной *Арон Кодешу*⁹⁷. На одной из них, в соответствии с текстом Псалма «1. При реках Вавилонских, там сидели мы и плакали, когда вспоминали о Сионе. 2. На вербах посреди его повесили мы наши арфы...» (Пс. 137 : 1–4)

и традицией, изображена группа молящихся евреев в восточных одеждах, сидящих у реки под деревьями, с которых свисают музыкальные инструменты. Другая сцена в оригинальной форме иллюстрирует вторую часть Псалма «5. Если я забуду тебя, Иерусалим, пусть отсохнет десница моя...» (Пс. 137 : 5–7). В трактовке этого сюжета художник опирается не на многочисленные аналоги, ходившие по всей Восточной Европе, — виды Иерусалимского Храма и Святой Земли (соответствующий сюжет перенесен им на восточную стену), а решает ее по-особому. Он отражает здесь идею репатриации, в т. ч. и нелегальной, в Палестину во времена Британского мандата. Автор подает тему «грез о Сионе» в виде реалистического пейзажа с видом берега тель-авивского порта — об этом свидетельствует подпись внизу композиции, — к которому причалили две лодки со спущенными парусами. За кадром остаются романтические

Роспись вестибюля синагоги Белостокер-шул. Композиция на мотивы Псалма 137 «Если я забуду тебя, Иерусалим». Фото автора (2011)

картины трудной, но благодатной жизни людей, которые приплыли на этих лодках, чтобы основывать новые *ишувы* в Эрец-Исраэль, усилить еврейское присутствие и готовить почву для последующего образования Государства Израиль.

Приметами традиционных трактовок многих сюжетов являются приемы изображения человеческих фигур и антропоморфных мотивов, где заметно стремление уйти от прямого изображения и портретных образов⁹⁸. Для этого используются разные методы, сложившиеся в средневековье и общепринятые в практике росписей восточноевропейских синагог. В первом случае это прием «сокрытия лица»; в белостокской синагоге — это изображения фигур со спины в сценах «Стена плача» и «На реках вавилонских». В другом — метод синекдохи, то есть изображение части, репрезентирующей целое: в знаках Зодиака — руки с букетом (знак «Дева») и руки с луком (знак «Стрелец»). Трактовка последних, как уже отмечалось, восходит к росписям ранних деревянных синагог.

К таким же традиционным мотивам относится и изображение колодца-журавля в знаке «Водолей», в то время как другие мотивы среди зодиакального цикла имеют иное решение и связаны с дополнительными идеями. Так, в представлении знака «Козерог» — изображении козла на пустынной, иссушенной земле, видна коннотация с образом козла отпущения, которого еврейские жрецы — *когены* отпускали в пустыню на верную смерть в знак искупления народа Израиля от грехов⁹⁹. В этом мотиве отдаленно узнается одноименная работа известного художника-прерафаэлиты Уильяма Ханта (1827–1910) «Козел отпущения», написанная в 1854 году.

Более экстравагантный сюжет, представляющий знак «Близнецы» — два попугая, сидящих на ветке, открывает иную интерпретацию этого мотива¹⁰⁰. Экзотические птицы всегда соотносились с образом райского сада в Эрец-Исраэль и грядущего мессианского мира. Мы можем видеть их в решениях сохранившегося плафона синагоги Цори Гилад во Львове (росписи Максимилиана Кугеля, 1936 г.)¹⁰¹. Этот мотив, как и многие другие, подчеркивает основной смысловой посыл росписи — мессианский. Его поддерживают изображения видов Эрец-Исраэль среди зодиакального пояса, мотивы звездного облачного неба, сюжеты росписи восточной стены с узнаваемыми пейзажами Иерусалима и иллюстрациями к Псалму 137. Перед зрителем разворачивается живописная репрезентация грядущего мира в Эрец-Исраэль, которая усилена и общим мажорным колоритом.

Весь комплекс декораций синагоги — иерархия росписи, сюжетный репертуар и стилистическое решение, где соединяются живописные, орнаментальные и архитектурные мотивы с иллюзорными прорывами

неба, стоит в одном ряду с торжественными росписями многих поздних синагог Восточной Европы конца XIX — первой трети XX в. Их создавали под влиянием европейских дворцовых росписей. Пышные декорации таких синагог включают живописные имитации архитектурной разделки, мраморной или гранитной облицовки стен и колонн, а также тканевых, ниспадающих драпировок — портьер и ламбрекенов¹⁰² с кистями. К слову, такой мотив в росписях Белостокер-шул мы видим в нарисованной портьере на восточной стене, которая создает иллюзию обрамления тканью *Арон Кодеша* и двух вертикально вытянутых окон по обе стороны от него. Реалистические пейзажи, инскрипции и альфрейные декорации (трафаретные набойки и пр., заполнявшие стены и членения орнаментальным узором), дополняли этот «разношерстный» живописный ковер. Синагоги с подобными украшениями сохранились в Восточной Европе, и некоторые из них, например, во Львове (Цори Гилад) или польском городе Небылец, подчеркивают связь с исследуемой белостокской синагогой. Подобный репрезентативный тип росписи был не единственный. В Восточной Европе в первой трети XX в. многие синагоги расписывали народные мастера, что свидетельствовало не столько об отсутствии профессиональных художников, сколько о силе народной традиции и подлинного религиозного духа. В таком же ключе расписывались и синагоги эмигрантов, к примеру, синагога выходцев из польского, ныне украинского местечка Бережаны¹⁰³, которая находилась в том же районе Нижнего Ист-Сайда и была расписана до 1939 года. Подобный ориентир на архаичность художественного языка, возможно, был намеренной стилизацией и «программной» декларацией. Ведь такой наивный характер росписи усиливал метафизичность и более остро выражал, по словам Б. Хаймовича, «феномен чистого религиозного духа, воплощенного в пластических формах»¹⁰⁴. В сравнении с этой традицией, белостокская синагога больше соответствовала росписям польских, в частности, галицийских синагог, ориентированных на соединение историзма и жанровой реалистической живописи рубежа XIX–XX вв. с элементами модерна и ар-деко, характерными для того времени.

Заключение

Синагога Белостокер-шул получила статус исторического памятника Нью-Йорка в 1966 году, а в 1988 году было восстановлено живописное убранство ее интерьера. Вместе с другими синагогами района Нижний Ист-Сайд, в которых сохранились росписи, Белостокер-шул указывает на тесную связь с восточноевропейской традицией, вышедшей из мира *штетла* и *идишкайта*. Эта традиция уже не восстановилась после

1945 года в силу многих демографических и социально-культурных факторов, повлиявших на модернизацию традиционного еврейства. На примере синагоги Белостокер-шул можно увидеть зримые следы еврейской художественной культуры, оставленные восточноевропейскими эмигрантами. Нижний Ист-Сайд был перевалочным пунктом для еврейской эмиграции, куда была перевезена и сохранялась почти в чистом виде их еврейская европейская культура в первые десятилетия эмиграции. После ухода из этого района евреев, разрушения и превращения многих синагог в протестантские церкви, а также нынешнего плачевного состояния уникальных и ценнейших синагог с росписями в тех местах, где затухает еврейская жизнь, синагога Белостокер-шул остается редким, возвращенным к жизни артефактом. Для миллионов американских евреев она стала островком их культурной памяти.

Иконография росписей синагоги, их связь со старыми, сложившимися в позднее средневековье сюжетами, а также новыми веяниями в синагогальной декорации рубежа XIX–XX вв., подчеркивает эволюцию живописной системы росписей синагог в самой Восточной Европе. В то же время, сюжетный репертуар, насыщенная мажорная палитра и дворцовая стилистика росписи отражают ее главный смысловой контекст, обращенный к грядущему мессианскому миру в Эрец-Исраэль, духовным ценностям традиционного еврейства. Ансамбль росписей поддерживал также веру и надежду американских евреев в период тяжелого экономического кризиса конца 1920–1930-х годов.

С учетом модернизации еврейской жизни в послевоенный период и формированием новой американско-еврейской общности, эта художественная традиция оказалась устаревшей для новых американских реалий. Она отражала старую, уходящую в мистические переживания культурную традицию *штетла* и уже не соответствовала новым жизнеутверждающим идеалам еврейских конгрегаций. По мнению рабби Джоша Ютера (Josh Yuter), раввина Stanton Street Synagogue — еще одной синагоги в Нижнем Ист-Сайде, где также сохранились росписи, нуждающиеся в реставрации¹⁰⁵, современные американские евреи стесняются этих мистических символов (среди которых и упомянутый Зодиак), которые им уже чужды. Их заботят более прагматичные вопросы, в том числе реконструкции старых синагог, которые должны подчеркивать новый социальный и культурный уровень американского еврейства, быть современными и комфортными. Но для тех, кто смотрит на это наследие из Восточной Европы, где 70 лет назад еврейское наследие было практически уничтожено, данная проблема видится в другом свете. Нам представляется, что аутентичные следы художественного наследия восточноевропейской цивилизации, в частности, в виде росписей синагог,

надо искать уже не в Восточной Европе, а в местах массовой эмиграции евреев в США, Канаде, Израиле, Латинской Америке и других регионах. И хотя сохранившиеся образцы являются вторичным всплеском формировавшейся веками традиции росписей синагог, с неизбежными в подобных случаях снижениями и утратами ее полноты и оригинальности, они все еще передают ее живой дух и форму. И именно здесь, в «далеких палестинах», отделенных морями и океанами от «малой» родины восточноевропейских евреев, этот дух и форму еще можно найти, зафиксировать и попытаться сохранить.

Поэтому нью-йоркская синагога Белостокер-шул и ее живописные декорации становятся исключительным образцом традиционного еврейского искусства, экспортированного из Европы в Америку и сохранившегося там, несмотря на массовые еврейские миграции. Это зримый локус реконструкции мира своего прошлого, наполненного драматическими и трогательными воспоминаниями, место локализации памяти потомков восточноевропейской еврейской цивилизации, одна часть которой была уничтожена в Холокосте, а другая прошла сложный и жестокий путь американизации. Без сомнения, история синагоги Белостокер-шул, которая сегодня является наиболее значимой из действующих синагог в Нижнем Ист-Сайде, и анализ ее росписей в перспективе заслуживают отдельного монографического исследования. Образцом здесь может быть прекрасная монография Анни Полланд о другом памятнике восточноевропейского еврейского присутствия в Нижнем Ист-Сайде — ныне отреставрированной и переделанной в музей синагоги Eldridge Street Synagogue¹⁰⁶.

¹ Подробно о синагогах Lower East Side см.: *Wolfe G.R. The Synagogues of New York's Lower East Side*. New York: University Press, 1978.

² *Маген-давид* (с иврита — «щит Давида») — шестиконечная звезда (гексаграмма), образованная двумя равносторонними треугольниками, известна как магический символ с глубокой древности. Как специфический еврейский символ впервые используется с XIV в., но широкое распространение получает лишь на рубеже XVIII–XIX вв., в т. ч. в росписях синагог. С конца XIX в. принята в качестве главного символа сионистского движения.

³ Декалог (*deka* — «десять» и *logos* — «слово», *греч.*) — общераспространенный термин, означающий десять заповедей Моисея.

⁴ В силу оторванности иммигрантов от своих корней, в США отсутствовало понятие «святости места», характерное для Старого Света. Но для еврейской культуры в диаспоре «привязка к месту» вообще не была актуальной. На внешнем уровне это объяснялось судьбой изгнанников и постоянными миграциями,

а на внутреннем — противоречило духу иудаизма в силу исторического стремления евреев вернуться в Эрец-Исраэль и отстроить Третий Храм в Иерусалиме. В Америке ситуация была иной. Обосновавшись на новом месте, евреи учреждали синагоги там, где было удобно, в т.ч. покупали для этого здания церквей, перестраивали и приспособливали их для своих нужд. После того, как в силу разных причин, евреи оставляли обжитые места, синагоги так же легко вновь переходили в ведение церквей, и никого не смущало то, что внешне здание по-прежнему выглядело как синагога.

⁵ Раввины разрешали обустройство синагог в зданиях бывших протестантских церквей на том основании, что в них не было скульптур или объектов идолопоклонничества (*Israelowitz, O. Synagogues of New York City. New York: Dover Publications, Inc., 1982. P. VII.*)

⁶ В материалах выставки «New York Places / Jewish Spaces: Life in the City (1700–2012)», которая проходила весной-летом 2012 г. в Центре еврейской истории (Center for Jewish History) в Нью-Йорке, указывалось на распространенное явление, т. н. «mushroom synagogues» — массовой аренды зданий, в т.ч. холлов, театров, клубов и церквей, для проведения еврейских новогодних праздников.

⁷ Исторические адреса еврейских конгрегаций и синагог Нью-Йорка представлены на сайте Музея семейной истории (The Museum of Family History): *The Synagogues of New York City.* [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.museumoffamilyhistory.com/erc-syn-manhattan.htm> (дата обращения: 18.12.2013).

⁸ *Шул* (с идиш и немецкого — «школа») — одно из названий синагоги, принятое в ашкеназских еврейских общинах.

⁹ Подробно о еврейской истории и синагогах г. Белостока и его региона см.: *Wiśniewski T. Bóznice Białostoczczyzny. Heartland of the Jewish Life. Synagogues and Jewish Communities in Białystok Region. Białystok: David, 1992.* (О Белостоке: P. 134–138), а также *Ш.Я. Белосток // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: В 16 т. / Под ред. Л. Каценельсона. СПб.: Изд-во Общ-ва для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз-Ефрон, 1908–1913. Т. 5. Кол. 174–177.*

¹⁰ Основой этой статьи стали натурные изыскания автора в Нижнем Ист-Сайде, исследования и фотофиксация синагоги Белостокер-шул, осуществленные в ходе поездок в США в 2009–2012 гг.

¹¹ *Штетл* (с идиш — «городок») — небольшое поселение полугородского типа в Восточной Европе до Холокоста, с преобладающим еврейским населением; в еврейском понимании — «еврейское местечко».

¹² *Идишкайт* — культура восточноевропейского еврейства, объединенного языком идиш, традиционным вековым укладом жизни, духовными и культурными ценностями.

¹³ Подробно о религиозной жизни евреев бывшего Советского Союза и возрождении еврейских общин после распада СССР см.: *Мицель М. Общины иудейского вероисповедания в Украине (Киев, Львов: 1945–1981 гг.). Киев: Институт иудаики, 1998; Чарный С. Закрытие синагог и снятие общин с регистрации в период антирелигиозной кампании 1958–1964 годов // Тирош. Труды по иудаике. М., 2001. Вып. 5. С. 273–284; Gitelman Z. Jewish Communal Reconstruction in the Former Soviet Union // Values, Interests and Identity. Jews and Politics in a Changing*

World. Studies in Contemporary Jewry / Ed. by Peter Y. Meddin. New York; Oxford, 1995. V. XI. P. 136–156.

¹⁴ Материалы о сохранившихся в Восточной Европе синагогах с росписями, выполненными в традициях восточноевропейского еврейства (на примере современных Украины и Польши) см. в специальном блоке статей сборника: Сходознавчі студії. Вісник Харківської державної академії дизайну і мистецтв. Упорядник: Є. О. Котляр. Харків: Центр сходознавства ХДАДМ, 2010. № 8 (Вип. 3: Єврейське мистецтво і український контекст: обрії традиційної художньої культури): *Котляр Е.* Восточноевропейская традиция росписей синагог и ее региональные центры на исторических землях Украины. К постановке проблемы. С. 50–101; *Тищинський А.* Живописный декор, сохранившийся в синагогах Польши. С. 102–136. Среди исследований по отдельным синагогам см.: *Хаймович Б.* «Дело рук наших для прославления». Росписи синагоги Бейт Тфила Беньямин в Черновцах: изобразительный язык еврейского мастера. Киев: Дух и літера, 2008; *Sixtová, O., Polakoviá D., Pařík A.* Boskovice Synagogue. Prague: The Jewish Museum, 2002; *Rodov I.* «With Eyes towards Zion»: Visions of the Holy Land in Romanian Synagogues // Quest. Issues in Contemporary Jewish History. Journal of Fondazione CDEC. Milan, 2013. Is. 6. P. 138–174, и др.

¹⁵ В том же сборнике о синагогах в Канаде и США: *Weiser B.* Canadian Immigrant Shul Murals. P. 137–149; *Cylus R.* History and Restoration of 20th Century Decorative Wall Art at Boston's Vilna Shul. P. 150–164, а также: *Wolfe G. R.* The Synagogues of New York's Lower East Side; Toronto's First Synagogues // Ontario Jewish Archives. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.ontariojewisharchives.org/exhibits/TorontoSynagogues/index.html> (дата обращения: 13.12.2013); *Tauben S.* Aspirations and Adaptions, Immigrant Synagogues of Montreal 1890–1945. Montreal: Concordia University, 2004.

¹⁶ Только из России за период с 1881 по 1914г. уехало около 2 млн евреев, из них более 1,5 млн — в США, см.: Россия. Демография еврейского населения Российской империи (1772–1917) // Электронная еврейская энциклопедия. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.eleven.co.il/article/15443> (дата обращения: 18.12.2013).

¹⁷ Места жизни евреев в диаспоре можно считать их «малой» родиной, с учетом того, что «большой» или исторической родиной еврейства является Земля Израиля (Эрец-Исраэль).

¹⁸ *Ишув* (с иврита — «заселенное место») — еврейские поселения в Эрец-Исраэль. Различают т.н. старый *ишув* — еврейские анклавы, жившие в Земле Израиля с момента разрушения Иерусалимского храма (70 г. н. э.) до начала массовой репатриации в 1880-х гг., которая заложила начало нового *ишува*.

¹⁹ *Штампфер Ш.* Евреи в Российской империи в конце XIX в.: демографические аспекты // История еврейского народа в России. От разделов Польши до падения Российской империи, 1772–1917 / Под ред. Ильи Лурье. Т. 2. М.: Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2012. С. 281–284.

²⁰ Hebrew Sheltering and Immigrant Aid Society / HIAS — американская благотворительная организация. Одно из первых учреждений такого рода — Hebrew Immigrant Aid Society было основано в 1880-х гг. для помощи еврейским эмигрантам из Российской империи. В 1909 г. соединилась с другой организацией,

Hebrew Sheltering Aid Society в единую структуру Hebrew Sheltering and Immigrant Aid Society, хотя вплоть до сегодняшнего дня известна как HIAS. Со временем стала оказывать помощь и другим группам людей, нуждающихся в помощи и укрытии. Офисы HIAS были учреждены во многих странах мира (США, Израиль, Россия, Украина, Австрия, Аргентина и пр.) для обеспечения юридической помощи и поддержки беженцам, см.: <http://www.hias.org/en>.

²¹ Образовательный Альянс (The Educational Alliance) — благотворительная организация, основанная в 1889 г. для помощи еврейским иммигрантам в их обустройстве в Америке; сегодня организация обслуживает разные группы людей всех религий, национальностей, рас и социальных слоев, которые проживают в Нью-Йорке, см.: <http://www.edalliance.org/>

²² К примеру, иллюстрация Саула Раскина в газете *Der Groyser Kundes* (1912), где вместо Моисея изображен Карл Маркс, переводящий еврейских пролетариев через Красное море в Америку (*Baigell M. Social Concern and Tikkun Olam in Jewish American Art // Ars Judaica. The Bar-Ilan Journal of Jewish Art / Ed. Bracha Yaniv, Miriam Rajner, Ilia Rodo. Ramat-Gan: Department of Jewish Art, Bar-Ilan University, 2012. V. 8. P. 64.*

²³ Согласно Торе, из Египта ушло около 600 тысяч взрослых еврейских мужчин, не считая детей, их жен и иноплеменников (Исход 12 : 37–38). Принято считать, что общее количество ушедших из Египта должно было составлять порядка 3 млн человек, см.: Тора. Пятикнижие и Гафтарот. Ивритский текст с русским переводом и классическим комментарием Сончино. М.; Иерусалим: Мосты культуры-Гешарим, 2001. С. 343.

²⁴ *Baigell M. Social Concern and Tikkun Olam in Jewish American Art. P. 55–56.*

²⁵ «Поколение Исхода» — в еврейской традиции эпитет, применяемый к евреям, вышедшим из Египта.

²⁶ *Diner H.R. Lower East Side Memories. A Jewish Place in America. Princeton and Oxford: Princeton University Press, 2000. P. 20–26.*

²⁷ Из-за введения иммиграционных ограничений в США (законы от 1921 г. и 1924 г., согласно которым была установлена ежегодная квота на въезд в 2% от общего числа лиц данной национальности, проживающих в США) резко сократилось число еврейских иммигрантов. Это касалось и многих других стран, таких как Канада, Аргентина, Бразилия, Южная Африка, Австралия и Палестина, где в 1920–1930-е гг. начали действовать жесткие квоты, основанные на т.н. «экономической емкости страны».

²⁸ *Sorin G. Tradition Transformed. The Jewish Experience in America. Baltimore and London: The Johns Hopkins University Press, 1997. P. 48.*

²⁹ По данным Works Progress Administration (WPA) Federal Writers Project. Survey of State and Local Historical Records (1939). [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.jgsnydb.org/landsmanshaft/synagogues.htm> (дата обращения: 13.12.2013), см. также: Former Synagogue List. The Lower East Side of Manhattan // The Synagogues of New York City. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.museumoffamilyhistory.com/erc-syn-manchattan-les.htm> (дата обращения: 08.12.2013).

³⁰ По данным Table of Provisional Synagogues (The Jewish Communal Register. — NY. 1918. New York Public Library), представленной на выставке «New York Places / Jewish Spaces: Life in the City. 1700–2012». См.: *Polland A., Soyer D. New*

York Places, Jewish Spaces: Life in the City, 1700–2012 // A Decade of Distinction. A Publication of the Center for Jewish History. 2012. March. P. 2–3.

³¹ *Diner H. R. Lower East Side Memories...* P. 7.

³² *Ibid.* P. 7–8.

³³ *Sorin G. Tradition Transformed...* P. 20.

³⁴ *Wolfe G.R. The Synagogues of New York's Lower East Side.* P. 30.

³⁵ *Котляр Є. Образи сакральної географії у розписах синагог східно-європейської традиції // Мистецтвознавство України. Київ: Національна академія мистецтв України, 2012. В. 12. С. 270.*

³⁶ *Zborowski M., Herzog E. Life is with People: The Culture of the Shtetl.* New York: International Universities Press, 1995.

³⁷ *Roskies D.G. The Jewish Search for a Usable Past.* Bloomington: Indiana University Press, 1999. P. 64.

³⁸ *Rothenberg J. Demythologizing the Shtetl // Midstream.* 1981. Vol. 27, # 2 (March). P. 25–31.

³⁹ *Галут* (с иврита — «изгнание») — вынужденное пребывание еврейского народа вне его родной страны Эрец-Исраэль. Со времени разрушения Второго храма (70 г. н.э.) до создания Государства Израиль евреи в диаспоре (странах рассеяния) воспринимаются как гонимая и бездомная нация.

⁴⁰ Этому феномену была посвящена отдельная конференция, см.: «Штетл» як феномен єврейської історії: Матеріали конференції, Київ, 30 серпня — 3 вересня, 1998. Київ: Інститут юдаїки, 1999.

⁴¹ *Казовский Г. Еврейское искусство в России. 1900–1948. Этапы истории // Советское искусствознание. М.: Советский художник, 1991. Вып. 27. С. 228.*

⁴² *Мидраш* — жанр еврейской гомилетической (богословско-проповеднической) литературы, а также собрание разнообразных текстов, образующих комментарии к библейским книгам.

⁴³ *Sabar Sh. Synagogue Interior Decoration and the Halakhah // Synagogues Without Jews and the Communities that Built and Used Them / Ed. by Rivka and Ben-Zion Dorfman. Philadelphia: The Jewish Publication Society, 2000. P. 308, 316.*

⁴⁴ *Крупницкий З. Искусство и иудаизм // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: В 16 т. / Под ред. Л. Каденельсона. СПб.: Изд. Общ-ва для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз-Ефрон, 1908–1913. Т. 8. Кол. 227–229.*

⁴⁵ *Hubka T. Resplendent Synagogue. Architecture and Worship in an Eighteenth-Century Polish Community.* Hanover and London: Brandeis University Press, 2003. P. 18.

⁴⁶ Материал об идейной программе восточноевропейской синагогальной декорации был представлен автором в докладе «East European Wall-Painting Decoration in the Shtetl Synagogues and their Spread in North America and Eretz-Israel» на 39-й Международной конференции Ассоциации еврейских исследований (Association for Jewish Studies) в Торонто в 2007 г.

⁴⁷ *Hubka T.C. Jewish Art and Architecture in the East European Context: The Gwoździec-Chodorów Group of Wooden Synagogues // Polin. Studies in Polish Jewry. Jews in Early Modern Poland / Ed. by G.D. Hundert. London; Portland, Oregon: The Littman Library of Jewish Civilization, 1997. V. 10. P. 173–174.*

⁴⁸ Хаймович Б. Подольское местечко: пространство и формы // 100 еврейских местечек Украины: Подолия: Исторический путеводитель. Иерусалим; СПб., 1998. Изд. 2. Вып. 1. С. 66.

⁴⁹ Хаймович Б. Еврейское народное искусство южной Подолии // 100 еврейских местечек Украины: Подолия. СПб., 2000. Вып. 2. С. 88–89.

⁵⁰ Арон Кодеш (с иврита — «священный ковчег») — хранилище для свитков Торы в синагоге, которое имеет вид ниши или специального шкафа, часто с пышным резным или архитектурным обрамлением; размещался в центре стены, ориентированной в сторону Иерусалима. В странах Восточной Европы Арон Кодеш устанавливали у восточной стены. В еврейской традиции его уподобляли «небесным вратам», которые служили продолжением «земных врат» — входа в синагогу. Такое соответствие выражалось подобающим архитектурно-художественным решением.

⁵¹ Zimiles Murray. Gilded Lions and Jeweled Horses: The Synagogue to the Carousel. Jewish Carving Traditions. Hannover; London: University Press of New England, 2008.

⁵² Ibid. P. 22–35.

⁵³ Kampf A. Contemporary Synagogue Art. Developments in the United States, 1945–1965. N. Y.: Union of American Hebrew Congregations, 1966.

⁵⁴ Материалы об этих синагогах были представлены в докладах автора на двух международных симпозиумах: на конференции «Traditions and Perspectives in History of Jewish Art», Университет Бар-Илан, Рамат-Ган, Израиль, 10–13 сентября 2012 г., доклад «American Traces of Eastern European Synagogue Decoration: The Case of Immigrant Shuls on the Lower East Side in NYC»; и конференции «Українські та єврейські художні та архітектурні середовища: Львів/Lemberg/Львів від Ausgleich до Голокосту», Центр городской истории, г. Львов, 5–7 ноября 2012 г., доклад «Зі Львова до Нью-Йорка: галицькі синагогальні розписи у єврейських емігрантських синагогах з кінця 1800-х до 1930-х рр.»

⁵⁵ Cylus R. History and Restoration of 20th Century Decorative Wall Art in Boston's Vilna Shul. P. 150–164.

⁵⁶ Имеются в виду Chicago's West Side, Boston's North End, South Philadelphia. Sorin G. Tradition Transformed. The Jewish Experience in America. P. 57–58. В дополнение к этому можно назвать несколько синагог в старом районе скопления еврейских эмигрантов в Торонто вблизи рынка Кенсингтон (Kensington Market), где также сохранились росписи, выполненные в восточноевропейской традиции. Это синагоги выходцев из России и Польши (The Knesseth Israel Synagogue, 56 Maria Street), Минска (Anshei Minsk Congregation, 10 St. Andrew Street) и Киева (Kiever Congregation / (The First Russian Congregation) Rodfei Shalom Anshei Kiev Russian Shul, 25 Bellevue Ave). Автор исследовал эти объекты в 2007 г., см. также: Toronto's First Synagogues. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.ontariojewisharchives.org/exhibits/TorontoSynagogues/> (дата обращения: 13.12.2013).

⁵⁷ Israelowitz O. Synagogues of the United States: A Photographic and Architectural Survey. New York: Israelowitz Publishing, 1992. P. 108.

⁵⁸ Gruber S. Polish Influence on American Synagogue Architecture // Jewish Artists and Central-Eastern Europe. Art Central — Identity — Heritage from the

19th Century to the Second World War (Ed. by Jerzy Malinowski, Renata Piątkowska, Tamara Sztyma-Knyasiecka). Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010. P. 145–154.

⁵⁹ Ibid. P. 145.

⁶⁰ *Sorin G.* Tradition Transformed. The Jewish Experience in America.

⁶¹ *Sachar H. M.* A History of the Jews in America. New York: Knopf, 1992.

⁶² *Sack B. G.* History of the Jews in Canada. Montreal: Harvest House, 1965.

⁶³ *Israelowitz O.* Synagogues of the United States: A Photographic and Architectural Survey.

⁶⁴ *Raphael M. L.* The Synagogue in America. A Short History. New York and London: New York University Press, 2011.

⁶⁵ *Wischnitzer R.* Synagogue Architecture in the United States. History and Interpretation. Philadelphia, The Jewish Publication Society of America, 1955.

⁶⁶ *Stolzman H.* Faith, Spirit, and Identity: Synagogue Architecture in America. Melbourne: Images Publishing, 2004.

⁶⁷ *Kampf A.* Contemporary Synagogue Art. Developments in the United States, 1945–1965.

⁶⁸ Ibid. P. 50.

⁶⁹ *Israelowitz O.* Synagogues of New York City. New York: Dover Publications, Inc., 1982.

⁷⁰ *Wolfe G. R.* The Synagogues of New York's Lower East Side. P. 60–62.

⁷¹ *Israelowitz O.* Synagogues of the United States. P. 98–99.

⁷² Bialystoker Synagogue. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.bialystoker.org/history.htm> (дата обращения: 16.10.2013).

⁷³ East Side Jewish Conservancy. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.lesjc.org> (дата обращения: 16.10.2013); Lower East Side: Then and Now Walking Tour. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.lesjc.org/calendar.htm>; Bialystoker Synagogue. [Интернет-ресурс]. URL: http://www.lesjc.org/site_bialystoker.htm.

⁷⁴ *Diner H.R.* Lower East Side Memories. A Jewish Place in America. P. 7–14.

⁷⁵ Открыт в 2007 г. после длительной реставрации синагоги, см.: Museum at Eldridge Street. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.eldridgestreet.org> (дата обращения: 24.12.2013).

⁷⁶ Имеется в виду роспись стены одного из домов в Нижнем Ист-Сайде (232 East Broadway). Это здание примыкает к Белостокскому центру и дому престарелых (Bialystoker Center & Home for The Aged, 1929–1931, 232 East Broadway). Роспись была выполнена в 1972 г. группой молодых художников во главе с Сюзан Грин (Susan Green) и выражает образ еврейского прошлого, связанного с этим местом в контексте всей еврейской истории XX в. Сюжеты росписи изображают основные периоды вековой еврейской истории: исход из Европы, рост рабочего движения в Нижнем Ист-Сайде, Холокост и основание Государства Израиль, а также лишения советских евреев (диссидентов). Исторические сюжеты перемежаются сценами религиозных обрядов с включением типажей современного еврейства.

⁷⁷ Белостокский погром вошел в историю российского еврейства как вопиющий акт геноцида, спровоцированный и поддержанный властями. Он продолжался с 1 по 3 июня 1906 г., его жертвами стали свыше 70 убитых и около 80 раненых. Несколько заводов, сотни торговых помещений и квартир были

разграблены. В еврейской коллективной памяти он отложился трагическим осознанием своего бесправия, полного беззакония и попустительства властей произволу полиции и черносотенцев. По Всероссийской переписи 1897 г. в Белостоке (тогда входил в Гродненскую губернию) проживало около 42 тыс. евреев из общего числа 66 тыс. жителей (больше 63%). В начале XX в. в городе было три крупные синагоги, более 90 % производства принадлежало евреям, и это был один из крупнейших еврейских центров. Во время революции 1905–1907 гг. город был местом средоточия анархизма в России; именно здесь в 1903 г. зародилась первая анархистская группа, состоящая целиком из евреев, что вызывало особую неприязнь гражданских властей. См.: *Гессен Ю.* Белостокский погром // *Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем: В 16 т. / Под ред. Л.Каценельсона.* СПб.: Изд. Общ-ва для научных еврейских изданий и изд-ва Брокгауз-Ефрон, 1908–1913. Т. 6. Кол. 170–174; *Ш. Я.* Белосток. Кол. 174–177.

⁷⁸ *Hecht D. L.* Shul Hopping: The Bialystoker Synagogue: Historical Relic and Spiritual Future in the Lower East Side. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.nyc-architecture.com/LES/LES012.htm> (дата обращения: 16.10.2013).

⁷⁹ Bialystoker Synagogue. [Интернет-ресурс]. URL: http://www.lesjc.org/site_bialystoker.htm (дата обращения: 16.10.2013).

⁸⁰ Данный мотив получил повсеместное распространение в росписях поздних традиционных и реформистских синагог, он восходил к словам Торы «И вывел Он его [Авраама. — Е. К.] наружу, и сказал: „Взгляни-ка на небо и сосчитай звезды, сумеешь ли ты счесть их?“ Сказал он ему: „Столь многочисленным будет потомство твое“. И поверил он Богу, а Он засчитал ему это в праведность» (Брейшит 15 : 5–6). В то же время, есть также мнение о несуразности изображения звезд в синагоге, т. к. согласно иудаизму, звезды не властны над судьбой избранного Всевышним народа, см.: *Глазерсон М.* Отношение иудаизма к астрологии. [Интернет-ресурс]. URL: www.12kamnei.ru/book/export/html/410 (дата обращения: 16.10.2013). Здесь представлена сложная полемика между воззрениями иудаизма и астрологией. Однако, главный тезис, определяющий отношение еврейской традиции к этой сфере, основан на указаниях Талмуда, где Бог, отвечая на сомнения Авраама, знавшего астрологию и не верившего сперва в рождение сына Ицхака, отвечает ему: «Оставь астрологию, ибо звезды не властны над Израилем...» (Шаббат 156а). Талмудические установления о том, что «знаки Зодиака не имеют власти над народом Израиля» (Берешит Рабба 44 : 12) вызвали мнения о курьезности изображений и звезд, и Зодиакального цикла в росписях синагоги, см.: *McBee R. Mazel Tov.* The Bialystoker Synagogue. [Интернет-ресурс]. URL: <http://www.bialystoker.org/history.htm> (дата обращения: 16.10.2013). Тем не менее, эти мотивы прочно вошли в «классическую» программу восточноевропейской синагогальной декорации.

⁸¹ Пиркей Авот (с иврита «Поучение отцов») — трактат Мишны, содержащий морально-этический кодекс иудаизма. Здесь имеется ввиду знаменитое изречение раби Шимона «Есть три короны: корона Торы, корона священства и корона царства, но корона доброго имени выше их всех» (Авот 4 : 17).

⁸² *Каннопет* («крышка» [ковчега завета], ивр.), в синагогах — узкая полоска ткани с декоративной оторочкой, которую навешивают перед *парохетом* — заве-

сой на дверях *Арон Кодеша* (символизирует память о завесе перед Святой Святых в Иерусалимском Храме); часто оформлялась объемным шитьем с изображением еврейских символов: корон, ритуальных атрибутов Храма и пр. или надписей.

⁸³ Картуш (*Cartouche* — сверток, фр.), в архитектуре и декоративном искусстве — мотив в виде полуразвернутого, часто с надорванными либо надрезанными краями свитка, на котором помещали герб, эмблему или надпись.

⁸⁴ Благодарю за помощь в переводе надписей главного раввина Харькова и Харьковской области Мойше Московича.

⁸⁵ Инскрипция (*inscriptio*, от *inscribere* — вписывать, лат.) — текстовое включение на предметах, артефактах или любых других объектах, которое содержит информацию фактологического, исторического, дидактического и др. характера. Подобные тексты изображались на камне (надгробиях, колоннах), дереве, металле, плитке, их помещали в декоре храмов, жилых домов, административных зданий и отдельных предметов.

⁸⁶ Исходя из информации на сайте, Паоло Спано был автором реставраций живописного убранства многих общественных зданий, но его опыт работы для еврейской общины ограничивался лишь синагогой Белостокер-шул. См. Интернет-ресурс URL: http://www.lesjc.org/site_bialystoker.htm (дата обращения: 16.10.2013).

⁸⁷ Подробно об изображении знаков Зодиака в синагогальных декорациях см.: *Fishof I. Written in the Stars. Art and Symbolism of the Zodiac. Jerusalem: The Israel Museum, 2001. P. 16, 17, 37, 66–69.*

⁸⁸ *Котляр Е.* Образы сакральной географии у росписях синагог східноєвропейської традиції. С. 272.

⁸⁹ *Хаймович Б.* «Дело рук наших для прославления». Росписи синагоги Бейт Тфила Беньямин в Черновцах: изобразительный язык еврейского мастера. Киев: Дух и литера, 2008. С. 21–22.

⁹⁰ Падуга — криволинейная (вогнутая) поверхность, создающая плавный переход от плоского перекрытия (потолка) к стене.

⁹¹ Несколько примеров подобных композиций, напоминающих декоративные панно — *мизрахи* («восток», ивр.), которые традиционно вешали на восточную стену жилища или синагоги, ныне выставлены в постоянной экспозиции в Музее Израиля в Иерусалиме. Традиция эта связана с более древним обычаем оставлять неоштукатуренной часть стены в синагогах в память о разрушенном Иерусалимском Храме.

⁹² *Котляр Е.* Взлеты и падения раннего «Бецалеля». Борис Шац — первый менеджер арт-иудаики // Антиквар. Журнал об антиквариате и коллекционировании. Киев, 2009. № 7–8 (33–34). С. 48–52.

⁹³ *Шац Б.* «Бецалель»: Его прошлое, настоящее и будущее. Издание Общества вспомоществования евреям-земледельцам в Сирии и Палестине. Одесса: Палестина, 1910. С. 32.

⁹⁴ От слова *халуцим* (мн. число, с иврита «халуц» — «пионер», «первопроходец») — активисты заселения и освоения Эрец-Исраэль.

⁹⁵ *Хаймович Б.* «Дело рук наших для прославления». С. 47–52; *Котляр Е.* Ликование небес и скорбная песнь Галута. Музыкальная тема в росписях синагог восточноевропейской традиции // Научные труды по иудаике. Материалы

XVII Международной ежегодной конференции по иудаике. М.: Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», 2010. С. 514–533.

⁹⁶ Подробно об изображении святых мест см.: *Котляр Е.* Образы сакральной географии у розписках синагог східноєвропейської традиції. С. 269–274; *Rodov I.* «With Eyes towards Zion»: Visions of the Holy Land in Romanian Synagogues. P. 138–174.

⁹⁷ *Хаймович Б.* «Дело рук наших для прославления». С. 60–71; *Котляр Е.* Ликование небес и скорбная песнь Галута. С. 534–541.

⁹⁸ *Kotlyar E.* The Art of Compromise: The Human Figure in Eastern European Synagogue Decoration // *Studia Żydowskie. Almanach.* Zamość, 2013. R III. Nr 3. P. 13–27.

⁹⁹ Козёл отпущения — в иудаизме особое животное, которое, после символического возложения на него грехов всего народа, отпускали в пустыню. Обряд исполнялся в праздник *Йом Киппур* (Левит 16) во времена Иерусалимского храма (X в. до н. э. — I в. н. э.).

¹⁰⁰ Попугаи в изображении знака «Близнецы» встречались и в росписях других синагог Нижнего Ист-Сайда, построенных выходцами из галицийских городов Бережаны (Bnai Jacob Anshe Brzezan), а также Завихоста и Сандомира (Kehilas Bnei Moshe Yakov Anshe Zawichost veZosmer, 317 East 8th Street), что говорит об определенной общности уже своих, местных традиций.

¹⁰¹ *Котляр Е.* Зникаюча містерія. Розписи львівської синагоги // *Образотворче мистецтво.* Київ: Національна спілка художників України, 2008. № 2. С. 112–113.

¹⁰² Ламбрекен (*Lambrequin*, фр.) — горизонтальная декоративная драпировка, расположенная в верхней части штор (портьер), проема окна или двери в виде короткого декоративного элемента во всю ширину карниза, может иметь дополнительные декоративные элементы в виде кистей, воланов, ритмически расположенных вырезов, зубцов и пр.

¹⁰³ Congregation Bnai Jacob Anshe Brzezan — конгрегация выходцев из Бережан, была основана в Нью-Йорке в 1893 г.; в 1913 г. в районе Нижнего Ист-Сайда община выстроила синагогу, которая была расписана до 1939 г. художником-любителем. *Wolfe G. R.* The Synagogues of New York's Lower East Side. P. 127–131.

¹⁰⁴ *Хаймович Б.* «Дело рук наших для прославления». С. 124–125.

¹⁰⁵ Интервью было взято в мае 2011 г. в Нью-Йорке. Благодарю за помощь в переводе с английского моего брата, Григория Котляра.

¹⁰⁶ *Polland A.* Landmark of the Spirit. The Eldridge Street Synagogue. New Haven and London: Yale University Press, 2009.

Ю. Туровский — виолончелист, дирижер, педагог

Э. Зальцберг (Торонто)

В 1970–80-е годы основной поток еврейских эмигрантов из России, который включал и музыкантов различных специальностей, направлялся в США. В это время в страну приехали замечательные инструменталисты, педагоги, дирижеры, значительно обогатившие музыкальную жизнь США. Приток евреев-иммигрантов в Канаду был значительно меньшим, и, соответственно, в стране поселилось лишь несколько музыкантов из России с уже установившейся международной репутацией. Одним из них был Юлий Туровский, чья кипучая музыкально-педагогическая деятельность существенно изменила музыкальный ландшафт канадской провинции Квебек и, в известной степени, всей страны в целом.

Юлий Туровский родился 7 июня 1939 г. в Москве. Начав заниматься на виолончели в семь лет, он через два года поступил в Центральную детскую музыкальную школу, по окончании которой стал студентом Московской консерватории по классу Галины Козолуповой. Закончив с отличием консерваторию в 1962 г., Юлий начал работать концертмейстером Московского камерного оркестра Рудольфа Баршая и выступать в качестве солиста. К этому же времени относятся его первые дирижерские опыты — он руководил камерным ансамблем в музыкальной школе им. Гнесиных. В 1969 г. Туровский завоевал первую премию на Всесоюзном конкурсе виолончелистов, в 1970 г. — второй приз на Международном музыкальном фестивале «Пражская весна». Он стал записываться на фирме «Мелодия» и часто гастролировал за границей с оркестром Р. Баршая. Несмотря на эти успехи, Юлий с женой Элеонорой эмигрировали из СССР в 1976 г. и в следующем году поселились в Монреале. Здесь Туровский организовал трио им. Бородина, в которое, помимо него, вошли Р. Дубинский (скрипка) и Л. Эдлина (ф-но). Трио много гастролировало по Канаде и за ее пределами и сделало интересные записи.

Почти сразу по приезде в Канаду Юлий начал преподавать: сначала в Монреальской консерватории и затем — в Монреальском университете.

Ю. Туровский. 2011 г.

В первое время музыкант не говорил ни по-французски, ни по-английски и использовал в классе язык жестов и пение для общения со студентами. «Это не имело значения, — говорит Ф. Морин-Лайонс, которая была студенткой Туровского в первый год пребывания виолончелиста в Канаде. — Уже через пять минут я поняла, что занимаюсь с одним из великих педагогов». Многие его студенты, такие как Е. Дьячков, С. Тетро, Б. Ченг и В. Йотчева, приобрели международную известность. Дьячков говорит о своем учителе: «Юлий оказал на меня огромное влияние. Я всегда буду пом-

нить его щедрость и как музыканта, и как человека. Когда я с родителями проходил эмиграцию в Италии, то брал уроки у Ростроповича, который настоятельно советовал мне продолжить занятия с Туровским в Монреале. Он говорил: „Ты волен поступить в любую знаменитую школу. Там ты узнаешь все, что нужно, но, как собака, будешь все понимать, но не сможешь ничего сказать“. И действительно, Юлий научил меня разговаривать с аудиторией с помощью виолончели, и я очень ему признателен за это. Он знал, как вселить в студентов смелость для преодоления шаблонов и как научить их приковывать внимание слушателей к исполнению».

Вспоминает Тетро: «Юлий был замечательным учителем, всегда готовым заниматься с каждым студентом сверх положенных часов, несмотря на собственное сверхплотное расписание. Не было таких проблем, которые он не мог бы решить, хотя нередко настаивал на том, чтобы мы находили эти решения сами. Юлий научил меня всему, что я знаю сегодня».

Главным достижением Туровского было создание в 1983 г. камерного струнного оркестра «I Musici de Montreal», первое публичное выступление которого состоялось в ноябре 1984 г. Ансамбль состоял из пятнадцати музыкантов: девяти скрипачей, трех альтистов, двух виолончелистов и одного контрабасиста. Со временем у оркестра появился обширный репертуар, охватывавший все периоды от барокко до современной музыки композиторов Канады, США, Латинской Америки и России. Многие сочинения канадских композиторов были исполнены коллективом впервые, например, *Illuminations* Брайана Черни в 1988 г.

Туровский смело расширял общепринятые репертуарные рамки и включал в программы произведения самых различных жанров.

В октябре 1998 г. на концерте в г. Эри (США) коллектив представил слушателям музыку Г. Тибодо к немому фильму «Призрак оперы» (1925). В следующем году оркестр исполнил музыку Ч. Чаплина к его немому фильму «Огни большого города» (1931), который демонстрировался в Théâtre de Quebec.

«I Musici de Montreal» много гастролировал по Канаде, США и в других странах, давая ежегодно более 100 концертов. В 1994 г. оркестр стал первым канадским коллективом, совершившим поездку по Китаю и Вьетнаму. Ниже приводятся некоторые отзывы прессы о выступлениях оркестра:

Мы услышали свежее исполнение, в котором музыка была не просто воспроизведением партитуры, но доставила каждому слушателю радость и удовольствие. *Zuriberg*, Цюрих, февраль 1995 г.

Вчерашний концерт был чудом. Во-первых, программа — необычайно разнообразная, включавшая много новых произведений, оказавшихся сюрпризом для слушателей. *La Presse*, Монреаль, февраль 1998 г.

Исполнением Квартета Шуберта «I Musici de Montreal» доказал, что является выдающимся ансамблем, нашедшим путь к сердцам слушателей. *Rüsselsheimer*, Русселсхейм, Германия, декабрь 1999 г.

Настоящие музыканты, подлинные таланты, они заслуживают высокой оценки. Программа была хороша, исполнение — еще лучше. *La Presse*, Монреаль, октябрь 2000 г.

«I Musici de Montreal» продемонстрировал выразительность и новизну интерпретаций. Исполнение было настолько зажигательным и энергичным, что слушатели чуть не повскакали со своих мест и не пустились в пляс в проходах между креслами. *The Palm Beach Post*, Палм Бич, Флорида, март 2001 г.

Ансамбль звучит легко и непринужденно, его исполнение свежо и привлекательно. Слушатели принимали музыку с энтузиазмом, одобряя и программу, и качество исполнения. *Maariv*, Тель-Авив, май 2001 г.

Последняя часть Дивертисмента для виолончели и струнных D major Гайдна была исполнена так быстро, что, казалось, искры летели из-под смычков музыкантов. *The Press Journal*, Флорида, апрель 2002 г.

Это — один из лучших оркестров Северной Америки. *Fanfare Magazine*, Нью-Джерси, январь 2006 г.

Оркестр сделал более 40 записей для фирм Chandos и Analekta, которые разошлись более чем в 50 странах. Запись 14 Симфонии Д. Шостаковича была отмечена в 1988 г. премией Diapason d'Or; в 1992 г. награду Penguin Guide Resette получила запись Concerti grossi, Op. 6 Г. Ф. Генделя. В 1996 г. компакт-диск с произведениями А. Джинастеры, Х. Вилла-Лобоса и Х. Эванджелисты удостоился премии Felix. В следующем году оркестр получил награду Juno за лучший альбом классической музыки. В декабре 1998 г. Совет Квебека по делам музыки присудил коллективу две премии Opus: одну — за лучшую запись года и вторую — за лучшую запись современной музыки (Г. Горецкий, А. Пярт и А. Шнитке). В августе 2001 г. журнал BBC Music Magazine назвал лучшей записью месяца компакт-диск с произведениями Н. Мясковского, А. Шнитке и Э. Денисова в исполнении оркестра Туровского. В 2002 г. Совет Квебека по делам музыки признал диск «Современная виолончель» лучшим диском года. В 2010 г. диск с записью «Сувенира из Флоренции» П. Чайковского был выдвинут на премию Juno. Журнал The Whole Note писал по этому поводу:

Какое свежее и энергичное звучание оркестра! Ансамбль демонстрирует точность интерпретации и повышенное внимание к контрапункту. Мелодические линии тщательно прочерчены, и нет расплывчатого интонирования, которое иногда слышно в исполнении других струнных ансамблей. Точная интонация особенно ясно проявилась в оживленном финале, который мне всегда кажется более славянским, чем итальянским¹.

Помимо собственного оркестра, Ю. Туровский выступал в качестве солиста с лучшими североамериканскими и европейскими оркестрами и сделал с ними много записей.

В мае 2011 г., в связи с обострением болезни Паркинсона, Туровский оставил пост музыкального руководителя и дирижера созданного им 27 лет назад камерного оркестра «I Musici de Montreal». В этом же году он основал студенческий оркестр «New Generation» («Новое поколение»), в котором проработал до конца дней. Виолончелист скончался в ночь с 14 на 15 января 2013 г. в Монреале; многие ведущие североамериканские и европейские газеты откликнулись на это событие.

На похоронах Туровского оба его оркестра играли три пьесы, выбранные их руководителем для этого случая незадолго до смерти. Последней из них была полька Д. Шостаковича. Для человека, любившего шутки, это была, по словам его дочери, последняя из них.

Туровский был кавалером ордена Квебека и ордена Канады, при награждении которым отмечалось, что он удостоен этой чести «за вклад в создание лучших образцов канадской музыки в качестве педагога, виолончелиста и дирижера».

Искренне Ваш, Юлий²

Р. Люсье

Юлий Туровский и его оркестр «I Musici de Montreal» предлагает слушателям смешанные программы, которые смело нарушают границы музыкальных периодов и жанров. Композиторы-классики (включая Бетховена и его симфонии) и романтики соседствуют в этих программах с авторами XX века (особенно русскими). Туровский был первым дирижером, познакомившим монреальцев с творчеством А. Шнитке. «I Musici de Montreal» исполняет музыку к немым фильмам и аккомпанирует солистам на альпийском роге и традиционном китайском струнном народном инструменте эрху. В прошлом сезоне, к удовольствию слушателей, оркестр выступил с популярным квинтетом «Джелато», участники которого, в зависимости от репертуара, играют на скрипке, виолончели, контрабасе, мандолине, аккордеоне, гобое, кларнете и гитаре.

«I Musici de Montreal» дает ежегодно свыше 120 концертов и сделал более 40 записей.

В этом месяце отмечается двадцатипятилетие музыкальной деятельности Туровского в Канаде, в связи с чем мы взяли интервью у маэстро у него дома. Оно прерывалось проходящими учениками и сопровождалось доносившимися со второго этажа звуками скрипки, где жена Юлия, Элеонора, занималась со своими студентами. Повсюду в доме развешаны экспрессионистские полотна их дочери Натальи, которая играет на скрипке в оркестре отца.

25 лет спустя

Когда мы начали интервью с упоминания о годовщине оркестра, Юлий воскликнул: «Было бы лучше, если бы эти 25 лет начались раньше!» Человек, выросший в обстановке бедности, столь типичной для коммунистического режима, хорошо помнит восьмикомнатную коммунальную квартиру, где жило 8 семей (35 человек), каждая из которых имела свою горелку на плите в кухне. На всю квартиру была одна ванная, и горячая вода подавалась от случая к случаю. Несмотря на все эти неудобства, Юлий не чувствовал себя несчастным. «Вы учитесь ценить то, что имеете, — говорит он. — В конце концов, все были в равных условиях».

Музыка помогала Юлию отрешиться от этих неприглядных реалий. Он начал играть на виолончели в возрасте семи лет, его первой

учительницей была Галина Козолупова. В 1969 г. Юлий завоевал первое место на Всесоюзном конкурсе виолончелистов. В следующем году он был в числе победителей Международного музыкального фестиваля «Пражская весна». «Занимаясь музыкой, вы должны много и упорно работать для того, чтобы как-то продвинуться. Победы на конкурсах — необходимое условие для начала профессиональной карьеры». Он занимался ежедневно по 5–8 часов до тех пор, пока не ощущал сильной боли в руках. «До эмиграции я никогда не слышал о тендините. Болели ли у меня руки? Конечно! Если долго заниматься, то появляется боль. Здесь в этом случае обращаются за помощью к психологу или меняют учителей, инструмент, струны. В СССР достать струны было так трудно, что если Вы их имели, то хранили как зеницу ока».

Работа в таких условиях закалила характер Туровского. «В обстановке всеобщих запретов невозможно свободно высказывать свои мысли. Искусство позволяет выразить то, о чем Вы не смеете говорить. Мне кажется, что именно этим объясняется большая выразительность исполнения, свойственная русским музыкантам. Наиболее важное для них — донести до слушателей определенное послание, идею. В России мы никогда не говорили о так называемом объективном исполнении. Я никогда не слышал, чтобы кто-то сказал: „Музыка говорит сама за себя“, или „Вы преувеличиваете то-то и то-то“. Напротив, всегда что-то было сделано недостаточно! Иногда я слышу обвинения в том, что моя индивидуальность слишком давит на слушателей. Но это — способ выражения движений моей души и идей, и я не вижу в этом ничего плохого».

Всё взаимосвязано

Напряженный жизненный ритм Туровского захватывает всех, с кем он ежедневно общается, будь то музыканты его оркестра, студенты, публика, друзья. Исполнительство, преподавание и дирижирование связаны для него неразрывными узами. «Одно помогает другому. Когда я преподаю, то это помогает мне в исполнительстве, так как наилучший способ понять что-то — это объяснить непонятное другому. Моя исполнительская деятельность положительно влияет на преподавание, которое, в свою очередь, сказывается на дирижировании. Когда я дирижирую, то это помогает мне, как исполнителю, так как, стоя на подиуме, я могу по новому услышать звучание виолончели».

Способность Туровского работать со взаимной пользой в нескольких областях отражается на его исполнении и репертуарной политике. «Когда мы представляем произведение современного композитора, то

знакомство аудитории с классическим и романтическим репертуаром оказывается полезным, так как слушатели не всегда понимают музыку, в которой все — гармония, мелодия, ритм — ново для них. Нужно найти способ приблизить современную музыку к старой. Если мелодия напоминает Брамса, я подчеркиваю это, что делает произведение более доступным для аудитории, воспитанной более на Брамсе, чем на Стравинском».

Роль исполнителя, включая дирижера, — это тема, глубоко волнующая Туровского. «Что такое исполнитель? Является ли он верным слугой музыки? (Я часто слышу это выражение, но не нахожу его искренним.) Мне кажется, что все гораздо сложнее. Я бы сравнил композитора и исполнителя с отцом и матерью. Композитор — отец, но мать дает произведению жизнь. Без исполнителя (матери) не может быть потомства. Продолжая сравнение, ребенок иногда похож на отца больше, чем на мать, но он является отпрыском обоих родителей. Это может показаться нескромным, но, по-моему, роль исполнителя исключительно важна, так как именно он (или она) дает жизнь произведению. Само по себе, сочинение стоит не более той бумаги, на которой оно записано».

Туровский проводит другую параллель — с театром. «Почему мы идем на „Ромео и Джульетту“? Конечно, не для того, чтобы услышать текст, который уже знаем наизусть. Мы хотим увидеть определенного актера (актрису) и то новое, что он (она) привнес в пьесу. То же самое и с музыкой. Мы хорошо знаем концерт или симфонию, и всё же хотим слушать ее снова и снова, чтобы открыть для себя ее новое прочтение тем или иным исполнителем».

Кредо Туровского

Энтузиазм Туровского захватывает, он требует полного вовлечения в творческий процесс всех окружающих. Они должны чутко воспринимать жизнь и избегать исхоженных троп. «Я — против рутины. Мои музыканты знают, что каждый следующий концерт может быть непохожим на предыдущий. Нельзя исполнять одно и то же произведение каждый раз одинаково. Не нужно думать, что следование традициям может спасти исполнение — они тоже должны обновляться. Другое мое требование — искренность. Когда я играл в Московском камерном оркестре, то часто слышал: „Относись к каждому концерту так, как будто это твое последнее выступление!“ Я всецело отдаю себя работе и требую того же от музыкантов и на репетициях, и на концертах. То, чего Вы достигли во время занятий, будет услышано и на эстраде».

Каким его видят другие

Когда молодой виолончелист Егор Дьячков иммигрировал в Канаду, он занимался у Туровского и в течение пяти лет играл в его оркестре. «Это была музыкальная школа и школа человеческих отношений» — так описывает Егор свой опыт общения с Туровским. Сегодня он чувствует, что душевная щедрость — это то самое важное, что Юлий дал ему. «Он внес новое измерение в мою игру, что было очень важно для меня и чему так трудно научить». Среди других качеств Туровского Егор отметил умение смотреть вперед, образную манеру преподавания и легкость установления контактов с публикой. «Юлий всегда полностью отдается чему-то. Он умеет моментально сконцентрировать внимание на определенной теме, и в то же время быть с Вами. Он ставит перед собой серьезные задачи, постоянно усложняет их и знает, как преодолевать границы собственных возможностей...» — говорит молодой виолончелист, выступающий с неизменным успехом во многих странах мира.

Туровский охотно работает с молодежными оркестрами. Когда он в 1983 г. создавал собственный струнный ансамбль, то привлек в него своих настоящих и бывших студентов и студентов жены. Теодора Статополос, основательница и дирижер симфонического оркестра городской школы искусств FACE, так отзываясь о Туровском: «Его вклад в дело музыкального образования в Монреале и влияние на студентов-музыкантов огромны». Юлий проводил занятия с отдельными секциями оркестра FACE и дирижировал им на концерте в январе этого года. «Его любят все, — продолжает Статополос. — Музыканты моего оркестра — не новички, они достаточно опытные для того, чтобы отличить настоящую вещь от подделки. Молодые люди играют в других оркестрах и работают с разными дирижерами. В Туровском они отмечают прежде всего способность контактировать с ними таким образом, что исполнители легко воспринимают его указания и откликаются на них. Он подбадривает каждого и побуждает к достижению и сохранению высокого качества исполнения; в сочетании с всегдашней готовностью помочь это делает его находкой для оркестра».

Планы, планы, планы

Туровский всегда полон идеями. Программа предстоящего сезона разнообразна и полна неожиданностей. Впервые оркестр будет участвовать в театральной постановке комедии Д. Килти «Милый лжец», основанной на переписке Б. Шоу и актрисы П. Кемпбелл. Маэстро с энтузиазмом говорит о предстоящей монреальской премьере произведения

канадского композитора М. Шаффера «Четыре — сорок», которую исполнит оркестр Туровского и струнный квартет Сент Лоуренс. В этом же концерте прозвучит 7 Симфония Бетховена.

«I Musici de Montreal» продолжит серию концертов популярной музыки в зале О'Гилви, где кофе и аперитив предшествуют исполнению.

Юлий Туровский — счастливый человек, который не променяет свой жизненный уклад ни на какие золотые горы. Его определение счастья просто и искренне: «Когда я делаю то, что я хочу, — я счастлив». И, вне всякого сомнения, слушатели Туровского счастливы вместе с ним.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

«I Musici de Montreal»³

Р. Марков

Кажется, совсем недавно эмигрант из России виолончелист Юлий Туровский собрал группу студентов Монреальского университета для исполнения на радио *Concerti grossi Op. 6 Г. Ф. Генделя*. В то время у ансамбля не было даже имени, и продюсер передачи настоял на том, чтобы они выбрали хоть какое-то. Поначалу казалось, что одним появлением в эфире все и ограничится. Однако «I Musici de Montreal» (ИММ) отмечает свой двадцать пятый сезон, и его присутствие заметно не только в родном Квебеке, но и во многих странах, где проходили гастролы коллектива.

Туровский и его жена Элеонора, концертмейстер ИММ, приехали в Монреаль в 1977 г. вместе с потоком советских евреев, устремившихся в Северную Америку. В качестве педагогов и исполнителей они внесли важный вклад в музыкальную жизнь города. Но, пожалуй, наиболее значительным событием было создание камерного оркестра из 15 музыкантов «I Musici de Montreal», движущей силой и дирижером которого был Юлий. На сегодня оркестр сделал более 40 записей. Коллектив ежегодно гастролит по Канаде и США, совершил концертные поездки в Китай, Корею, Бразилию, Германию, Францию и Швейцарию.

Чем можно объяснить такой феноменальный успех ансамбля? Прежде всего, яркой индивидуальностью Туровского. Хотя у него мягкие манеры и тихий голос, страстная любовь Юлия к музыке проявляется в каждом исполнении. Музыкант следует традициям русского исполнительства, представленного такими именами, как Горовиц, Пятигорский, Гилельс, Ойстрах, Ростропович и Венгеров. Необычайная выразительность, гибкая фразировка, четкие жесты — характерные черты исполнительской

манеры Туровского. «Работая с Юлием, Вы учитесь достигать невозможного», — говорит участник его оркестра.

Музыкальное образование играет важную роль в деятельности ИММ. В Монреале оркестр дает серию концертов Riccioli для детей, в которых принимают участие мимы, актеры, чтецы, танцоры и даже цирковые артисты. В Монреальском университете и дома у Туровских, в этой своеобразной мини-консерватории, Юлий и Элеонора занимаются с новыми поколениями виолончелистов и скрипачей и доводят их исполнение до высоких стандартов.

Ф. Морин-Лайонс, работающая в ИММ с момента его основания, организует в странах Южной Америки семинары, на которых устанавливаются контакты между местными музыкантами и оркестрантами ИММ.

Другая причина успеха оркестра — творческое отношение Туровского к составлению программ выступлений ИММ. Конечно, произведения Вивальди, Моцарта, Гайдна и Бетховена занимают в них значительное место. Помимо этого, коллектив исполняет транскрипции струнных квартетов и фортепианных произведений (например, «Искусства фуги» И.-С. Баха и «Картинок с выставки» М. Мусоргского⁴), многие из которых сделаны Туровским, произведения сравнительно мало известных на Западе русских композиторов Г. Уствольской и Г. Галынина, одноактные камерные оперы Менотти и Уолтона и блёстки джаза, танго и клезмерской музыки. Слушатели научились верить выбору Туровского и с удовольствием открывают новую для себя музыку и молодых талантливых исполнителей не только на скрипке и фортепиано, но и на арфе, кларнете, контрабасе, трубе, гармонике и ударных. «Юлий внимательно следит за результатами конкурсов, но далеко не всегда приглашает для участия в своих концертах их победителей!» — говорит исполнительный директор ИММ Р. Сили.

Выступление 25 сентября 2008 г., посвященное 25-летию ИММ, подожгло все, что пропагандирует Туровский и его оркестр. Несмотря на то, что в этот же вечер состоялся концерт Монреальского симфонического оркестра под управлением прославленного Зубина Меты, зал Théâtre Maisonneuve на 1600 мест, в котором чествовали ИММ, был переполнен. В программе концерта мы увидели лишь одно известное имя — Воан-Уильямс, чье произведение *The Lark Ascending* было исполнено Элеонорой Туровской в сопровождении оркестра. Затем прозвучало сочинение монреальского композитора Дениса Гужона *Coups d'archets*, посвященное ИММ. Шесть учеников Туровского (младшему из них было всего 9 лет) сыграли концерт для шести виолончелей с оркестром *Dragoncello* венесуэльского композитора Поля Дезенне. Последней прозвучала 40-минутная *La Cantata Criolla* (1954) композитора Антонио Эставеса

для большого оркестра, хора и двух певцов-солистов. По требованию публики, Туровский бисировал финал произведения. Это был концерт, о котором каждый оркестр может лишь мечтать, но для ИММ он не был чем-то необычным.

Как Туровскому видится будущее коллектива? «Наша формула успеха состоит в отсутствии таковой, — говорит дирижер. — Наша рутина — избегать рутину. Для меня слушатели — это друзья, с которыми я всегда готов делиться всеми своими чувствами и переживаниями».

¹ *Haskell R. All Reviews // The Whole Notes, November 27, 2009. Перевод с англ. Э. Зальцберга.*

² *Lucie R. Sincerely, Yuly // La Scena Musicale. 2002. Vol. 7, № 8, May 1. Сокр. авторизов. перевод с англ. Э. Зальцберга.*

³ *Markow R. I Musici de Montreal Profile // Strings. 2009, June. Сокр. авторизов. перевод с англ. и примеч. Э. Зальцберга.*

⁴ Фортепианные «Картинки с выставки» написаны М. Мусоргским после посещения им посмертной выставки работ архитектора и художника В. Гартмана (1834–1873). Туровский сделал переложение произведения М. Мусоргского для струнного оркестра. Позднее аниматор Г. Холлард создал мультипликационный фильм, в котором оживают образы с картин дочери Юлия, Натальи, написанных по мотивам Мусоргского и Гартмана, и звучит транскрипция «Картинок» Туровского в исполнении ИММ. Фильм получил премию Excellence in Cinema на фестивале независимых фильмов и видеопродуции в Нью-Йорке в 2007 г.

НАУКА

Наум Ясный

В. Телицын (Москва)

О нем писали многие и много, и каждый подмечал в его жизни и творчестве что-то особое:

«Его нетерпимость и периодически возникающее раздражение вытекают из страстного желания разобраться в происходящем в СССР. В относительно преклонном возрасте он погрузился в детальное исследование советской экономики, поскольку был глубоко убежден, что совершенно необходимо исправить накопившиеся при ее изучении серьезные ошибки и неверные интерпретации <...> Он рассматривает поиск истины как бесконечный процесс и, не колеблясь, нападает на тех, кто, по его мнению, недооценивает советскую экономическую мощь, или на тех, чей анализ искажен стереотипами холодной войны»¹.

Он обладал характером «воинствующего миссионера»².

«В научной полемике он часто был резок и нетерпим к своим оппонентам, а порой и несправедлив. Но неистово критикуя недостатки анализа других исследователей, он был столь же требователен к себе и всегда открыто признавал свои ошибки»³.

«Основной чертой его личности как ученого является научная этика, служение исторической правде и академической объективности как наивысшим ценностям; мужество высказать в любых условиях то, что он считает правильным; постоянное стремление к правде, черта, <...> иногда неудобная для окружающих; неустанная работа над самим собой; готовность признать собственные ошибки. Так, эпиграфом к одной из его последних книг являются слова „Через открыто признанные ошибки к правде!“ Это — отнюдь не принцип одной лишь книги, в которую он внес некоторые исправления в цифровые расчеты прежних изданий; это — лозунг всего его жизненного пути»⁴.

Сам себя он считал «борцом за правду»⁵.

Это все о Науме Хаимовиче (Михайловиче) Ясном — ученом-экономисте, эмигранте, прожившем в США более 30 лет.

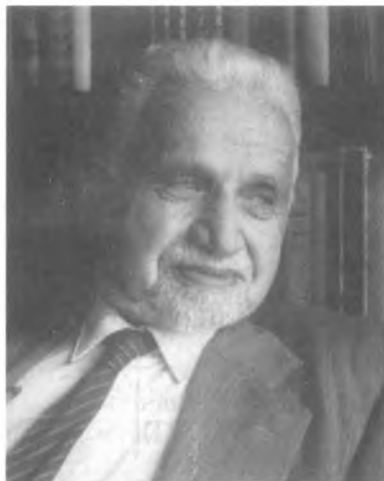
Наум Ясный родился 25 января 1883 г. в Харькове в семье преуспевающего предпринимателя. Его отец, Хаим Ясный, в молодости собирался стать раввином, но затем увлекся коммерцией. Его мать, Роза, занималась домашним хозяйством и воспитанием детей.

В 18 лет Наум окончил классическую гимназию в Харькове и готовился к поступлению в университет. Для этого по тогдашним российским законам еврей должен был окончить гимназический курс с золотой медалью. Ясный сдал все выпускные экзамены на «отлично», однако его заставили пересдать экзамен по греческому языку и поставили заниженный балл. В результате он окончил гимназию со вторым результатом и получил только серебряную медаль. Двери российских университетов оказались для него закрытыми.

В 1901 г. Ясный поступил на химический факультет Берлинского университета. Однако уже через год российское законодательство претерпело изменения, и для поступления в университет в России золотая медаль уже была не нужна. Ясный возвратился в Харьков, где стал студентом юридического факультета местного университета. Но проучиться удалось всего два года — в 1904 г. его исключили за участие в политической деятельности, лишив права поступления в отечественные вузы. Наум опять уехал за границу и продолжил обучение сначала в Швейцарии (в Цюрихе), затем в Австро-Венгрии (в Вене).

В 1905 г. Ясный решил возвратиться в Россию, которая стояла на пороге глобальных социально-политических потрясений. Здесь он вступил в российскую социал-демократическую рабочую партию, однако его политическая карьера продолжалась недолго. В 1905 г. он организовал в Варшаве первомайскую демонстрацию. Осенью того же года заболел тяжелым тифом, что заставило его всерьез заняться собственным здоровьем, и вплоть до 1917 г. Наум не участвовал в политике.

В 1906 г. Ясный поступил на юридический факультет Петербургского университета, который закончил в 1908 г. Но практика адвоката Ясного не была успешной: дела, которые он вел, не приносили ему дохода.

Н. Ясный

Уже обремененный семьей, Наум согласился стать управляющим убыточной мельницы в Харькове, принадлежавшей его отцу, и сделал ее прибыльной. Однако когда с разразившейся Первой мировой войной доходы от мельницы начали расти как на дрожжах, Ясный, по его словам, «стал воспринимать себя грабителем»⁶. В 1916 г. он перебрался из Харькова в Псков, где работал в Союзе городов, затем переехал в Москву и устроился там на должность помощника одного из руководителей того же Союза. Летом 1916 г. Ясный был переведен в петроградское статистические бюро экономического отдела Союза. В экономических спорах о путях выхода из хозяйственного кризиса, в котором оказалась Россия во время Первой мировой войны и после Февральской революции 1917 г., Ясный выступал сторонником государственной монополии на хлеб, считая ее единственным выходом из положения⁷.

Летом 1917 г. Наум Хаимович стал представителем Союза в Государственном продовольственном комитете и консультантом Высшего экономического совета и Министерства земледелия.

Октябрьскую революцию он не принял и в декабре 1917 г. с женой и дочерью вернулся в Харьков, где у него сохранилась квартира. Там Ясный преподавал в университете, публиковался в газетах и начал работать над монографией о зерновых культурах.

Весной 1918 г. тяжело заболела жена. В конце осени она вместе с дочерьми уехала в Анапу, чтобы поправить здоровье после продолжительной болезни. По дороге подхватила брюшной тиф, а у одной из дочерей началась дизентерия. Ясный с риском для жизни добрался до Анапы и смог спасти и жену, и дочь. Но оставаться здесь было опасно, и он с семьей переехал в Кисловодск, а в начале 1920 г. — в Тбилиси.

В Грузии Ясный работал в Министерстве продовольствия, сотрудничал с социалистической газетой *Борьба*. Но буквально через год все рухнуло: 16 февраля 1921 г. Красная Армия начала вторжение в Грузию и 25 февраля вступила в Тбилиси. Ясный с семьей перебрался в Кутаиси, затем в Батуми, оттуда в Константинополь. Из Турции семья Ясного направилась в Вену, где он смог устроиться клерком в банке. Зимой 1923 г. Ясный уехал в Берлин. Он публиковался в советском журнале *Внешняя торговля*⁸, передавая материалы через работавшего в представительстве Комиссариата внешней торговли в Берлине бывшего меньшевика М. И. Тейтельбаума⁹. В 1923–1925 гг. в этом издании были опубликованы более 30 его статей о состоянии мирового хлебного рынка.

В начале 1925 г. он — эксперт хлебного отдела торгового представительства СССР в Берлине. Заработок давал возможность решить материальные проблемы, казалось, что жизнь семьи налаживается. Однако 14 марта 1927 г. Ясный получил извещение об увольнении.

До середины 1929 г. Наум Хаимович жил литературным трудом, публикуясь в немецких журналах. Летом того же года его пригласили на работу в Институт конъюнктурных исследований (Берлин), а с 1 января 1930 г. он перешел в Институт по исследованию сельскохозяйственных рынков. Его карьера развивалась успешно. Две книги этого периода — «Закат ржи»¹⁰ и «Трактор в сельском хозяйстве»¹¹ — были замечены не только в научных кругах Германии, но и США, Великобритании и Франции.

Однако и это «счастье» было недолгим. В 1932 г., после нескольких месяцев болезни, умерла его жена, а 30 января 1933 г. к власти в Германии пришли нацисты. Ясный сразу обратился в американское посольство за въездной визой: он решил уехать *«просто потому, что покинул свою страну из-за нежелания жить в условиях диктатуры. Еще меньше мне хотелось жить в условиях иностранной диктатуры»*¹².

Он рассчитывал, что в США у него будут возможности найти работу по специальности экономиста-аграрника и заниматься научными исследованиями. Перед отъездом Ясный женился на Марии Филиппи, с которой был знаком уже несколько лет. В августе 1933 г. Ясный с женой отплыли в Нью-Йорк.

В США Наум Ясный столкнулся не только с языковым барьером, но и с трудностями приспособления к американским условиям и характеру исследовательской деятельности. Особенно это сказывалось на изучении советской экономики — здесь американская наука делала в то время лишь первые шаги. Но, несмотря на эти трудности, которые, наверное, еще усиливались его ненавистью ко всем формам бюрократизма и резкостью характера, Ясный за годы пребывания в США опубликовал десять книг и несколько сотен статей как в американских, так и в различных европейских специальных журналах. Эти работы он считал своими наиболее зрелыми научными трудами, и перед ними даже его лучшие исследования периода жизни в Германии отступали на второй план. Его публикации на английском языке насчитывают 12 тыс. страниц, при этом основная часть работ была посвящена СССР¹³.

Кстати, советская сторона не могла оставить без внимания такого талантливой автора:

*«Известный своими клеветническими писаниями о Советском Союзе американский экономист Н. Ясный назойливо убеждал своих читателей в том, что мероприятия КПСС по совершенствованию управления промышленностью и строительством не имеют якобы большого значения, так как они-де ничего не дают для демократизации советского государственного строя»*¹⁴.

И этим сказано все...

После приезда в США Ясный устроился на должность старшего экономиста в Министерство сельского хозяйства. С 1938 г. он — сотрудник Института проблем продовольствия Стэнфордского университета, а с 1940-го — снова в Министерстве сельского хозяйства. В это время Ясный скрупулезно изучал сельское хозяйство США. Итогом этой работы стало фундаментальное исследование «Конкуренция зерновых», опубликованное в 1940 г.¹⁵ В этом же году он начал работу над историей возделывания пшеницы, опубликовав результаты в монографии «Хлеб во времена классической древности» в 1944 г.¹⁶ Это большой вклад в экономическую и общую историю античного мира и, кроме того, пожалуй, самое крупное исследование Ясного. Ему как специалисту по зерновому хозяйству пришлось столкнуться с трудностями идентификации и перевода на английский терминов, связанных с видами хлебов, пшеницы и сортов муки, употреблявшихся в античном мире. На основе практических знаний зернового и мукомольного дела, обширных вспомогательных исследований почвенной и климатической географии и ботаники средиземноморских стран, древней мукомольной техники, рассмотрения античных первоисточников и критического анализа литературы он сумел устранить путаницу, возникшую от неточных и порой неквалифицированно выполненных переводов оригинальных текстов. Его исследование явилось значительным вкладом не только в экономику и историю, но и в классическую филологию. Прежде всего он выяснил, что пшеница не играла в античные времена главенствующей роли, которую ей приписывали, и указал на историческую причину этой ошибки: в латинских источниках больше всего говорится о пшенице по той причине, что городское население Рима предпочитало пшеницу как самое лучшее зерно и поэтому римские завоеватели заставляли население захваченных территорий культивировать именно пшеницу, несмотря на то, что само оно питалось преимущественно ячменем. Много недоразумений удалось устранить и в отношении эммера — пленочной пшеницы. Освобожденный от пленок эммер очень мало отличается от обыкновенной пшеницы. Ввиду обилия пленок на эммере исследователи отводили ему только третьестепенную роль, значительно меньшую, чем обыкновенной пшенице и даже ячменю; в древние времена зерно измерялось не по весу, а по объему, поэтому и значение зерна историки оценивали по вымолоту на единицу объема.

Ясный в своем исследовании подошел к изучаемому предмету с точки зрения не только потребления, но и производства, например, способов и производительности помола, степеней вымолота, способов изготовления хлеба. Так, он определил возможные нормы потребления населения античных стран, указывая на обусловленный временем низкий уровень жизни и в особенности низкие нормы питания среди широких масс

населения и имущих слоев общества. Коррективы, внесенные Ясным, способствуют, таким образом, восстановлению правильной картины повседневной жизни в античные времена¹⁷.

После начала Второй мировой войны Ясный хотел поступить на службу в Русский отдел Управления стратегических служб¹⁸, но ему было отказано. С лета 1942 г. он стал работать в Экономическом департаменте Министерства обороны США, который в 1943 г. вошел в Международное экономическое агентство. В сентябре 1945 г., когда агентство было расформировано, Ясный вернулся в Министерство сельского хозяйства, где проработал до конца 1947 г. Получив грант Института проблем продовольствия Стэндфордского университета и Фонда Рокфеллера, он смог сосредоточиться на научных исследованиях советской экономики.

Уже в конце 1940-х гг. он пришел к выводу, что исследования советской экономики в том виде, в каком они велись тогда в США, в той или иной степени зависели от советской идеологии, тогда как его задача — дать объективную картину экономического развития СССР. Критическое отношение Ясного к советским статистическим данным являлось для многих его коллег, подозревавших его в предвзятости против советской системы, поводом для критики ученого.

Убедившись, что американские книги о советской экономике, при- нимавшие каждую опубликованную в СССР цифру за чистую монету, служат в местных университетах авторитетными пособиями, он решил издать свои предварительные анализы и расчеты с тем, чтобы обрисовать действительное состояние советской экономики. В 1949 г. Ясный опубликовал фундаментальную монографию «Социализированное сельское хозяйство СССР»¹⁹, в которой подверг резкой критике официальную советскую статистику и представил собственные расчеты экономических показателей сельского хозяйства. В частности, он выяснил и доказал, насколько велика была разница между официально фиксируемым биологическим урожаем и реальным сбором зерна. Несмотря на предварительный характер анализов и ограниченность доступного материала, Ясному удалось определить с достаточной точностью фактические размеры советского национального дохода, роста промышленности, капиталовложений, реальных зарплат важнейших групп населения, военных затрат и прочее.

В работах Ясного 1950-х гг. выделялись четыре направления, часто переплетавшихся друг с другом²⁰.

Во-первых, исследование советской ценообразовательной системы. Результаты этой работы послужили основой для многих его аналитических исследований, так как только с их помощью можно было перевести советские показатели прироста сельскохозяйственной и промышленной

продукции в соответствующие действительному росту величины. Исчисленные показатели цен позволили ему, в связи с анализом налоговой системы, определить как доходы различных групп населения и их жизненный уровень, так и стоимость рубля в различных секторах экономики, что особенно важно для выяснения действительного объема капиталовложений в этих секторах и военных затрат.

Во-вторых, анализ советской статистики. Эта работа часто сводилась к разоблачению сознательных, искажающих действительную картину приемов советских статистиков, работавших по партийному указу, причем трудности пользования советской статистикой, являющейся не сплошной фальсификацией, а «смесью из фальсифицированного, искаженного, вводящего в заблуждение, и правильного статистического материала», заключаются вовсе не в том, что нельзя разоблачить вопиющие фальсификации (иногда предварительный анализ или простая арифметика показывали их очевидную несостоятельность), а в том, что в этой «смеси» в известных случаях трудно отличить правильные данные от неправильных. Ясный тщательно анализировал данные, не только фальсифицированные в сторону преувеличения, но и заведомо заниженные дореволюционные показатели.

В-третьих, собственные расчеты Ясного, прежде всего в области тех показателей, которые должны обосновать «престиж» советского строя. Последние являлись для него «политическими», следовательно, вероятность их научной объективности была минимальной.

В-четвертых, исследования Ясного в области экономической истории СССР²¹.

В 1962 г. Ясный издал монографию «Советская индустриализация. 1928–1952»²². Эту работу, в которой была детально проанализирована история советского планирования, сам Наум Хаимович считал своим лучшим произведением.

В 1962 г. вышла еще одна монография — «Очерки о советской экономике»²³, в которой, в частности, была представлена методология ученого. Она заключалась в том, что Ясный обращал особое внимание на поиски «точки отсчета», т. е. начального, возможно, самого достоверного материала об экономическом узле, каким бы незначительным он ни казался на первый взгляд. Ясный последовательно и в то же время чрезвычайно осторожно и критически использовал результаты своих исследований. И, наконец, в монографии указаны перспективы дальнейшей разработки и практическое применение концепции ученого об экономическом целом. Суть ее заключалась в том, что хозяйство есть единая структура, которая развивается (и стагнирует) в зависимости от объективных факторов и внутренних законов. Использование

любкой идеологии, направленной на подмену хотя бы одного из составных элементов целого, может обернуться крушением всей экономической системы.

В 1963 г. Ясный закончил монографию о политике Хрущева в отношении зерновых культур²⁴. Тема была очень острая, если учесть усилия, направленные на разработку в СССР целинных земель.

В последние годы жизни он писал мемуары и книгу-воспоминание о советских экономистах 1920-х гг.²⁵

Умер Наум Ясный 12 апреля 1967 г. в Уитоне, штат Иллинойс.

ПРИЛОЖЕНИЕ

От редактора-составителя. Приводимая ниже статья Наума Ясного была опубликована в 1950 г., когда далеко не всем на Западе была очевидна и понятна сущность советской системы, основанной на насилии и тотальной лжи. Автор скрупулезно анализирует советскую статистику и показывает многочисленные искажения и манипуляции, к которым прибегали официальные советские организации и лица для того, чтобы доказать преимущества и успехи планового социалистического хозяйства в СССР. Эта статья, как и другие публикации Ясного, посвященные советской экономике, не утратила своего значения и в настоящее время для тех, кто изучает историю СССР и причины его краха.

Советская статистика

*Наум Ясный*²⁶

В СССР наука, литература и искусство находятся под огнем партийной критики. Иногда эти кампании следуют одна за другой, иногда проходят одновременно. Строжайшее следование линии партии требуется во всех областях. В течение многих лет упор делался на то, чтобы поставить все виды творческой деятельности на службу коммунистического преобразования СССР в соответствии с последними партийными декларациями. Позднее официальная пропаганда была направлена на изоляцию от Запада во всем, включая науку. Быть обвиненным в «космополитизме» значило впасть в опалу, и, если обвиняемый не каялся публично, это вело к наказанию.

Одной из первых подверглась нападкам экономическая теория, которую следовало объяснять и преподавать в соответствии с партийной линией. Последняя официальная трактовка этой теории была дана в 1943 г.²⁷, и с тех пор не ослабевают обвинения экономистов в уклонении от нее.

Советские люди имеют «собственную» историю. Наиболее искаженной ее частью является история самой Коммунистической партии, которая должна изучаться только по официальному документу — «Истории Коммунистической партии СССР» (М., 1946). Вся ботаника запрещена, за исключением материалистического учения Мичурина в интерпретации верного партийца Лысенко. Советские люди имеют «собственную» математику, физику, астрономию и т. п.

С неподдельным энтузиазмом поэты должны слагать стихи, художники рисовать картины, певцы петь песни, прославляя успехи индустриализации и коллективизации и связанные с ними величайшие преимущества для государства и его граждан — мужественных воинов, рабочих-стахановцев, колхозников. Воспеваться должен высокий патриотизм граждан, их преданность идеям коммунизма и вера в мудрость любимого вождя.

На этом фоне осталось незамеченным, что в течение многих лет не подвергалась нападкам статистика, хотя она более, чем какая-либо другая наука, включая экономическую теорию, связана с реорганизацией советской экономики в соответствии с линией партии и надеждами и желаниями большевиков. Объяснить это можно просто: статистика была согнута в бараний рог уже давно, она первой стала объектом атак и нападков, и результаты были настолько впечатляющими, что ничего лучшего нельзя было и желать.

20 лет тому назад традиционная статистика, основанная на установленных фактах и только на них, была объявлена в СССР «неопределенной», «капиталистической» и «буржуазной» и заменена «большевистской» и «марксистской» статистикой²⁸. Поскольку почти все ведущие статистики были приверженцами традиционной науки, старые статистические организации были полностью реорганизованы, а представители этой науки подверглись репрессиям и исчезли. Несмотря на это, позднее были проведены повторные чистки ведущих специалистов, теперь уже коммунистов, для того, чтобы научные кадры соответствовали партийным требованиям, что и было достигнуто к 1939 г.

Первым шагом в утверждении новой статистики стало утаивание данных. Похоже, что с началом войны не появилось ни одного подлинного статистического показателя, понимая под последним абсолютную величину результата экономической деятельности, а не его отношение (в процентах) к чему-то неизвестному. Утаивание данных предполагает манипулирование ими. Картина представляется преднамеренно искаженной, когда публикуются удобные данные, а неудобные опускаются. Таким образом, обнародуются показатели только для благоприятных лет, благополучных районов, определенных групп населения и т. п.

Например, за последние 20 лет данные о рождаемости и смертности населения приведены только за 1938 г.

Любой добросовестный исследователь не примет ни одной советской цифры без тщательной проверки. Это относится как к национальной экономике, так и любой другой области народного хозяйства. Статистика промышленного производства в физическом выражении, как правило, не подвержена искажениям, за исключением тех случаев, когда производство тяжелой индустрии в ранние годы сравнивается, безо всяких оговорок, с производством всей индустрии в более поздние годы, и неувязок, связанных с изменениями территории СССР.

В то же время данные в физическом выражении об урожаях и других видах сельскохозяйственной продукции крайне ненадежны.

Любой советский показатель в денежном выражении должен быть проверен и перепроверен, прежде чем использовать его в дальнейшем анализе. Особенно это относится к оценкам, данным в «твердых» ценах 1926–1927 гг., которые не имели никакой связи с действительными ценами того времени и были своего рода фантомами. Наиболее важные экономические индексы, такие как производство промышленной и сельскохозяйственной продукции, производительность труда, национальный доход, оцениваются в этих нереальных ценах.

Территориальный аспект. Во всех сопоставлениях данных за 1945-й и последующие годы, с 1913 г., последние взяты из дореволюционной статистики и уменьшены в соответствии с сокращением территории СССР в 1922 г. по сравнению с территорией царской России. В то же время при этих же сравнениях в данные дореволюционного года не внесены поправки, связанные с увеличением территории СССР в результате Второй мировой войны²⁹.

Точно так же сравнение данных за 1920–1938 гг. с послевоенными показателями никак не учитывает существенную разницу территорий. Объяснения этим несоответствиям нигде не дается, и внесение каких-либо корректив не разрешается.

Сельскохозяйственная статистика. Начиная с 1933 г. урожай оценивался в поле, до уборки, при этом до 1937 г. допускались потери в 10 % во время и после уборки. С 1939 г. (или 1940 г.) оценка в поле без учета возможных потерь применялась ко всем видам зерновых. Проведенный автором детальный анализ показал, что официальные данные об урожайности за 1933–1939 гг. были завышены примерно на 25 %³⁰.

Хотя оценка урожая в поле является приближенной, ее применение в принципе возможно. Но когда подобный урожай «на корню» безо всякой корректировки сравнивается с урожаем, оцененным стандартными методами, принятыми в царской России, СССР до коллективизации

и зарубежных странах, это нарушает элементарные статистические правила и приводит к выводу о том, что «капиталистические страны не могут служить для нас примером»³¹.

Официальное сравнение урожая после Второй мировой войны и в 1918–1932 гг. завывает первые на более чем 40%. Точно так же, когда дореволюционные урожаи, скорректированные на потери территорий после Первой мировой войны, сравниваются без каких-либо поправок с урожаями «на корню» для территории СССР, увеличившейся после Второй мировой войны, вторые искусственно завываются на более чем 80%.

В начале 1930-х гг. советское сельское хозяйство потеряло около половины поголовья скота стоимостью около 4 млрд рублей (в ценах 1926–1927 гг.). В официальных оценках сельскохозяйственной продукции и ее вклада в национальный доход эти потери представлены как прирост в 1,248 млрд рублей³². Как это произошло? Очень просто. Стоимость поголовья скота крестьян-единоличников, которая сократилась на несколько миллиардов рублей, не была учтена в официальных документах, тогда как возросшая стоимость поголовья в совхозах и колхозах была включена в расчеты.

Если основываться на ценах 1926–1927 гг., то вклад сельскохозяйственной продукции в национальный доход в 1937 г. должен был уменьшиться на 1,9 млрд рублей по сравнению с 1926–1927 гг. Официально это уменьшение было оценено всего лишь в 0,5 млрд рублей. Таким образом, только в 1937 г. вклад сельскохозяйственной продукции в национальный доход был существенно завышен.

Промышленная статистика. При оценке новых товаров, включая новые модели старых образцов, по непропорционально завышенным ценам все индексы производства оказываются искусственно раздутыми. Так, промышленное производство в 1937 г., рассчитанное по завышенным ценам 1926–1927 гг., было на треть больше того, которое получается, если использовать реальные цены за эти же годы.

Увеличение промышленного производства более чем вдвое в 1937–1940 гг. в значительной мере объясняется быстрым ростом реальных цен, и это искусственное «увеличение» было особенно значительным в военные годы. По этой же причине промышленное производство в послевоенном 1948 г. оказалось примерно вдвое выше его реальной стоимости.

Статистика национального дохода. Национальный доход СССР состоит из доходов от промышленности, сельского хозяйства, строительства, торговли, транспорта и коммуникаций (исключая их использование для личных нужд). Из всех этих компонентов только доходы от транспорта (во всяком случае, до 1937 г.) подсчитаны с достаточной точностью. В результате искусственного завышения остальных

составляющих национальный доход в 1928–1939 гг. возрос на 320 %. Расчеты, выполненные К. Кларком, показывают, что это увеличение в действительности составило только 54 %³³. Эта цифра кажется правдоподобной, тогда как официальные данные не выдерживают серьезной критики. Выводы Кларка основаны на английских ценах и на более широком толковании национального дохода, принятом на Западе. Если скорректировать его выкладки с учетом реальных российских цен 1926–1927 гг. и советской концепции национального дохода, увеличение последнего в 1928–1938 гг. составит около 133 %. Приводимое официальное увеличение в 320 % можно назвать преувеличением, манипуляцией или чем угодно еще.

В США склонны переоценивать тот факт, что сами советские специалисты признают недостатки, связанные со статистикой национального дохода. Соответствующие советские комментарии немногочисленны, сделаны в очень осторожной форме и опубликованы в журналах и книгах, малодоступных широкому читателю. Ни один из советских авторов не сделал ни малейшей попытки откорректировать официальные данные и не указал на необходимость такой корректировки. Тем не менее официальные индексы национального дохода, показывающие его значительное увеличение наряду с увеличением уровня потребления, остаются в силе.

Лучшим свидетельством того, что даже осторожная советская критика статистики национального дохода не принимается во внимание, является тот факт, что многие западные авторы используют официальные советские данные без их критического анализа. Например, А. Байков³⁴ и П. Студенский³⁵, приводя цифры о национальном доходе 1913–1940 гг., выражают сомнение только по поводу резкого скачка от 1935 г. к 1936 г. Подразумевается, что все остальные данные они принимают за подлинные. Даже Прокопович, один из немногих, кому удалось заглянуть за кулисы советской статистики, не оценил масштабов официального завышения национального дохода³⁶.

Статистика производительности труда. Производительность труда в СССР определяется путем деления продукции, исчисленной в «твердых» ценах 1926–1927 гг., на количество работающих в данном году. Значительное увеличение этих цен привело к совершенно фантастическому результату: производительность труда в промышленности возросла в 1929–1937 гг. на 103 %³⁷. Для сравнения укажем, что в США за этот же период она уменьшилась на 3 %.

М. Доббс не согласен с выводами К. Кларка о том, что почасовая производительность труда в целом в 1939 г. была лишь на 25 % выше, чем в 1928 г.³⁸ Он считает, что рост производительности труда только в одном сельском хозяйстве был, по-видимому, более чем в два раза выше

оценки Кларка. Выводы Доббса, однако, не подкреплены убедительным анализом. Детальные расчеты автора показывают, что годовая производительность труда населения, занятого в сельском хозяйстве, за период с 1928 г. по 1938 г. возросла менее чем на 20 %, если принять во внимание увеличившийся вклад в производство сельскохозяйственной продукции несельского населения. Почасовая производительность труда в сельском хозяйстве не только не возросла, но, скорее всего, понизилась³⁹.

Далее. Если принять во внимание низкую производительность труда миллионов заключенных концлагерей, то повышение производительности труда свободной рабочей силы в целом по стране должно быть значительно выше приведенных Кларком 25 %, что является нереальным.

Язык статистики. Искражен даже сам язык статистики. Так, в 1946 г. цены на нормированные продукты повысились в 2,5–3 раза. Этот резкий скачок был назван «некоторым увеличением»⁴⁰. Среди тысяч упоминаний о нем в советской литературе и печати он никогда не был «значительным увеличением» или просто «увеличением», но только «некоторым увеличением».

В государственном бюджете на 1938 г. доходы указывались в размере 125,2 млрд рублей и расходы — в 123,7 млрд рублей. Превышение первых над вторыми в 1,2 % в отчете министра финансов А. Зверева Верховному Совету было названо «гигантским»⁴¹, но никак не «некоторым».

Рубль 1948 г. официально назывался «полноценным», хотя его реальная стоимость в ценах потребительских товаров 1926–1927 гг. была менее 5 % и составляла немного более трети его стоимости в 1940 г.

Заключительные замечания. По мнению Гершенкрона, «серьезные западные исследователи советской экономики согласны с тем, что обычной советской практикой является скорее изъятие определенной статистической информации, чем ее фальсификация»⁴². Подобные же заявления делал многократно в различных журналах и Абрам Бергсон. Он утверждал, что советская статистика не делается по принципу «два плюс два равно пяти». В действительности она вполне соответствует именно этому принципу, например, при оценке промышленной продукции и национального дохода в 1948 г., при оценке вклада торговли в национальный доход за годы начиная с 1937-го, при оценке доходов колхозников и т. п.

Советская статистика является результатом манипуляций, иначе невозможно объяснить бесконечные ошибки в ее интерпретации, допущенные самыми внимательными и серьезными западными исследователями. Природа советской «статистики» такова, что она может ввести в заблуждение любого ученого. Этого не избежали Кларк, Хаббард, Бергсон и сам автор, который лишь со временем убедился в своих ошибках.

Этот краткий обзор советской статистики можно закончить цитатой из В. И. Ленина о дореволюционной статистике:

«Российское правительство может существовать, лишь живя в темноте, поэтому всесторонняя и правдивая информация о жизни народа так редко собирается в нашей стране»⁴³.

Можно согласиться с тем, что статистика царских времен была скудной, но все же она содержала много ценной информации и не подвергалась манипуляциям. В противоположность советской статистике, некоторые важные экономические показатели, например урожайность, поголовье скота, были в ней скорее занижены, чем завышены.

¹ Nove A. Introduction // Soviet Planning. Essays in Honour of Naum Jasny / Ed. by J. Degras, A. Nove. Oxford: Basil Blackwell, 1964. P. VII–VIII.

² Richter J. H. Naum Jasny at Eighty // Soviet Planning. Essays in Honour of Naum Jasny. P. 217.

³ Бельх А. А. Наум Ясный и его книга. Предисловие к кн.: *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: «Дело», 2012. С. 10.

⁴ Армбрустер В. Г. Наум Михайлович Ясный (К 80-летию со дня рождения). Мюнхен: Ин-т по изучению СССР, 1963. С. 3.

⁵ To Live Long Enough. The Memoirs of Naum Jasny, Scientific Analyst / Ed., with Biographical Commentaries by Betty A. Laird and Roy D. Laird. Lawrence; Manhattan; Wichita, The Univ. Press of Kansas, 1976. P. 147.

⁶ Ibid. P. 14.

⁷ Ясный Н. Опыт регулировки снабжения хлебом. СПб., 1917. С. 154.

⁸ To Live Long Enough. P. 59.

⁹ Тейтельбаум Моисей Исаевич (1876 — конец 1930-х) — социал-демократ (меньшевик), с начала 1920-х гг. — ответственный работник Наркомторга СССР. В 1931 г. был подсудимым на процессе «Союзного бюро меньшевиков», осужден на пять лет заключения и два года поражения в правах. Погиб в заключении.

¹⁰ Jasny N. Die Zukunft des Roggens. Sonderheft 20 der Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung. Berlin, 1930.

¹¹ Jasny N. Der Schlepper in der Landwirtschaft, seine Wirtschaftlichkeit und weltwirtschaftliche Bedeutung. Berlin, 1932.

¹² To Live Long Enough. P. 74.

¹³ Richter J. H. Naum Jasny at Eighty. P. 219.

¹⁴ Дробижев В. З., Игрицкий Ю. И. Извращение истории совнархозов в англо-американской буржуазной литературе // Вопросы истории. 1961. № 3. С. 184.

¹⁵ Jasny N. Competition among Grains. Stanford: Stanford Univ. Press, 1940.

¹⁶ Jasny N. The Wheats of Classical Antiquity. Baltimore: J. Hopkins Press, 1944.

¹⁷ Армбрустер В. Г. Наум Михайлович Ясный. С. 14–15.

¹⁸ В будущем — Центральное разведывательное управление (ЦРУ) США.

¹⁹ Jasny N. The Socialized Agriculture of the USSR: Plans and Performance. Stanford: Stanford Univ. Press, 1949.

²⁰ См.: *Jasny N.* The Soviet Price System. Stanford: Stanford Univ. Press, 1951; *Idem.* Soviet Prices of Production Goods. Stanford: Stanford Univ. Press, 1952; *Idem.* A Close-up of the Soviet Fourth Five-Year Plan // Quarterly Journal of Economics. 1952. Vol. LXVI, № 2. P. 139–170; *Idem.* Labor and Output in Soviet Concentration Camps // The Journal of Political Economy. 1951. Vol. LIX, October. P. 405–419; *Idem.* Soviet Economic Growth // Social Research. 1954, spring. P. 412–423; Der Sowjetische Staatshaushalt // Finanzarchiv, N.F. 1954. Bd. 15. S. 126–170; *Idem.* Indices of Soviet Industrial Production 1928–1954. Council for Economic and Industrial Research. Washington, 1955; *Idem.* The Soviet 1956 Statistical Handbook: A Commentary. East Lansing: Michigan State Univ. Press, 1957.

²¹ *Армбрустеп В. Г.* Наум Михайлович Ясный. С. 28–35.

²² *Jasny N.* Soviet Industrialization, 1928–1952. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1961.

²³ *Jasny N.* Essays on the Soviet Economy. New York: Praeger, 1962.

²⁴ *Jasny N.* Khrushchev's Crop Policy. Glasgow: G. Outram, 1965.

²⁵ *Ясный Н.* Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М.: «Дело», 2012. Полный список работ Н. Ясного приводится в его мемуарах (см. примеч. 5).

²⁶ *Jasny N.* Soviet Statistics // The Review of Economics and Statistics. 1959. Vol. 32, № 1. P. 92–99. Сокращенный авториз. перевод с англ. Э. Зальцберга.

²⁷ См.: Некоторые проблемы в преподавании экономики // Под знаменем марксизма. 1943. № 7–8. С. 56–76.

²⁸ См.: Речь В. Молотова на Первой партийной конференции, 14 сентября 1929 г.; статью народного комиссара внешней и внутренней торговли А. Микояна в «Правде» от 7 декабря 1929 г.

²⁹ См.: 4-й пятилетний план. Госплан СССР. М., 1946.

³⁰ См. об этом подробнее: *Jasny N.* The Socialized Agriculture of the USSR: Plans and Performance. Stanford Univ. Press, 1949. P. 544, 548.

³¹ *Мкртумов А.* Сельское хозяйство в 1940 // Плановая экономика. 1940. Февраль. С. 59

³² См. об этом подробнее: *Jasny N.* The Socialized Agriculture of the USSR. P. 665.

³³ См.: The Review of Economics and Statistics. 1947. Vol. 29. P. 216.

³⁴ *Baykov A.* The Development of the Soviet Economic System. Cambridge, England, 1946. P. 400.

³⁵ *Studensky P.* Methods of Estimating National Income in Soviet Russia // Studies in Income and Wealth, VIII, National Bureau of Economic Research, New York, 1946. P. 198.

³⁶ Ibid.

³⁷ Социалистическое строительство в СССР, 1933–38. М., 1938. С. 38.

³⁸ См.: The Review of Economics and Statistics. 1947. Vol. 29. P. 35.

³⁹ См.: *Jasny N.* The Socialized Agriculture of the USSR. P. 415–446.

⁴⁰ См.: Доклад министра финансов А. Зверева о бюджете на 1947 г.

⁴¹ Государственный бюджет СССР, 1938–1945. М., 1946. С. 9.

⁴² *Gershencron A.* The Soviet Indices of Industrial Production // The Review of Economics and Statistics. Vol. 29 (1947). P. 217–226.

⁴³ *Ленин В. И.* К беднякам // Избранные труды. М., 1933. Т. 1. С. 478.

Угроза эпидемий неизлечимого туберкулеза

Леонид Хейфец (Денвер, США)

От редактора-составителя. Книга под названием «Второе пришествие „белой чумы“»¹ посвящена угрозе эпидемии неизлечимой формы туберкулеза. Автор — профессор Леонид Хейфец² 33 года возглавлял крупнейшую в США туберкулезную лабораторию в известном научно-медицинском центре в г. Денвере, Колорадо. До этого он в течение 20 лет работал в качестве эпидемиолога и микробиолога в самых авторитетных международных учреждениях России. Книга была одобрена пятью крупнейшими международными специалистами-фтизиатрами. Один из них — Майкл Айзмен (Michael Iseman, США) подчеркнул важнейшую роль автора в современном развитии знаний о туберкулезе. Жак Гроссе (Jacques Grosset, Франция — США) написал предисловие к книге. Деннис Митчисон (Dennis Mitchison, Англия) и Амина Джиндани (Amina Jindani, Англия) и ведущий пульмонолог России академик М. И. Перельман (ныне покойный) рекомендовали книгу как для медицинских работников, так и для широкого круга читателей. Ниже приводится написанный автором сокращенный обзор основных положений монографии.

Меня часто спрашивают, почему я написал книгу с таким пугающим названием — «Второе пришествие „белой чумы“»? Мой ответ: из желания предупредить об опасности эпидемий неизлечимого туберкулеза, основанной на реальных фактах. К тому же я хотел подчеркнуть, что когда миллионы людей умирают от полностью излечимой болезни — это позор для современной цивилизации, подобное положение дел можно изменить.

Идея дать критический анализ ситуации с туберкулезом впервые возникла у меня 50 лет тому назад, когда в 1962 г. я работал врачом в Конго, в деревне под названием Белонге, расположенной в лесах Итури. Меня попросили навестить больного, хижина которого находилась недалеко от деревни. Идти около километра через тропический лес было нелегко, несмотря на помощь сопровождающего. Приходилось ступать по хлюпающей болотистой почве без каких-либо признаков тропы. Влажность воздуха была столь высока, что с листьев постоянно капала

Л. Хейфец

вода, создавая иллюзию шума дождя. Одолевали тучи назойливых насекомых. Наконец мы достигли хижины, и в нос ударил тошнотворный запах, исходящий от больного. Совершенно истощенный человек, «кожа да кости», лежал в полубессознательном состоянии. Время от времени он надрывно кашлял и выплевывал сгустки крови. Вскоре он при мне умер. Присутствовать при смерти всегда тяжело, особенно если осознаешь, что ты ничем не можешь помочь.

Желание написать популярную книгу о туберкулезе не оставляло меня и позже. Многие больные, которых я видел за последние десять лет в разных странах, включая Россию,

были не в таком ужасном состоянии, как описанный выше конголезец, но некоторые из них должны были погибнуть, ведь их бактерии были устойчивы ко всем известным противотуберкулезным препаратам.

Действительно ли реальна угроза новой «белой чумы»? Не является ли это предупреждение преувеличением? Наиболее частая реакция американской публики и многих медицинских работников США — это удивление, сопровождаемое вопросами: «Туберкулез сегодня? К тому же неизлечимый? Ведь это проблема прошлого, не так ли?»

Прежде всего, а что известно публике о туберкулезе и какова современная ситуация с этим заболеванием?

Статистические данные о туберкулезе в мировом масштабе, за исключением развитых стран, крайне не точны и чаще всего приводятся «по оценке». По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) на 2011 г., считается, что в настоящее время в среднем каждые 20 секунд кто-то в мире умирает от этой болезни. Каждый год в течение последнего десятилетия туберкулез уносит от 1,4 до 1,8 млн человек, с небольшими колебаниями в зависимости от методов подсчета. Это больше, чем от ВИЧ (вирус иммунодефицита человека), малярии и проказы, вместе взятых. И это от заболевания, считавшегося до сих пор почти полностью излечимым существующими антибиотиками. В чем же причина такой трагедии? Возможно ли исправить положение?

Начнем с краткого исторического обзора. Страны Западной Европы в течение 200 лет, в XVII–XIX столетиях, были охвачены тяжелой

эпидемией туберкулеза. В 1800-е примерно 25% населения Западной Европы умерло от туберкулеза. Эта эпидемия получила название «белая чума» (White Plague) по аналогии с «черной смертью» — бубонной чумой, унесшей жизни миллионов людей в Европе в предыдущие столетия. Болезнь не щадила никого, независимо от материального положения и классовой принадлежности. Список знаменитостей, погибших от туберкулеза в XIX — начале XX в., огромен и включает такие имена, как Паганини, Шопен, Достоевский, Чехов, Модильяни, Кафка, Гашек. Трудно предсказать, как могли бы развиваться искусство и культура, если бы все эти люди не умерли преждевременной смертью. Эпидемия туберкулеза в Европе нашла отражение во многих произведениях искусства, включая знаменитые оперы — «Богему» Пуччини (Мими) и «Травиату» Верди (Виолетта).

Поразительно, что до 1860 г. туберкулез не был массовым заболеванием в местах его теперешнего распространения — России и Африке.

Природа туберкулеза не была известна в период разгара «белой чумы». Открытие в 1882 г. Робертом Кохом туберкулезных бактерий как возбудителей туберкулеза и того, что туберкулез является заразным заболеванием, мало что изменило в то время: эпидемия продолжалась в Европе, занесенный в Америку во второй половине XIX в. туберкулез быстро распространился и на новом континенте.

Поворотным моментом в истории борьбы с туберкулезом стало открытие Залманом Ваксманом³ первого противотуберкулезного антибиотика — стрептомицина.

Уникальность в том, что Ваксман, занимаясь почвенной микробиологией, был убежден, что какие-то почвенные микробы должны продуцировать антибиотик против туберкулезных бактерий, и задался целью найти его. Многолетние поиски, включая трудоемкое тестирование сотен выделенных из почвы микробов, увенчались успехом: стрептомицин был открыт в 1943 г., а Ваксман получил за это открытие Нобелевскую премию в 1952 г. В 1950 г. доктор Шатц⁴ подал иск на Ваксмана и исследовательский фонд Университета Рутгерса в Нью-Джерси, добиваясь признания его соавтором открытия и получения своего процента от авторских гонораров. В результате внесудебного урегулирования иск доктора Шатца был удовлетворен.

В июле 1946 г. Ваксман в Москве, в Академии медицинских наук на Солянке прочитал лекцию об открытии стрептомицина. Будучи студентом 4-го курса медицинского института, я смог попасть на нее и был среди тех, кто выстроился в очередь для того, чтобы пожать руку великому ученому. Ваксман также посетил первых больных, которых лечили стрептомицином в Москве, в том числе и девочку-подростка, излеченную

от туберкулеза благодаря стрептомицину, но оглохшую от длительного применения этого препарата. Я тоже был одним из тех, кто успешно вылечился от туберкулеза с помощью стрептомицина.

Открытие этого лекарства дало толчок к появлению других противотуберкулезных препаратов, а также их испытаниям в клинических условиях. Они привели к рекомендациям применять одновременно несколько препаратов во избежание развития лекарственной устойчивости в тех случаях, когда назначался только один препарат.

В настоящее время список противотуберкулезных лекарств включает ряд антибиотиков. Четыре из них — изониазид, рифампин, этамбутол и пиразинамид — составляют группу препаратов «первого ряда», применяемых одновременно и предназначенных для больных с первоначально выявленным туберкулезом. Препараты, применяемые в виде инъекций, — стрептомицин, амикацин, канамицин и капреомицин назначаются в случае устойчивости бактерий к препаратам «первого ряда» и сопровождаются принятием мер предосторожности во избежание передачи через инъекции ВИЧ и гепатита. Среди других препаратов следует упомянуть ПАСК, этионамид, рифабутин, рифапентин, клофазимин, циклосерин. Сравнительно новая группа антибиотиков широкого спектра, называемая квинолонами, оказалась весьма эффективной против туберкулеза. Поиски новых противотуберкулезных препаратов продолжаются.

Первая мировая война, революции и Гражданская война в России привели к огромным перемещениям людей, голоду, недостатку жилья и скученности, что способствовало развитию эпидемий различных инфекционных заболеваний, включая туберкулез. После Первой мировой войны, с расширением колонизации Африки, многие европейцы двинулись внутрь континента и завезли туберкулез в малонаселенные страны этого региона. Развитие экономики в Африке и связанная с этим миграция местного населения также способствовали распространению туберкулеза.

Лечение туберкулеза до открытия стрептомицина было направлено лишь на улучшение общего состояния больных, большинство из которых оказывались обреченными на смерть. В 1854 г. Герман Бремер (Hermann Brehmer) предложил лечение туберкулеза отдыхом, свежим воздухом, физической активностью и диетой. Так возникли знаменитые туберкулезные санатории в Швейцарии, США и других странах. Начиная с 1885 г. в США было организовано 650 санаториев, в которых лечились более 600 тыс. больных.

Первый в США санаторий, основанный в 1885 г. доктором Эдвардом Трюдо⁵ в Саранак Лэйк, и санаторий в Арканзасе, функционировавший с 1910-го по 1940 г., служили образцами успешного лечения

туберкулезных больных. Особое место в этот период занимает Денвер. Слухи о целебных свойствах сухого климата и чистого горного воздуха в Колорадо привлекли сюда в конце XIX — начале XX в. большое число больных. Многие из них были бедными еврейскими иммигрантами из России, заразившимися туберкулезом в больших городах Америки. Зачастую они не имели средств и были обречены на бездомное и полуголодное существование. Два человека — Фрэнсис Джейкобс (Mrs. Frances Jacobs) и раввин Уильям Фридман (Rabbi William Friedman) сыграли огромную роль в изменении ситуации. Они мобилизовали еврейскую общину Денвера и собрали средства в других общинах и еврейских организациях на создание больницы для больных туберкулезом. В 1899 г. Национальный Еврейский госпиталь (National Jewish Hospital — NJH) начал принимать больных независимо от их религиозной или национальной принадлежности для бесплатного лечения. Фридман был в течение 15 лет (1929—1944) одним из президентов этого учреждения. Национальный Еврейский госпиталь стал крупным научным и медицинским центром. Он несколько раз менял название, а с 2008 г. существует как National Jewish Health — NJH.

Исторически развитие эффективной помощи больным туберкулезом в эру до появления антибиотиков во многом зависело от энтузиазма врачей и добровольцев, разрабатывавших эффективные программы ухода за больными. Особенно известны среди них были врачи Спивак⁶, Хиллковиц⁷ и Зедербаум, общественные деятели Робинсон, Юдовиц и Квает, а также раввины Коувар и Идельсон.

С открытием и внедрением противотуберкулезных антибиотиков практика лечения туберкулеза в США и европейских странах переориентировалась на сравнительно более короткое амбулаторное лечение вместо продолжительного и дорогостоящего пребывания в санаториях. В США они исчезли, возможно преждевременно, ведь соблюдение больными предписанного режима лечения продолжительностью не менее шести месяцев оказалось затруднительным вне санаториев. Многие больные прерывали прием лекарств, как только чувствовали себя лучше, что приводило к развитию лекарственной устойчивости бактерий и распространению множественного лекарственно-устойчивого туберкулеза (МЛУ-ТБ) (*Multi-Drug Resistant Tuberculosis, MDR-TB*). В результате возникла идея лечения под прямым наблюдением с тем, чтобы быть уверенным, что больной принимает предписанные лекарства (*Directly Observed Therapy — DOT*).

До того как проблема лекарственной устойчивости стала очевидной, среди специалистов Европы и Америки господствовал оптимизм, связанный с лечением туберкулеза антибиотиками. Это отразилось в 1950-х в документах нескольких международных и американских конференций,

разрабатывавших программы ликвидации туберкулеза. Но уже в 1970-х многим на Западе стало очевидно, что эта мечта не реалистична. Тем не менее Европейская секция ВОЗ провела в 1990 г. симпозиум под амбициозным названием «Окончательная борьба против туберкулеза до его ликвидации» (*The last fight against tuberculosis until elimination*). Проблема состояла в том, что организаторы конференции ориентировались только на ситуацию в Европе и игнорировали условия в развивающихся странах.

До самого последнего времени сведения о численности больных туберкулезом в разных странах были неточными. Согласно отчетам ВОЗ, в 2011 г. в мире было зарегистрировано около 10 млн новых больных и появление МЛУ-ТБ было отмечено в нескольких десятках стран. Большинство случаев заболевания туберкулезом в 2011 г. отмечалось в Индии, Китае и Южной Африке.

Отношение к туберкулезу в мире стало меняться лишь в 1993 г., когда ВОЗ, основываясь на впервые опубликованных данных о масштабах заболеваемости и смертности от этой болезни в мире, объявила туберкулез глобальной проблемой, требующей неотложного внимания. Толчком к этому стали сообщения об эпидемиях лекарственно-устойчивого туберкулеза, в частности его вспышки в Нью-Йорке и Флориде в конце 1980-х и начале 1990-х гг. (более 200 случаев со смертностью до 72–89%). Большинство их было отмечено среди заключенных, которые также имели ВИЧ/СПИД (синдром приобретенного иммунного дефицита). Выяснилось, что высокая смертность была результатом невыявленной устойчивости туберкулезных бактерий ко всем назначаемым препаратам. Лабораторные данные об устойчивости были получены в большинстве случаев уже после смерти больных.

Проблема лекарственной устойчивости стала очевидной, и для поисков ее решения потребовались громадные усилия и расходы сначала в США, а затем и в международном масштабе.

Как возникает лекарственная устойчивость?

Наиболее типичной является ситуация, когда основная масса туберкулезных бактерий в организме больного устранена антибиотиком, но часть их выживает из-за несоблюдения больным предписанного режима лечения, т. е. продолжительности и частоты приема лекарственных препаратов, или неправильного выбора антибиотиков. В результате создаются условия для размножения лекарственно-устойчивых мутантов, постепенно замещающих популяцию чувствительных к антибиотику бактерий. Такое явление называют «приобретенной устойчивостью». Другое понятие — «первичная устойчивость». Она развивается, когда больной ранее не принимал никаких противотуберкулезных препаратов и заразился лекарственно-устойчивыми бактериями от другого больного.

Что означают часто употребляемые понятия «активный и латентный (скрытый) туберкулез»?

При активном туберкулезе в различной степени выражены такие симптомы, как кашель, повышенная температура, ночной пот, истощение. Заражение туберкулезными бактериями далеко не всегда ведет к активному туберкулезу: у 90 % людей с «нормальным» иммунитетом туберкулезные бактерии оседают в тканях, не вызывая заболевания, т. е. заражение не сопровождается какими-либо симптомами. Это состояние называют латентным туберкулезом, который обнаружен у 2 млрд — у одной трети населения Земли. Во многих странах более 70 % взрослого населения имеет латентный туберкулез. Эти люди не заразны, но их лечение необходимо для предупреждения перехода заболевания в активную форму. При этом следует помнить, что изониазид и другие назначаемые препараты токсичны для печени и должны применяться с осторожностью и под медицинским контролем.

Активация туберкулезных бактерий может произойти лишь у 10 % лиц с «нормальным» иммунитетом, имеющих латентный туберкулез.

В наше время стали очевидными две проблемы, угрожающие здоровью населения в глобальных масштабах. Первая — это рост случаев лекарственно-устойчивого туберкулеза, включая множественную лекарственную устойчивость (МЛУ-ТБ), когда бактерии устойчивы по крайней мере к двум основным препаратам «первого ряда» — изониазиду и рифампину. Вторая проблема — повышенная восприимчивость к туберкулезу у лиц, зараженных ВИЧ, часто задолго до развития у них симптомов СПИДа. После 1981 г. число больных ВИЧ/СПИД стремительно возрастало во всех странах, включая Россию, что существенно отразилось на эффективности мер борьбы с туберкулезом. Переполненные тюрьмы в России оказались местом распространения обеих инфекций. Бывшие заключенные, часто заразившиеся туберкулезом в тюрьме, выйдя на свободу, становятся его (а часто и ВИЧ) распространителями среди населения.

Что является главной мировой проблемой — ВИЧ или ТБ?

Статистические данные вряд ли дают на это ответ. Например, согласно отчету ВОЗ, в 2008 г. от туберкулеза умерло 1,8 млн человек, включая 500 тыс. ВИЧ-положительных. Все зависит от того, к какой категории относить смерть примерно полумиллиона человек, имевших обе инфекции. Так, например, в Африке 30 % ВИЧ-инфицированных больных умирают от туберкулеза.

Наличие ВИЧ резко снижает иммунитет, в результате развитие активного туберкулеза происходит у таких больных в десять раз чаще, чем у лиц без ВИЧ, а также учащается активация латентной формы

туберкулезного процесса. ВИЧ передается почти исключительно половым путем, и, следовательно, предупреждение этой инфекции вполне реально. К сожалению, как в индустриальных, так и в развивающихся странах бытует философия: «никто мне не указ, с кем и как иметь секс и пользоваться ли презервативом; если же заражусь, то общество и правительство обязаны меня лечить». В то же время инфицирование туберкулезом, передающимся через воздух, трудно контролировать в условиях скученности, присутствия невыявленных туберкулезных больных и несоблюдения элементарной гигиены. Достаточно указать на весьма распространенную в некоторых азиатских странах привычку плевать на пол после откашливания. Даже в медицинских учреждениях порой видны объявления: «Пожалуйста, не плюйте на пол», на которые зачастую не обращают внимания не только посетители, но и сами медработники.

Нарастание опасности лекарственно-устойчивого туберкулеза далеко не всегда признавалось международными организациями, хотя становилось все более очевидным, что туберкулез — одна из наиболее запущенных проблем мирового здравоохранения.

В 1994 г. ВОЗ предложила программу, получившую название «Остановить ТБ», частью которой была стратегия ДОТС (*Directly Observed Therapy, Short Course*, сокращенно *DOTS*), или «Краткий курс терапии, проводимой под прямым наблюдением». Имелось в виду, что больные должны принимать лекарства в течение шести месяцев и только под наблюдением, чтобы гарантировать соблюдение предписанного им режима лечения.

Некоторые элементы стратегии ДОТС были крайне противоречивы. Один из них рекомендовал прямую микроскопию мазков мокроты как наиболее дешевый и широкодоступный метод диагностики туберкулеза и как критерий успешности лечения. Оказалось, что микроскопия выявляет бактерии в мазках только при их большом содержании (более 1000 в мл), в результате чего более 50 % больных с меньшим содержанием бактерий (особенно при наличии ВИЧ) оставались невыявленными. Кроме того, до последнего времени без выделения культуры было невозможно определить чувствительность/устойчивость бактерий к антибиотикам, т. е. выяснить, кто из больных имел лекарственно-устойчивую форму туберкулеза. Одновременно многие документы ВОЗ и национальных организаций провозглашали, что определение лекарственной чувствительности не существенно, так как устойчивость — явление редкое. Они ошибались!

Любопытно отметить, что в современных публикациях ВОЗ формулировка о микроскопии ретроспективно изменена без каких-либо уточнений приводимого указания на «выявление случаев с помощью

бактериологического контроля высокого качества». Подтасовка фактов — явление не новое, оно прекрасно проиллюстрировано Джорджем Оруэллом в его романе-утопии «1984», но кто бы мог ожидать этого от столь авторитетной организации, как ВОЗ? Из некоторых дополнительных документов выясняется, что под «бактериологическим контролем высокого качества» имелось в виду «высокое качество микроскопии». Что это значит — остается неясным.

Стремясь убедить правительства стран принять предложенную программу, администрация ВОЗ акцентировала внимание на финансовой доступности ДOTS. Большинство стран (особенно тех, в которых не было никаких программ по борьбе с туберкулезом) прислушалось к рекомендациям ВОЗ, которые, однако, далеко не всегда выполнялись.

Что касается России, то стало своего рода традицией среди некоторых международных экспертов связывать растущие показатели туберкулеза в стране с тем, что она первоначально не приняла программу ДOTS. На самом деле главные возражения ряда российских специалистов были против замены существующих туберкулезных лабораторий сетью микроскопических станций и приравнивания России к развивающимся странами, не имевшим никаких лабораторий. Их другое, гораздо менее обоснованное возражение было направлено против стандартного, единого для всех больных (без их индивидуализации) режима лечения, предложенного ВОЗ, так как индивидуализация принимала форму хаотического назначения различных антибиотиков, часто выбираемых врачами без каких-либо серьезных оснований.

Под давлением ВОЗ и с ее финансовой поддержкой несколько групп специалистов провели исследования эффективности программы ДOTS в России. Одно из них было организовано в 1995 г. в Ивановской области. Итоги наблюдений 1995–1998 гг. показали, что эффективность лечения 514 положительных по микроскопии больных по схеме ВОЗ оказалась очень низкой у 30 % больных. Наряду с этим дополнительные бактериологические исследования, не входившие в программу ДOTS, выявили увеличение частоты случаев МЛУ-ТБ с 3,8 % в 1996 г. до 9,4 % в 1998 г.

Результаты наблюдений в городе Орле были более оптимистичными: лечение по схеме ВОЗ дало 81 % излеченных среди вновь выявленных больных с положительным анализом микроскопии.

Наблюдения в Томской области, спонсированные в 1995–1996 гг. Британским отделом международного развития (The UK Department for International Development, DFID), показали, что среди больных с положительной микроскопией излечение было достигнуто лишь у 63 % в двух сравниваемых группах — среди тех, кого лечили по схеме ВОЗ,

и лечившихся без таковой. Дополнительные наблюдения в Томской области показали рост числа МЛУ-ТБ с 6,5 % в 1998 г. до 13,7 % в 2002 г. среди новых больных и с 26,7 % до 43,6 % среди больных, подвергнутых повторному лечению.

Независимо от противоречивых результатов этих наблюдений, официальное заключение было таково: стратегия ВОЗ вполне применима в России.

В отчете ВОЗ за 2002 г. указывается, что в мировом масштабе в 2000 г. в местах, где применялась стратегия ВОЗ, излечение достигало 82 % в сравнении с 62 % в местах, где эта стратегия не применялась. По Европе эти показатели были 77 % и 72 % соответственно.

С учетом уменьшения заболеваемости туберкулезом и смертности от него в ряде стран в последние годы, отчеты ВОЗ полны торжества по поводу успешных результатов повсеместного внедрения ДOTS. В частности, подсчитано, что за 15 лет со времени предложения этой программы в 1994 г. 36 млн больных было вылечено и спасено 8 млн жизней.

Однако многие факты указывают на то, что радоваться еще рано. Самым тревожным является нарастание пропорции больных, имеющих лекарственно-устойчивый туберкулез. Признание критической ситуации в мире нашло отражение в отчете ВОЗ 2010 г., в котором также указывалось, что в течение 2008 г. было зарегистрировано 440 тыс. случаев множественной лекарственной устойчивости, МЛУ-ТБ (включая 150 тыс. смертей), половина из них в Китае и Индии. В дополнение к этому в ряде стран возникла новая проблема, связанная с тем, что не проводилось определение лекарственной чувствительности бактерий у вновь выявленных больных. В результате многим больным с невыявленным МЛУ-ТБ вслепую назначали препараты «первого ряда», к которым их бактерии были устойчивы, с последующим хаотическим назначением многих других препаратов в надежде на успех лечения. Возникал феномен амплификации – развитие устойчивости бактерий к дополнительным препаратам.

Состояние устойчивости ко всем главным препаратам получило название *XDR-TB* (*Extensively Drug-Resistant Tuberculosis*). По аналогии с этим принятым в международной литературе термином был предложен соответствующий русский – «широкая лекарственная устойчивость» (ШЛУ-ТБ). Он означает, что бактерии устойчивы не только к препаратам «первого ряда», но и к квинолонам и любому из трех препаратов «второго ряда», вводимых путем инъекции. Заболевание становится практически неизлечимым, так как трудно рассчитывать на эффект остальных антибиотиков, устойчивость к которым развивается часто в ходе попыток дальнейшего лечения. Первая вспышка ШЛУ-ТБ была

зарегистрирована в Южной Африке в 1993 г. В 2010 г. вспышки МЛУ-ТБ и ШЛУ-ТБ были отмечены в 58 странах. В целом предполагается, что к 2015 г. будет 1,6 млн ежегодно выявляемых новых случаев туберкулеза, при этом неизвестно, какую пропорцию составят среди них больные с МЛУ-ТБ и ШЛУ-ТБ.

Уже в настоящее время, согласно отчету ВОЗ за 2010 г., частота МЛУ-ТБ в таких городах, как Псков, Архангельск, Иваново, Белгород, достигла 19–26% у новых больных, а среди ранее подвергшихся лечению — 50–58%.

Иными словами, становится очевидным, что надвигается угроза эпидемий неизлечимого туберкулеза. Можно ли это предотвратить?

Да, можно и нужно! Важнейший шаг в этом направлении — признание реальности проблемы, а также прекращение политических игр и преждевременных провозглашений победы над болезнью.

Как правильно лечить больных, имеющих лекарственно-устойчивые бактерии, и как прекратить процесс распространения этих бактерий?

Ключ к предотвращению эпидемий МЛУ-ТБ и ШЛУ-ТБ — это выявление больных с данными формами болезни и их лечение препаратами, индивидуально подобранными по результатам определения чувствительности выделенных бактерий. Это означает определение лекарственной чувствительности бактерий у каждого нового больного и у тысяч больных в каждой стране. Реально ли это и как это может быть сделано?

До самого последнего времени такая задача считалась неразрешимой из-за предпочтения, отдаваемого стратегии ДОТС, которая не предусматривала выделение культуры и создание полноценных лабораторий для обследования всех больных. К тому же у половины новых больных, не выявленных из-за отрицательных результатов микроскопии в качестве основного или единственного метода диагностики туберкулеза, вообще не было шансов на определение лекарственной чувствительности их бактерий. В настоящее время все еще продолжает господствовать концепция «приблизить лабораторное обследование к больному», что означает наличие множества неэффективных микроскопических станций или полевых пунктов вместо централизованного тестирования в немногих, но квалифицированных лабораториях.

Любопытно проследить эволюцию взглядов руководства ВОЗ. Так, директор отдела «Стоп ТБ» доктор Равильон заявил в 1999 г.: *«В нашем стремлении везде внедрить ДОТС была упущена четкая стратегия или программа в отношении МЛУ-ТБ. Теперь нам ясно, что что-то должно быть сделано в этом направлении»*. В 2010 г. он заявил: *«Мы понимали, что лаборатории являются слабым звеном в контроле туберкулеза и, в частности, МЛУ-ТБ. Без них мы не можем устанавливать*

МЛУ». Слова были правильные, но ничего не было сделано. Особенно примечательно заявление Равильона в интервью 26 ноября 2012 г.: «ВОЗ начала пересматривать свою „глобальную архитектуру“ в борьбе с лекарственной устойчивостью. Вместо одной комиссии в Женеве, дающей советы всему миру, мы создадим группы экспертов, которые будут работать с правительствами по разработке и обеспечению программ против лекарственной устойчивости».

Не означают ли все эти заявления в сочетании с нынешней тревожной эпидемиологической ситуацией, что повсеместное внедрение стратегии ДОТС не привело к обещанным результатам? Более того, по мнению ряда экспертов, возможно, что некоторые элементы этой стратегии способствовали при определенных обстоятельствах развитию вспышек МЛУ-ТБ и ШЛУ-ТБ. Являются ли эти заявления свидетельством того, что ВОЗ намерена отступить от ведущей роли в борьбы с туберкулезом? Ответы на эти вопросы появятся в ближайшие несколько лет. Между тем отношение к роли лабораторий остается негативным как на административном уровне, так и среди врачей. Более того, в самое последнее время оно получило поддержку благодаря дальнейшим успехам в разработке новой технологии, но об этом ниже.

Как же сейчас решается проблема выявления больных, имеющих и распространяющих лекарственно-устойчивые бактерии? Наиболее типичный сценарий — лечение вслепую (не зная, к каким препаратам бактерии данного больного чувствительны) любыми имеющимися в наличии (что само по себе нередко является проблемой) препаратами. Если состояние больного не улучшается в течение нескольких месяцев, то возникает подозрение о лекарственной устойчивости. Назначают другие из имеющихся препаратов, в худшем случае добавляя один новый препарат, в лучшем — заменяя их все и одновременно отправляя (наконец-то) мокроту больного в лабораторию для определения лекарственной чувствительности бактерий, что занимает много недель.

Несколько лучший сценарий — когда материал (мокрота) от больного направляется в лабораторию в начале курса лечения. Ответ приходит в течение двух и более месяцев, так как в большинстве лабораторий (в частности, в России) используется устаревшая методика культивирования бактерий на яичных питательных средах. Между тем выбор препаратов для лечения делается вслепую, но в случае неудачи выясняется, по крайней мере, какие препараты не следует дальше употреблять.

Более совершенные методы культивирования, дающие быстрый ответ, и современные молекулярные методы считаются дорогими и редко используются за пределами США и европейских стран. Иными словами, ни одна из существующих в большинстве стран лабораторных систем не

может в подавляющем большинстве случаев дать врачу быстрый ответ, который помог бы в правильном выборе комбинаций лекарств для больного с лекарственной устойчивостью.

На этом фоне раздался подлинный вздох облегчения, когда был разработан и предложен метод, позволяющий обойтись без лаборатории. В сентябре 2010 г. сенсационная статья в *The New England Journal of Medicine* сообщила о разработанной компанией «Сефейд» («Seheid») автоматической системе под названием *GeneXpert MTB/RIF* («ГенеХперт»), которая позволяет в течение менее двух часов определить, имеются ли туберкулезные бактерии в мокроте больного, а также устойчивы или чувствительны ли они к рифампину. Устойчивость к рифампину служит показателем того, что у больного скорее всего МЛУ. Для обнаружения туберкулезных бактерий этот метод более эффективен, чем микроскопия, поскольку позволяет дать положительный ответ для 85 % образцов, содержащих бактерии, по сравнению с 50 % при микроскопии. Система не нуждается в лабораторных условиях, и тест может быть выполнен в комнате рядом с кабинетом врача. Практическое применение этой системы ограничено ее высокой стоимостью. Например, только в Индии для обследования более 7 млн больных в год потребовалось бы более тысячи установок стоимостью примерно 30 тыс. долларов каждая плюс специальные пробирки (картриджи) стоимостью 16,98 доллара.

В настоящее время финансовая проблема решена за счет щедрых пожертвований правительства США и фонда Билла и Мелинды Гейтс (Bill and Melinda Gates Foundation). Согласно достигнутому соглашению между компанией «Сефейд», фондом семьи Гейтс и тремя правительственными агентствами США, стоимость картриджа в 145 странах будет не 16,98, а только 9,98 доллара. Стоимость установки для тестирования снижена до 17 тыс. долларов для 98 стран, причем для 67 стран она будет оплачена из благотворительных пожертвований.

Для выявления больных система «ГенеХперт» подходит лучше (но и стоит намного дороже), чем прямая микроскопия мазков, но главное — она дает возможность немедленного разделения больных на две категории: чувствительных к рифампину (а следовательно, с большой вероятностью ко всем антибиотикам) и устойчивых к этому препарату. Больным первой категории можно назначать препараты «первого ряда» с уверенностью, что бактерии этих больных чувствительны к назначаемым антибиотикам. Что же касается второй группы, то скорее всего они устойчивы не только к рифампину, но и к изониазиду, т. е. являются МЛУ-ТБ.

Остается неясным, к каким антибиотикам бактерии больных второй группы чувствительны и каков должен быть выбор препаратов для их

лечения. «ГенеХперт» ответа на этот вопрос дать не может, для этого нужно тестирование в лаборатории, куда должен быть направлен второй образец материала от больного. Вопрос о правильном лечении больных с МЛУ-ШЛУ остается открытым до тех пор, пока внелабораторное тестирование с помощью «ГенеХперт» не будет дополнено расширением и улучшением лабораторной сети обслуживания.

Приведенные выше данные указывают на то, что число больных с МЛУ-ТБ в мире увеличивается катастрофически, часто с переходом в ШЛУ-ТБ, т. е. в форму практически неизлечимого туберкулеза. По оценкам ВОЗ, 85 % больных с МЛУ-ТБ сосредоточены в 27 странах, которые, как правило, не имеют достаточного лабораторного обеспечения, а их лаборатории обычно не располагают технологией для быстрого определения лекарственной чувствительности ко всем препаратам. Правда, теперь эти страны будут иметь системы «ГенеХперт» вместо или в дополнение к микроскопии для быстрого диагноза туберкулеза и выявления больных с МЛУ-ТБ.

Средства массовой информации полны восторгов по поводу разработки и внедрения системы «ГенеХперт», дающей результат тестирования в течение менее двух часов. Часто это интерпретируется как ключ к предстоящей победе над туберкулезом. В истории туберкулеза это не первая «панацея»: предыдущая была стратегия ДOTS, с которой часто связывались надежды на решение проблемы туберкулеза. Прошло более 15 лет с момента реализации ДOTS, и теперь ясно, что вопреки обещаниям, эта стратегия не предотвратила развитие эпидемий МЛУ-ТБ.

Разработка и распространение «ГенеХперт» может сыграть положительную роль, если ее внедрение не затормозит улучшение лабораторного обеспечения для выявления МЛУ-ТБ и будет рассматриваться не как замена, а как дополнение к развитой лабораторной системе.

Какова может быть оптимальная программа действий? Прежде всего должно быть понимание того, что возможности «ГенеХперт» ограничены выявлением больных, в том числе с МЛУ-ТБ, но система не дает указаний, как лечить последних. У больного должны быть собраны две пробы одновременно: одна — для тестирования в «ГенеХперт», вторая (в случае устойчивости к рифампину) — для отправки в лабораторию. Лаборатория должна быть оснащена методами и инструментарием для ускоренного определения чувствительности к широкому кругу антибиотиков. Выбор метода подобного определения зависит от материальных возможностей, при этом предпочтение должно отдаваться молекулярным методам. Основанная на них относительно недорогая система, предлагаемая немецкой компанией «Hain Lifescience», уже используется в 30 странах. Тест может быть выполнен на чувствительность к любым

антибиотикам с результатами, получаемыми в течение одного-двух дней. Более дешевый вариант — правильное использование традиционных лабораторных методов, позволяющих получить надежные результаты в пределах трех недель.

Предварительное тестирование с помощью «ГенеХперт» резко уменьшит количество образцов, которые должны исследоваться в лабораториях. Разумеется, отпадет необходимость многоступенчатого анализа материала в лабораториях разного уровня, на микроскопических станциях и в посевных пунктах. Вместо этого представится возможность прямой доставки значительно меньшего числа образцов в квалифицированные лаборатории. Альтернативная ситуация, т. е. работа без таких лабораторий — это хаос в лечении больных с МЛУ-ТБ и неизбежная угроза МЛУ- и ШЛУ-эпидемий.

Насколько реально ожидать усовершенствования лабораторного обеспечения параллельно с распространением «ГенеХперт»?

В США и других индустриальных странах, уже имеющих развитую сеть лабораторий, внедрение этой системы будет, несомненно, приветствоваться, несмотря на ее высокую стоимость. Главное ее преимущество — возможность немедленно назначать стандартный режим лечения тем больным, бактерии которых чувствительны к рифампину.

В развивающихся странах с высокими показателями заболеваемости туберкулезом и ограниченными ресурсами внедрение «ГенеХперт» может поглотить значительные средства, что отрицательно отразится на улучшении лабораторий и выборе дорогостоящих препаратов для лечения больных с МЛУ-ТБ. Вопрос о снабжении противотуберкулезными препаратами в настоящее время часто принимает драматическое звучание. Например, в СМИ были сообщения о том, что многие больные в Индии умирают из-за недостатка обычных антибиотиков. Парадоксально то, что основные производители этих лекарств находятся в той же Индии. В чём же дело? В деньгах!

Распространение «ГенеХперт» ожидается многими, как чудо, освобождающее от каких-либо дальнейших усилий. Остается надеяться, что подход к этому нововведению будет более ответственным. В противном случае во многих странах с уже высокими показателями МЛУ-ТБ эпидемии ШЛУ-ТБ будут неизбежны.

Меня часто спрашивают: что бы я предложил, если бы имел власть и средства для проведения необходимых мероприятий? Прежде всего надо подчеркнуть, что рекомендации должны быть различными для разных стран, на это в последнее время указывает и ВОЗ. Например, заболеваемость в США неуклонно снижается, но время от времени возникают вспышки, в том числе и лекарственно-устойчивого туберкулеза

(МЛУ-ТБ и ШЛУ-ТБ). В большинстве случаев это связано с инфекцией, заносимой из других стран. Существующие правила строго контролируют состояние здоровья тех, кто намерен эмигрировать в США: они должны представить в консульства США необходимые медицинские документы и справки, при этом больные активным туберкулезом не получают разрешения на въезд в страну. Вместе с тем такая проверка не требуется для тех, кто собирается приехать в США без намерения эмигрировать. Более 40 млн человек посещают страну каждый год, часть из них остается на длительные сроки, например студенты университетов. Именно среди этой категории могут быть лица с невыявленным туберкулезом, как это уже имело место в прошлом. Поэтому введение системы контроля и выявления туберкулеза у таких групп имеет первостепенное значение.

Туберкулез представляет наибольшую опасность в Индии, Китае и Африке, где наблюдается растущее число случаев МЛУ-ТБ и ШРУ-ТБ и двойной (ТБ/ВИЧ) инфекции. Противотуберкулезные системы здесь примитивные, часто без надлежащих лабораторий и с ориентацией на несовершенную микроскопию мазков как основной метод диагностики. Широкое внедрение дорогостоящей системы «ГенеХперт» не может решить проблемы в этих странах, где главной задачей остается не просто выявление больных с МЛУ-ТБ, а определение того, к каким препаратам бактерии этих больных еще чувствительны, без чего невозможно их правильное лечение. Для этого требуется создать современные туберкулезные лаборатории, оснащенные методами быстрого определения лекарственной чувствительности, и подготовить квалифицированный персонал для этих лабораторий.

В России многие отчетливо понимают угрозу эпидемий неизлечимого туберкулеза. Фтизиатры и микробиологи работают в трудных условиях, часто подвергая себя опасности заражения туберкулезом: заболеваемость среди них по крайней мере в десять раз выше, чем среди основного населения. Большинство российских специалистов осознают необходимость современных лабораторий, хорошо оснащенных и обеспечивающих безопасные условия работы. Посещая туберкулезные учреждения во многих городах России в течение последнего десятилетия, я смог убедиться, что российские медики смогут найти пути рационального сочетания «ГенеХперт» или аналогичной технологии с усовершенствованными туберкулезными лабораториями, оснащенными методами ускоренного тестирования.

В глобальном плане развитие лабораторной службы остается необходимым звеном в выборе лекарственных препаратов для правильного лечения больных с МЛУ-ТБ. Наряду с этим всё еще ждут своего решения такие вопросы, как бесперебойное снабжение антибиотиками даже

«первого ряда», не говоря уже о снабжении дорогостоящими антибиотиками для лечения больных лекарственно-устойчивым туберкулезом. Еще раз следует подчеркнуть, что внедрение в практику многих стран системы «ГенеХперт», как и любая другая единичная мера, не может решить проблемы, особенно в местах, где отмечается рост случаев лекарственно-устойчивого туберкулеза среди новых больных. Нужна комплексная технология, ориентированная на конкретные условия в каждом регионе. Без этого эпидемии МРУ-ТБ и ШЛУ-ТБ неизбежны. Призрак бродит по миру — призрак эпидемий неизлечимого туберкулеза, призрак «белой чумы».

¹ *Heifets L. The Second Coming of the White Plague. Mustang, Oklahoma: Tate Publishing, 2012.*

² О Л. Хейфеце см. также: *Табачник-Хейфец Г.* Профессор Леонид Хейфец: искусство плыть против течения // Русские евреи в Америке (Далее — РЕВА). Кн. 4 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2010. С. 266–278. Здесь и далее — *примеч. ред.-сост.*

³ Зельман Абрахам Ваксман (Selman Abraham Waksman; 22 июля 1888, Новая Прилука, Винницкий уезд, Подольская губерния — 16 августа 1973, Вудс-Холл, Массачусетс, США), американский микробиолог и биохимик. Лауреат Нобелевской премии по физиологии и медицине (1952) за «открытие стрептомицина, первого антибиотика, эффективного при лечении туберкулеза».

⁴ Альберт Шатц (Albert Schatz, 1920–2005) — сын еврея-эмигранта из России, американский микробиолог. Много лет работал вместе с Ваксманом в Университете Рутгерса. Выделил из почвы микроб, образующий стрептомицин, — *Streptomyces griseus*. Признан соавтором (вместе с Ваксманом) открытия стрептомицина.

⁵ Эдвард Ливингстон Трюдо (Edward Livingston Trudeau, 1848–1915), американский врач, основавший Andronack Cottage Sanitarium, первый в США туберкулезный санаторий в Саранак Лэйк, штат Нью-Йорк. Здесь же он создал первую в США лабораторию по изучению туберкулеза.

⁶ О докторе Ч. Спиваке см.: *Абрамс Д.* Чарльз Спивак, один из пионеров борьбы с туберкулезом в США // РЕВА. Кн. 5 / Ред.-сост. Э. Зальцберг. Иерусалим; Торонто; СПб., 2011. С. 261–273.

⁷ О докторе Ф. Хиллковице см. упомянутую выше статью Д. Абрамс.

Об авторах и редакторах

Брайан Горовиц — профессор ун-та Tulane в Нью-Орлеане (США). Автор многих публикаций об истории и культуре евреев в России. В наст. время исследует творчество В. Жаботинского в контексте полит. сионизма 1920–30 гг.

Игорь Ефимов (р. 1937, Москва) — писатель, философ, издатель. Эмигрировал в 1978 г., живет с семьей в США (Пенсильвания). Автор 12 романов, среди которых «Зрелища», «Архивы Страшного суда», «Седьмая жена», «Пелагий Британец», «Суд да дело», «Новгородский толмач», «Неверная», «Обвиняемый», а также философских трудов «Практическая метафизика», «Метаполитика», «Стыдная тайна неравенства», «Грядущий Атилла» и книг о русских писателях «Бремя добра» и «Двойные портреты». В 1981 г. основал издательство «Эрмитаж», которое за 27 лет существования выпустило 250 книг на русском и английском языках. Преподавал в американских ун-тах и выступал с лекциями о русской истории и литературе. Почти все книги Ефимова, написанные в эмиграции, были переизданы в России после падения коммунизма. В 2012 г. в Москве были опубликованы его воспоминания в двух томах: «Связь времен». См.: www.igor-efimov.com.

Виктория Журавлева — доктор исторических наук, профессор кафедры зарубежного регионоведения и внешней политики Российского государственного гуманитарного ун-та (РГГУ), зам. руководителя Отделения международных отношений и зарубежного регионоведения РГГУ, руководитель научно-образовательной программы по американистике РГГУ. Выпускница Программы Фулбрайта (исследовательский грант 1996 г.) и Института им. Дж. Кеннана Центра им. В. Вильсона (исследовательский грант 2006 г.) Область научных интересов — история и внешняя политика США, история и имагология российско-американских отношений. Автор монографии «Понимание России в США: образы и мифы. 1881–1914» (М., 2012), книги для чтения «Всемирная история XX в.» (в соавторстве с И. И. Долуцким), составитель, комментатор и переводчик трех разделов в сборнике документов «Россия и США: дипломатические отношения 1900–1917» (М., 1999); научный редактор и составитель сборников статей: «Российско-американские

отношения в прошлом и настоящем: образы, мифы, реальность» (М., 2007); «Россия и США на страницах учебников: опыт взаимных репрезентаций» (соредактор И. И. Курилла; М., 2009); «Авраам Линкольн: уроки истории и современность» (М., 2010). Автор более 90 статей в научных российских и американских журналах.

Эрнст Зальцберг (р. 1937, Ленинград). Окончил Ленинградский Горный ин-т в 1960 г. и Ленинградскую консерваторию в 1967 г. Кандидат геол.-минералог. наук (1971). Автор многочисленных публикаций в области гидрогеологии. Опубликовал ряд статей о выдающихся исполнителях и российских деятелях культуры в газетах *Новое русское слово* (Нью-Йорк), *Экзодус* (Торонто), журналах *Clavier*, *Journal of the Conductor Guild*, *East European Jewish Affairs*, *Strad*, а также в сериях «Евреи в культуре русского Зарубежья» и «Русские евреи в Зарубежье», изданных Научно-исследовательским центром Русское еврейство в Зарубежье (научн. руководитель — М. Пархомовский). Автор книги «Great Russian Musicians: From Rubinstein to Richter» (Mosaic Press, 2002). Редактор-составитель серии «Русские евреи в Америке» (2005–2014).

Евгений Котляр (р. 1970, Харьков) — искусствовед, дизайнер, художник. Кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и истории искусства Харьковской государственной академии дизайна и искусств (ХГАДИ), член Национального Союза художников и Союза дизайнеров Украины, член Международной ассоциации критиков искусства (АИС).

Куратор проектов по иудаике Центра востоковедения ХГАДИ, редактор научных сборников *Сходознавчі студії (Востоковедческие исследования)*, автор более 130 публикаций по еврейскому искусству и архитектуре, истории евреев и караимов Харькова, автор книги — путеводителя «*Еврейский Харьков. Путеводитель по истории, культуре и местам памяти*» (2011). Куратор художественных выставок и проектов, автор дизайна синагог, общинных центров, еврейских музеев и экспозиций в Харькове, Киеве, Сумах. Живет в Харькове.

Готтфрид Кратц (Gottfried Kratz) — научный сотрудник Университетской библиотеки в г. Мюнстере (Германия). Иностраннный член редколлегии московского научн. журнала *Библиография*, член Бюро Секции книги Дома ученых РАН в Москве. Автор многочисленных работ о культурных связях между Германией и Россией, прежде всего, в книгоиздательском деле. Автор работы о гродненском земляке Осипа Дымова Павле Бархане («Тень Тургенева» над столыпинской Россией. Павел Бархан и его немецкая книга «Петербургские ночи» // Тургеневские чтения. 4. М., 2009. С. 249–271; <http://www.turgenev.ru/book/turgsbor4.pdf>).

Хана Кунелт (Hana Kühnelt) родилась в Чехии. Закончила Венский ун-т в 2010 г., в 2013 г. защитила в этом же ун-те докторскую диссертацию «Die russischen Mäzene im Exil: Literatur und Kunst im Kreis der Familien Cetlin und Pregel» («Российские меценаты за рубежом: литература и искусство в кругу семей Цетлиных и Прегель»). Живет в Вене.

Мойше Лемстер (р. 1946, Стольничены Молдавской ССР) — еврейский поэт, литературовед, библиограф. Пишет на идиш. В 1999 году защитил диссертацию на степень доктора филологических наук, посвященную анализу стихотворных произведений Элизэра Штейнбарга. Преподавал еврейский язык и литературу на филологическом отделении Молдавского Государственного университета; был сотрудником еврейского сектора Академии наук Молдовы. С 2000 г. — в Израиле (Бат-Ям), сотрудник Еврейского ун-та в Иерусалиме, где занимается библиографической работой; член правления израильского союза писателей и журналистов, пишущих на идиш. Стихотворения Лемстера публиковались в различных периодических изданиях на идиш, включая альманах *Найе Вэйгн (Новые пути, Тель-Авив)*, газеты *Форвертс (Вперед, Нью-Йорк)* и *Ундзэр Кол (Наш голос, Кишинев)*. В 1996 г. вышел в свет сборник избранных стихотворений Лемстера «А Идишер Рэйгн» («Еврейский дождь»), впоследствии переведенный на русский язык. Второй сборник «Амол Брейшес» («Когда-то в самом начале») был выпущен в 2008 г. Лауреат нескольких израильских литературных премий.

Анатолий Либерман (р. 1937, Ленинград) — доктор филолог. наук. В США с 1975 г., профессор Миннесотского ун-та. Основные области исследования: языкознание, средневековая германская и русская литература, фольклор, поэтический перевод. Автор около 500 публикаций, в том числе 16 книг.

Ирина Обухова-Зелиньска (Польша) — кандидат искусствоведения. Родилась в Москве, с 1988 г. в Варшаве, с 1991 г. работала в Германии, Швейцарии, Москве, Иркутске. Автор более 80 публикаций. С 1995 г. — постоянный автор выпусков «Русские евреи в Зарубежье» (9 статей), где с 2000 г. редактировала отдел театра и искусства. Автор очерков и соредактор книги «Евреи России в Зарубежье. Очерки истории» (2008, гл. ред М. Пархомовский). С 2000 г. — руководитель издательско-исследовательского проекта «Юрий Анненков, жизнь и творчество», который включает подготовку к изданию (составление, перевод, комментарии) 4 книг, выпуск бюллетеня «Вопросы анненковедения» (вышло 89 номеров). С 2001 г. — председатель Об-ва друзей Анненкова. Куратор и переводчик польской версии научн.-худ. издания «Пинакотекa» (2005), подготовленного в рамках гос. проекта «Москва — Варшава, Варшава — Москва». Эксперт Фонда им. Д. С. Лихачева (СПб.).

Эмма Путятова — докторант Республиканского гуманитарного ин-та С.-Петербургского ун-та. Занимается проблемами эмиграции из России в Южную Америку. Живет в С.-Петербурге.

Андрей Серков (р. 1964) — российский историк, специализирующийся на истории масонства. Автор книг «История русского масонства после Второй мировой войны» (СПб., 1999); «Русское масонство: 1731–2000. Энциклопедический словарь» (М.: РОССПЭН, 2000). Живет в Москве.

Вадим Телицын (р. 1966). В 1990 г. окончил исторический факультет Уральского гос. ун-та. Работал в Ин-те истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (РАН, Екатеринбург), Ин-те экономики РАН, Ин-те российской истории РАН (Москва). С 1990 г. — научн. сотрудник Российской академии наук (РАН). Доктор истор. наук, профессор. В настоящее время — ведущий научн. сотрудник Ин-та всеобщей истории РАН; старший научн. сотрудник Библиотеки-фонда «Русское зарубежье». Автор и автор-составитель более 30 научн. и научно-популярных книг. Сфера научн. интересов: история России конца XIX — первой половины XX в., русские революции и Гражданская война 1918–1920 гг., история русской эмиграции. Живет в Москве.

Кит Триббл защитил докторскую диссертацию в ун-те Вашингтона (Сизтл); в настоящее время — профессор русского языка и литературы в Оклахомском гос. ун-те. Автор книги «Marionette Theater of the Symbolist Era» (Edwin Mellen Press, Lewiston; New York, 2002) и многочисленных статей о Гиппиус, Мандельштаме, Клоделе, Сазоновой, Евреинове, опубликованных в журналах и сборниках в США, Франции и России.

Марк Уральский (р. 1948, г. Новокузнецк) — поэт, прозаик. Автор книг «Немухинские монологи. Портрет художника в интерьере» (М., 1999); «Камни из глубины вод» (СПб., 2007); «Избранные, но незванные. Историография независимого художественного движения» (СПб., 2012); «Небесный залог. Портрет художника в стиле коллажа» (М., 2013). С 1992 г. живет в Германии. См.: www.mark-uralski.de

Владимир Хазан (р. 1952) — профессор кафедры немецких, русских и восточно-европейских исследований Еврейского ун-та в Иерусалиме. Автор более 20 книг и нескольких сотен статей по различным проблемам истории русской и русско-еврейской литературы XX в., а также иудаики на русском языке.

Леонид Хейфец (1926, Орша, Белоруссия) — крупный ученый-микробиолог, специалист по борьбе с туберкулезом. В США с 1979 г. Был профессором

и директором лаборатории микобактерий в Еврейском Национальном центре и профессором микробиологии медицинского факультета ун-та Колорадо. Автор более 200 статей, методических пособий и монографий на русском и английском языках. В настоящее время — почетный профессор Еврейского Национального центра в Денвере, Колорадо.

Евсей Цейтлин (р. 1948, Омск) — прозаик, культуролог, литературовед, критик. Окончил факультет журналистики Уральского ун-та (1969), Высшие литературные курсы при Литературном ин-те им. А. М. Горького (1989). Кандидат филологических наук (1978), доцент (1980). В 1978 г. принят в Союз писателей СССР. Член Союзов писателей Москвы, Литвы, российских писателей, а также Международного Пен-клуба (Writers in Exile). Автор книг: «Одинокие среди идущих» (СПб., 2013); «Снег в субботу» (Таганрог, 2012); «Шаги спящих» (Franc-Tireur USA, 2011); «Несколько минут после. Книга встреч» (Franc-Tireur USA, 2011; СПб., 2012); «Откуда и куда» (Franc-Tireur USA, 2010); «Долгие беседы в ожидании счастливой смерти» (Вильнюс, 1996; М.; Иерусалим, 2001; Franc-Tireur USA, 2009 и 2010; СПб., 2012; на немецком — «Rowohlt», Berlin, 2000; на литовском — «Vaga», Vilnius, 1997); «Писатель в провинции» (М., 1990); «Голос и эхо» (Калининград, 1989; Franc-Tireur USA, 2011); «Вехи памяти» (М., 1987; совместно с Львом Аннинским); «На пути к человеку» (Кемерово, 1986); «О том, что остается» (Иркутск, 1985); «Долгое эхо» (Калининград, 1985; на литовском — «Vyturys», Vilnius, 1989); «Свет не гаснет» (Кемерово, 1984); «Жить и верить...» (Кемерово, 1983); «Всеволод Иванов» (Новосибирск, 1983); «Сколько дорог у „Бронепоезда № 14–69“» (М., 1982); «Так что же завтра?..» (Кемерово, 1982); «Всегда и сегодня...» (Кемерово, 1980); «Беседы в дороге» (Новосибирск, 1977). Составил четыре сборника прозы русских и зарубежных писателей. С 1996 г. живет в США, редактирует чикагский ежемесячник *Шалом*.

Указатель имен

- А**
Абель (Abel) Ш. 68, 80
Абрамс Д. 297
Абызов Ю. 144, 150
Аверинцев С. С. 184, 192
Авксентьев Н. Д. 47, 56, 57
Аврех А. Ф. 97, 150
Агафонов В. К. 50
Агрелл З. 117
Адамович Г. В. 98, 151, 156, 164
Азеф Е. Ф. 50, 73
Аитов В. Д. 46
Айзенштадт 45
Аксаков С. Т. 77
Аксельрод П. Б. 50, 85, 91, 145
Алданов (наст. Ландау) М. А. 47, 57–59, 61, 90, 96–103, 105–107, 111–114, 117–132, 134, 152–158, 160, 164
Алданова (Ландау, урожд. Зайцева) Т. М. 111, 114, 124, 129, 134, 135, 152, 154
Александр I 69
Александр II 224
Александр III 160
Александр Михайлович, Вел. кн. 85
Александрова Вера (Шварц Вера Александровна) 106, 107, 164
Аллилуева С. И. 189
Альперин А. С. 46, 59
Альтенберг П. (наст. Рихард Энглендер) 89, 148
Альтшулер И. 67
Амфитеатров А. В. 85
Андреев Л. Н. 85, 214, 215
Анна Родионовна — см. Троцкая А. Р.
Антигон 67
- Антонов-Овсеенко В. А. 90
Арлозоров Х. 202, 219
Армбрустер В. Г. 279, 280
Аронсон Г. Я. 54, 85, 98, 145, 147, 164, 172
Аш Ш. 214
- Б**
Баазова З. 191, 192
Бабореко А. К. 153
Базаров В. 16, 40
Байков (Бауков) А. 277, 280
Байрон Дж. Г. 76, 167
Бак П. 108, 154
Бакунцев А. 144
Балаховский 176
Балтрушайтис Ю. К. 82
Бальмонт К. Д. 96
Бартольди Фредерик О. 57, 61
Баршай Р. 255
Брятинский В. В. 221
Басанин М. 15, 16
Батшев В. 200
Бах И.-С. 264
Бахнов Л. 192
Бахрах А. В. 114, 117, 152–156, 161
Бёек (или Бёк, Вёök) Ф. М. 89, 95, 117, 121, 149
Беер-Гофман Р. 215, 221
Бейлис М. М. 161
Бел Перль — см. Бак П.
Белинский В. Г. 77
Белобровцева И. 155
Бельй А. 51
Бельх А. А. 279
Бенков фон 100
Берберова Н. Н. 122, 157

- Берг В. М. 106, 154
 Бергинер-Тавгер Б. 180
 Бергсон А. 278
 Бердяев Н. А. 146
 Бетман Гольвег (Bethmann Hollweg) Т. фон 147
 Бетховен Л. ван 259, 263, 264
 Блок А. А. 88, 115, 163
 Бологовская (урожд. Иванова) Н. П. 158
 Бологовский 127, 129, 131, 132, 158
 Бонгард-Левин Г. М. 150
 Бонштейн-Бони Г. 46
 Боровик 64
 Бородин А. П. 174, 180
 Босх И. 187
 Браинин С. 67
 Брамс И. 261
 Брамсон Л. М. 90, 149
 Брановер Г. 145
 Брейгель П. 187
 Бремер (Brehmer) Г. 284
 Бродский И. А. 97, 157, 191, 192
 Бруцкус Ю. Д. 146
 Бруштейн А. Я. 220
 Бубер М. 121, 129
 Будницкий О. В. 144, 149
 Булл (Bull) Ф. 96, 150
 Бунин И. А. 85, 89, 95–103, 105–122, 124, 125, 129–131, 135, 138, 146, 147, 150–157, 161, 164
 Бунина (урожд. Муромцева) В. Н. 99, 100, 102, 103, 105–112, 114, 116, 123, 131, 151–157
 Бухарин Н. И. 90
 Быков В. В. 200
 Бьёрнсон Б. 96, 150
 Булов (Bulow) Б. фон 85, 147
- В**
- Ваксман (Waksman) З. А. 283, 297
 Валери П. 88
 Варшавский В. С. 98, 151
 Василевский И. М. 140, 161
 Ведкинд Франк (Беньямин Франклин) 215, 221
 Вейнбаум (Вайнбаум) М. Е. 99, 106, 107, 111, 124, 126, 129, 132, 151
 Вейнберг П. И. 220
 Векслер Б. Д. 46
 Велизарий М. И. 220
 Венгеров Зиновий 174
 Венгеров Максим 263
 Венгеров Марк 174
 Венгеров С. А. 173, 179
 Венгеров Хонон (Афанасий) 173
 Венгерова (урожд. Эпштейн) Песселе 173, 174, 179, 180
 Венгерова З. А. 173, 176, 177, 179, 180
 Венгерова И. А. 173, 176–178, 180
 Верди Д. 283
 Вивальди А. 264
 Виленкин (псевд. Минский) Н. М. 174, 180
 Вилла-Лобос Х. 258
 Вильгельм II 85, 148
 Вилькина (урожд. Венгерова) Е. А. 173, 180
 Вилькина Л. 180
 Винокур Н. 60, 172
 Витте С. Ю. 85, 148
 Вишницер (Wischnitzer) Р. 230, 251
 Вишницер М. Л. 146
 Вишняк М. В. 102, 103, 119, 139, 152, 153
 Воан-Уильямс Р. 264
 Волошин М. А. 54
 Вольфе (Wolfe) Дж. 231, 245, 247, 249, 251, 254
 Воронов Г. А. 46
 Вреден Н. Р. 132, 160
 Вырубов В. В. 61
- Г**
- Гайденко П. П. 185, 192
 Гайдн Й. 257, 264
 Гайлит (Gailit) Август 89, 148, 149
 Галынин Г. 264
 Ганц (Ganz) Х. 72, 81
 Гартман В. 265
 Гауптман Г. 214, 215, 221
 Гаухман Ю. 172
 Гашек Я. 283
 Гейльприн М. 24
 Гейтс (Gates) Б. 293
 Гейтс (Gates) М. 293

- Гендель Г. Ф. 258, 263
 Гепнер Б. П. 47, 58, 59
 Герцен А. И. 77
 Герцль Т. 219
 Герцог Е. 226
 Гершенкрон (Gershencron) А. 278, 280
 Гершунов А. 16, 40
 Гессен И. В. 94
 Гессен Ю. 78, 252
 Геффен Х. 57
 Гилельс Э. 263
 Гингер А. 164
 Гинзбург А. 68, 80
 Гинзбург Г. 67
 Гинзбург М. А. 45
 Гиппиус З. Н. 135
 Гириш М. де 12, 30, 40, 65, 79
 Гитерман (Guiterman) А. 67, 79
 Гитлер А. 97, 123
 Глазерсон М. 252
 Глушанок Г. А. 145, 153
 Гоголь Н. В. 77, 214
 Гольбрайх Е. 200
 Гольвер Б. 85
 Гольденвейзер А. А. 85, 98, 147
 Гольденштейн Н. А. 46
 Гольдман 92
 Гончаров И. А. 77
 Гордин Я. 214
 Гордон И. 201–206, 208, 210, 219
 Гордон Э. 201
 Горецкий Г. 258
 Горовиц (Horowitz) Б. 62, 78, 80, 81, 263
 Горький М. 85, 96, 135, 176, 215
 Готтхейл Р. 67
 Гофмансталь Г. фон 215, 221
 Гржебин З. И. 150
 Григорович Д. В. 77
 Грин (Green) С. 251
 Грин М. 151, 156
 Гринспен А. 199
 Гришам В. 80
 Гроссе (Grosset) Ж. 281
 Грубер (Gruber) 230, 250
 Грузенберг О. О. 56
 Грэг В. 61
 Грюнберг В. А. 47
 Гувер Г. 176
 Гужон Д. 264
 Гуль Р. 89, 149
 Гурвич Г. Д. 48, 49, 56
 Гутман И. 12, 16
 Гутнер 152
- Д**
 Д'Аннунцио Г. 221
 Давыдов А. В. 47, 57–59, 61, 130, 159
 Дайнер (Diner) Хася 78, 248, 249, 251, 226, 232
 Даманская (урожд. Вейсман) А. Ф. 101, 152
 Дан (урожд. Цедербаум) Л. О. 98, 151
 Дан Ф. И. 47, 151
 Девис (Davis) Р. 68, 80
 Дезенне Поль 264
 Дейч Лев 69, 80
 Делевский (наст. Юделевский) Я. Л. 46, 49, 57–60, 130, 159
 Деникин А. И. 153
 Денисов Э. 258
 Джейкобс (Jacobs) Ф. 285
 Джекоб Дж. 34
 Джин Нодар (Нодар Яковлевич Джин джихашвили) 183–186, 188–192
 Джин Яна 191, 192
 Джинастера А. 258
 Джиндани Амина (Jindani Amina) 281
 Джинджихашвили Сапра 191, 192
 Джонсон Ч. Х. 57, 61
 Дзержинский Ф. Э. 53, 90
 Диккенс Ч. 77
 Димитриев И. И. 76
 Доббс М. 277, 278
 Добужинский М. В. 178, 182
 Добужинский Р. М. 182
 Долицкий М. М. 67, 80
 Домгер Л. Л. 47, 58, 59
 Дон Аминадо (Аминад Петрович Шполянский) 82, 98, 135–141, 144, 151, 160–162
 Дорошевич В. М. 85, 147
 Достоевский Ф. М. 77, 182, 283
 Дробижев В. З. 279
 Дубинский Р. 255
 Дубнова С. 164

- Дыбенко П. Е. 90
 Дымов О. (Перельман Иосиф Исидорович) 85, 98, 144, 148, 164, 204–206, 208, 214, 220, 221
 Дьячков Е. 256, 262
 Дюфур 103, 153
- Е**
- Евреинов Н. Н. 146
 Ефимов И. М. (псевд. Moscovit A.) 183–185, 188–192
- Ж**
- Жаботинский В. Е. 46, 88, 89, 149
 Жданов Б. В. 46, 60
 Жирова О. 154
 Жуниор К. П. 16
 Журавлева В. И. 18, 39, 41
- З**
- Забежинский Г. Б. 51, 58
 Заблоцки Э. 79
 Зайцев Б. К. 102, 117, 119, 122, 125, 126, 130, 131, 146, 153, 156–158, 283
 Зальцберг Э. 16, 40, 60, 78, 80, 81, 145, 148, 152, 153, 172, 180, 181, 200, 255, 265, 280, 297
 Зангвилл (Zangwill) И. 33, 41
 Зборовски М. 226
 Зверс А. 156, 278, 280
 Зедербаум 285
 Зеелер В. Ф. 119, 153
 Зелигман Дж. 65, 68
 Зензинов В. М. 47, 57, 60
 Зернова Р. 172
 Зиновьев Г. Е. 90
 Зудерман (Sudermann) Г. 89, 148, 214, 215, 221
 Зуров Л. Ф. 102, 109, 111, 112, 153–155, 160, 164
- И**
- Ибсен Г. 214, 215
 Иван IV Грозный 83
 Иванов Г. В. 131
 Иванов П. 129
 Иванова Евг. 149
- Игрицкий Ю. И. 279
 Идельсон 285
 Иллионс М. Ч. 229
 Ильина Е. 219
 Имханицкий М. Я. 47, 57
 Ингерман С. М. 91, 149
 Иоффе 90
 Исаакс М. 65, 70
 Исраэловиц (Israelowitz) О. 230, 231, 246, 250, 251
 Истомина Н. 50
 Ицкович Л. 200
 Ицкович С. 193, 194, 198, 199, 200
- Й**
- Йотчева В. 256
- К**
- Каган А. 27, 28, 34, 41
 Кадиш М. П. 51, 123, 124, 157
 Кадомцев Б. П. 125, 158
 Казнина О. 150
 Казовский Г. 249
 Калинин М. И. 90
 Каменев Л. Б. 90
 Каминский А. С. 47
 Кампф (Kampf) А. 230, 250, 251
 Каплан П. 66
 Карамзин Н. М. 76
 Карлгрэн А. 114, 115, 117, 121, 122, 156
 Карпов Е. П. 220
 Карпович М. М. 125, 126, 131, 158
 Касинец Э. 80
 Кафка Ф. 283
 Кац С. 229
 Кацнельсон Л. 246, 249, 252
 Квает 285
 Кельберин И. П. 46
 Кельнер В. 60, 80
 Кемпбелл П. 262
 Кеннан (Kennan) Дж. 69, 80
 Кеннеди (Kennedy) Е. 67
 Керенский А. Ф. 85, 94, 145
 Килти Д. 262
 Китаев В. Н. 11, 12, 15
 Киш Ф. Х. 202, 219
 Кларк К. 277, 278

- Клерг 132
Когблетянц (Когбетлианц) Ервант
(Эрванд) Георгиевич 47, 58
Козолупова Г. С. 255, 260
Коковцов В. Н. 36
Коллонтай А. М. 90
Комиссаржевская В. Ф. 214, 221
Кондратьев В. А. 47
Коровин В. И. 160
Корш Ф. А. 214, 220
Котляр Г. 254
Котляр Е. О. 222, 247, 249, 253, 254
Ковуар 285
Кох Р. 283
Коэн (Cohen) Н. 70, 80
Красин Л. Б. 53, 90
Кратц Г. 81
Крафт К. Ф. 51
Крейд В. 156
Кремье А. 78, 79
Крестинский 90
Кривошеин И. А. 46
Кроче (Croce) Б. 121, 156
Крупицкий З. 249
Крыленко Н. В. 90
Крылов И. А. 76, 151
Крымов В. П. 163, 172
Ксения Александровна, Вел. кн. 85
Кугель (Koegele) Д. 232
Кугель А. Р. 219
Кугель М. 242
Кулишер А. М. 46
Кунелт Х. 60, 163
Купер Г. 168
Куприн А. И. 85
Кускова (Кускова-Прокопович, урожд.
Есипова) Е. Д. 124, 158
- Л**
Лагерквист (Lagerkvist) П. Ф. 156
Ладинский А. 164
Ладыжников И. П. 53
Лакснесс (Laxness) Х. К. 129, 159
Ламм (Lamm) М. 121, 156
Левин Д. Н. 147
Левитан И. И. 54, 106
Левицкий С. А. 185, 192
Лейтес (Лейтис) К. С. 51, 57, 60, 147
- Лемстер М. 220
Ленин В. И. 53, 91, 174, 180, 279, 280
Лёня — см. Л. Ф. Зуров.
Лермонтов М. Ю. 77
Либерман А. 53
Либерман С. И. 51, 57
Лиза — см. Вилькина Е. А.
Лилиенблум М. 68
Линдвалл Г. 95
Линдер М. 175
Литовцев С. Л. 144
Лихлитер М. Х. 57
Логина-Муравьева (урожд. Хох
баум) Т. Д. 114, 155
Ломоносов М. В. 69
Луговцов Н. 181
Луначарский А. В. 90
Лурье И. 247
Лысенко Т. Д. 274
Люсье (Lucie) Р. 259, 265
- М**
Мабо Е. М. 54, 57, 58
Мабо М. М. 54
Магницкий Л. 69
Мазе А. И. 61
Мазе Я. 145
Маклаков В. А. 59, 85, 103, 124, 145
Максимилиан I 80
Мамардашвили М. К. 184, 192
Манн Г. 164
Манн Т. 121
Марголин Э. 202
Марджанов К. 220
Марков (Markow) Р. 263, 265
Маркс К. 174, 248
Мартов Л. (Ю. О. Цедербаум) 151
Марченко Т. В. 145, 150, 155–157
Маршалл Л. 70
Масловский Е. 132
Мейерхольд В. Э. 146
Мендельсон М. С. 47, 54, 55, 57–60,
130, 159
Менес (Menes) А. 40, 78
Менжинский В. Р. 90
Менотти 264
Мережковский Д. С. 89, 95, 117, 148
Мета З. 264

- Метерлинк М. 214
 Микоян А. И. 280
 Мильруд М. С. 94, 97, 150
 Милюков П. Н. 94, 136
 Митчисон (Mitchison) Д. 281
 Михайлов М. 185, 190, 192
 Михайлов О. Н. 155
 Мицель М. 246
 Мичурин И. В. 274
 Мкртумов А. 280
 Модильяни А. 283
 Молотов В. М. 280
 Мольнар 215
 Монтефиоре 20
 Монфред А. Г. 47
 Моргартен 127
 Морин-Лайонс Ф. 256, 264
 Моруа (Maurois) Андре (наст. имя Эрзог Э. С. В.) 127, 129, 158
 Москович М. 253
 Моцарт В. А. 264
 Мусоргский М. П. 264, 265
 Мясковский Н. Я. 258
- Н**
- Набоков (Сирин) В. В. 106, 107, 118, 156
 Набоков В. Д. 94
 Науменко В. 47
 Нежинская Р. 60
 Незлобин (наст. Алябьев) К. Н. 214, 220
 Некрасов Н. А. 76, 77, 81
 Немирович-Данченко Вас. И. 85, 147
 Немирович-Данченко Вл. И. 147
 Никитин Н. 181
 Николай II 85
 Нилус Б. С. 109
 Нилус П. А. 115, 154
 Нилус-Голубовская (урожд. Липовская) Б. С. 111, 154
 Нис (Nies) Конрад 66, 79
 Новиков А. 16
 Нонни А. 69
 Носик Б. М. 155
- О**
- О'Гилви 263
 Обухова-Зелиньска И. 148
 Одоевцева И. В. 164, 166, 172
 Ойстрах Д. 263
 Оруэлл Дж. 289
 Освальд Н. 40
 Осоргин (Ильин) М. А. 49, 57, 93, 101, 150
 Оцуп Н. А. 164
 Павел, царевич 69
 Паганини Н. 283
 Панаев И. И. 77
 Панн Лиля (Перельман Лидия Романовна) 189, 192
 Пархомовский М. А. 60, 149, 150, 153, 172, 180
 Паскар Г. М. 53
 Пастернак Б. Л. 159
 Перельман А. 60
 Перельман М. И. 281
 Перец И.-Л. 105, 153
 Перников Е. 46
 Петр I 69
 Петриковский И. М. 37, 39
 Петрусевич Б. М. 46
 Писемский А. Ф. 77
 Плетнев С. 43
 Плеханов Г. В. 50, 53, 91
 Подвойский Н. И. 90
 Поленов В. Д. 154
 Полланд (Polland) Анни 245, 248, 254
 Поллок Ф. Д. 221
 Полонская (урожд. Ландау) Л. А. 114, 155, 162
 Полонский Я. Б. 141, 155, 162
 Поляков А. А. 139, 161
 Поляков В. Я. 46
 Поляков-Литовцев (Поляков) С. Л. 88, 116, 148, 162
 Полян А. Л. 144, 149
 Померанцев К. Д. 148, 165, 172
 Портнова Н. 219
 Постельников С. 121, 122, 129, 132, 157
 Потапенко И. Н. 220
 Прайс Г. М. 18–25, 27, 36, 37, 39, 40, 43
 Прегель (урожд. Авксентьева) А. Н. 56, 57, 60

- Прегель (урожд. Грузенберг) С. О. 56, 164–166, 177
Прегель Б. Ю. 55, 58, 60, 163–166, 172
Прегель С. Ю. 56, 60, 163, 172
Прескотт (Prescott) О. 128, 159
Пригожин А. Н. 46
Присманова А. 164
Прозор М. Э. 9, 10, 15, 16
Прокопович 277
Путятова Э. 9, 16, 40
Пуччини Дж. 283
Пушкин А. С. 76, 77, 164, 180
Пярт А. 258
Пятаков Г. Л. 90
Пятигорский А. М. 184, 192, 263
- Р**
Рабан З. 237
Рабинович Е. 60
Равдин Б. 144, 150
Равильон 291, 292
Равинский Е. 68
Равницкий С. 166
Радин А. 67
Раев (Raeff) М. 69, 80, 150
Раевский Г. 164
Разгон А. 150
Раймон Р. 57, 59
Раковский 90
Расин В. Ю. 56
Раскин С. 248
Раскольников Ф. Ф. 90
Рассел (Russell) Б. А. У. 156
Рафалович И. И. 46
Рафаэль (Raphael) М. Л. 230, 251
Рашба Е. С. 56, 58
Редлих Р. Н. 185, 192
Рейкель (Рейхель, Reikhel) И. 69, 80
Рейнгардт (Гольдман) М. 201, 203, 215, 221
Рейтер Ф. 77
Ремизов А. М. 126, 131, 146, 155, 158, 164
Рианде Ш. 46
Рис (Riis) Дж. 26, 27, 40, 41
Ричардсон С. 76
Робинсон 285
Рогачевская Ек. 152
Рогнедов А. П. 108, 154
Рогоянская М. 46
Розанов В. В. 88
Розенблитт Дж. 66
Розенталь (Rosenthal) Г. 62–77, 79–81
Роллан Ромен 96
Ромбро Я. Б. 41
Росс Дж. Д. 12, 15
Ростропович М. Л. 256, 263
Ротенберг Дж. 227
Рошин (наст. Федоров) Н. Я. 122, 157
Рубинов И. М. 18, 19, 25–37, 40–43
Руманов А. В. 85, 88, 94, 148
Рутенберг П. 202
Рыков А. И. 53, 90
Рэнд Айн (наст. Розенбаум Алиса Зи новьевна) 199, 200
- С**
Сабанеев Л. Л. 121, 127, 129, 131, 157
Сазонов Д. П. 181
Сазонова (урожд. Слонимская) Ю. 165, 172, 174, 177, 178, 180, 182
Сакер (Sachar) Г. 230, 251
Сартр Ж.-П. 49
Сафонова С. А. 56
Свердлов Я. М. 90
Седых А. (Яков Моисеевич Цвибак) 85, 92, 94, 95, 103, 109, 113, 135, 139–141, 147, 152, 160, 161, 164
Сек Б. 230
Сеньер Э. 55
Серков А. И. 43, 60, 145, 159, 172
Сеферес Г. 159
Сили Р. 264
Сильван (Sylwan) О. 158, 160
Симонсен (Simonsen) Д. 92, 149
Синельников Н. Н. 220
Сирин — см. Набоков В. В.
Слиозберг Г. Б. 44–46
Слоним М. 164
Слонимская (урожд. Венгерова) Ф. А. 173–182
Слонимская Д. 177
Слонимский А. Л. 174, 180, 181
Слонимский В. Л. 174, 180
Слонимский Л. З. 174, 176, 180

- Слонимский М. Л. 174–176, 178, 180, 181
Слонимский Н. 174–177, 180, 181, 182
Слонимский С. М. 180
Соколов Н. 69
Сокольников 90
Солдатова Г. У. 16
Солженицын А. И. 144, 157, 183
Солженицына Н. Д. 144
Соловейчик С. М. 125, 131, 132, 134, 158
Соловьев Н. Ф. 220
Сологуб Ф. 77, 85, 146, 214
Сорин (Sorin) Дж. 43, 230, 248–251
Спано (Spano) Паоло 232, 253
Спивак Ч. 285, 297
Сталин И. В. 84, 90, 189
Станиславский К. С. 214
Статополос Т. 262
Стендаль 126
Стерн Л. 76
Стефенс (Steffens) Л. 41
Столкинд А. Я. 122, 127, 132, 157
Столыпин П. 187
Стравинский И. 261
Стрейм 177
Стриндберг (Strindberg) А. 89, 148, 215
Струве А. П. 114, 155
Студенский (Studensky) П. 277, 280
Судейкин С. Ю. 220
Суздалева Т. Э. 145
Сурович 141
Сухомлин В. 164
Сухотина-Толстая Т. Л. 155
Сытин И. Д. 85, 88, 147, 148
- Т**
Тартак И. Л. 106, 108, 154
Татьяна Марковна — см. Алданова Т. М.
Тейтель Я. Л. 147
Тейтельбаум М. И. 268, 279
Телешов Н. Д. 154, 160
Телешова (урожд. Корзинкина) Е. А. 106, 154
Телицын В. 266
Терапиано Ю. К. 164, 172
Тетро С. 256
- Тибодо Г. 257
Тидгар Д. 219
Тименчик Р. 220
Толкачев К. А. 160
Толстой Л. Н. 57, 75–78, 117, 126, 156, 214, 215
Томаский А. 46
Томашевский Б. В. 220
Томский М. П. 90
Топер И. М. 46
Триббл К. 172, 180
Троцкая (урожд. Шварцберг) А. Р. 110, 111, 128, 129, 131, 132, 134, 135, 138–141, 144, 154
Троцкая Е. В. 84
Троцкая М. В. 84
Троцкая-Зильберквейт З. С. 84
Троцкий (наст. Бронштейн) Л. Д. 82–85, 90, 145
Троцкий А. О. 83
Троцкий В. Н. 83
Троцкий Илья Маркович 56, 60, 82, 83, 85, 88–101, 103, 104, 106–113, 116, 119–123, 125–132, 134, 135, 137–141, 144, 145, 147–149, 151, 153, 154, 158–161
Троцкий Исаак Моисеевич 84
Троцкий Максим 83
Троцкий Н. А. 83, 145
Троцкий Н. Н. 84
Троцкий П. 83
Троцкий-Сенютович В. Н. 84
Трумэн (Truman) Гарри 139, 161
Трюдо (Trudeau) Эдвард 284, 297
Тургенев И. С. 76, 77, 155
Турков (Turkow) М. 97, 150
Туровская Н. 259, 265
Туровская Э. 255, 259, 263, 264
Туровский Ю. Ф. 255, 256, 258–261, 263–265
Тшциньский А. 247
Тэффи (Надежда Лохвицкая) 122, 164
Тютчев Ф. И. 144
- У**
Уайльд О. 215
Уолтон 264
Уральский М. 60, 82

Урицкий М. С. 90
Урусов (Urussov) С. Д. 72, 73, 81
Уствольская Г. 264

Ф

Фесенко Т. П. 165, 172
Филиппи М. 269
Финкельштейн К. 78
Фирфукс — см. Фукс Г.
Флак (Флак-Фокшаян) Л. 176, 181
Флейшман Л. 144, 150
Фрейд Э. 202
Фрейдус А. 67, 79
Фрейкман-Хрусталёва Н. 16
Фридлендер Г. М. 92
Фридман (Friedman) У. 285
Фрумкин Я. Г. 85, 106, 124, 132, 145,
147, 162, 191
Фукс (Fuchs) Г. 211, 219

Х

Хаббард 278
Хазан Вл. 148, 201, 219, 220
Хаймович Б. 243, 247, 250, 253, 254
Ханин (Chanin) Н. 101, 103, 105, 152
Хант У. 242
Хейфец Л. 281, 282, 297
Хелприн (Гельперн, Гальперин) М. 66
Хемингуэй Э. 127, 129, 130, 158
Херберштейн (Герберштейн, Herber-
stein) З. фон 69, 80
Хилл Дж. 80
Хиллковиц Ф. 285, 297
Хименес Р. Х. 160
Хиршбейн (Hirshbein) П. 208, 219
Холлард Г. 265
Хофман Б. (Ben-Tsion Hoffman) 205
Хрушев Н. С. 273

Ц

Цветаева М. И. 136, 160
Цвибак — см. Седых А.
Цейтлин Е. 193
Цетлин М. 152, 164
Цетлина (урожд. Тумаркина) М. С.
102, 103, 119, 152, 153
Цивьон 206, 214, 216

Ч

Чайковский П. И. 258
Чаплин Ч. 257
Чарный С. 246
Чеквер Р. С. 166, 172
Ченг Б. 256
Черни Б. 256
Чернов В. М. 85, 91, 146, 149
Чернышев А. 156
Чернышевский Н. Г. 77
Черчилль (Churchill) У. 121, 156
Чехов А. П. 148, 181, 283
Чириков 214
Чуковский К. И. 146, 149

Ш

Шалит Ш. 152
Шатц (Schatz) А. 283, 297
Шаффер М. 263
Шаховская З. А. 160, 165, 172
Шац Б. 237, 253
Шейнер Ю. 127, 129, 132, 158
Шекспир У. 76, 214, 215
Шерток М. 202
Шессен Серж де (Шерешевский Сер-
гей) 95, 96, 121, 150
Шестов Л. 146, 202, 203, 219
Шиллер Ф. 214
Шифф Дж. 21, 22, 63, 65, 66, 70–74,
78, 80
Шкловский В. Б. 155
Шлезингер (Schlesinger, урожд. Троц-
кая) Т. И. 60, 135
Шмелёв И. С. 117
Шнитке А. 258, 259
Шницлер (Schnitzler) А. 89, 148, 215,
221
Шолохов М. А. 129, 130, 135, 159
Шопен Ф. 283
Шостакович Д. Д. 258
Шоу Б. 179, 215, 262
Шполянская Н. М. 138, 139, 141, 160
Шрагин Б. И. 184, 192
Штампфер Ш. 247
Штейн С. 229
Штейнберг А. З. 203, 204, 219
Штернберг И. 229
Штольцман Г. 230

Шуб Д. Н. 90, 91, 149
Шуберт Ф. 257
Шулкин А. 229

Щ

Щербаков Евг. 108, 154

Э

Эванджелиста Х. 258
Эдлина Л. 255
Эйзенштейн Дж. 67
Эйкалович Е. А. 185, 192
Эйтингон М. 202, 203
Эллис 51
Эпштейн М. Н. 188, 192
Эпштейн С. Е. 46
Эренбург И. Г. 181, 199
Эставес А. 264
Эткинд А. 200, 219
Эттингер И. Я. 46

Ю

Юденич Н. Н. 153
Юдовиц 285
Юниверг Л. 172
Юренева В. 220
Ютер (Yuter) Дж. 244
Юшкевич 214
Ющинский А. 161

Я

Яворская Л. Б. (кн. Барятинская,
урожд. Гюббенет) 215, 221
Якобсон В. И. 46
Якобсон Р. 164, 172
Яновский В. 164
Ясная Р. 267
Ясный Н. Х. 267–273, 279, 280
Ясный Х. 267

А

Abel Sh. — см. Абель Ш.
Adler C. 81
Allen R. V. 43

В

Baigell M. 248
Baykov A. — см. Байков А.
Berkson I. B. 41
Berman M. 37
Berrol S. 78, 81
Bethmann Hollweg T. — см. Бетман
Гольверт Т.
Böök F. M. — см. Бёёк Ф. М.
Brehmer H. — см. Бремер Г.
Bull F. — см. Булл Ф.
Bulow B. — см. Бюлов Б.

С

Sahan A. — см. Каган А.
Churchill — см. Черчилль У.
Cohen N. — см. Коэн Н.
Cooperman B. 179
Croce B. — см. Кроче Б.
Cylus R. 247, 250

Д

Davitt M. 81
Degras J. 279
Diner H. R. — см. Дайнер Хася.
Djin Nodar — см. Джин Н. Я.
Dobkowski M. 43
Dorfman B. 249
Dorfman R. 249
Draper T. 219
Dubrovsky G. 78
Davis — см. Девис Р.

Е

Edgar F. 66
Epstein M. 41
Fedoulova R. 155

Ф

Fishof I. 253
Friedman W. — см. Фридман У.

Fuchs G. — *см.* Фукс Г.
Fuchs J. 66

G

Ganz H. — *см.* Ганц Х.
Gates — *см.* Гейтс.
Gershencron A. — *см.* Гершенкрон А.
Ginor I. 219
Gitelman Z. 246
Goldberger H. 66
Green S. — *см.* Грин С.
Grosset J. — *см.* Гроссе Ж.
Gruber S. — *см.* Грубер С.

H

Handlin O. 43
Haskell R. 265
Hecht D. L. 252
Heifets L. — *см.* Хейфец Л.
Heinze A. R. 41
Heller M. 79
Herscher U. 78, 79
Herzog E. 249
Higham J. 43
Hirshbein P. — *см.* Хиршбейн П.
Hoffman B.-T. — *см.* Хофман Б.
Horowitz B. — *см.* Горовиц Б.
Howe I. 40, 41
Hubka T. C. 249

I

Iseman M. 281
Israelowitz O. — *см.* Исразловиц О.

J

Jacobs F. — *см.* Джейкобс Ф.
Jasny N. — *см.* Ясный Н. Х.
Joseph S. 40

K

Kampf A. — *см.* Кампф А.
Kasinec E. 80
Kennan G. F. — *см.* Кеннан Дж.
Kennedy E. — *см.* Кеннеди Е.
Klier J. 81
Koegel D. — *см.* Кугель Д.
Kohut R. 79

Kotlyar E. — *см.* Котляр Е.
Kucher K. 145

L

Lagerkvist P. — *см.* Лагерквист П. Ф.
Laird B. A. 279
Laird R. D. 279
Lamboza Sh. 81
Lamm M. — *см.* Ламм М.
Laxness H. — *см.* Лакснесс Х. К.
Lohfink N. 79
Lubove R. 41
Lucie R. — *см.* Люсье Р.

M

Malinowski J. 251
Marcus J. R. 37
Markow R. — *см.* Марков Р.
Marquis A. N. 37
McBee R. 252
Menes A. — *см.* Менес А.
Mitchison D. — *см.* Митчисон Д.
Moscovit A. — *см.* Ефимов И. М.
Murray Z. 250

N

Nekrasov N. A. — *см.* Некрасов Н. А.
Nies K. — *см.* Нис К.
Nove A. 279

O

Olinsky H. 79
Osofsky G. 37

P

Pařk A. 247
Pauly F. 66
Peck A. J. 78
Piąkowska R. 251
Polakoviá D. 247
Pollak G. 39
Polland A. — *см.* Полланд А.
Prescott O. — *см.* Прескотт О.

R

Raeff M. — *см.* Раев М.
Rajner M. 248

Raphael M. L. — *см.* Рафаэль М. Л.
Remez G. 219
Richter J. H. 279
Riis J. — *см.* Рис Дж.
Rischin M. 41, 42, 79
Rodo I. 248
Rosenthal H. — *см.* Розенталь Г.
Roskies D. G. 249
Rothenberg J. 249
Rubinow I. M. 43
Russell B. — *см.* Рассел Б.

S

Sabar Sh. 249
Sachar H. M. — *см.* Сакер Г.
Sack B. G. 251
Sarna J. D. 39
Schlogel K. 145
Schoenberg P. E. 81
Schulte J. 219
Shell M. 79
Simon R. J. 42
Simonsen D. — *см.* Симонсен Д.
Sixtova O. 247
Sollors W. 79
Sorin G. — *см.* Сорин Дж.
Soubron O. 66
Soyer D. 248
Steffens L. — *см.* Стефенс Л.
Stolzman H. 251
Studensky P. — *см.* Студенский П.
Suchy B. 145
Sudermann H. — *см.* Зудерман Г.
Sylwan O. — *см.* Сильван О.
Szajkowski Z. 39
Sztyma-Knyasiecka T. 251

T

Tabachnikova Olga 219
Tauben S. 247
Tcherikower E. 78
Thun G. 145
Trotzki Eliachu — *см.* Троцкий Илья Маркович.
Trudeau E. — *см.* Трюдо Э.
Truman G. — *см.* Трумэн Г.
Turkow M. — *см.* Турков М.

U

Urussow S. — *см.* Урусов С. Д.

W

Waksman S. A. — *см.* Ваксман З. А.
Weingard M. 80
Weiser B. 247
Wengeroff P. — *см.* Венгерова Песселе.
Wenkart H. 179
Whittaker C. H. 80
Wilmers M.-K. 219
Wischnitzer R. — *см.* Вишницер Р.
Wiśiewski T. 246
Wolfe G. R. — *см.* Вольфе Дж.

Y

Yaniv B. 248
Yourke E. 181
Yuter J. — *см.* Ютер Дж.

Z

Zangwill I. — *см.* Зангвилл И.
Zborowski M. 249

Содержание

<i>Зальцберг Э.</i> Предисловие	5
---------------------------------------	---

ИСТОРИЯ

<i>Путятова Э.</i> Русские евреи в Бразилии	9
<i>Журавлева В.</i> Русский еврей в Америке: Прайс и Рубинов о себе и судьбах эмиграции	18
<i>Серков А.</i> Российские масоны-евреи в США	44
<i>Горовиц Б.</i> Еврейский мандарин с восточноевропейским прошлым в современном Нью-Йорке (1881–1917)	62
<i>Уральский М.</i> Илья Маркович Троцкий — публицист, общественный деятель, ходатай за русских литераторов в изгнании	82

ЛИТЕРАТУРА

<i>Кунелт Х., вступит. статья, публ. и коммент.</i> Неопубликованный рассказ С. Ю. Прегель	163
<i>Триббл К.</i> Фаина Афанасьевна Венгерова (Слонимская)	173
<i>Ефимов И., вступит. статья и коммент.</i> Нодар из Вашингтона	183
<i>Цейтлин Е.</i> Свой голос на чужих берегах	193

ИСКУССТВО

<i>Хазан В., Лемстер М.</i> Сионист с театральным шармом (Штрихи к портрету Иешуа Гордона, или Страничка из истории идишского театра в США)	201
<i>Котляр Е.</i> Восточноевропейская синагогальная декорация и мир идиш-кайта в эмиграции: росписи белостокской синагоги в Нью-Йорке	222
<i>Зальцберг Э. Ю.</i> Туровский — виолончелист, дирижер, педагог	255

НАУКА

<i>Телицын В.</i> Наум Ясный	266
<i>Хейфец Л.</i> Угроза эпидемий неизлечимого туберкулеза	281
Об авторах и редакторах	298
Именной указатель	303

РУССКИЕ ЕВРЕИ
В АМЕРИКЕ

Книга 9

Редактор-составитель
Эрнст Зальцберг

Ответственный редактор *С. В. Смоляков*
Технический редактор *А. Б. Левкина*
Корректор *О. Т. Михайлова*
Художник *П. П. Лосев*
Оригинал-макет *А. Б. Левкина*

Издательский Дом «Гиперион»,
191180 Санкт-Петербург, Фонтанка, д. 78.
Тел./факс +7 (812) 315-4492, +7 (812) 591-2853
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

ISBN 978-5-89332-234-7

Сдано в набор 06.02.2014. Подписано в печать 17.05.2014.
Усл. печ. л. 19,3. Формат 60x88¹/₁₆. Печать офсетная.
Тираж 300 экз. Заказ № 547

Отпечатано в типографии ООО «Контраст»,
ooocontrast@yandex.ru,
<http://pechatnick.com/company/kontrast>,
+7 (921) 743-07-63, +7 (812) 677-31-19

